

СЕКЦИЯ «ПСИХОЛОГИЯ»**ПОДСЕКЦИЯ «МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ»****Методологическое развитие идей Л.С.Выготского А.Р.Лурией***Буланова Анна Александровна**Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия**E-mail: ansavina@rambler.ru*

Внесение в отечественную психологическую науку исторического подхода к развитию психических процессов человека, борьба за создание конкретно-психологической теории сознания и в связи с этим углубленное экспериментальное изучение развития понятий у детей, разработка сложного вопроса о соотношении обучения и умственного развития ребенка - таков был вклад Л.С. Выготского в отечественную психологию в период ее формирования как независимой науки.

Материалистическое понимание психической деятельности человека получило в России во второй половине 19 в. и в начале 20 в. солидную научную основу. Она была создана философскими трудами отдельных мыслителей, работами И.М. Сеченова и И.П. Павлова.

Л.С. Выготский был одним из первых отечественных авторов, который оценил всю важность для психологии проблемы сознания, эта проблема стала в центре его психологических исследований, которые шли с позиций исторического подхода к психике человека.

Гипотеза Л.С. Выготского, которая была положена им в основу его дальнейших работ, заключалась в том, что психические процессы изменяются у человека так же, как изменяются процессы его практической деятельности.

Учение о системном строении сознания было первым, быстро пройденным этапом развития идей Л.С. Выготского, возникла новая задача - психологически исследовать значение, его происхождение и законы, по которым оно строится. В своей новой форме значение представлено в слове.

Значение слова никогда не исчерпывается указанием на одну индивидуальную речь, значение слова – это то обобщение, которое фиксировано им, это также система связей и отношений, которая им обозначается. Общество, его наука, его язык – все это является системой значений и чтобы изучить значение слова, необходимо изучить систему процессов, которая реально вызывается к жизни употреблением данного слова. Чтобы изучить значение слова, нужно изучить ту систему процессов, которая реально вызывается к жизни употреблением данного слова, опосредствующего объективного содержания, которое обобщенно отражено в его значении.

Далее Л.С. Выготский раскрывает функцию слова в процессе формирования понятия, тем самым, в противоположность Н. Аху (для которого основным фактором была задача, цель, порождающая «детерминирующую тенденцию»), главная проблема заключалась в изучении умственных процессов, приводящих к образованию понятий.

Как показывали экспериментальные исследования, процессы функционального употребления слова могут быть глубоко различными. В одних случаях эти процессы состоят в выделении признаков на основе непосредственно чувственных впечатлений, в других они заключаются в объединении объектов по их участию в конкретной ситуации, также они могут заключаться в установлении соотношений между различными обобщенными признаками.

Л.С. Выготским выделены основные ступени развития обобщений: от непосредственно-чувственного к наглядно - ситуационному и от него к логическому, понятийному, что стало одним из важнейших достижений отечественной психологии.

Это привело Л.С. Выготского к смысловому и системному строению сознания.

Исследование развития понятий Л.С. Выготским, несмотря на имевшуюся критику некоторых методических приемов, внесло вклад в экспериментальное изучение мышления.

А.Р. Лурия, фактически продолжил исследования по психологической программе Л.С. Выготского на материале органических и функциональных нарушениях работы головного мозга. Системное осмысление идей Л.С. Выготского А.Р. Лурией позволило последнему разработать теорию динамической локализации высших психических функций, что стало огромным вкладом не только в развитие отечественной нейропсихологии, но и мировой психологической науки в целом.

Выделение позиции субъекта жизненного пути в автобиографическом нарративе человека.

Преображенская Анастасия Олеговна

аспирант

*Московский Городской Психолого-Педагогический Университет,
факультет «Психологическое консультирование», г. Москва, Россия*

E-mail: orchid@land.ru

Категория субъекта жизненного пути несёт в себе большой потенциал в рамках исследования механизмов и закономерностей психологического консультирования, которое, в отличие от категории субъект, представляет собой наименее исследованный пласт психологического знания. Автобиографическим нарративом мы будем называть историю жизни человека, рассказанную им самим. Посредством нарратива человек создаёт собственное описание действительности и себя в этой действительности, а так же реализует отношение к ней в виде стабильных конструктов. Применительно к понятию «нарратив» категория субъекта жизненного пути требует конкретизации в силу своего широкого спектра применения и высокой степени абстракции. Для этих целей мы вводим в исследование концепта «авторская позиция», которая в качестве метки будет представлять категорию субъект применительно к анализу нарратива. Авторская позиция – инстанция нарратива, отвечающая за: организацию событий истории жизни; придание им смыслов; принятие человеком на себя ответственности за этот процесс.

Нами было проведено исследование, в ходе которого мы анализировали тексты единичных психологических консультаций. Выбор текстов консультаций в качестве материала исследования позволял более наглядно проследить появление и развитие знаков авторской позиции, потому как в процессе диалога клиента с психотерапевтом они активно изменялись и имели вполне определённую динамику. Параметры авторской позиции (позиции субъекта жизненного пути) в тексте консультации:

1. Убеждения (базовые допущения в тексте). Воплощают в себе смыслы человека, его представления о «правильном» и «неправильном» (моральные оценки).
2. Грамматическая конструкция предложений и вводные конструкции (показывают отношение говорящего к тому, о чем он повествует).
3. Метафоры - является знаком обращения клиента к «резервуару» собственных смыслов.
4. Время, используемое автором для описания собственной жизни.
5. Характеристика автора с позиции литературоведения: повествовательная роль автора - активная/ пассивная; характеристика героя - непосредственная/ опосредованная, индивидуальная/ типовая, внешняя/ внутренняя; нарративная характеристика автора - степень генерализации или глубина знания в нарративе: ведётся ли рассказ с позиции превосходства нарратора над другими участниками, равенства с ними, или подчиненности знанию и мнению актантов; точка зрения автора - удалённость от повествуемых событий или эффект присутствия.

В ходе исследования было показано, что наиболее информативным является анализ убеждений, грамматической конструкции предложений и характеристики автора с точки зрения литературоведения. Эти параметры авторской позиции в наибольшей степени связаны с изменением автобиографического нарратива клиента и с разрешением его основного конфликта. Разрешение основного конфликта, с которым человек обратился на консультацию, по всей видимости, связано с увеличением употребления пред-

ложений с «я» в именительном падеже (вместо «меня») и внутренних предикатов (глаголов, описывающих внутреннюю позицию человека); с изменением убеждений; с изменением позиции автора – увеличением активности, внутренним, индивидуальным и непосредственным описанием героя и свободным изменением его точки зрения.

Четыре образа мира

Сонькин Виталий

аспирант

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

В начале нашего рассуждения необходимо еще раз сказать, как мы понимаем предметное значение, чтобы из этого строить логику дальнейшего рассуждения и исследования.

Напомним, что значение вообще – «это ставшее достоянием моего сознания обобщенное отражение действительности, выработанное человечеством и зафиксированное в форме понятия, значения или даже в форме умения как обобщенного «образа действия», формы поведения и т.п.» (А.Н. Леонтьев). Это довольно широкое определение подчеркивает пограничную позицию значений между общественным и личным, между субъективным (осмысленным) и объективным (относящимся к миру). Очевидно, что значения формируются в онтогенезе в ходе индивидуальной деятельности, предзаданной социальным окружением. Благодаря интериоризации, присвоению значений, мы научаемся жить в этом культурном мире.

Из самого определения следует, что существует несколько видов значений. Они определяют все наше взаимодействие с миром и окружающими нас людьми. Но в данной работе нас интересует только два вида значений, благодаря которым, через которые, собственно, мы встречаемся с этим миром. Конечно, имеются в виду вербальные и предметные значения.

Необходимым оказалось показать разницу, которая есть между этими двумя видами значений, чтобы определить и разделить их функции, последовательность появления в онтогенезе, значимость для освоения мира. Не вдаваясь в подробности, отметим здесь, что вербальные значения основаны на предметных, причем не только с точки зрения нейропсихологических и возрастных исследований, но и по мнению многих философов и психологов.

Достаточно очевидно, что вербальные значения нами усваиваются, в то время как предметные – осваиваются. Исходя из этих предпосылок, мы делаем вывод, что первоначально образ мира основывается, образуется из предметных значений. Это понятно, ведь наш мир видимый, осязаемый, чувственный, познанный нами в деятельности, а не абстрактный и умозрительный.

Может быть целесообразной следующая модель восприятия нами мира:

Существует мир объективный, который мы хотим и пытаемся познать, с которым мы взаимодействуем так или иначе, но охватить который целиком не представляется возможным.

Есть та сторона этого мира, с которой мы встречаемся в ходе нашей деятельности, с которой мы, собственно, взаимодействуем. Эта встреча происходит с помощью предметных значений, благодаря которым у нас создается образ мира. Это тот реальный мир, в существовании которого сложно усомниться без специальных умственных упражнений. Этот образ мира не меняется кардинально и развивается благодаря усложнению или возникновению новой деятельности.

Со временем появляются представления об этом мире, не представленные напрямую в образе мира. Они основываются на вербальных значениях с того момента, как вербальные значения начинают охватывать более широкий диапазон феноменов, чем предметные. Этот мир, основанный на вербальных значениях, выходя за пределы предметной отнесенности, стремиться к описанию и познанию всего Мира объективного. Точнее всего это образование следует назвать мировоззрением (или образом мироздания). Именно его преподают в школе, зачастую отрываясь от образа мира слишком рано и бесповоротно. В этой структуре возможны большие изменения и глобальные потрясения, когда из нее же самой или из образа мира исходят слишком противоречащие друг другу послышки и личность вынуждена искать компромиссы и создавать, в конечном итоге, новое мировоззрение. Пожалуй, это одна из самых интересных и мало изучаемых структур личности, неохватная и мотивирующая, к которой действительно страшно подступиться.

Наконец последняя структура, но очень важная и, должно быть, первая по очередности возникновения в онтогенезе. Она основана на личностных смыслах, трудно выразима словами и привлекающая глубинных психологов. В ней представлено все иррациональное и необъяснимое, то, что Юнг называл архетипическим, это наши представления, переживания, отношения, чувства не укладывающиеся в мировоззрение, но сильно влияющие на нас и субъективно очень важные и значимые.

(Похожее разделение мы нашли у Бинсвангера. Он выделяет три стороны мира: внешний мир, окружающая среда; совместный мир; собственный мир. У него совершенно другие основания и цели для этого дробления, но можно провести некоторые аналогии. Заметим только, что Бинсвангер делал акцент на том, чтобы понять индивидуальный мир.)

Нам представляется, что идеальным вариантом развития этих трех миров, стремящихся к первому, объективному, было бы их слияние и взаимообогащение, когда образ мира без искажений отображает мир, мировоззрение основано на образе мира, включает его и, из него развиваясь, дополняется и усовершенствуется, стремясь к охвату всего мира. Последняя же часть, иррациональная, в идеале максимально осознана и интегрирована непротиворечивым образом в мировоззрение.

Возвращаясь к школьному обучению, мы видим явное рассогласование образа мира и мировоззрения. Имея гору знаний о мире, представленную вербальными значениями, педагоги часто пытаются просто нахлобучить ее на тот образ мира и то мировоззрения, которые уже есть у ребенка. Зачастую учебная деятельность мотивируется положительным или отрицательным подкреплениями, социальными мотивами, но только не мотивом познания мира, поскольку учащемуся очень трудно соотнести эту громаду мировоззрения с его собственным, персональным образом мира. Отсюда и эффективность образования, поскольку в памяти не сохраняется переизбыток информации, не имеющий отношения к личности ребенка. Подавление природной любознательности ребенка ведет ко многим последствиям, о которых не место здесь говорить. Мы полагаем, однако, что, основывая мировоззрение на образе мира (который весьма схож у людей, принадлежащих одной «предметной» культуре), и выводя его из этого образа, можно создать интегрированную, непротиворечивую систему у ученика, которая будет важна ему как то, что позволяет лучше понять этот мир.

Итак, задачей нашего исследования должно быть изучение формирования мировоззрения на основе образа мира, или теоретического (вербального) знания с помощью предметных значений. Наиболее интересным нам кажется использование такого материала, который был бы системообразующим для мировоззрения и мог быть основан на образе мира учащегося.

Цель, которую мы ставим перед собой – исследование формирования мировоззрения и роли в этом предметных значений.

Закончим это весьма предварительное и неполное размышление о предстоящем исследовании цитатой из «Семиосферы» Ю.М. Лотмана, в которой он подчеркивает важность предметных значений в формировании мировоззрения:

«Важной особенностью пространственных моделей, создаваемых культурой, является то, что, в отличие от других основных форм семиотического моделирования, они строятся не на словесно-дискретной, а на иконически-континуальной основе. Фундамент их составляют зрительно представимые иконические тексты, вербализация же имеет вторичный характер. Такой образ вселенной легче протанцевать, чем рассказать, нарисовать, слепить или построить, чем логически эксплицировать. Работа правого полушария головного мозга здесь оказывается первичной».

Психологическое исследование в контексте постнеклассической рациональности

Стебаков Дмитрий Александрович

аспирант

Институт философии РАН, сектор философии науки, Москва, Россия

E-mail: absans@list.ru

Психологическая наука развивалась и развивается в контексте развития научного знания в целом. Но сам процесс эволюции научного знания нельзя назвать кумулятивным – в его течении можно выделить по крайней мере три крупных качественных скачка. Речь идет

о самом появлении классической рациональности, а также о преобразовании ее в неклассическую, и постнеклассическую формы. Методология психологического эксперимента формировалась изначально в лоне классической науки, что отложило на нее определенные отпечатки. Цель данной работы поэтому – интерпретировать некоторые основополагающие понятия экспериментальной психологии в контексте новой рациональности.

Триумф квантовой физики в первой половине прошлого столетия ввел в научный дискурс доселе чуждый классическому детерминистскому мировоззрению элемент вероятности. Была осознана принципиальная неустранимость вероятности в научном познании, что вызвало к жизни новый язык вероятностной науки – от описания свойств, которые могут быть случайными, к описанию общих закономерностей, складывающихся из ряда случайностей. Однако явление это имеет и более глубокий, мировоззренческий и методологический смысл, который связан с преобразованием понимания одной из базовых эпистемологических категорий – категории истины.

Категория истины в ходе развития мысли неоднократно переосмыслялась. Если античная истина – это «явленность», «несокрытость»; средневековая истина – «ученость», то истина Нового времени есть «достоверность». Достоверность эта покоилась на прочном фундаменте классической картины мира как полностью поддающейся исчислению системы сил и взаимодействий. Отсюда – беспримерный эпистемологический оптимизм и, характерная для науки Нового времени, прямая онтологизация результатов эксперимента. Само звено средств измерения и субъекта, его производящего, полностью исключается из научной рефлексии. Это звено абсолютно прозрачно – природа вознаграждает экспериментатора истинным знанием. Однако с развитием науки, перестроился и идеал истины.

Как уже говорилось выше, с рождением квантовой физики и возобновлением интенсивной рефлексии над природой и движущими силами науки, произошли коренные перестройки в понимании истинности получаемых в экспериментах результатов. Истина стала рассматриваться в двух чуждых классической науке контекстах – в контексте теории вероятности (вероятностная истина) и в контексте соглашения внутри научного сообщества (конвенциональная истина).

Достоверность результатов эксперимента в психологии на современном этапе оценивается посредством определения его валидности. Степень соответствия реального эксперимента идеальному отражает понятие «внутренняя валидность». Предполагается, что идеальный эксперимент в качестве результата имеет абсолютно истинное знание об изучаемой реальности, и от того, в какой мере реальный эксперимент соответствует требованиям эксперимента идеального, зависит степень соответствия его результатов истинному знанию об объекте. Однако понятие идеального эксперимента и понятия, связанные с ним, содержит в своей сути еще один конструкт, представляющий собой основание всей категориальной пирамиды. Речь идет об «интерпретативных теориях».

Интерпретативные теории есть множество принятых базисных предположений, непосредственно вкрапленных в экспериментальную технику, в свете которых ученый интерпретирует факты. Но, применяя эти предположения, ученый рассматривает их не как теории, подлежащие проверке, а как непроблематичное исходное знание, background knowledge, которое принимается условно бесспорным на время проверки гипотез. В качестве интерпретативных используются наиболее успешные теории, и их список гораздо шире, нежели список теорий проверяемых.

Определить истинность подобных теорий невозможно, однако в непосредственном исследовании они условно считаются истинными. Природа такого рода допущений конвенциональная – они приобретают институциональный характер и одобряются научным сообществом.

Поэтому содержание понятия идеального эксперимента должно наряду с прочим, включать непротиворечивое, истинное, а потому абсолютно «прозрачное» звено метода в цепочке, соединяющей реальность, полученные в эксперименте факты, и индуктивно выведенные из них суждения. В оценке же внутренней валидности реального эксперимента следует учитывать высокую вероятность того, что это звено может с полным правом быть подвержено фальсификации, и в качестве следствия возможна фальсификация всей цепочки и ее надстроек.

Что же касается вероятностного понимания истины, то этот конструкт также плотно сросся с тканью не только квантовой физики, но и гуманитарных дисциплин. В психологическом исследовании вероятностное определение истины выражается в категориях валидности.

Как уже говорилось выше, современная наука в качестве фундамента опирается на множество условных базовых предположений, одобренных научным сообществом, истинность которых не является однозначной. Эти интерпретативные теории в той же мере подвержены эволюции, в которой эволюции подвержено знание, располагающееся выше по иерархической лестнице. Отсюда – смена типов научной рациональности, смена парадигм и частных теоретических моделей. Поэтому, когда мы говорим о внешней валидности как о соответствии результатов эксперимента изучаемой реальности, то имеем в виду не саму реальность, а определенные, санкционированные научным сообществом представления об этой реальности в рамках текущей парадигмы, и оцениваем это соответствие по вероятностному принципу. Другие же типы валидности характеризуют различные соответствия в самом теле методологии, основанной на «соглашении» и отражают частные аспекты вероятностного определения истины.

Подводя итог сказанному, охарактеризуем современное состояние науки в контексте постнеклассической рациональности. Во-первых, и естествознание, и гуманитарные дисциплины в настоящее время опираются на вероятностные исчисления собственных результатов. Во-вторых, осознается зависимость результатов исследования как от средств, так и от самой ситуации измерения. В-третьих, признается роль вненаучных (социокультурных) факторов динамики научного знания наряду с факторами внутринаучными. Наконец, в-четвертых, объекты естественных наук все чаще становятся ненаблюдаемыми, идеальными конструктами (например, виртуальные частицы) – подобными объектами, зачастую, оперирует и психология. Поэтому на данный момент критика психологического эксперимента в сравнении с экспериментом естественнонаучным, представляется исчерпанной.

Литература

1. Дружинин В.Н. Экспериментальная психология. СПб.: Питер, 2001.
2. Кун Т. Структура научных революций. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.
3. Кэмпбелл Д. Модели экспериментов в социальной психологии и прикладных исследованиях. М.: Прогресс, 1980.
4. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. В кн. Кун Т. Структура научных революций. М., 2003.
5. Окунь Л.Б. Физика элементарных частиц. М., 1988.
6. Поппер К. Предположения и опровержения. М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004.
7. Степин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А. Философия науки и техники. М., 1996.
8. Lenk H. Pragmatische Philosophie. Hamburg, 1975.

Влияние социальных факторов на методологию и категориальный аппарат психоаналитического знания

Ходаковская Эмилия Николаевна

соискатель

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: emilkh@yandex.ru

Публикации первых произведений Фрейда и особенно его писем к Флиссу позволяют связывать рождение психоанализа с самоанализом Фрейда. Сегодня уже никто не пишет, что фрейдизм – лишь слабо систематизированное прочтение интерпретаций, и что если сам метод и стоит принять, то теория должна быть полностью отброшена (Далбье); уже никто не утверждает, что психоанализ – лишь психология обезьян (Ален).

Каково же место психоанализа? Это плохая наука с точки зрения биологии, плохая техника с точки зрения медицинской практики, запутанная, спонтанная философия. Если в пятидесятые годы он оказывал влияние на культурную среду, вносил что-то новое в

психологию и социологию, то возвращение его влияния было настолько искажено, что многие задаются вопросом, было ли это новое признание скорее знаком неприятия.

Подобные сомнения по поводу природы психоанализа проявляются в сложности определения его социального статуса (например, его четкого места по отношению к медицинской практике) или же в дискомфорте аналитика, который хорошо видит, что обладает властью гораздо меньшей, нежели заключена в его инструменте. На чем основана и что преследует техника, которой он располагает?

Когда мы говорим техника, мы говорим власть над другим во имя осведомленности и признание этой власти группой, в которую аналитик привносит удовлетворение. Оно не локализуется непосредственно, так как велика разница между ролью психоанализа, действующего как квазиснование, и его действием, которое не может быть учтено в медицинской статистике. На уровне терапевтических действий мы рискуем упустить культурную функцию психоанализа, которая не предусмотрена в некоторых, часто сильно сокращенных, психотерапевтических техниках, тем не менее настаивающих на том, что они ею руководствуются.

В Европе еще возможно отличить истинный психоанализ от его социальной проекции. Американский же аналитик находится на вершине иерархии экспертов человеческих отношений. В США существуют специфические культурные условия, служащие причиной такого положения вещей. Именно группа со своим способом существования рассматривается там как единственный критерий, одновременно мощный и вариативный, в соответствии с которым индивидуум может чувствовать себя лишь четвертованным коллективными отношениями (которые ставятся перед ним как готовые модели) в попытках найти компромисс между их требованиями.

Показательно, что приведенная социальная специфика наряду с другой отличительной чертой противоречивого американского общества – изменчивостью – служат причиной частого употребления механистического термина «регулирование» в англоязычной литературе в отличие от французской, практикующей более биологический термин «адаптация». Говоря об «адаптации», мы говорим о неустойчивом согласовании относительно сбалансированного организма и относительно константной среды; тогда как «регулирование» подразумевает изменчивость среды, и только среда при этом может быть предметом обсуждения.

Проекция изначальных идей Фрейда на мировые культуры привела к размыванию научного направления, смещению культурной функции психоанализа, появлению социологизированных акцентов и естественным образом подвела исследователей к необходимости «переоткрытия» Фрейда, возвращения к исходным текстам, а не к их интерпретациям и интерпретациям интерпретаций. В частности, в этой связи представляется необходимым всесторонний анализ концептов психоанализа в контексте их многоязычного употребления и в детальном соотношении с первоисточником, что мы и наблюдаем в неофрейдизме, структурном психоанализе Лакана и других течениях.

Методологические основания различения естественных и искусственных классификаций в психологии

Шилко Роман Сергеевич

преподаватель, кандидат психологических наук

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: shilko@psy.msu.ru

Работа выполнена в рамках исследовательской программы гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых (проект № МК-3637.2005.6).

Учет методологических принципов и исторических традиций развития научного психологического знания позволяет различать классификации естественные и искусственные.

Одним из первых подробную характеристику естественному и искусственному видам классификации дал Ампер, в своей работе «Опыт философии науки» он написал: «Мы должны различать два рода классификации, естественную и искусственную. В последней некоторые признаки, произвольно выбранные, служат для определения места каждого предмета; мы отвлекаем все другие признаки, и при этом оказывается, что часто предметы этим способом соединяются или отделяются друг от друга самым странным образом. Напротив, в естественных системах классификации мы берем все существенные признаки предметов, занимающих нас, определяя важность каждого из них; и результаты этого труда мы принимаем только тогда, когда сходятся вместе предметы, представляющие самую близкую аналогию, и группы нескольких порядков, составленных из них, располагаются тем ближе, чем более сходны их признаки. Таким образом и получается всегда род связи, более или менее выраженной, между каждой группой и той, которая следует за ней».

С одной стороны, важно принимать во внимание ту функцию, которую выполняет классификация, то, как она справляется с задачами, которые призвана решать. С другой стороны, следует иметь в виду, что не на всех этапах развития знания классификация решает одни и те же задачи и что в ходе исторического развития знания наблюдается смена видов классификации. Первоначальные группировки бывают несовершенны и поверхностны, поскольку зачастую основываются на произвольно выбранных свойствах изучаемых объектов. И лишь в дальнейшем классификация все более и более совершенствуется: начинает основываться на свойствах, имеющих важное значение для природы классифицируемых объектов, точно и подробно отражая их виды и разновидности.

Искусственная классификация — это прежде всего описательная система, представляющая классифицируемую область в удобной для структурирования и фиксации форме. Распределение объектов по группам в ней осуществляется на основании минимального числа их постоянных, но при этом не обязательно существенных для этих объектов свойств. При этом выбираются такие свойства, которые наиболее заметны и которые определеннее, надежнее, чем другие свойства, отличают друг от друга объекты разных групп. Установленный порядок самих групп в такой классификации носит внешний, формальный характер. Искусственная классификация в большей степени отделяет друг от друга объекты разных групп, равно как и группы, чтобы дать возможность по отдельности обозреть их все, чем соединяет их в единой системе.

В естественной классификации исходят из учета всей совокупности свойств классифицируемых объектов, объединяя последние в группы на основании их наибольшего сходства между собой; то есть на основании постоянно присущих им общих свойств, определяющих множество других сходных свойств этих объектов как известных, так и еще неизвестных, и поэтому являющихся источником максимальной информации о классифицируемых объектах. Эти основные, общие и существенные свойства могут быть различного характера: как внешние, так и внутренние, как явные, так и скрытые.

В искусственных классификациях имеет место доминирование принципов логики. Последняя господствует над классифицируемым материалом, поскольку здесь создается формально стройная, четко расчлененная система, в которой, вместе с тем, не обязательно отражаются естественные соотношения. Напротив, в естественных классификациях содержание определяется главным образом конкретным материалом. Он доминирует над логикой, которая выступает лишь одним из средств его структурирования и распределения.

Существует мнение, что нет и не может быть резкого и точного различия между естественной и искусственной классификациями; что одна отличается от другой только по степени; что всякая группировка, осуществляемая с какой-либо целью, является более или менее естественной, потому что при внимательном рассмотрении она всегда представляет большее сходство, чем то, на основании которого она осуществлена.

Искусственная классификация создается в целях регистрации и удобного распознавания классифицируемых объектов. Естественная — в целях выявления полноты их существенных свойств и связей, постижения их природы, получения о них максимальной информации. Если классификация создается не в рабочих, вспомогательных целях, а со-

ставляет ядро исследования в той или иной области знания, то главной задачей здесь ставится получение естественной классификации. В этом случае естественная классификация обычно завершает собою целый ряд классификационных попыток, создания классификаций, которые более или менее к ней приближаются.

Поэтому закономерно встает вопрос о критериях естественности классификации, о тех ее качествах, которые могут удостоверить, что имеет место именно естественная классификация. Каковы же эти критерии? Если классификация выступает как форма выражения закона или закономерности, то это является убедительным доводом в пользу того, что классификация естественна.

Можно указать условия, которым должна удовлетворять естественная классификация:

- объективность (опора на свойства, важные для классифицируемых объектов, выражающих их природу самих по себе);
- возможность не просто описать, но и объяснить;
- прогностическая сила;
- стабильность, устойчивость по отношению к помехам, к возможным новым открытиям, которые могут нарушить ее строй.

Процесс формирования естественных систем классификации в целом ряде областей науки происходит достаточно сложно и связан с многочисленными трудностями. Это обстоятельство побуждает некоторых специалистов говорить о кризисе понятия естественной классификации, о том, что, может быть, стоит отказаться от деления классификаций на естественные и искусственные и различать лишь целесообразные и нецелесообразные классификации.

В истории науки развитие знания здесь шло от искусственных классификаций к выделению естественных групп и далее к формированию целостных систем естественных классификаций.

Осмысление проблемы метода в социально-психологическом исследовании

Яшина Алина Александровна

старший преподаватель кафедры психологии

Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия

E-mail: alinaysh@yandex.ru

В современной парадигме социального конструктивизма проблема методов стоит особенно остро. Тема объективности эмпирических данных, валидности в социально-психологическом исследовании является лейтмотивом многих научных работ по методологии.

Когда предметом исследования становится нечто неуловимое, не имеющее четких границ, создаваемое в межсубъектном взаимодействии, то возникающее, то ускользающее от возможности «схватывания», то во много раз труднее решить вопрос о методологии исследования.

Можно с уверенностью сказать, что качественный подход – это выбор иной точки зрения на проблему, нежели та, которую предполагает позитивистски ориентированное исследование. При использовании качественной стратегии отправная точка исследования достаточно неопределенна.

Если исходить из социальной детерминированности изучаемого феномена, то качественный подход оказывается неадекватен, он не в состоянии очертить содержание явления. Однако и среди методов качественного порядка довольно нелегко определить адекватный контексту исследования.

В настоящей статье мы излагаем собственное видение проблемы методов, не приводя здесь результатов эмпирического исследования.

Для большего понимания хода дальнейших рассуждений обозначим область нашего научного поиска. В центре исследовательского интереса находится «молодой преподаватель» вуза. Этот статус с формальной стороны определяется, прежде всего, как статус человека, находящегося в начале своего карьерного пути, осуществляющего преподаватель-

скую деятельность не более 3-х лет, не имеющего научную степень, соотносим, как правило, с должностью ассистента кафедры.

Несомненно, что за этой объективной стороной «молодого преподавателя» лежит целый комплекс социально-психологических явлений, которые с одной стороны определяют содержание этой роли, а с другой – сами формируются ею.

Кто же такой «молодой преподаватель»? Ответ на этот вопрос можно было бы получить, построив исследование по заранее созданным теоретическим конструктам, изначально определив точки рассмотрения. Выражаясь метафорически, в этом случае мы имели бы картину, которая заранее уже нарисована, а результаты такого исследования позволили бы только придать тот или иной цвет известным частям, расположить их в пространстве.

Но такой подход, на наш взгляд, лишен психологизма в конструктивистском смысле. Он узок и ограничен, мы не находим ничего содержательно нового, нам некуда дальше двигаться. При использовании количественных методов человек исследуется вне социального контекста, его действия заранее обусловлены.

Тему молодого преподавателя мы опредмечиваем через понятие профессиональной идентичности. Это феномен социально-психологического порядка, порождаемый в результате социального взаимодействия, в социальном контексте жизни человека посредством рефлексивных процессов.

Потому и изучать его необходимо, создавая социальный контекст, в непосредственной коммуникации исследователя и респондента, в со-исследовании. В свою очередь, контакт респондента с исследователем с необходимостью должен быть включен в последующий анализ.

Эта реальность создается вместе с другими людьми, она динамична и познать ее – это значит *понять* и *описать*. С этой позиции наше исследование, как любое качественное исследование, можно считать идиографическим, описывающим индивидуальные репрезентации профессионального опыта людей в нашем случае.

Понимание носит диалогический характер. Именно сконструированный смысл того фрагмента социальной реальности, который интересен, является ее психологическим содержанием. И в этом значении его можно найти, только создавая в беседе, не рисуя заранее схемы этого фрагмента.

В исследуемой нами реальности есть несколько измерений: смыслы, порождаемые в диалоге исследователя с ее носителем («молодым преподавателем»), а также смыслы, которые создаются в диалоге не с носителем профессиональной идентичности, а с ее активными элементами, другой стороной социальной структуры вуза – студентами. Совмещение этих измерений позволяет увидеть целостную картину изучаемого свойства.

Здесь принципиален вопрос о способах познания, выборе методов. Мы полагаем, что наиболее адекватными становятся диалогические: интервью, фокус-группа.

Но если в интервью носитель профессиональной идентичности находится в латентно рефлексивном контексте, то как инициировать этот контекст у студента? Возможным решением этой проблемы становится изменение ракурса: разворот от студента как пассивного внеконтекстного субъекта к студенту – созидателю этого контекста.

С опорой на примеры зарубежных исследователей мы находим нестандартный способ: помещаем студента в активную позицию, где он сам конструирует смыслы, выполняя творческую работу. Он снимает видеофильм о молодом преподавателе. Чтобы фильм получился, нужно погрузиться в процесс поиска идеи и творения сценария, вести внутренний диалог. Для нас такой путь означает возможность самосозидания рефлексивного контекста, который так важен в подобном исследовании. И только после этого возможен продуктивный диалог со-исследователей, в котором конструируются значимые темы.

Идея этого метода опирается на положение о том, что «максимальным доступом к переживаемой реальности обладает только сам ее переживающий» [3; 409]

Создавая этот исследовательский контекст, мы можем получить целостную картину изучаемого явления, и в этом случае нам неважно дифференцировать источники содержания: что есть от диалога с преподавателем, а что от диалога со студентами. Ценно само по себе содержание. Более того, нам не важна фабула видеофильма, для нас интересны те смыслы, то отношение и понимание, которое сложилось в результате этой творческой работы у студентов.

Нельзя не затронуть вопрос о процессе сбора материала. Вслед за С. Квале и др., считаем, что накопление материала должно продолжаться до тех пор, пока мы чувствуем, что получаем новую информацию от беседы к беседе, если же ощущается повтор, «хождение по кругу», то это можно интерпретировать как сигнал о целесообразности окончания этого процесса. В случае с методом интервью С. Квале [1; 102] формулирует так называемый закон минимизации повторов (15+/- 10 респондентов). В нашем исследовании оказалось достаточным 13 интервью.

Литература

1. Квале С. Исследовательское интервью. М., 2003.
2. Ядов В.А. Стратегии и методы качественного анализа данных // Социология: методология, методы, математическое моделирование, 1991. №1.
3. Янчук В.А. Эволюция метода социально-психологического исследования: от модернистской экстраспектации к постмодернистской диалогической методологии. // Труды Ярославского методологического семинара. Том 3: Метод психологии / Под ред. В.В. Новикова, И.Н. Карицкого, В.В. Козлова, В.А. Мазилова – Ярославль. МАПН, 2005

ПОДСЕКЦИЯ «РОЛЬ ПСИХОЛОГИИ В ПОСТАНОВКЕ И РЕШЕНИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ»

Особенности личности и психосоциальной адаптации осужденных женщин

Кражевская Евгения Васильевна

аспирантка

Национальный институт образования, Минск, Республика Беларусь

E-mail: zhenja22@yandex.ru

Пребывание в условиях социальной изоляции оказывает сильное воздействие на личность женщины, на ее дальнейшую судьбу. Одно из важнейших последствий социальной изоляции для женщин состоит в десоциализации, утрате самой способности к социальной адаптации в будущем, после выхода из заключения. В.И.Лебедев отмечает, что в условиях изоляции от общества у людей появляется раздражительность, недовольство, недоверие друг к другу, что сказывается на общительности и может привести к замкнутости и отчуждению.[1, с.35]. В. Waligora отмечает, что одно из последствий социальной изоляции проявляется в нарушении в сфере контактов с другими людьми, чаще всего в уклонении от общения [5] Результатом отбытия наказания становится рецидивная преступность, причем даже те женщины, которые попали в места лишения свободы в зрелом возрасте и имели до этого хорошую социальную адаптацию, после 3–4 летнего пребывания в условиях изоляции (это средний срок наказания для женщин) теряют социальные связи, лишаются нормального социального окружения, получают сильнейшую психологическую деформацию – все это мешает им найти свое место в обществе и, в результате, приводит назад в заключение.

Цель данного исследования – выявить особенности личности и социально-психологической адаптации женщин, осужденных впервые и женщин неоднократно судимых. В исследовании принимали участие 126 человек в возрасте от 18 лет и старше (79 женщин неоднократно судимых (категория НС) и 47 женщин впервые осужденных (категория ВО). Использовались следующие психодиагностические методики: опросник социально-психологической адаптированности СПА Р.Даймонда – К. Роджерса (адаптированного К. Осницким);[4] 16 PF личностный опросник Р. Кеттелла (форма А) [2]; опросник СОП (склонности к отклоняющемуся поведению (А.Н. Орел)) [3]. Автоматизированная обработка данных проводилась с использованием статистической программы SPSS 13.0. Для определения достоверности различий использовался критерий U – Манна-Уитни.

Личностные особенности женщин, находящихся в условиях социальной изоляции.

Анализ полученных данных обнаружил статистически значимые различия по следующим факторам: А – «замкнутость – общительность» ($U=1163,0$, $p < 0,001$) и F – «сдержанность – экспрессивность» ($U=1366,0$, $p < 0,05$). Так же наблюдается тенденция к различиям по факторам I «жесткость – чувствительность» ($U=1424,0$, $p < 0,1$) и M «практичность – развитое воображение» ($U=1436,5$, $p < 0,1$).

Таким образом, низкие значения по фактору А ($3,67 \pm 2,3$), в сочетании с низкими значениями по фактору F ($3,6 \pm 1,8$) у неоднократно судимых женщин свидетельствуют о склонности к ригидности, холодности, скептицизму, замкнутости и отчужденности, а так же излишней строгости в оценке людей. Им свойственна склонность все усложнять, некоторая озлобленность, пессимистичность, осторожность, замкнутость, молчаливость, осторожность в выражении экспрессии. Тенденция к различиям по факторам I ($4,1 \pm 2,4$) и M ($2,3 \pm 2,07$) позволяет охарактеризовать данную категорию исследуемых как более независимых, реалистичных, они скептически относятся к субъективным и культурным аспектам жизни.

Женщины, осужденные впервые имеют более высокие показатели по сравнению с неоднократно судимыми по факторам А ($5,2 \pm 2,7$) и F ($4,14 \pm 1,8$), что свидетельствует об openness вовне, легкости в общении, разговорчивости, беспечности, добродушности, импульсивности и склонности к более яркому и искреннему выражению чувств. Также, для них характерна склонность к сопереживанию и пониманию других, женственности, стремление к покровительству (фактор I ($4,95 \pm 1,9$)). При этом они требовательны к вниманию, нуждаются в поддержке и помощи других, ориентированны на внешнюю реальность и беспокоятся о своих поступках (фактор M ($2,82 \pm 2,1$)).

Склонность к отклоняющемуся поведению у осужденных женщин.

В ходе исследования были обнаружены статистически значимые различия по всем шкалам опросника. Так у осужденных впервые по сравнению с женщинами неоднократно судимыми наблюдаются более низкие показатели по следующим шкалам (данные представлены в % соотношении): 2. Шкала склонности к нарушению норм и правил ($HC=47 \pm 3,57$, $BO=40,5 \pm 3,7$, $U=1450,0$, $p < 0,05$). 3. Шкала склонности к аддиктивному поведению ($HC=51 \pm 2,9$, $BO=43 \pm 3,5$, $U=1328,0$, $p < 0,01$). 4. Шкала склонности к самоповреждающему и саморазрушающему поведению ($HC=43,3 \pm 4,05$, $BO=35,7 \pm 4,9$, $U=1411,5$, $p < 0,05$). 5. Шкала склонности к агрессии и насилию ($HC=52,7 \pm 4,3$, $BO=45 \pm 5,4$, $U=1390,0$, $p < 0,05$). 6. Шкала волевого контроля эмоциональных реакций ($HC=57 \pm 3,01$, $BO=47 \pm 3,7$, $U=1406,5$, $p < 0,05$). 7. Шкала склонности к делинквентному поведению ($HC=55,5 \pm 2,77$, $BO=46,2 \pm 4,03$, $U=1266,0$, $p < 0,01$). И более высокие значения по первой шкале «Установка на социальную желательность ответов» ($HC=28 \pm 2,64$, $BO=35 \pm 2,79$, $U=1442,5$, $p < 0,05$) и шкале 8 «Принятия женской социальной роли» ($HC=53 \pm 2,98$, $BO=61 \pm 4,2$, $U=1339,0$, $p < 0,01$).

Особенности социально-психологической адаптации осужденных женщин.

Проведенное исследование не выявило статистически значимых различий по показателям социально-психологической адаптации.

Выводы исследования.

Таким образом, результаты исследования особенностей личности и социально-психологической адаптации осужденных женщин позволяют выдвинуть предположение о том, что:

1. В социально-психологической адаптации женщин осужденных впервые и неоднократно судимых существуют специфические особенности, которые проявляются в следующем:

1) адаптация женщин неоднократно судимых проявляется в агрессивном поведении, включающем насилие, самоповреждение и саморазрушение; в уклонении от общения; в непринятии или отвержении своей социокультурной роли и ее функций.

2) для женщин, осужденных впервые, характерно пассивно-неагрессивное поведение. Такому паттерну реагирования соответствует социальная адаптация по типу пассивного приспособления, проявляющаяся в зависимо-послушном или покорно-застенчивом стилях межличностных отношений.

2. Совершение повторного преступления связано с доминированием личностных особенностей женщины, а не ситуативных факторов.

Литература

1. Лебедев В.И. Личность в экстремальных условиях. М., 1989. – 197с.
2. Елисеев О.П. Конструктивная типология и психодиагностика личности. – Псков: Изд-во ОИУУ, 1994. – 280 с.
3. Клейберг Ю. А. Психология девиантного поведения: Учебное пособие для ВУЗов. – М.: ТЦ Сфера, при участии “Юрайт-М”, 2001.–198с.
4. Осницкий А.К. Психология самостоятельности. Методы исследования и диагностики. – Москва – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 1996. – 128 с
5. Waligora B. funkcjonowanie człowieka u wakunkach I zolaeji wie zienny. – Poznan, 1974, – 125 p.

Экзистенциальные проблемы и методы психологической поддержки людей пожилого возраста

Головчанова Надежда Сергеевна

студентка

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль, Россия

E-mail: thelifetraveler@gmail.com

«Все люди хотят жить долго, но никто не хочет быть старым», – подметил однажды Джонатан Свифт. Наверное, в этом и заключается главный парадокс пожилого возраста – приходящая с годами особая мудрость, целостный и осмысленный взгляд на жизнь – с одной стороны, и множество физических, психологических, социальных, а часто и материальных ограничений, в сочетании с пониманием близости завершения жизни, – с другой. Поэтому пожилой возраст открывает богатые возможности для психологической работы по поддержке пожилых людей с целью создания возможностей для выхода пожилого человека на уровень психологического благополучия в реальных условиях жизни.

В то же время, вопросы пожилого возраста актуальны в современном мире в связи с проблемой глобального старения населения. Большинство экономически ведущих стран (Япония, Германия, Франция, Великобритания и др.) уже испытали это демографическое явление. В США к 2030 году отношение пожилых людей старше 65 к численности населения прогнозируется как 1 к 5 (Engardio, Matlack, 2005). В России, то, по демографическим прогнозам, число граждан пенсионного возраста уже к 2015 году составит более 25% от общей численности населения страны (Кононыгина Т.М., 2001)

В рамках обозначенного контекста, нами была проведена работа по изучению некоторых составляющих психологического благополучия пожилых людей, а также особенностей психологической работы с пожилыми людьми. Основой для сбора материала и проведения исследования стала волонтерская работа в центре вспомогательного проживания для пожилых людей Grayson View, г. Селинсгров, штат Пенсильвания, США в период с января по май 2005 г.

Среди теоретических подходов, на которые мы опирались для проведения анализа оснований работы с пожилыми людьми, ведущую роль сыграли возрастная психология и психология развития (П.Балтес, Э.Эриксон) и экзистенциальный подход (Н. Аббаньяно, М. Бубер, В. Франкл, Р. Мэй, И. Ялом, Р. Кочюнас, Н.В. Клюева).

Мы выделили пласт экзистенциальных вопросов, которые выходят на передний план в пожилом возрасте. Во-первых, вопрос о соотношении жизни и смерти – центральный в экзистенциальной философии и психологии – в пожилом возрасте имеет особые нюансы. Нам близок подход взаимозависимости жизни и смерти Ирвина Ялома, утверждающий, что жизнь и смерть «существуют одновременно, а не последовательно», делая акцент на том, что «физически смерть разрушает человека, но идея смерти спасает его» (Ялом И., 1999). Экзистенциальная мысль подчеркивает в этих рассуждениях прежде всего позитивное, жизненное начало: понимание конечности человеческой жизни

способно пробудить желание прожить оставшиеся этапы жизни осмысленно, став автором своей жизни.

Во-вторых, понимание реальной ограниченности жизни приводит к особому отношению ко времени. Время начинает пониматься как ценнейший ресурс человека – один из немногих сохранившихся полностью ресурсов в последние годы жизни. Именно в старости возможность прожить еще один час или день может стать настоящим богатством.

Экзистенциальные вопросы и попытка их разрешения вместе с пожилым человеком могут стать основанием индивидуальной и групповой работы психолога как в условиях специализированных центров ухода, так и в других ситуациях. Основаниями нашей работы послужили *проявление искреннего интереса и уважения к уникальности жизненного пути каждого пожилого человека, открытость в проявлении собственных чувств, способность отреагировать чувства пожилого человека, взаимодействие на глубинном экзистенциальном уровне*. Среди методов глубинной экзистенциальной работы с пожилыми людьми – понимание, диалог, интерпретация, рефлексия.

Нами были проведены 10 глубинных интервью с резидентами вышеупомянутого центра. В ходе интервью был получен интересный фактический материал о течении жизни пожилых людей, об их отношениях к различным жизненным вопросам, об их видении себя в контексте их прошлой и настоящей жизни. В частности, у представителей современного нам поколения пожилых американцев были отмечены особая ценность семьи и приверженность семейным традициям, консерватизм в оценках семейных ролей, подчеркивание субординации детей по отношению к родителям. Также, опрошенные пожилые показали выраженную значимость религии и веры в их жизни.

Особый интерес для нас представляли вопросы о том, как понимают пожилые смысл их жизни, какую жизнь считают состоявшейся (и считают ли состоявшейся свои жизнь), и соотношение ответов на эти вопросы с размышлениями пожилых о завершении жизни. Все опрошенные пожилые признались, что задумываются о смерти, двое из них откровенно признались, что готовы к уходу из жизни. В общем же, было отмечено спокойствие, с которым пожилые говорили об этом – было ясно, что для них тематика ухода из жизни не является пугающей и не вызывает сильных негативных эмоций, а, в некоторых случаях, вызывает интерес (сколько мне еще осталось жить?) или сопровождается надеждой на непроблематичность самого процесса умирания – как для самого пожилого, так и для родственников.

В ходе работы нами также было проанализировано влияние особенностей поколения на взгляды пожилых, влияние культуры и национальной (американской) ментальности, подробно описан один из случаев экзистенциальной работы с пожилым человеком. Небольшой объем выборки обусловлен ориентацией на качественный, а не количественный материал и позволяет составить глубинные идиографические портреты пожилых людей.

По итогам проведенной работы мы можем сделать вывод о том, что у пожилых, воспринимающих свою жизнь как состоявшуюся, отмечены взвешенность и спокойствие во взглядах на уход из жизни, легко актуализируются жизненные смыслы, продолжающие иметь для них большое значение в настоящий период жизни, что отражается на достижениях ими хорошего уровня психологического благополучия.

В настоящее время мы продолжаем работу с российскими пожилыми людьми в Ярославском областном геронтологическом центре. Результаты исследовательской части работы будут обобщены и представлены на конференции.

Литература

1. Бубер М. Два образа веры. – М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. – 592 с.
2. Ключева Н.В. Экзистенциальные проблемы и психологическая помощь в их разрешении // Актуальные проблемы подготовки учителей и школьных психологов. Ярославль, ЯрГУ, 1994. – с. 36–41
3. Расширение информационного пространства как средство развития социально-политической и правовой активности пожилых. – Материалы регионального семинара. Автор-составитель Т.М. Кононыгина. – Орел, 9–13 июля 2001
4. Франкл В. Человек в поисках смысла. – М.: «Прогресс», 1990. – 368 с.
5. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. – М.: Класс, 1999

6. Aging societies: the global dimension / Barry Bosworth and Gary Burtless, editors. – Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 1998
7. Engardio P., Matlack C. Global Aging // Business week, January 31, 2005
8. Yalom I.D. The Gift of Therapy. An Open Letter to a New Generation of Therapists and Their Patients. – New York: Perennial, 2002

**Психологические особенности впервые осужденных
и правонарушителей с большим количеством судимостей**

Бахтиярова Кристина Александровна

аспирантка

Казанский государственный университет, Казань, Республика Татарстан, Россия

E-mail: soobshenie@freemail.ru

Среди множества проблем, перенесенных в новое тысячелетие, наиболее злободневной по праву может считаться преступность. Сложившаяся в стране пенитенциарная система во многом унаследовала от прошлого традиционные методы работы с осужденными, которые характеризуются карательной направленностью. В действительности такой односторонний подход к исправлению осужденных не дает значимого эффекта, так как не вызывает существенных позитивных изменений в деформированной личности осужденного. Более того, может порождать еще большую социальную отчужденность, агрессивность, тревожность, негативное отношение к обществу и нравственным нормам. Таким образом, можно говорить уже о сложившемся криминальном сообществе, участниками которого являются одни и те же люди. В результате стабильно возрастает количество ситуаций с групповой и рецидивной преступностью.

Таким образом, актуальность проблемы исследования определяется, с одной стороны, социальной и практической значимостью вопросов создания эффективных мер воздействия, так как прежние способы показывают свою несостоятельность, с другой стороны с тем, что проблема психологических особенностей осужденных, подразумевающая в себе разноаспектное рассмотрение, изучена недостаточно. Согласно статистике 85 % людей отбывающих наказание обычно возвращаются в тюрьму снова [1]. Эта цифра побуждает более подробно изучить такое явление как рецидив. Стремление разобраться в психологических особенностях рецидивистов определило проблему нашего исследования. Согласно обозначенной проблеме нами была выдвинута следующая гипотеза: психологические особенности личности рецидивиста отличаются от психологических особенностей личности правонарушителя с первой судимостью. Иными словами существует взаимосвязь между психологическими особенностями осужденных и порядком совершенного ими преступления, что может служить доказательством предрасположенности некоторых личностей к совершению преступлений; Кроме того, нами была поставлена цель – ответить на вопросы: какие изменения произошли в личности осужденных за последние годы? Каковы личностные особенности современного осужденного? Как, учитывая произошедшие личностные изменения, строить работу с такими категориями как впервые осужденными и рецидивистами?

Теоретическую основу исследования составили теория интегральной индивидуальности В. С. Мерлина; положения о смысловых образованиях А. Н. Леонтьева, знания о духовно – нравственной сущности человека Л. М. Аболина, Г. А. Аминова, А. Г. Асмолова, труды отечественных и зарубежных авторов по криминальной психологии, различные теории преступности. Для проверки гипотезы было проведено комплексное исследование психологических особенностей личности осужденных, получены и проанализированы материалы по двум группам осужденных: I – впервые осужденные (50 человек); II – осужденные с 4 и более судимостями (50 человек). Общее количество принявших участие в данном исследовании 100 человек мужского пола. Опытнo-эмпирической базой работы послужило подразделение ГУИН Минюста России, ИК-2 строгого режима г. Казани, ИК-3 общего режима Пестречинского р-на РТ. Базируясь на системном подходе к изучению психических явлений в качестве методов исследования применяли тестирование, а именно психогенетический тест (Г.А. Аминев, 1994), тест психоэнергетики меридиан (Г. А. и Э. Г. Аминовы, 1994), тест гипотабильности микроэлементов (В. В. Ковальский, 1960, Г. А. Аминев, Э. Г. Аминев, Д. А.

Муфозалов, 1994), методика по определению свойств темперамента В. М. Русалова, 16-факторный опросник Кэттелла в минимизированном варианте в модификации Аминова Г. А., Аминова Э.Г., тест агрессивности А. Ассингера в минимизированном варианте в модификации Г. А. Аминова (1999), тест «Агрессия как социальное научение по Бандуре» в минимизированном варианте Г. А. Аминова, псевдокомпенсации по Адлеру, Сидоренко Е. В. (Г. А. и Э. Г. Аминовы, 2000), тест смысложизненных ориентаций (СЖО) Д. А. Леонтьева, опросник «Духовный дифференциал» [2].

В результате проведенного исследования была подтверждена гипотеза о том, что существует взаимосвязь между психологическими особенностями осужденных и порядком совершенного ими преступления; был получен ряд выводов, определены наиболее значимые параметры психологических особенностей осужденных для дальнейшей коррекционной работы с ними. К основным можно отнести то, что среди психологических особенностей осужденных рецидивистов можно отметить наличие большого числа псевдокомпенсаций. Для них характерно сосредоточение взаимосвязей вокруг таких псевдокомпенсаций как комплекс жалости к себе, комплекс ущербности, комплекс превосходства, которые имеют отрицательные связи со смысловыми образованиями личности.

Из результатов и их сопоставления, видно, что разрыв в величинах среднegrupповых показателей смыслообразующих особенностей осужденных оказался достаточно выраженным. Рецидивисты имеют более низкие значения. Характер (особенности) соотношений (сопряженности) показателей психологических особенностей имеет отрицательную сопряженность, жесткость структуры отрицательных взаимосвязей между показателями отрицательных психологических особенностей, у впервые осужденных связи более разрозненны. Сопоставление корреляционных структур, а также межуровневых связей в двух группах испытуемых показало, что повышение общего уровня духовности впервые осужденных сопровождается увеличением числа и возрастанием сложности положительных корреляционных связей в смысловых образованиях личности, между тем как в группе рецидивистов связей теста СЖО с тестом «Духовный дифференциал» не обнаружено. Исходя из вышесказанного, следует, что у осужденных с первой судимостью еще не сформировалось профессиональное криминальное видение мира, не интернализировалась система ценностей характерная для группы рецидивистов, что в итоге и определяет выраженность положительных корреляций внутри теста. Адаптация в преступном мире влечет за собою ряд трудностей и проблем, с которыми приходится сталкиваться впервые осужденным, что подтверждается высокими значениями по тревожности в данной группе, которые, по нашему мнению, можно разрешить в процессе реализации исправления.

В целом, проведенное исследование, а также теоретический анализ психолого– криминологической литературы показал, что рецидив преступлений – это динамичное явление, что вызывает необходимость его систематического изучения с целью внесения соответствующих корректив в законодательство и систему мер его предупреждения с помощью психологической службы в исправительных учреждениях. Определившаяся тенденция к гуманизации в уголовно–исправительной системе подразумевает собой, что уголовное наказание является не только карой за совершенное преступление, но и преследует цель гуманного исправления и перевоспитания преступника [4]. Необходимо отметить, опираясь на опыт зарубежных стран, что, например японское правосудие в основном руководствуется постулатом Конфуция, согласно которому полагается осудить преступление, но при этом проявить снисхождение к преступнику [5].

Литература

1. Кокурин А., Бовин Б., Мокрецов А. Психологические аспекты изучения личности осужденного. // Преступление и наказание. 2004, № 9, с. 18–20.
2. Аболин Л. М., Х. Х. Валиахметов. Духовно-нравственное развитие личности в со–бытийной деятельности.–Казань: Изд-во «Карпол», 2002.–230 с.
3. Зер Х. Восстановительное правосудие: Новый взгляд на преступление и наказание. Пер. с англ. – М., 1998. – С. 47–48.
4. Главное управление исполнения наказаний Минюста России, 1999
5. Спицын В. Наказание и его исполнение в местах лишения свободы Японии. // Преступление и наказание. 2004, №12, с. 31–34.

Психологическое исследование побудительных тенденций отклоняющегося поведения**Ложкин Андрей Александрович**

студент

Уральская государственная юридическая академия, Екатеринбург, Россия

В настоящее время проективные методы становятся актуальными при исследовании различных форм девиантного поведения, т.к. с их помощью можно определить глубинные причины образования конфликтов личности, которые зачастую остаются неосознаваемыми.

Одним из таких методов, позволяющим проводить количественный и качественный (содержательный) анализ структуры потребностей испытуемого, является тест Зонди. Он в наибольшей степени подходит для проведения исследования отклоняющегося поведения личности, являясь проективной методикой позволяющей дифференцировать лиц по факту «наличия-отсутствия» мотивационных тенденций, показывая зоны напряжения побуждений индивида и его основные защитные механизмы.

С этой целью в нашей работе были исследованы гомогенные выборки испытуемых по критериям аддиктивного поведения, социальной нормативности и криминального поведения. Всего было представлено 196 протоколов лиц, имеющих наркотическую зависимость, 200 протоколов лиц, совершивших правонарушения в возрасте до 18 лет и 200 протоколов студентов вузов. Во всех трех группах распределение данных не подчиняется нормативному распределению в связи с постоянной изменчивостью побуждений, поэтому в качестве статистического метода выбран непараметрический критерий. Для этого проверялись общие различия по критерию Колмогорова-Смирнова между указанными группами по каждой факторной реакции теста отдельно.

В результате в каждой группе были выделены значимые факторные реакции, которые могут отражать побудительные особенности каждой исследуемой категории лиц.

Сексуальный вектор: В группах наркотически зависимых лиц и преступников наиболее часто проявляемые реакции «h+, s+» отражают тенденцию фиксации на объекте любви или *неудовлетворенную потребность в любви*. Действительно, многие специальные исследования пришли к выводу, что чувство *недостатка любви и нежности* формируется на ранних этапах жизни человека, являясь результатом той позиции, которую занимает ребенок в своей семье. Суть этой позиции состоит в неприятии его со стороны родителей, а иногда и прямом отвержении. Под термином «неприятие» понимается такое отношение матери к своему ребенку, при котором она либо неспособна, либо не хочет, либо не умеет своевременно удовлетворить его потребности, прежде всего естественные – в пище, тепле, чистоте. В результате этого ребенок находится в ситуации хронического дефицита, постоянного неудовлетворения своих базовых потребностей. Это состояние и делает индивида постоянно зависимым, сначала от матери, а затем от эрзац-объектов – наркотиков, алкоголя или других лиц, от которых зависит его жизнеобеспечение.

В группе студентов реакция «h+» меняется на «h-» и на «h +\→», что свидетельствует о способности сублимировать или разряжать в приемлимой форме данную тенденцию.

Пароксизмальный вектор: У студентов распространенной реакцией является сочетание «e+hu-», которая обозначается у Зонди как тенденция *чистого Авеля*. Это говорит о доминировании у них социально позитивных аффективных реакций.

В группе преступников реакция «e+hu-» меняется на противоположно направленную – «e-hu+», которая, в свою очередь, обозначается Зонди, как *чистый Каин*. Это показывает на возможность резкой смены чувства вины на неуправляемые смертоносные аффекты. В группе наркотически зависимых лиц аффективные реакции имеют широкое проявление: «0,+,-», что свидетельствует о неустойчивости и *аффективной регуляции* их поведения.

Вектор «Я»: У преступников наиболее частой реакцией является «k-», отражающая их потребность к вытеснению, подавлению негативных переживаний, вплоть до отрицания или *негации* всего живого, вплоть до собственной и чужой жизни. Реакция наркоманов имеет другую форму проявления, в основном – «r+, r0», что говорит о поочередной смене потребности *всемогущества* «r+» на полную потерю своей идентичности или слабость «Я» – «r0».

В группе студентов, в основном, отмечаются реакции зрелого «Я» – «k-,p+», «k+|- ,p+», отражающие способность личности сдерживать тенденцию к *всемогуществу* «p+», через «k-» или реализовывать ее в творческой, учебной деятельности «k+|-».

Вектор контактов: Группа студентов отличаются выраженной тенденцией *приверженности* к стабильному поведению и стремлению к соблюдению социальных норм поведения – «d-,m+», что у Зонди обозначается, как тенденция *консервативизма*.

Напротив, группа преступников отличается крайней неустойчивостью в контактах – «d+» и отрицанием нормативного поведения «m-». Наркоманы, в свою очередь, показывают реакции маниакального, неустойчивого и, одновременно, зависимого поведения: «m0, -, +». Данные тенденции, по мнению Зонди, отражают расторможенное, возбужденное, неустойчивое поведение личности, как стремление «забыться, убежать» от проблем, а, с другой стороны, являются симптоматическим показателем *одержимости, зависимости*.

В целом, в результате нашего исследования были выявлены глубинные детерминирующие факторы, подтверждены основные побудительные тенденции различных форм девиаций, а также выделены тестовые синдромы, которые могут служить диагностическим критерием для отклоняющегося поведения.

Особенности коммуникативной компетентности заключенных

Николаева Матрена Ивановна

студентка

Якутский государственный университет им. М.К. Аммосова, Якутск, Республика Саха (Якутия), Россия

Каждый день мы наблюдаем в массовом и в повседневном поведении людей снижения альтруистических актов, способности к сопереживанию другим, к проявлению тепла, дружелюбия, поддержки и т.д. Поэтому изучение этой темы приобрело в наши дни наибольшую актуальность. Вызвало интерес то, что существует ли у заключенных, изолированных от общества, выше сказанные чувства.

Человек всегда дан в контакте с другим партнером реальным, воображаемым, вымышленным, навязанным и т.п. В связи с этим стоит вопрос повышения уровня значимости частной жизни человека, ценности его отношений с близкими людьми. Известно, что именно в кругу общения с близкими происходит полноценное психологическое становление человека, удовлетворения его сущностных социально-психологических потребностей.

Предметом изучения явились социально-перцептивные качества.

Целью работы выступило исследование коммуникативных и организаторских способностей в зависимости от уровня социально—перцептивных способностей.

Объект исследования: группа заключенных (15 мужчин и 15 женщин) и контрольная группа (15 мужчин и 15 женщин).

Общая гипотеза исследования: эмпатия зависит от коммуникативных способностей. Исходя из общей гипотезы, выдвигается частная гипотеза – у заключенных эмпатия ниже, чем у свободных людей.

В исследовании были использованы методика Меграбяна по изучению эмпатии и методика Б.А. Федоришина по изучению коммуникативных и организаторских склонностей.

Результаты и их обсуждение. По первой методике Меграбяна по изучению эмпатии получены данные, приведенные в таблице 1.

Таблица 1. Результаты исследования по гендерному признаку

	Мужчины			Женщины		
	Э	П	С	Э	П	С
Заключенные	-4,8	17,27	-20,53	-10,4	6,47	-0,87
Свободные	2,33	21,13	1,67	17,07	15,87	4,53
X	-1,24	19,2	-9,43	3,34	11,17	1,83

По данным видно, что как у заключенных женщин, так и у мужчин, эмпатия, присоединение и сензитивность к отвержению ниже, чем у свободных мужчин и женщин. То есть у них утрачиваются такие способности как сопереживание, впечатлительность, дружелюбие, способность к проявлению тепла, поддержки, возникновение чувства вины. Это можно объяснить тем, что они изолированы от общества, их интимно-личностная сфера общения заметно пострадала. Рассматривая тендерные различия, выявили то, что женщины более эмпатичны, обладают более выраженной тревожностью и чувством вины, чем мужчины, они более склонны к сопереживанию, альтруизму впечатлительны и толерантны. Эмпатия как черта, более свойственная женщинам, действительно соответствует их природе. При этом наблюдается высокая тенденция присоединения у мужчин, математическая обработка показала, что присоединение равняется 19,2, а у женщин 11,17. Это говорит о том, что мужчины более дружелюбны и более склонны к поддержке. Математическая обработка проведена с помощью Т-критерия Стьюдента (Таблица 2).

Таблица 2. Подсчет результатов по Т-критерию Стьюдента

Заключенные			Свободные		
Э	П	С	Э	П	С
-1,17	-3,75	-4,27	6,44	0,97	-2,3

Сравнив значение двух средних стандартных отклонений, мы доказали гипотезу о том, что у заключенных эмпатия ниже, чем у свободных людей. По данным видно, что эмпатия заключенных равняется $-1,17$, а у свободных людей $6,44$, то есть тенденция к эмпатии низкая. Тенденция присоединения у заключенных равняется $-3,75$, а у свободных $0,97$. А сензитивность к отвержению у заключенных равняется $-4,27$, а у свободных людей $-2,3$. При сравнении показателей двух методик выявилось, что у некоторых заключенных при высоких показателях эмпатии, показатели коммуникативных и организаторских склонностей низки.

Это можно объяснить тем, что данные лица имеют способности к сопереживанию, сочувствию, поддержке, они впечатлительны, но и в то же время, чувствуют себя скованно в новой компании, предпочитают проводить время наедине с собой, ограничивают свои знакомства, плохо ориентируются в незнакомой ситуации, тяжело переживают обиды, планируют свою деятельность, однако потенциал их склонностей не отличается высокой устойчивостью.

Таким образом, можно сказать, что в результате исследования выявилось, что эмпатия, присоединение и сензитивность к отвержению у заключенных как женщин, так и мужчин ниже, чем у свободных людей. Что подтверждает гипотезу о том, что у заключенных эмпатия ниже, чем у свободных людей. Это обуславливается тем, что после заключения способность к сопереживанию, к проявлению тепла, дружелюбия, поддержки и способности к чувству вины снижается.

К вопросу о необходимости постконфликтной реабилитации военнослужащих и членов их семей

Иванова Алевтина Вадимовна

студентка

Ставропольский государственный университет, Ставрополь, Россия

E-mail: ialevtv@yandex.ru

В связи с расширением территорий с боевыми действиями и появлением новых зон с локальными военными конфликтами, а также с реформированием Вооруженных Сил Российской Федерации, возрастает роль постконфликтной реабилитации военнослужащих, а также членов их семей, выполняющих задачи в зонах вооруженных конфликтов, а также уволенных с военной службы.

Армия является «инструментом» в руках государства для поддержания мира и спокойствия и сохранения суверенитета. Существуют следующие объективные и субъективные факторы, необходимые для полноценной, надежной и стабильной деятельности ар-

мии и каждого военнослужащего. Первое, это четко сформулированная государственная позиция и государственные приоритеты, на которые ориентируется каждый военнослужащий. Второе – непрерывное патриотическое воспитание, особенно в условиях социальной дезинтеграции и морально-психологической неустойчивости новобранцев. Третье – мировоззренческая основа, сохраняющая духовно-нравственную основу личности. Четвертое – надежное семейное положение. Пятое – устойчивость конституциональной психолого-биологической основы организма, которая выдерживает натиск постоянно воздействующих внешних экстремальных факторов и является плацдармом для развертывания внутриличностных сомнений, а затем уже и внутриличностных конфликтов.

К сожалению, в настоящее время воздействие первых четырех факторов в нашем государстве ослабло. Информационное воздействие, оказываемое СМИ на население, приучает человека к обыденному восприятию ситуации, характеризующейся как «чрезвычайное положение», заставляет свыкнуться с мыслью о неизбежности существования где-то рядом боевых действий, постоянных взрывов, террористических актов и учащающихся случаев заложничества. Данная позиция, когда нивелируется сам факт наличия в стране чрезвычайного положения, отрицается проведение открытых боевых действий и значительно приуменьшается роль армии в разрешении военных конфликтов, приводит к подрыву патриотического духа военнослужащих, от рядового до высокопоставленного офицера. Каждый военнослужащий попадает в ситуацию, когда, при ослаблении поддержки со стороны государства, отсутствии социального одобрения участия в военных конфликтах, он вынужден самостоятельно бороться с настойчиво возникающими внутренними сомнениями в необходимости, значимости и важности своей социальной роли. Данная ситуация осложняется длительностью и высокой степенью внутренних переживаний, приводящих к хроническому стрессовому воздействию на личность. Кроме того, условия военной службы с множеством физических и моральных ограничений, служебных обязанностей и требований только ускоряют появление внутриличностного конфликта.

Особенности жизни в боевых условиях приводят к тому, что социальное состояние индивида после увольнения в запас характеризуется кризисом идентичности, утратой целостности и уверенности в своей социальной роли. Это проявляется в нарушении способности оптимально проявлять себя в сложных социальных взаимодействиях, в которых происходит самореализация личности, наблюдается утрата способности к сопереживанию и потребности в душевной близости с другими людьми.

Поэтому необходима постконфликтная реабилитация военнослужащих, побывавших в зоне открытого вооруженного конфликта и уволенных в запас для минимизации названных негативных последствий.

Виктимное поведение как проявление социально-психологической некомпетентности

Лисовенко Богдана Сергеевна

студентка

Волгоградская академия государственной службы, Волгоград, Россия.

E-mail: lica@coltel.ru

Под виктимностью понимается предрасположенность личности к провоцированию или облегчению преступного поведения против себя, т.е. человек сам создает условия для совершения преступления против себя самого, иногда – бессознательно. Такое жертвенное поведение называется виктимным.

К развитию виктимного поведения приводит целый ряд факторов: личностно значимые моменты воспитания, образования и условий жизни человека, оказывающие своё виктимизирующее воздействие на него на подсознательном уровне. Можно предположить, что, проживая определенные неблагоприятные моменты, человек вырабатывает определенные установки, паттерны поведения, личностные конструкты, у него формируются определенные черты характера, которые способствуют развитию виктимности.

Очевидно, что понятие виктимности имеет самое непосредственное отношение к криминологии и юридической психологии, т.к. здесь затронуты основным образом вопросы предпосылок и причин совершения преступлений. В проблеме виктимности социальная психология компетентна ответить на вопрос о причинах развития виктимности как свойства личности, обратившись к процессам социализации и развития личности. Социальной психологии мы отводим важную роль – развитие устойчивости и противодействие совершению преступлений на уровне индивида и групп.

Нами были исследованы личностные особенности жертв изнасилований, которые могли обусловить возникновение и развитие криминальной ситуации. Поведение жертв было признано виктимным оценкой экспертов. Исследование проводилось на базе Объединения психологов-практиков г. Волгограда (архивные материалы судебно-психологических экспертиз). Общая выборка составила 22 человека в возрасте 12–17 лет.

Мы пришли к выводу, что зарождению и развитию криминальной ситуации изнасилования способствует определенное сочетание индивидуально-психологических особенностей жертвы, сформировавшиеся в процессе социализации и развития личности. Мы условно разделили эти особенности на собственно индивидуально-психологические (присущие данной личности) и поведенческие (их внешнее выражение).

Таким образом, жертвам, чье поведение было признано виктимным, свойственно высокое чувство ответственности, что наиболее ярко проявляется во фрустрирующей ситуации, ответственность за развитие которой они берут на себя. Они имеют высокий либо завышенный уровень самооценки, что приводит к переоценке своих сил в криминальной ситуации. Вероятно, эта особенность приводит к неуверенности в себе, что находит свое выражение и в поведении. Большинство потерпевших в ситуации фрустрации, какой, несомненно, является криминальная ситуация изнасилования, склонны к самообвинению и чувствуют неуверенность в себе либо пытаются найти конструктивное решение конфликта. Такое поведение в развивающейся криминальной ситуации оказывается неэффективным. У жертв также наблюдается низкая степень развития критических и прогностических способностей, социальной интуиции.

В большинстве случаев можно наблюдать реакции эмансипации, пробы «взрослого поведения» со стороны жертв, и в то же время – конформность. В целом одной из причин развития криминальной ситуации становится то, что демонстрируемое поведение соответствует реальным психологическим особенностям жертв. Они не умеют учитывать в своем поведении особенности партнера и оценивать его мотивы и намерения.

Данную особенность мы рассматриваем как проявление социально-психологической некомпетентности, т.е. отсутствия у жертв соответствующих знаний и социальных навыков, которые могли бы предотвратить развитие криминальной ситуации или препятствовать ее возникновению.

Понимание проблемы виктимного поведения как проявления социально-психологической некомпетентности позволяет предложить ее решение с помощью социально-психологического тренинга. В настоящее время тренинг апробируется на студентах Волгоградской академии государственной службы.

Психологическое сопровождение людей в работе социальных центров

Махалина Ольга Владимировна

студентка

Волгоградская академия государственной службы, Волгоград, Россия.

Социализация человека опосредована взаимодействием общества и индивида. Этот сложный процесс имеет ряд условий, которые обеспечивают человеку его активную жизнедеятельность, развитие социальных связей, а отсюда и формирование его ценностно-смысловых предпочтений в обществе.

Существуют определенные категории людей, которым внимание и помощь общества наиболее необходима. Мы ведем речь о таком социальном явлении, как «бомж».

Анализ литературы показал, что такие люди, стоящие на условной границе нормального социального функционирования и девиантных форм поведения, имеют статус маргиналов.

В настоящее время существует ряд специализированных социальных центров, которые помогают таким людям в решении их жизненных трудностей. В психологическом контексте нам интересен уровень психического состояния лиц без определенного места жительства, проживающих на базе одного из социальных центров подобного типа.

Для определения уровня психического состояния людей без определенного места жительства и для выявления их отношения к помощи со стороны общества было проведено социально-психологическое исследование на базе МУ СЗН «Комплексный социальный центр по оказанию помощи лицам без определенного места жительства». Объектом исследования явились люди, временно проживающие в центре. Для проведения исследования были выбраны: методика оценки психического состояния, разработанная в ЛГУ в 1990 году Н.А. Курганским, а также анкета социологического исследования, позволяющая оценить такие параметры, как необходимость в социальном окружении, необходимость людей в социальной поддержке, отношение людей к социальному центру. В исследовании принимали участие 30 человек.

Результаты исследования показали, что наиболее значимые критерии психического состояния, такие как психическая активация, интерес, комфортность у большинства опрошенных находятся на среднем уровне.

Возможное психологическое сопровождение этих людей в процессе их социализации может положительно сказаться на их психическом состоянии, а при корректирующих формах взаимодействия специалистов-психологов с людьми, проживающими на базе комплексного социального центра, представляется возможным развить тенденцию к повышению уровня коэффициентов по этим показателям, а также нормализовать уровни коэффициентов по показателям напряжения и эмоционального тонуса.

Результаты проведенного исследования позволяют говорить о том, что среди лиц без определенного места жительства преобладает положительное отношение к деятельности подобных социальных центров. В то же время они ощущают потребность в социальном окружении и социальной поддержке. Этому могут способствовать социально-психологические мероприятия, проводимые психологами социальных центров, что временно может решить проблему адаптации маргинальных слоев в нашем обществе. В связи с этим организация и поддержка психологической службы при социальных центрах представляется необходимой и актуальной.

Особенности криминогенных ситуаций в сексуально-насильственных преступлениях

Тихонова Ирина Евгеньевна¹

аспирантка

Ростовский государственный университет, Ростов-на-Дону, Россия

E-mail: TSVI2@yandex.ru

Сексуально-насильственным, половым преступлениям свойствен высокий уровень латентности, причинами которого могут выступать отношение к происшедшему со стороны пострадавших, не желающих предавать огласке случившееся, в связи с различными интимными причинами, осуждение пострадавших от изнасилования окружением, недобросовестное отношение ряда сотрудников правоохранительных органов. Таким образом, значительное количество информации о половых преступлениях, о совершивших их преступниках остается неизвестно, что может оказывать негативное влияние на атмосферу в обществе, способствовать дальнейшему насилию, которое осталось безнаказанным.

Каждый человек существует в актуальном жизненном пространстве, состоящем из совокупности разнообразных переживаемых ситуаций.

В криминологии ситуации, в которых находится личность в процессе формирования, жизнедеятельности и в процессе совершения преступления, рассматриваются как одна из

---

¹ Автор выражает признательность профессору, доктору психологических наук Михайловой О. Ю. за помощь в подготовке тезисов.

причин и условий конкретного преступления наряду со средой, формирующей дисгармонию или деформацию потребностей, интересов, ценностных ориентаций конкретной личности, которые становятся основой криминогенной мотивации, с самой криминогенной мотивацией и с психофизиологическими и психологическими особенностями личности, которые усиливают ее чувствительность к криминогенным влияниям извне.

В юридической и психологической науках принято следующее понятие криминогенной ситуации: это такая конкретная жизненная ситуация, которая в силу своего фактического содержания способствует совершению преступления (Кудрявцев, 1988). Подробнее, криминогенные ситуации – это те, которые в силу фактического содержания положительно влияют на формирование преступного замысла, цели совершить преступление, являются благоприятными для достижения преступного результата, т.е. способствуют совершению преступления, это ситуации, как правило, мотивирующие и содержат в себе «провоцирующие» моменты (Антонян, 1973).

По источнику формирования криминогенные ситуации разделяют на три группы: связанные с личностью субъекта и его деятельностью; складывающиеся независимо от субъекта и, связанные с предметом преступного посягательства; смешанные, т.е. возникшие в результате как действий лица, так и других обстоятельств.

Механизмом преступления рассматривается взаимодействие психических процессов и состояний личности с внешней средой, детерминирующее выбор и реализацию преступного варианта поведения, что также диктует необходимость подробного исследования криминогенных ситуаций, которые являются внешними условиями, воспринятыми и интерпретированными таковыми конкретной личностью. Различно и место ситуации в конкретном преступном поведении, которая может играть решающую роль, нейтральную или даже затрудняющую.

В литературе существуют мнения о взаимосвязи ситуации и мотивации во влиянии на совершение преступления, например, структура, включающая в себя личностную диспозицию (мотивацию и влияние энеатипа и акцентуаций) и особенности ситуации, содержащие в себе возможности, представляемые ситуацией и давление внешних обстоятельств (Кондратюк, 2001). Имеются также данные о влиянии на совершение преступлений установок, в частности, на совершение сексуально-насильственных преступлений влияет установка о взаимоотношении полов, которая включает в себя искаженную интерпретацию поведения жертвы в криминогенной ситуации в соответствии с имеющимися у преступника стереотипами (женщин вообще или конкретной личности потерпевшей), субъективное приписывание ее поступкам тех или иных мотивов, неадекватных истинным, наличие негативных установок о взаимоотношении полов (Реан, 1990). Большое значение в совершении преступления, в частности изнасилования, придается сложившейся в процессе формирования личности, под воздействием окружения ценностно-нормативной сферы преступника, принятию им правовых норм (Антонян, 1987). У насильников, кроме того, выделяют ряд присущих им черт, характеризующих деформации в их нравственно-психологической сфере: примитивизм во взглядах на взаимоотношения полов, сводящий их к физиологическому акту, взгляд на женщину как на низшее существо, разнузданность, не признающая никаких преград на пути к удовлетворению полового влечения.

В психологической и юридической науках уделялось значительное внимание изучению личности преступника, в том числе и сексуально-насильственного, а также изучению виктимности жертвы, в то время как ситуация совершения преступления, в частности изнасилования, оставалась в тени. Однако известно, что преступление совершается во взаимодействии преступника и жертвы в криминогенной ситуации. Важный вклад в разработку проблемы особенностей криминогенных ситуаций в сексуально-насильственных преступлениях внесла О. Ю. Михайлова, выделившая признаки отличия ситуаций, допускающих возможность сексуального насилия от физического насилия: это всегда ситуация общения, ведь сексуальная потребность – единственная из витальных потребностей человека, которая удовлетворяется только во взаимодействии с другим; ситуация сексуального насилия всегда связана с депривацией потребностей субъекта; ситуация должна допускать возможность совершения сексуальных действий; партнер по общению должен соответствовать диапазону приемлемости сексуального объекта

преступника, быть для него сексуально определенным; вероятность достижения цели с помощью деструкции ситуации должна оцениваться субъектом достаточно высоко (Михайлова, 2000).

Таким образом, подробное исследование данного вопроса, выделение взаимосвязи между определенными типами личности сексуальных преступников и их склонностью воспринимать какую-либо ситуацию как криминогенную может облегчить задачу прогнозирования преступления, помочь в работе эксперта-психолога, помочь избежать потенциальной жертве провокационной ситуации.

Некоторые особенности воздействия последствий пребывания в нацистской неволе на динамику психических состояний переживших Холокост

Чачко Светлана Леонидовна

старший преподаватель, кандидат психологических наук,

Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова, Одесса, Украина

E-mail: schachko@yahoo.com

Проблема учета воздействия последствий пребывания в нацистской неволе на психическую деятельность переживших Холокост в современный период обострения социально-экономической ситуации в Украине касается людей пенсионного возраста. Эта проблема не нашла надлежащего рассмотрения в теоретической и практической плоскости. В то же время разрешение этой проблемы имеет значение в теоретическом аспекте, как освещение вопроса о последствиях пребывания человека в экстремальной ситуации в течение довольно продолжительного времени. В практическом аспекте, это, прежде всего, поиск путей оказания психологической помощи пережившим Холокост, и использование материалов исследования для предупреждения деструктивного развития личности людей, которые могут оказаться в подобных экстремальных ситуациях.

Цель нашей работы состояла в определении воздействия последствий пребывания в фашистской неволе на психические состояния личности переживших Холокост, проживающих в Украине.

Анализ динамики психических состояний бывших узников нацистской неволи осуществлялась на основе изучения их письменных воспоминаний, видеоматериалов, наблюдения, беседы.

Объектом исследования были следующие состояния личности: фрустрация, самочувствие, одиночество, ощущение бессмысленности существования, свобода выбора, враждебный настрой, уровень самооценки, свобода воли, безнадежность.

Экспериментальное исследование состояний личности переживших Холокост осуществлялось с учетом следующих периодов их жизни: I период – довоенное время; II период – военные действия; III период – послевоенное время; IV период – построение независимой Украины после распада СССР.

Выраженность каждого показателя фиксировалась по 3-х бальной шкале оценок (“1” балл – неблагоприятные особенности проявления показателя; “2” балла – средний уровень; “3” балла – благоприятные особенности проявления показателя).

Полученные экспериментальные данные (см. таблицу 1) дают основание утверждать, что первый и третий периоды способствовали позитивному функционированию и развитию таких состояний, как фрустрация², самочувствие, одиночество, ощущение бес-

---

² Рассмотрим, что означает позитивное функционирование и развитие таких состояний как фрустрация, одиночество, ощущение бессмысленности существования и прочих «негативных» состояний на примере фрустрации. Поскольку под фрустрацией мы понимаем негативное эмоциональное состояние при столкновении с помехой, которая субъективно воспринимается как непреодолимая, то “1” балл присваивается в случае явно выраженных проявлений гнева, раздражительности, вины, неуверенности; “2” балла – когда есть некоторые признаки реакции фрустрации; “3” балла – когда наблюдается фрустрационная толерантность. Исходя из этого, позитивное функционирование и развитие данного состояния означает фрустрационную толерантность или движение в ее сторону.

смысленности существования, свобода выбора, враждебный настрой, уровень самооценки, свобода воли, безнадежность. А второй и четвертый периоды – способствуют ухудшению данных показателей. Исключение составляют такие показатели как одиночество и свобода выбора.

Таблица 1. Особенности проявления средних показателей, характеризующих личностные особенности переживших Холокост в разные периоды жизни

Показатели	Среднеарифметическая оценка (X) и среднеквадратичное отклонение (σ)							
	До войны		Во время войны		После войны		Настоящее время	
	X	σ	X	σ	X	σ	X	σ
1	2,44	0,69	1,32	0,51	2,04	0,72	1,78	0,63
2	2,07	0,7	1,48	0,71	2,02	0,68	1,82	0,68
3	2,3	0,6	1,86	0,61	2,28	0,66	1,91	0,64
4	2,1	0,67	1,73	0,7	2,3	0,68	1,9	0,65
5	2,2	0,69	1,77	0,54	2,02	0,54	1,96	0,51
6	2,25	0,61	1,62	0,7	2,15	0,65	1,96	0,67
7	2,31	0,68	1,61	0,65	2,22	0,73	1,84	0,65
8	2,04	0,77	1,54	0,66	2,47	0,59	1,92	0,73
9	2,2	0,59	1,47	0,64	2,01	0,67	1,9	0,62

Примечание.

Условные обозначения к таблице 1:

1 – фрустрация; 2 – самочувствие; 3 – одиночество; 4 – ощущение бессмысленности существования; 5 – свобода выбора; 6 – враждебный настрой; 7 – уровень самооценки; 8 – свобода воли; 9 – безнадежность.

Итак, подавляющее большинство исследуемых состояний значительно ухудшается во время экстремальных ситуаций. В особенности это отрицательно отразилось на таких показателях как фрустрация и самочувствие. В послевоенный период показатели состояний личности стали более оптимальными, однако довоенный уровень был достигнут только по показателю «ощущение бессмысленности существования». В настоящее время построения Украинского государства также наблюдается определенное ухудшение состояний личности у бывших узников фашистской неволи по сравнению с первым и третьим периодами их жизни.

Социальные установки по отношению к долговременным безработным гражданам, как детерминанта их Я-концепции

Чеснокова Евгения Владимировна,

студентка

Уральская государственная юридическая академия, Екатеринбург, Россия

В 1992 г., впервые после 1930 г., когда была закрыта последняя биржа труда, в России были зарегистрированы первые десятки тысяч безработных. С тех пор проблема безработицы остается на пике социально-экономической и политической актуальности. Однако, в современной науке безработица рассматривается уже не только и не столько в качестве макроэкономической проблемы, сколько в плане кризисной ситуации для отдельной личности. В условиях экономического хаоса длительное отсутствие работы для большинства людей означает не только снижение жизненного уровня, но и получение серьезной психической травмы (Jaghoda M., Mohr G., Wacker A., Paulus W., Frese M. и др.). Часть безработных граждан уходит в криминальную сферу. Так, по данным ГОВД г. Режа Свердловской обл. следует, что от 58 до 65% имущественных преступлений совершают лица, не имеющие постоянного источника дохода.

Мы считаем, что по аналогии с ситуацией в Западной Европе (Kiselbach T., Wacker A., 1991), все перечисленные факты, а также гипертрофированное представление последствий безработицы в СМИ, могут привести к формированию в обществе негативных установок по отношению к тем безработным гражданам, которые остаются вне трудовой деятельности длительное время. Наличие таких установок, хотя и не полностью осознаваемое отдельными индивидами, может весьма отчетливо обрисовываться в своем социальном выражении. В свою очередь, такого рода установки определяют силу психосоциального воздействия общества на безработных, усиливая и без того травмирующую ситуацию.

Цель нашего исследования – изучение социальных установок по отношению к безработным гражданам – методически осуществлялась с помощью метода репертуарных решеток Дж.А. Келли (модификация Колобковой А.И.). Помимо имманентных³, для составления репертуарной матрицы были использованы элементы, позволяющие создать картину отношения к безработным гражданам в сравнении с абстрактными представителями других социальных групп, по отношению к которым в общественном мнении сформировались довольно устойчивые штампы. Такие, как: «вор», «преступник», «алкоголик», «наркоман», «мужчина», «женщина», «выпускник вуза», «школьник», «пенсионер», «успешный работник», «высококласный специалист», «хороший семьянин», «счастливый человек», «богатый человек», «друг или близкий человек».

Эмпирический дизайн данного исследования, обязательно включающего факторизацию данных, предусматривал выборку, способную продуцировать не менее 500 личностных конструкторов (в нашем случае – 32 респондента). Для участия в исследовании привлекались только те люди, которые никогда ранее не сталкивались с длительной (более 6 месяцев) вынужденной безработицей (лично или на примере близких родственников). Теоретически, у них должны отсутствовать специфические для ситуации безработицы защитные механизмы (Wacker A., Kolobkova A., 2000); иначе говоря, они могут абсолютно безболезненно для собственного положительного Я-образа выражать негативизм по отношению к безработным гражданам.

Различные варианты факторизации (подбор переменных, вращение, форма исходной матрицы) полученных данных по элементам репертуарной решетки показали следующие, наиболее интересные, результаты.

Безработица ни в одном из главных компонентов не вошла совместно с элементами «преступник» и «вор». Т.е., в отличие от образа безработного в западно-европейского обществе, в значительной мере ассоциирующегося с потенциальными бомжами, нищими, мелкими правонарушителями, эмигрантами, проститутками и т.д. (Kiselbach T.), в российском менталитете абстрактный безработный лишен черт криминального оттенка. Так, согласно содержанию I компонента, образ «отъявленного злодея» включает в себя все негативные характеристики, но не безработицу; при этом имея максимально оторванный от реальности характер (показатели I компонента: доля объяснимой дисперсии 21%; факторные нагрузки переменных: «алкоголик» 0,710, «наркоман» 0,686, «маркер» 0,678, «преступник» 0,652, «вор» 0,627, «хороший семьянин» – 0,586, «успешный работник» – 0,564, «счастливый» – 0,543, при значении «безработный» < 0,1).

Напротив, фактор, включающий безработицу, отображает более жизненный образ. Это – мужчина среднего возраста, который вполне может быть близким другом⁴, посвятивший себя семье, ни в коем случае не преступник; однако, совершенно некомпетентный специалист (факторообразующая переменная), в некоторой степени склонный к алкоголизму или наркомании; и при том – человек, весьма довольный своей жизнью (показатели II компонента: доля объяснимой дисперсии 15%, факторные нагрузки: «высококласный специалист» – 0,592, «пенсионер» – 0,587, «женщина» – 0,516, «хороший семьянин» 0,513, «преступник» – 0,488, «маркер» 0,396, «алкоголик» 0,395, «счастливый» 0,363, «школьник» – 0,385, «безработный» 0,344, «мужчина» 0,288, «наркоман» 0,283).

³ Имеются ввиду элементы «безработный», «Я» и отрицательный маркер («самый плохой человек»).

⁴ На наш взгляд, здесь проявляется влияние одной из многообразных вариаций феномена каузальной атрибуции: склонность приписывать причины неудач знакомого человека его же личностным особенностям.

Фактор, где безработица является одним из смыслообразующих параметров, позволяет представить еще один вариант либерального отношения к безработному человеку (если он молодой выпускник вуза или пенсионер): он беден, не состоялся в карьерном плане, хотя, в принципе, может быть и неплохим специалистом. Любопытно, что факторообразующей переменной здесь становится «Я» респондента с отрицательным знаком, «Не Я», «То, что никогда не случилось и не случится со мной» (показатели III компонента: доля объяснимой дисперсии 11%; факторные нагрузки: «Я» – 0,615, «выпускник вуза» 0,599, «богатый» – 0,548, «безработный» 0,509, «пенсионер» 0,491, успешный работник – 0,419 «хороший семьянин» 0,293, «негативный маркер» – 0,253).

Таким образом, те факторы, где встречается безработица, сопровождаются сильной или умеренной неприязнью, выраженными симптомами каузальной атрибуции (например, обвинение «друга» во втором факторе и защита «Я» в третьем) и очень устойчивыми, внутренне непротиворечивыми, установочными штампами в восприятии личности безработных граждан (например, огульное отрицание их профессионализма).

Безработные граждане, в итоге, оказываются в уязвленном положении, так как в данной ситуации прежние представления гражданина о себе и своих профессиональных возможностях разрушаются. Вследствие столь сильного искажения Я-образа (Я-реального), вся система Я-концепции становится неустойчивой; усиливается ориентация на ее межличностную составляющую (Я-глазами-других). Именно в этот период безработный легче всего может интериоризировать мнение общественности. А, поскольку, это отношение (социальная установка) оказывается достаточно негативным, он вынужден либо выработать активное, мотивированное противодействие (что маловероятно в силу повышенной конформности долговременных безработных), либо принять его и, во избежание когнитивного диссонанса, изменить привычное поведение и черты.

Социально-психологические особенности пациентов гериатрического стационара

Ярова Татьяна Игнатьевна

аспирантка

Северный государственный медицинский университет, Архангельск, Россия

E-mail: yarova@mail.ru

В современном обществе наблюдается большой интерес к изучению проблем пожилых людей, обусловленный особенностями демографической ситуации, а именно постарением населения и увеличением средней продолжительности жизни (Яцемирская Р.С., Беленькая И.Г., 2003). Увеличение числа пожилых влечет за собой значительный рост нагрузки на национальные системы здравоохранения. Потребность лиц пожилого возраста в медицинской помощи на 50% выше, чем населения среднего возраста (Лазебник Л.Б., Конев Ю.В., 2005). В среднем пожилые в полтора раза чаще обращаются к врачам, в два раза чаще госпитализируются, в два раза дольше находятся на больничной койке, чем остальные группы населения (Веселкова И.Н., Землянова Е.В., 2000). В связи с этим, общение с лицами пожилого и старческого возраста становится неотъемлемой частью повседневного труда медицинских работников. Областной госпиталь для ветеранов войн (ОГВВ) – единственное специализированное учреждение, оказывающее медицинскую помощь данному контингенту лиц в г. Архангельске. Ежегодно здесь проходят лечение свыше 3000 лиц пожилого и старческого возраста. Нахождение и поддержание контакта с пациентами различного психологического склада крайне важны в работе врача и всего медицинского персонала.

Целью настоящего исследования явился социально-психологический анализ пациентов пожилого и старческого возраста и выявление факторов, связанных с вероятностью госпитализации.

Обследовано 100 пациентов терапевтического отделения ОГВВ в возрасте от 65 до 85 лет. Проведен анализ медицинской документации за 2005 год. Исследование проводилось с помощью: самостоятельно разработанного опросника для оценки качества жизни пожилых людей, опросника Х.Смишека, проективной методики «Hand-test», «Теста

цветовых метафор», метода цветových выборов. Для статистической обработки материала использовалась программа Statistica.

Изучение особенностей группы пожилых пациентов показало ее неоднородность. Особое внимание вызывает группа пациентов с частыми госпитализациями. Несмотря на то, что пациенты с частой госпитализацией составляют относительно небольшой процент (26,4%) от всех госпитализированных больных за 2005 год, они требуют значительного расходования ресурсов госпиталя и являются источником психологической напряженности в лечебном заведении. Среди пациентов с частой госпитализацией отмечается преобладание женщин 80–85 лет (57,7%) и мужчин 75–79 (42,9%) и 80–85 (38,5%). Независимо от пола, это преимущественно лица со 2 группой инвалидности (83,5%), проживающие в г. Архангельске (75,3%). Пациенты с частой госпитализацией навязчиво стремятся попасть в госпиталь: 79,2% пациентов этой группы самостоятельно проявляли инициативу в получении путевок.

На основании проведенного исследования были выделены следующие факторы, обуславливающие частую госпитализацию лиц пожилого и старческого возраста:

1) Соматический фактор: госпитализация с целью повышения безопасности своего существования (характерна для пациентов, имеющих тяжелое соматическое состояние);

2) Фактор микросреды и социального окружения: госпитализация с целью удовлетворения коммуникативной потребности (характерна для одиноких людей или пожилых, имеющих неблагоприятные семейные взаимоотношения);

3) Психологический фактор: госпитализация с целью получить внимание к своей личности со стороны врачей (характерна для пациентов, испытывающих сильное чувство симпатии к своим лечащим врачам, как правило, такие пожилые люди живут в семье и имеют благополучные взаимоотношения со своими родственниками);

4) Социально-экономический фактор: госпитализация с целью сокращения своих расходов в связи с пребыванием в стационаре (характерна для пожилых людей, имеющих низкий уровень материального положения).

У пожилых пациентов с частыми госпитализациями выявлены определенные особенности личности с высокими значениями по шкалам: «коммуникативность» «Hand-test» ($p < 0.05$), «демонстративный тип» и «экзальтированный тип» опросника Смишека ($p < 0.05$), по сравнению с остальными пациентами.

Таким образом, госпитализация в пожилом и старческом возрасте обусловлена не только медицинскими, но и социально-психологическими причинами. В связи с этим, целенаправленные социально-психологические и организационные мероприятия способны уменьшить частоту госпитализаций среди определенных категорий пациентов. Необходима работа психолога не только с пожилыми людьми, но и с их родственниками для создания благоприятного социального микроклимата.

ПОДСЕКЦИЯ «ПОДРОСТКИ КАК ГРУППА РИСКА»

Изучение модели насильственного поведения в восприятии и оценке подростков и молодежи.

Бурдина Екатерина Юрьевна

студентка

*Зеленодольский филиал Института Экономики, управления и права,
Зеленодольск, Республика Татарстан, Россия*

Исследование причин и характеристик насилия и насильственного поведения, имеющих место в молодежной и подростковой среде является актуальной задачей социальной психологии. В широком значении слово «насилие» принимается как подтип агрессии, поэтому теоретической основой для изучения насилия могут быть работы по проблемам агрессии (Н.В. Тарабриной, Рут Соонетс, Алисы Миллер, Лемме Халдре и др.). Понятие «насилия» в его узком смысле принимается как оказание на людей сило-

вого воздействия с целью уничтожения, наказания или контроля (М.Д.Асонова, О.Н.Зиновьева, Лемме Халдре). В ходе проводимого исследования изучались наиболее характерные формы агрессивного поведения среди подростков и молодежи на основе методик: “Личная агрессивность и конфликтность” Е.П.Ильина, П.А.Ковалева; “Методика исследования агрессивного поведения подростков” А.Басс, А.Дарки; и установки представителей данных социальных групп о насилии и насильственном поведении. Для изучения установок использовался разработанный нами опросник, в котором испытуемым предлагалось оценить выражения на уровень принятия, или не принятия его. (Например, «Любое насилие требует ответных действий», «Настоящий ум не будет полагаться на силу» и др.) В ходе исследования была спроектирована модель насильственного поведения в восприятии и оценки подростков и молодежи, изучена связь между моделью и агрессивным поведением.

Выборка составила 112 человек, обоих полов, из которых 56 человек – студенты второго курса медицинского училища, 28 человек – учащиеся 9-го класса с математическим уклоном и 28 человек – учащиеся 9-го общеобразовательного класса, среди которых дети с девиантным поведением.

Одним из положений нашей гипотезы было предположение, что отражаемые в модели убеждения, взгляды, оценки, знания, эмоциональное восприятие тех или иных фактов насилия зависят от степени социального благополучия, возрастного и гендерного различий.

Исследование подтвердило зависимость модели насилия от пола испытуемого. Крайней формой насилия, в группе подростков мужского пола, признаются: угроза кулаком, удары, драки, т.е. нанесение физического вреда. Крайней же формой насилия в группе подростков женского пола является: унижение, принуждение к чему-либо, т.е. нанесение психологического или морального вреда. К насильственным действиям, в обеих группах, не относят: оскорбления, игнорирование, насмешки, крик или повышение голоса.

Анализ ответов и созданных по их результатам моделей позволил прийти к мнению, что восприятие подростками насилия более расплывчато чем у студентов (возрастной фактор). Они не всегда умеют отличить добро от зла, хорошее от плохого (примером может служить факт того, что к насилию не относят оскорбление, игнорирование, грубость...).

Одним из направлений нашей работы было исследование эмоционального восприятия модели насильственного поведения подростками. Обработка полученных данных показала, что подростки мало сочувствуют и переживают за людей, подвергшихся насилию, и нередко сами же жертвы совершают насильственные действия по отношению к другим. Особенно это заметно в группе социально неблагополучных подростков. Данный результат позволяет сделать вывод о недостаточности развития эмоциональной сферы в подструктуре личности социально неблагополучного подростка.

Исследуя степень зависимости между агрессивным поведением и установками подростка, мы выявили зависимость между установками и формами агрессии. (физическая агрессия – 0,497254, вербальная – 0,577168). Это позволило предположить, что организация психокоррекционного и педагогического воздействия модель насильственного поведения подростка может стать положительной основой для снижения уровня его агрессивности как на физическом, так и на вербальном уровне. Таким образом, решение проблемы насилия в подростковой и молодежной среде нам видится в организации социально-психологического тренинга, в ходе которого осуществляется коррекция восприятия и оценки насилия.

Особенности жизненного стиля подростков правонарушителей и законопослушных подростков

Гусева Мария Викторовна

студентка

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

E-mail: Mar-risha@yandex.ru

В настоящее время в юридической психологии отсутствует четкое представление о механизмах развития личности преступника, а так же факторах, определяющих выбор

преступной стратегии поведения. Рассматриваются в основном предпосылки и последствия такого выбора, а не сам его механизм.

На наш взгляд выбор преступной стратегии поведения во многом определяется ценностями и смыслами личности, так как они выступают в качестве регулирующего компонента поведения человека и детерминантами его жизненного стиля. Ценностная иерархия позволяет каждому человеку реализовать свой индивидуальный стиль жизнедеятельности.

Отметим, что впервые понятие «жизненный стиль» было предложено А.Адлером в рамках психоаналитического подхода. Позже в концепциях этого подхода оно рассматривалось наиболее подробно. В теориях этого направления можно выделить ряд общих черт. По мнению большинства авторов, жизненный стиль формируется в первые 5 лет и остается неизменным по содержанию в течение жизни. Факторами, определяющими особенности жизненного стиля, полагаются врожденные особенности: уровень либидо по З.Фрейду, комплекс недостаточности по А.Адлеру, базовая тревога по К.Хорни. Эти особенности развиваются под влиянием семьи.

В противоположность психоаналитическому направлению в бихевиоризме жизненный стиль рассматривается как сформированный с помощью стимулов и подкреплений из окружающей среды способ реагирования на раздражители.

В отечественной психологии стиль жизни принято рассматривать как тип устойчивой жизнедеятельности личности проявляющийся в постоянных ценностных ориентациях, манерах поведения, стереотипах восприятия, устойчивых оценках. Таким образом, под жизненным стилем, по определению М.И. Еникеева, понимается определенная стратегия поведения человека, его способ реализации себя в обществе.

В проведенном нами исследовании были изучены особенности жизненного стиля подростков с разным правовым статусом.

Результаты исследования дают основания полагать, что психологические портреты законопослушных подростков и подростков правонарушителей имеют ряд общих черт. Так, для всех исследованных подростков оказалось характерным снижение уровня нормативности поведения.

Интерес представляют такие выявленные особенности воспитанников колонии, как более высокий уровень эмоциональной стабильности, нормативности поведения, дипломатичности, независимости от группы, в сравнении с их законопослушными сверстниками. Кроме того, данные подростки в большей степени контролируют свои желания и потребности и отличаются сниженным уровнем доминантности.

На наш взгляд, такое более благополучное по сравнению с выборкой законопослушных подростков, сочетание личностных качеств может объясняться рядом факторов:

Так, большинство воспитанников колонии, принимавших участие в исследовании, находится там продолжительное время, что в свою очередь сказывается на развитии и трансформации их личности. Кроме того, зная крайнюю степень регламентированности преступной субкультуры, мы можем полагать, что подростки-правонарушители вынуждены соблюдать соответствующие нормы и предписания, что повышает их контроль над собственными побуждениями, и нормативность поведения в целом (в рамках преступной среды).

Снижение уровня доминантности и подозрительности, может быть, обусловлено высокой стабильностью окружающей среды, в которой находятся отбывающие наказание подростки-правонарушители. Нужно отметить, что отбывание наказания приводит к выработке стереотипа стабильности мира, что впоследствии может становиться одним из факторов, провоцирующих дезадаптацию личности в социуме после освобождения и возможное повторение преступных действий.

Результаты исследования особенностей смысловой сферы подростков дают основания говорить о снижении уровня осмысленности собственной жизни, как у законопослушных подростков, так и у подростков-правонарушителей. В жизни современных подростков отсутствуют временная перспектива и ясные цели, которые замещаются страхом и тревогой по поводу своего будущего. Из этого можно заключить, что подростки, не считают себя ответственными за события собственной жизни, так как не верят в свои возможности осуществлять контроль над жизнью.

Таким образом, можно отметить, что современные подростки не видят смысла своего существования. Однако, продолжая, так или иначе, существовать в социуме они реализуют свое отношение к жизни, осуществляя выбор преступной или социально-одобряемой модели поведения.

Предположение о том, что ценности, как показатель выбора жизненной стратегии, подростков-правонарушителей имеют отличия от ценностей законопослушных подростков, подтвердилось в ходе исследования.

Для законопослушных подростков наиболее характерна независимость в выборе стратегии поведения и мышления. Это в сочетании с ценностью гедонизма и удовольствием, а так же с отвержением внешней стимуляции для поддержания активности, может сводиться к пассивному ожиданию удовольствия от жизни, а не стремлению к проявлению активности для достижения жизненного благополучия.

Анализ ценностного профиля подростка-правонарушителя, позволяет говорить о том, что отвержение ценности власти и традиции, дополняется стремлением к активности, смене впечатлений и риску. Это может приводить к появлению желания поступать наперекор социуму. А ценности доброты и конформизма, проявляющиеся в желании поддержать хорошие отношения с ближайшим окружением, реализуются, по всей вероятности, по отношению к членам преступной субкультуры. Данные ценности и приоритеты обуславливают высокую вероятность выбора преступной стратегии поведения в различных жизненных ситуациях.

Сопоставление принимаемых и отвергаемых на нормативном и индивидуальном уровнях личности ценности, дает основания говорить о том, что подростками обеих групп отвергаются ценности традиции, которые обеспечивают групповую солидарность, принятие и соблюдение норм, обычаев и идей существующих в обществе. Такое отвержение ценностей традиционного общества, на наш взгляд, является закономерным процессом, и связано с тем, что в современном обществе отсутствуют сколько-нибудь четкие нормы и идеалы, на которые мог бы ориентироваться подросток.

Таким образом, жизненный стиль личности во многом определяется именно её ценностями. Этот факт необходимо учитывать в создании коррекционных и реабилитационных программ по работе с правонарушителями. Анализ существующих методов работы, показал, что в основном они направлены на развитие социальных навыков, осознание мотивов преступления и чувств с ним связанных, эти аспекты безусловно важны. Однако, на наш взгляд, работа по формированию ценностей и смысложизненных ориентаций, являющихся регуляторами поведения личности, с большим успехом может помочь подросткам-правонарушителям осознать и выстроить собственную жизнь вне отрыва от социального кружения.

К вопросу об особенностях девиантного поведения студентов-спортсменов

Злотникова Катерина

аспирантка

*Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева,
Красноярск, Россия*

E-mail: beautykatrin@mail.ru

Проблема девиантного поведения студентов-спортсменов является недостаточно изученной, что подтверждается отсутствием единого взгляда на его определение, механизмы проявления и причины возникновения.

Подростковому возрасту свойственны несформированность Я-концепции и социальная незрелость, поэтому он очень уязвим для проявлений разнообразных когнитивных нарушений.

Девиантное поведение определяется как отклоняющееся, т.е. как отдельные поступки или система поступков, противоречащих общепринятым в обществе правовым, моральным или нравственным нормам.

Главная проблема заключается в том, что такое поведение некоторых студентов-спортсменов неприемлемо с точки зрения социума и обязывают к проведению с ними

психокоррекционной работы, а как особые субъекты учебной-воспитательного процесса требуют использования в их обучении специфических дидактических методов и приемов. Формы дивиантного поведения студентов-спортсменов очень разнообразны, они могут проявляться в асоциальности, антидисциплинарности, делинквентности, и часто характеризуются плохими взаимоотношениями со сверстниками и преподавателями.

Исследовательская работа проводилась на базе первого и второго курсов Красноярского техникума физической культуры и спорта. Для изучения особенностей дивиантного поведения студентов-спортсменов была составлена выборка из ... человек, из которых 32 студента с избранным видом спорта «вольная борьба», 26 студентов-регбистов, 13 студентов-футболистов, 29 студентов-легкоатлетов и 38 студентов, избранным видом спорта которых являются спортивные игры (волейбол и баскетбол).

Использовались следующие методики: модифицированная карта наблюдений Д. Стотта, графический проективный тест «Дом – дерево – человек» (ДДЧ), наблюдение за студентами на занятиях, опрос преподавательского состава, изучение личных дел студентов, анонимное анкетирование.

В результате исследования мы выяснили, что дивиантное поведение студентов-спортсменов проявляется в следующих плоскостях:

- как особенности отдельных психических процессов (повышенная подвижность нервных процессов или их заторможенность; их устойчивость или слабость; гиперактивность или пассивность подростка; болтливость или замкнутость; импульсивность и непредсказуемость, повышенная возбудимость и аффективность);
- как социально обусловленные качества личности и черты характера (неорганизованность, недисциплинированность, лживость, драчливость, упрямство, грубость, озлобленность, агрессивность, жестокость);
- как низкая общая культура, негативное отношение к нравственным нормам и правилам, к окружающим людям (бестактность, безразличие к учебной деятельности, необязательность, отказ от выполнения заданий, пропуски занятий, конфликты с преподавателями, ориентация на узкогрупповые интересы и ценности);
- как форма аддиктивного поведения (курение, употребление алкоголя, токсических и наркотических средств, увлечение азартными играми).

Все эти качества и свойства личности студентов-спортсменов ведут к трудоёмкости, сложности их обучения и воспитания.

Диагностический этап исследования позволил выявить у них следующие особенности дивиантного поведения:

1. К антисоциальному проявлению своих поступков больше склонны студенты с избранными видами спорта «вольная борьба», «регби» и «футбол» (им больше свойственны действия, связанные с невыполнением или непризнанием нравственных общепринятых норм поведения, отказ от учебной и трудовой деятельности, у них выявлены такие психологические особенности и свойства личности как субмаксимальная агрессивность, гиперактивность, дезадаптация по неустойчивому типу, жестокость, завышенная самооценка)

2. У Студентов, занимающихся легкой атлетикой и спортивными играми, дивиантность проявляется больше в антидисциплинарном поведении, в нарушениях общепринятых норм (это бестактность, упрямство, лживость, эгоизм, замкнутость, недоверчивость)

3. Было так же замечено, что некоторым студентам-спортсменам свойственно копирование антисоциального поведения; так же для них приемлемо доказательство своей правоты не на вербальном уровне, а вступлением в боевое столкновение друг с другом.

4. Иногда дивиантные формы поведения и некоторые асоциальные характеристики личности спортсменов (максимальная и субмаксимальная агрессивность, гиперактивность, настойчивость) необходимы им для достижения успехов в спортивной деятельности.

Нами ведется работа в области дальнейшего изучения форм дивиантного поведения студентов-спортсменов и в апробации психокоррекционной программы по коррекции этого явления по методу моритатерапии.

Превентивная работа с несовершеннолетними группы «риска»**Колпакова Ольга Игоревна**

аспирантка

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия**E-mail: kolpakova@spbstellit.ru*

Социально-политические и экономические изменения, произошедшие в России за последние два десятилетия, привели к увеличению числа несовершеннолетних, находящихся в сложной жизненной ситуации. В частности, пополнились ряды воспитанников детских домов и школ-интернатов. Сложности адаптации к взрослой жизни, которые зачастую испытывают воспитанники школ-интернатов, связаны, в частности, с неудовлетворительным состоянием их психического и физического здоровья, включая различные виды поведения риска: алкоголизацию, наркопотребление, сексуальное поведение риска.

В настоящее время в школах-интернатах предпринимаются меры по улучшению состояния здоровья воспитанников. Однако большинство подобных мероприятий проводится лишь эпизодически и организуется интуитивно, не основываясь на применении современных теоретических подходов и методов, зарекомендовавших себя в мировой практике. Это существенно снижает эффективность профилактической работы.

В 2005 году мы реализовали превентивный проект для воспитанников школы-интерната, основанный на одном из существующих теоретических подходов к планированию таких мероприятий⁵. В основу проекта была положена наиболее признанная сегодня теоретическая модель PRECEDE-PROCEED, которая описывает и упорядочивает этапы планирования и реализации превентивных программ. Одним из основных принципов, положенных в основу модели, является участие в планировании и осуществлении программы вмешательств представителей целевой группы, на которую направлено вмешательство (Gielen, McDonald, 2002). В соответствии с предписанной моделью этапами в рамках проекта были реализованы следующие мероприятия.

На первом этапе была проведена оценка состояния здоровья воспитанников интерната с использованием анализа официальной статистики, опроса сотрудников и учащихся интерната и интервью с директором интерната.

На втором этапе была проведена социальная оценка, включавшая оценку таких параметров, как место школы-интерната в системе образовательных учреждений, организационная структура интерната, программы и проекты, в которых участвовал интернат, социально-демографический состав сотрудников, их заинтересованность в осуществлении профилактических программ, социально-демографический состав воспитанников, объективные и субъективные условия их проживания в интернате. Для оценки использовался анализ документов, интервью с директором и опрос сотрудников.

На стадии эпидемиологической оценки были рассмотрены следующие параметры: состояние здоровья воспитанников школ-интернатов в России, распространенность различных видов поведения «риска» среди воспитанников школы-интерната № 24 и оценка сотрудниками актуальности различных проблем в сфере здоровья воспитанников школы-интерната. Для эпидемиологической оценки использовались также как официальные статистические данные, так и опросные данные.

---

⁵ Проект был реализован по инициативе и при финансовой поддержке Совета Министров Северных Стран в Санкт-Петербурге. Проект осуществлен совместно Санкт-Петербургской общественной организацией социальных проектов «Стеллит», Санкт-Петербургской Региональной Молодежной Общественной организацией «Молодежная служба «Надежда» и Государственным образовательным учреждением среднего (полного) образования для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, школой-интернатом № 24 Невского административного района г. Санкт-Петербурга, которая была базой осуществления проекта. Автор выступал менеджером проекта со стороны СПб ОО СП «Стеллит».

Эпидемиологическая оценка позволила сформировать предварительный перечень проблем, которые должна охватить превентивная программа. Так, окончательный список наиболее актуальных для воспитанников интерната проблем для включения в превентивную программу был следующим: табакокурение, ЗППП и ВИЧ-инфекция, контрацепция, насилие, коммерческая сексуальная эксплуатация несовершеннолетних.

На стадии оценки поведения и окружающей среды оценивались поведенческие факторы и факторы окружающей среды, оказывающие наибольшее влияние на проблемные аспекты здоровья, выбранные для вмешательства. Из группы поведенческих факторов для воспитанников интерната наиболее актуальными факторами были особенности поведения в ситуации «риска», источники информации о сохранении и укреплении здоровья, которые известны воспитанникам, опыт участия в профилактических программах. Факторы окружающей среды, включенные в исследование, были следующими: степень воздействия на поведение в сфере здоровья воспитанников различных представителей ближайшего социального окружения и направления воспитательной работы в школе-интернате № 24.

На стадии оценки образованности и экологии, в соответствие с моделью PRECEDE-PROCEED, выявляются действующие на связанное со здоровьем поведение факторы, изменение которых необходимо для того, чтобы начать и поддерживать процесс изменения поведения. В качестве предрасполагающих факторов выступали установки и информированность воспитанников в сфере здоровья, а также их потребность в дополнительной информации. К подкрепляющим факторам относятся информированность сотрудников интерната, их установки в сфере здоровья и в отношении проведения профилактической работы.

Эпидемиологическая оценка, оценка поведения и окружающей среды и оценка образованности и экологии были выполнены на основе анализа данных опроса воспитанников и сотрудников школы интерната. На основании этих данных было определено содержание обучающей программы.

На стадии управления и политики была сформирована группа преподавателей интерната, которые должны пройти обучение, составлено расписание занятий и определенно содержание профилактической брошюры для распространения среди учащихся интерната. Для разработки содержания брошюры были использованы методологические подходы, предложенные S. Sikora (2001).

На стадии реализации превентивных мероприятий было проведено обучение сотрудников школы-интерната реализации профилактической работы и разработка и издание профилактической брошюры для воспитанников.

Оценка эффективности проекта включала проведение опроса сотрудников школы-интерната, прошедших обучение в рамках превентивной программы и проведение фокус-группы с воспитанниками школы-интерната по оценке эффективности профилактической брошюры.

Опыт реализации проекта показывает, что следование общей логике модели, предполагающей тщательное планирование воздействия с учетом множества различных факторов, реализацию воздействия и многостороннюю оценку его эффективности, существенно повышает вероятность того, что проведенные мероприятия приведут к желаемому результату.

Применение метода Биологически обратной связи (БОС «Дыхание») в работе с подростками и детьми «группы риска»

Медведева Евгения Юрьевна

ассистент кафедры психологии

Ставропольский государственный университет, Ставрополь, Россия

E-mail: M-Jenifer@yandex.ru

В специализированном кабинете БОС «Здоровье» МОУ лицея №10 г. Ставрополя проводилось групповое оздоровление подростков с минимальными мозговыми дисфункциями и детей с высоким уровнем тревожности и страхов путем выработки физио-

логически целесообразного и энергетически экономичного диафрагмально-релаксационного типа дыхания.

Психологическое обследование подростков в целом включало: 12 шкал опросника самооценки (ОСО) С.Р. Пантеева и В.В. Столина; 17 параметров клинического опросника оценки невротического состояния (К.К. Яхин, Д.М. Менделевич, 1978); шкалы Тейлор (адаптация Т.А. Немчинова), ПДО А.Е. Личко (1978), методика Г. Айзенка (ЕРІ) и методика определения уровня невротизации и психопатизации (УНП, Е.В. Бажин в соавторстве, 1976 И.Б. Ласко, 1980). Психологическое обследование детей младшего школьного возраста включало 2 шкалы опросника явной тревожности СМАС и шкала наличия страхов младшего школьника.

В ходе эмпирического и экспериментально-психологического анализа выборка испытуемых была разделена на две группы. **Первая группа** включала подростков с минимальными мозговыми дисфункциями, с наличием минимальной неврологической микросимптоматики, в свою очередь она была разделена на две подгруппы: экспериментальная 1А – 11 подростков и контрольная 1Б – 23 подростка. **Вторая группа** – детей младшего школьного возраста с высоким уровнем тревожности и страхов, которая также была разделена на две подгруппы: экспериментальная 2А – 19 детей и контрольная 2Б – 28 детей.

Учитывая возраст детей, занятия проводились по методу БОС по частоте сердечных сокращений с максимальной величиной дыхательной аритмии сердца (ДАС-БОС). Данный тип дыхания известен в России и за рубежом как дыхание по Сметанкину.

В данной работе ставилась цель исследовать роль метода Биологической обратной связи (БОС) в уменьшении нарастающих признаков аномальной личностной изменчивости у подростков с органическими дисфункциями мозга и снижении тревожности и количества страхов у детей начальной школы.

Для этого предполагалось:

- провести обучение саморегуляции;
- снизить нервно-психическое напряжение;
- снизить высокую степень тревожности;
- повысить уровень стрессоустойчивости;
- уменьшить состояние эмоционального дискомфорта;
- повысить внимание;
- нивелировать невротическую симптоматику: вегетативные нарушения, обсессивно-фобические расстройства и др.

В качестве регистрируемого и управляемого параметра использовались изменения пульса при дыхании (увеличение на вдохе и уменьшение на выдохе). В работе применялся компьютерный комплекс БОС «Кардиотренажер» производства ЗАО «Биосвязь» (Санкт-Петербург), включающий современный персональный компьютер, тренинговую компьютерную программу «Cardio 2.0» и портативный прибор БОС ПБС.

Результаты эффективности БОС-тренинга оценивались по субъективному критерию стабилизации и адекватности личностных и поведенческих реакций, объективная оценка основывалась на результатах экспериментально-психологических исследований, подтверждающих восстановление механизмов психотипологической компенсации и адаптации, адекватности интегральных характеристик самосознания, как непосредственно в процессе работы и с помощью регистрации изменений биологической обратной связи, так и спустя 0,5 года после завершения курса сеансов.

Первоначальные статистические данные об изменениях психологических параметров позволяют продемонстрировать динамику интегральных характеристик самосознания у подростков экспериментальной группы (1А) в результате воздействия БОС-тренинга: на 27% перевесил показатель глобального самооценки «за» собственное «Я», а не «против» своего «Я»; увеличились показатели самоуважения на 32,3%; ауто-симпатии на 33%; ожидание положительного отношения от других на 28,5%; самоинтерес на 41%; самоуверенность на 35,3%; отношение других на 28%; самопринятие на 35,7%; саморуководство на 22,9%; самопонимание на 34,6%.

При анализе средних показателей самосознания подростков контрольной группы (1Б), которая не участвовала в работе БОС-тренинга, были получены изменения следующих параметров: на 3% перевесил показатель глобального самооценки «за» соб-

ственное «Я»; увеличились показатели самоуважения на 7,1%; аутосимпатии на 5,2%; ожидание положительного отношения от других на 14%; самоуверенность на 6,3%; отношение других на 22%; самопринятие на 2%; саморуководство на 1,8%; самопонимание на 38,2%. Самоинтерес снизился на 9,8%.

Таким образом, сравнительный анализ динамики показателей самосознания подростков контрольной и экспериментальной группы позволяет сделать вывод о статистически значимых положительных изменениях группы 1А и статистически незначительных положительных изменений группы 1Б (в результате воздействия других факторов). Также в контрольной группе наблюдается снижение интереса к себе на 9,8%, в отличие от экспериментальной группы, в которой увеличился интерес к себе на 41%.

При оценке эффективности работы БОС-тренинга с детьми группы 2А (экспериментальная группа) младшего школьного возраста были получены положительные изменения средних показателей: снизился уровень тревожности на 6,6%, уменьшилось количество страхов на 1,5%.

Сравнив средние показатели первичной и вторичной диагностики младших школьников контрольной группы (2Б), мы получили следующие изменения: повысился уровень тревожности на 2%, увеличилось количество страхов на 12%.

По результатам вышеизложенных фактов, можно сделать вывод об эффективности воздействия метода БОС «Дыхание» на младших школьников экспериментальной группы (2А). В свою очередь, результаты контрольной группы (2Б), которая не подвергалась воздействию БОС «Дыхание» имеют отрицательные изменения показателей тревожности и страхов.

На основании выше приведенных фактов об изменении показателей самосознания, направленности личности у подростков с минимальными мозговыми дисфункциями в результате воздействия БОС-тренинга и изменении уровня тревожности и страхов у младших школьников, можно заключить следующее: работа с использованием метода БОС «Дыхания» является высокоэффективной. Практически все показатели самосознания у подростков увеличились в количественном размере, а значит, улучшились в качественном, по сравнению с первичными данными. Т.е. подростки стали больше уважать себя, стали ждать больше положительного отношения от окружающих людей, больше начали проявлять к себе интерес, стали более увереннее в себе.

Я-концепция подростков с психологической зависимостью от родителей

Пономаренко Вероника Владимировна

студентка

Белгородский государственный университет, Белгород, Россия

E-mail: ravint@yandex.ru

В психологической литературе преимущественными взглядами на подростковый возраст является рассмотрение его как кризисного периода. Происходящие в подростковом возрасте изменения характеризуются физиологическими, социальными, личностными и когнитивными преобразованиями. На этом фоне перестраиваются и отношения подростков с родителями. На смену признания ребенком авторитета родителей приходит стремление к утверждению подростком собственной взрослости, самостоятельности, независимости от родителей, проявляющейся в поведении, установках и ценностях, эмоциональной сфере (О. А. Карабанова), т. е. одним из новообразований данного периода выделяют «чувство взрослости» (Т. В. Драгунова). Наряду с тем, что достижение психологической независимости от родителей является важной задачей подросткового возраста, решение которой необходимо для развития взрослой самостоятельной личности, в современном обществе, напротив, намечается тенденция инфантилизации, чрезмерное стремление к сохранению детской зависимости, обеспечивающей ощущение безопасности, уверенности и защищенности.

Категория психологической зависимости – независимости, причины, проявления этих феноменов, представления о возможных путях коррекции психологической зависимости, а также, в частности проблема психологической зависимости подростков от родителей является недостаточно разработанной в психологической науке. В нашей работе мы будем опи-

раться на понимание психологической зависимости от другого человека, специфика которой заключается в наличии близких эмоциональных связей на фоне неуверенности и неравноправия этих отношений. Психологическая зависимость подростков от родителей как особого личностного образования проявляется в амбивалентности отношения подростков к родителям и высокой эмоциональной его напряженности. Амбивалентность заключается в сочетании стремления подростка к близким, эмоциональным, доверительным отношениям с родителями, желания получить поддержку, с одной стороны, и переживания помощи и поддержки от родителей как тягостных – с другой (О. П. Макушина).

Психологическая зависимость оказывает негативное влияние на личностное развитие подростков, что приводит к возникновению проблем в общении со сверстниками, во взаимоотношениях с самими родителями, снижению способности противодействовать оказываемому давлению, может приводить к соматическим заболеваниям, определяет дисгармоничность развития их Я-концепции (О. П. Макушина). Многими отечественными психологами подчеркивается значение подросткового возраста в развитии самосознания и образа Я (Л. С. Выготский, Л. И. Божович, С. Л. Рубинштейн, П. Р. Чамата, И. И. Чеснокова), отводя главную роль в его формировании социальной ситуации развития, а значит, большой роли качества сложившихся к началу подросткового возраста детско-родительских отношений (Э.Эйдемиллер, А. Черников). Отношения с родителями и в подростковом возрасте по-прежнему остаются для ребенка исключительными и крайне значимыми. Под воздействием механизма взаимного общения происходит становление Я-концепции индивида. Происходит появление сознательного «Я», возникновение рефлексии, осознания мотивов, имитация внутренней жизни, осознание себя в системе общественных отношений, развитие социальной активности и социальной ответственности у подростков.

Наиболее важным для нашей работы является положение о том, что самосознание неразрывно связано с развитием личности, так как оно возникает в ходе этого развития. Это дает возможность рассматривать самосознание как важнейшее условие развития и совершенствования человека за счет его специфических функций, таких, как самопознание, самооценка, самоконтроль, саморегулирование, субъективность.

Таким образом, если проявление сильно выраженных зависимых тенденций подростков по отношению к родителям свидетельствует о препятствии в развитии личности, а самосознание связано с развитием личности, это позволяет говорить о том, что Я-концепция подростка является важным фактором и индикатором психологической зависимости – независимости.

Целью нашей работы является изучение когнитивного и эмоционального компонентов Я-концепции подростков с психологической зависимостью от родителей как относительно устойчивым личностным образованием. Мы предположили, что: 1) Я-концепция подростков с психологической зависимостью от родителей отличается от Я-концепции психологически независимых подростков; 2) в целом уровень развития самосознания психологически зависимых подростков ниже уровня его развития у психологически независимых подростков; 3) образ Я подростков с психологической зависимостью от родителей характеризуется меньшей дифференцированностью и когнитивной сложностью, меньшей отчетливостью и последовательностью, сближением наличного (реального) и идеального «Я» в отличие от образа Я психологически независимых подростков.

К вопросу о регуляции поведения.

Сизых Ирина Николаевна

соискатель

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

E-mail: forever_irina@mail.ru

В современном мире интенсификация процессов производства, образования, техники и т. д. усиливает воздействие на человека факторов различной силы, модальности и длительности, что усложняет процессы адаптации и социализации. В связи с этим, все

большее значение приобретают исследования, направленные на изучение регуляторов поведения и деятельности людей.

В последнее время возросло число работ, посвященных вопросам психологических («внутренних») регуляторов поведения. Особый интерес у исследователей вызывают ценностные ориентации личности и их роль в жизнедеятельности человека.

Как известно, ценностные ориентации во многом определяют успешность процессов социально-психологической адаптации и социализации индивида. Особую значимость формирование системы ценностных ориентаций, постановка и структурная организация жизненных целей приобретают на этапе подростковой и юношеской социализации. Говоря о старшеклассниках, можно отметить, что данный возраст характеризуется активным поиском смысла жизни, профессионального и личностного самоопределения. Важнейшими для них являются вопросы, касающиеся их «Я-будущего» и возможностей успешной адаптации в современном обществе.

В нашем исследовании принимали участие 33 учащихся 10-х классов, в возрасте 15–17 лет на базе общеобразовательных школ г. Иркутска.

Для определения уровня социально-психологической адаптации использовалась методика – многоуровневый личностный опросник А.Г. Маклакова (МЛО). Ценностные ориентации изучались при помощи методики М. Рокича «Ценностные ориентации». Кроме того, для уточнения данных об особенностях социально-психологической адаптации был применен факторный личностный опросник Р. Кеттелла.

На основе полученных данных были выявлены группы старшеклассников с высоким уровнем адаптации (33%), с неустойчивой адаптацией (52%) и с признаками дезадаптации (15%). Результаты исследования обнаружили определенные отличия в ценностных ориентациях старшеклассников каждой из указанных групп адаптации. Так, для старшеклассников с неустойчивой адаптацией оказалось характерным сочетание «ориентации на человека» и индивидуалистической направленности. В группе старшеклассников с признаками дезадаптации приоритетной также является ценность-цель – «ориентация на человека», но предпочитаемый ими образ действий связан с ценностями материальной жизни.

Старшеклассники с высоким уровнем адаптации важное значение придают этическим ценностям, а именно ценности «ответственность», что, по-видимому, сказывается на их высоких регуляторных способностях. Полученные результаты были положены в основу разработки развивающей программы, направленной на усиление регуляторных способностей старшеклассников посредством формирования, осознания и структурирования системы ценностных ориентаций. На наш взгляд, комплексная, последовательная реализация программы, в которой учитывается стремление старшеклассников к самопознанию, необходимость развития коммуникативных навыков, важность осознания критериев выбора и оценки собственных действий будет способствовать повышению уровня социально-психологической адаптации старшеклассников и качества их жизни в целом.

Дальнейшее исследование будет направлено на изучение эффективности разработанной программы.

Финансовая поддержка для дальнейших исследований оказана в форме гранта Иркутским государственным университетом.

Изменение агрессии при переходе от подросткового к юношескому возрасту

Худякова Инна Сергеевна

студентка

Бурятский Государственный Университет, Улан-Удэ, Россия

E-mail: lkhud@binm.bsc.buryatia.ru

Вся история человечества убедительно доказывает, что агрессия является неотъемлемой частью жизни личности и общества. Более того, агрессия обладает мощной притягательной силой и свойством заразительности – большинство людей на словах отвергают агрессию, а при этом широко демонстрируют ее в своей повседневной жизни (Змановская, 2003).

В последние годы проблема агрессивности в поведении все больше привлекает внимание психологов, педагогов, социологов и даже криминалистов.

Под агрессией понимают целенаправленное, разрушительное поведение, противоречащее нормам и правилам сосуществования людей в обществе, наносящее вред объектам нападения, причиняющее физический ущерб людям или вызывающее у них психический дискомфорт. Агрессия как психическая реальность имеет конкретные характеристики: направленность, формы проявления, интенсивность (Семенюк, 2003).

Выделяют следующие виды агрессии: враждебная агрессия; инструментальная; косвенная агрессия; вербальная; агрессия, направленная на внешние объекты и агрессия, направленная на себя; явная и латентная агрессия; индивидуальная и групповая.

Были проведены исследования по выявлению наличия агрессивных реакций в подростковом и юношеском возрасте, установлению преобладания тех или иных форм агрессивности на данных возрастных этапах и изучению динамики форм агрессии при переходе от подросткового возраста к юношескому.

В исследовании приняли участие 100 человек: ученики 8-го и 9-го классов и студенты 1-го и 3-го курсов (по 25 человек в каждой выборке). В ходе экспериментально-психологического исследования использовался опросник Басса-Дарки. Данный опросник является одним из наиболее часто используемых психологами методов изучения агрессии, надежной методикой ее исследования. Полученные в ходе исследования результаты представлены в таблице.

Таблица

Сравнительная характеристика форм агрессивности

Формы агрессии	8 класс	9 класс	1 курс	3 курс
Физическая агрессия	72,4	65,4	72,4	57,3
Косвенная агрессия	40,9	41,7	52,0	54,0
Раздражение	53,3	50,0	49,8	49,5
Негативизм	60,2	71,6	54,4	53,6
Обида	56,0	57,3	54,0	50,6
Подозрительность	59,6	68,8	52,4	53,2
Вербальная агрессия	70,2	69,5	60,0	59,5
Угрызение совести, чувство вины	63,6	69,0	78,2	75,8

Как видно из таблицы, у разных возрастных категорий агрессия имеет различные качественные и количественные характеристики. При переходе от подросткового к юношескому возрасту формы агрессивности претерпевают значительные изменения. Более подробно остановимся на каждой из данных форм.

Физическая агрессия в 8 классе занимает 1 место среди других форм агрессии; в 9 классе существенно снижается; на первом курсе снова повышается, что можно объяснить, скорее всего тем, что на 1-ом курсе люди собираются из разных школ, и происходит адаптации друг к другу; на третьем курсе физическая агрессия вновь снижается и принимает самые низкие показатели по всем группам.

Косвенная агрессия возрастает по мере возрастного развития. Близкие показатели обнаружены между 8 и 9 классами, 1 и 3 курсами.

Раздражение является преобладающим у учеников 8 класса, у остальных групп находится практически на одном уровне.

Негативизм. Наибольшие показатели наблюдаются у учеников 9 класса, затем идут ученики 8 класса. Уровень негативизма у студентов 1 и 3 курса практически одинаков.

Обида является преобладающей у учеников 9 класса, чуть ниже показатели у учеников 8 класса, 1 и 3 курса.

Подозрительность. Самые высокие показатели наблюдаются у учеников 9 класса, затем идет значительный спад подозрительности у учеников 8 класса. Подозрительность

у студентов 1 и 3 курса находится практически на одном уровне и ее показатели намного ниже, чем у школьников.

Вербальная агрессия снижается по мере возрастного развития. В 8 классе она имеет достаточно высокий уровень, затем к 3 курсу постепенно снижается.

Угрызение совести, чувство вины. Максимальные показатели наблюдаются у студентов 1 курса, далее идет постепенное снижение у студентов 3 курса, затем у учеников 9 класса и только потом у учеников 8 класса.

Таблица наглядно показывает все изменения агрессивного поведения у выборок разного возраста. Так наиболее агрессивными являются ученики 8-го и 9-го класса, менее агрессивными – студенты 1-го и 3-го курса. Это связано с тем, что подростковый период (8 и 9 классы) является одним из самых сложных периодов в онтогенезе человека. В психолого-педагогической литературе традиционно обозначают этот возраст как «трудный», «критический», «конфликтный» и т.д. Критически осмысливая себя и окружающих, подросток протестует против ханжества взрослых, их мнимой праведности, нередкой лживости поступков. В результате между взрослыми и подростками растет психологический барьер, стремясь преодолеть который, многие подростки прибегают и к агрессивным формам поведения.

Выполненная работа имеет практическую значимость. Знание особенностей возрастного изменения сферы проявления агрессивных и враждебных реакций поможет преподавателям, воспитателям, инспекторам по работе с несовершеннолетними детьми и всем, кто имеет дело с этими возрастными группами. Данные знания помогут взрослым понять внутренний мир ребенка, его проблемы, переживания, его потребности и интересы, помогут в установлении лучшего контакта, предотвращении конфликтов.

На основе полученных результатов могут быть организованы мероприятия и рекомендации по построению работы с агрессивными детьми.

Система доверительных отношений подростков, воспитывающихся в детском доме

Чернова Анастасия Александровна

аспирантка

Ростовский государственный университет, Ростов-на-Дону, Россия

E-mail: anastasiya.chern@mail.ru

Проблема сиротства, которая обусловлена в первую очередь социально-экономическими причинами в широком смысле, связана также с урбанизацией, индустриализацией, с кризисными явлениями в современной семье: разрушением традиционной структуры семьи, ее функций, ростом числа разводов и количества неполных семей, безработицей, падением жизненного уровня и условиями содержания детей, асоциальным образом жизни родителей. В последнее время в связи с ростом количества детей, оставшихся без попечения родителей в Российской Федерации (в стране зарегистрировано более 800 тысяч детей-сирот) актуальность данной проблемы резко возросла.

Необходимо спланировать и осуществить углубленный психологический анализ социальной ситуации развития, системы доверительных отношений подростка, охарактеризовать совокупность конкретных факторов, оказывающих в каждом отдельном случае дезадаптирующее влияние на личность подрастающего человека.

В нашем исследовании мы рассматриваем доверие, с одной стороны, как важное условие развития и изменения самого человека, а с другой, как результат развития.

Характерной чертой сложившихся в нашей стране в учреждениях для детей, находящихся на государственном обеспечении, является ее монологичность, закрытость и императивность. Поэтому формирование личности ребенка происходит в состоянии социальной и психической депривации, которая негативно воздействует на развитие эмоционально-личностной сферы, самопринятия и самооценки ребенка, как следствие деформируются многие базовые установки личности, связанные с гармоничным взрослением, в частности, система доверительных отношений.

Мы предположили, что формирование доверительных отношений находятся в тесной взаимосвязи не только с доминирующей формой общения, но и общим направлением

ем развития ребенка, той социальной ситуации, в которой оно происходит. Т.о, нами была выдвинута гипотеза, что у подростков, воспитывающихся в детском доме, формирование доверия идет по пути стагнации развития доверительных отношений.

Цель данной работы изучить систему доверительных отношений подростков, воспитывающихся в детском доме.

В банк методик входили методика Johnson-George and Swap «Specific Interpersonal Trust Scale», которая направлена на измерение уровня межличностного доверия к значимому другому; «Рефлексивный опросник уровня доверия к себе» Т.П.Скрипкиной; методика «Лестница» модифицированная в соответствии с целями исследования по принципу проективной психометрической методики, предложенной В.Г. Щур. Статистическая обработка данных производилась с помощью методов непараметрической статистики и корреляционного анализа.

В исследовании принимали участие 76 подростков, воспитывающихся в детском доме.

В ходе исследования мы выделили факторы (социально-средовые, ситуационные и факторы базисного доверия-недоверия), влияющие на формирование доверия. В результате мы пришли к выводу, что система доверительных отношений, а именно доверие к себе и доверие к миру формируется в определенной социальной среде, изначально в семье, и проявляется в конкретной ситуации на основании ранее сложившегося опыта общения.

Можно выявить следующие тенденции в системе доверительных отношений подростков из детского дома.

В доверительных отношениях воспитанников наблюдается определенная «спутанность» системы доверительных отношений. Основная причина этого в том, что ребенок имеет дело не с несколькими постоянно присутствующими любящими и заботливыми взрослыми, каковыми для ребенка обычно являются мать и отец, бабушки, дедушки, а с множеством постоянно меняющихся взрослых, очень разных и по особенностям своего поведения, и по характеру эмоционального и доверительного отношения к ребенку.

Поэтому доверительные отношения характеризуются нарушениями, которые выражаются в том, что объекты окружающего мира, и он сам не отвечают двум условиям возникновения доверия одновременно – ценности и безопасности. И в силу нарушения системы доверительных отношений подросток, воспитывающийся в закрытом учреждении, а именно в детском доме, не испытывает истинного доверия к взрослым. А доверительные отношения со сверстниками, в результате искусственного расширения сферы общения, носят поверхностный и кратковременный характер.

Результаты исследования позволяют сделать выводы, что если опыт доверительного общения раннего возраста был положительный, и позитивно сложились внешние факторы формирования доверия, то можно говорить о формировании гармонично развивающихся доверительных отношениях. Если же ребенок развивается в условиях депривации доверия, имеет негативный опыт базового доверия, то формирование доверия идет по пути стагнации развития доверительных отношений. У таких детей формирование эмоционально-нравственных эталонов деформировано или отстает в развитии, у них не дифференцированы эмоции, что одновременно подкрепляется ситуативными факторами негативного опыта взаимодействия с окружающими людьми. В результате этого основные формально-динамические характеристики доверия не формируются, на основе чего происходит дальнейшая деформация развития как эмоционально-нравственной, так личностной сфер, что неблагоприятно сказывается на отношениях ребенка с социальным окружением.

ПОДСЕКЦИЯ «ЭТНОПСИХОЛОГИЯ»

Национальные гетеростереотипы представителей различных национальных общностей, оказывающие влияние на агрессивное поведение

Арутюнян Кристина Вартановна

студентка

Волгоградская академия государственной службы, Волгоград, Россия

В создании образов других национальностей огромную роль играет массовое сознание, сформированное литературой, искусством, слухами, в меньшей степени коллегами по работе или кратковременными эпизодическими встречами. При формировании стереотипа, сначала формируются отношения, а потом они уже наполняются конкретными языковыми и действенными компонентами. Причины собственных неудач люди зачастую ищут в поступках окружающих, а в многонациональной среде эти представления в определенных условиях могут преобразовываться в национальные стереотипы. Гетеростереотип – это представления, установки какой-либо национальной группы о чужой национальной общности.

Цель нашего исследования – выявить источники формирования национальных стереотипов в гетеропроявлениях. Показать влияние гетеростереотипов на агрессивное поведение. Национальные гетеростереотипы – это, совокупность негативных, установок, содержащих в себе отрицательное отношение к представителям других национальностей, которые зависят от общественного мнения и от реального опыта общения с представителями других национальностей.

В исследовании были использованы следующие методы: опрос (анкетирование) и семантический дифференциал Ч. Осгуда.

Были получены следующие результаты. Среди источников формирования национальных гетеростереотипов испытуемые выделили: мнения в обществе (установки, предубеждения и т.д.) – 29%; воспитание в семье – 28%; СМИ (телевидение, радио, интернет) – 27%; воспитание в школе – 6%; образование – 2%; друзья – 8%. Лишь 0,5% испытуемых указал еще один вариант – собственный опыт.

Были выявлены определенные совокупности, составляющие содержание гетеростереотипа. Испытуемые выделяют только черты «национального характера», которые мешают или способствуют общению с представителями этих национальностей, не делая акцент на положительных и отрицательных смысловых компонентах этих качеств.

Предложенные нами национальности (чеченцы, армяне, русские) были наделены следующими гетеростереотипами:

Чеченцы: духовность, сила, агрессивность, конфликтность, вспыльчивость, бесчеловечность, враждебность, опасность, фанатизм, мстительность, воинственность, фанатизм, забота о семье, религиозность, традиционность, «носители кинжала», «дикари, спустившиеся с гор», «плохие».

Армяне: вспыльчивость, доброта, сила, миролюбивость, человечность, хитрость, эмоциональность, упорство, красота, любовь к семье, гостеприимство, щедрость, предприимчивость, приспособленчество, «грешник», «друг», «отношение к женщинам, как к собственности», вкусные блюда: шашлык, коньяк, колоритная природа.

Русские: бесшабашность, лень, подсознательная зависимость, враждебность, злость, жизнь «здесь и сейчас», ум, выносливость, духовность, надежда «на авось», патриотизм, спонтанность, глупость, несобранность, любовь к «халяве», изобретательность, безнравственность, конфликтность, «грешник», симпатичность, безопасность, приспособленчество, «друг».

У каждой из наций присутствуют специфические черты «национального характера», мешающие общению и которые способны вызывать агрессию у представителей других наций. Чеченцы: агрессивность (21%), конфликтность (20%), враждебность (20%). Армяне: вспыльчивость (38%), конфликтность (25%), высокая самооценка (25%). Русские: высокая самооценка (29%), безнравственность (25%), враждебность (17%).

Перечисленные национально-психологические особенности также являются показателями уровня агрессии различных национальных общностей.

По результатам исследования было выявлено, что нетолерантная и агрессивно настроенная по отношению к другим национальностям и их особенностям нация – русские. Мы спокойно относимся к собственным негативным особенностям «национального характера», но не терпим их у других наций, несмотря на то, что мы живем в многонациональной стране.

Очень важно понять, что в повседневной жизни национально-психологические особенности могут уходить на второй план и не бросаться в глаза. Однако, в экстремальных ситуациях, в условиях экономических и военно-политических бедствий представители отдельных народов «странным» образом вспоминают о своем происхождении и ведут себя в соответствии с агрессивными тенденциями реагирования и склонностями в принятии решений.

Для того, чтобы уменьшить всплеск агрессии у наименее толерантных представителей национальных общностей, необходимо проведение социально-психологического тренинга, направленного на снижение агрессивного реагирования на национально-психологические особенности отдельных представителей нации.

Проблема поликультурного образования как фактора этнической социализации школьников

Минакова Е. А.

аспирантка

Московский городской психолого-педагогический университет, Москва, Россия

В 60–70 гг. в различных странах мира произошло признание ценности и полезности культурного многообразия как фактора укрепления государственной стабильности на основе мирного сосуществования и тесного взаимодействия различных народов и этнических групп. В эти годы такие страны как США, Канада, Германия сталкиваются с проблемой аккультурации национальных меньшинств, их продуктивной интеграции в доминирующую языковую и культурную среду. Возникает идея, так называемого, поликультурного образования (следует отметить, что до сих пор четко не сформулированы принципы поликультурного образования, существует несколько подходов к пониманию его принципов). Поликультурное образование выступает в роли ответа на «социальный заказ эпохи».

В России проблема поликультурного образования приобретает особую актуальность и сложность в 90-е годы, когда в условиях социально-экономических и политических реформ сложилась ситуация, для которой характерны усиление этнизации содержания образования, возрастание роли родного языка, рост влияния религии на формирование самосознания личности и др.. Не только в России, но и во многих странах мира наблюдается «этнический ренессанс» – стремление отдельных личностей и целых народов обрести свою этническую идентичность и утвердить ее для своего социального окружения.

По мнению исследователей, в этих условиях поликультурное образование, с одной стороны, способствует этнической идентификации и формированию культурного самосознания, а с другой стороны, препятствует этнокультурной изоляции. Подрастающее поколение нуждается в специальной подготовке к вступлению в поликультурную среду.

Среди всех существующих подходов к пониманию поликультурного образования сейчас наибольшей популярностью пользуется социально-психологический подход, отличительная черта которого – рассмотрение поликультурного образования как особого способа формирования определенных социально-установочных и ценностно-ориентационных предрасположенностей, коммуникативных и эмпатических умений, позволяющих ученику осуществлять интенсивное межкультурное взаимодействие и проявлять понимание других культур, а также толерантность по отношению к их носителям.

Следует отметить, что хотя многочисленные эмпирические исследования неоднократно подтверждали, что дети, чья национальная принадлежность отличается от большинства в классе, имеют низкую самооценку и проявляют недостаток уверенности. Однако также исследования подтверждают, что если группы находятся в состоянии кон-

фликта, на самооценку оказывает влияние уже не национальный состав класса, а широкий социальный контекст: одинаково низкая самооценка была выявлена у арабских подростков и в совместных еврейско-арабских школах, и в чисто арабских. Осознавая себя членами группы меньшинства, они сравнивали себя не с соучениками-евреями, а с группой большинства в целом. Также у членов низкостатусных групп меньшинства, не видящих возможности бороться за изменение ситуации в обществе, может появляться внешнегрупповой фаворитизм – предпочтение чужой группы.

Исследования русских сказок в сравнении со сказками других народов

Орловская Мария

студентка

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Исследовались межобразные связи героя в русских и даосских эпических произведениях. Из всей системы межобразных связей на первом этапе исследования были выделены отношения «кооперация-конкуренция-уход от взаимодействия».

Была выдвинута гипотеза о конфессиональном влиянии основной религии на систему отношений героя с его окружением.

В даосском традиционном эпосе в результате влияния традиционной религии, исповедующей созерцание и недеяние, в отношениях героя с его окружением будет преобладать «уход от взаимодействия» наиболее эффективным будет герой, умеющий уходить от навязываемого ему проблемного взаимодействия.

В русских сказках будет преобладать система отношений «кооперация-конкуренция», при этом характер предпочтений той или иной формы взаимодействия будет зависеть от того, с кем именно и во имя какой цели взаимодействует герой:

1. Отношения покровитель героя – герой в русской сказки.

Покровитель героя никогда не является его родителем или родственником. Это чаще всего царь или же встречаемый в пути персонаж.

Среди отношений между ними наиболее часто встречаемые:

1) Ради покровителя герой совершает свои подвиги и в конце покровитель награждает его. В этом случае покровитель сам не участвует в действиях героя. В этом случае покровитель чаще всего роднится с героем через дочь, которую выдают замуж за героя.

2) Покровитель становится врагом героя.

В русских сказках всегда добро побеждает зло, то есть положительный герой всегда побеждает отрицательного героя. Как правило, все, кто до конца остается верен положительному герою остаются в живых или же волшебным образом исцеляются.

2. Источники победы героя.

Сила или ум и хитрость дается герою с детства как дар божий.

В финальной развязке:

1) Герой побеждает врагов с помощью: а) своей силы; б) своего ума и хитрости.

2) Герой побеждает при помощи маленьких помощников⁶ благодаря таким своим качествам: а) доброте и стремлении помочь другим (он спасает маленьких помощников из беды, а они за это ему помогают); б) милости (герой не убивает, отпускает маленьких помощников, а они за это ему помогают; в) своей силе (он сражается с маленькими помощниками, побеждает их и за это они начинают ему служить); г) своим умом и хитрости (герой интеллектуально побеждает маленьких помощников и за это они начинают служить ему).

Таким образом, в русских сказках герою дана сила от бога и \ или он побеждает благодаря своим способностям.

⁶ Маленькие помощники – все персонажи сказки, которые помогают герою на протяжении всей сказки или какой-то ее части и являются равными по социальному статусу герою или ниже его. К ним не относятся родители и такие всемогущие персонажи как царь, правитель, бог, и т.д.

Отношения с маленькими помощниками в русской сказке строятся по двум схемам:

Маленькие помощники предают героя, превращаясь тем самым во врагов, после чего он их побеждает.

Маленькие помощники абсолютно верно служат герою, помогая ему тем, что он сам не объективно не умеет делать, а также подсказывая, что делать, если он этого не знает. Они, с одной стороны, являются как бы его дополнением, а с другой стороны заменяют волшебное средство, зная в нужный момент, что необходимо сделать и что произойдет в будущем.

Авто- и гетеростереотипы внешности русских и саха в представлениях у юношей и девушек

Потапова Александра Николаевна

студентка

Якутский государственный университет им. М.К. Аммосова, Якутск, Республика Саха (Якутия), Россия

В содержании этнических стереотипов, как правило, зафиксированы оценочные мнения о моральных, умственных, физических качествах, присущих представителям различных этнических общностей. Помимо этого в содержании этнического стереотипа могут присутствовать и предписания к действию, в отношении людей данной национальности, и комплекс представлений о внешнем облике представителей данного народа. Изучение содержания этнических стереотипов, у представителей разных этносов имеет большое значение для понимания многих проблем в области общения, межэтнических отношений, при анализе таких явлений, как межэтническое взаимодействие, этноцентризм и т.д. Изучая авто- и гетеростереотипы внешности мы можем выявить наличие или отсутствие феномена авто- и гетеростереотипа у представителей двух этнических групп – русской и саха.

Цель: выявление авто- и гетеростереотипов русских и саха в представлениях у юношей и девушек.

Гипотезы исследования:

1. автостереотип будет иметь более позитивную внешнюю характеристику, чем гетеростереотип у обеих этнических групп.
2. в автостереотипах, образ девушки будет более позитивным, чем образ юноши у обеих этнических групп.

Методы исследования: В данной курсовой работе используются две методики, разбивая исследование на два этапа:

На первом этапе были получены свободные описания – «типичные внешние характеристики русского (якута)». Инструментом обработки текстов явился контент-анализ. Качественной единицей выступала категория «внешность».

На втором этапе для изучения авто- и гетеростереотипов русских и саха (девушек и юношей) использовался метод семантического дифференциала: список пар полярных противоположностей с шести балльной шкалой. Все 19 шкал методики составили внешние характеристики, приписанные русским и саха на первом этапе исследования.

По результатам исследования, русские приписали себе выше среднего рост, среднюю комплекцию тела, среднюю стройность, более короткие волосы, светлого оттенка, которые могут быть волнистыми, светлую кожу, большие глаза светлых оттенков, средний нос, длинные и стройные ноги. Якуты же приписали себе такие характеристики как средний рост, более светлую кожу, темные и большие глаза, средней длины и стройности ноги, темные, полудлинные, прямые волосы.

При сравнении автостереотипа русских и гетеростереотипа якутов можно проследить некую схожесть описания русскими своей группы и описаниями якутами русской группы. Различия наблюдаются лишь в указании точности (на сколько светлые и т.д.). При подсчитывании по семантическому расстоянию между автостереотипом русских и гетеростереотипом якутов $O = 1,6$. Что говорит о малых различиях между автостереотипом русских и гетеростереотипом якутов. Это можно объяснить тем, что якуты и рус-

ские тесно взаимодействуют, много общаются между собой, так как являются студентами одного университета, республики, страны.

Если сравнить результаты исследования автостереотипов якутов с результатами гетеростереотипов русских, то получатся следующие данные: При сопоставлении семантических расстояний между ними $O = 4,1$, что больше предыдущего результата на 2,5. Что может свидетельствовать о наличии «внутригруппового фаворитизма» у русских, то есть в приписывании членам своей группы наиболее социально желаемых качеств. А может якуты, которые участвовали в исследовании были не чисто якуты, а смешанной крови, что может объяснить приписывание своей группе больших глаз. Имеются большие разногласия по 5 характеристикам: разрез глаз, длина и стройность ног, рост, нос, скулы.

При корреляции гетеростереотипов с автостереотипами получается, что автостереотипы более позитивны, так как их корреляция равна $-0,143$ ($0,0017$), что меньше корреляции гетеростереотипа ($r = -0,78$ ($-0,014$)). Что подтверждает нашу первую гипотезу о том, что автостереотип будет иметь более позитивную внешнюю характеристику, чем гетеростереотип у обеих этнических групп.

При корреляционном анализе тендерных различий в автостереотипах русских и саха получилось, что между образом девушки саха и юношей саха существует обратная связь ($r = -1,9$; $t = -0,013$). Это говорит о том, что образ девушки оценен более позитивно, чем образ юноши саха. Это может быть связано с тем, что люди воспринимают человека по его психологическим качествам, внутреннему содержанию. И в зависимости как он покажет себя, так и оценивают его внешность. Наверно, у респондентов был не лучший опыт взаимодействия, общения с юношами саха. При сравнении образа русской девушки и русского юноши получилось, что между ними существует прямая связь ($r = 0,62$; $t = 0,0076$). Значит, образ юноши получился более позитивным, чем образ девушки. Это может объясняться тем, что русские девушки дали наиболее положительные оценки юношам своей этнической группы. Это может означать, что у русских девушек есть групповой фаворитизм.

Таким образом, наша вторая гипотеза о том, что в автостереотипах образ девушки будет более позитивным, чем образ юноши у обеих этнических групп, подтвердилась частично.

Этническая стереотипизация в контексте повседневной межличностной коммуникации в среде мегаполиса

Ткаченко Наталья Владимировна

аспирант

Московский городской психолого-педагогический университет, Москва, Россия

В массе этнопсихологических исследований выделяют три основные теоретические ориентации. Релятивисты рассматривают психологические феномены через их обусловленность культурным контекстом. Наиболее яркий представитель – Леви-Брюль – противопоставлял первобытное мышление логическому мышлению европейцев.

Абсолютисты считают, что отрицается любая культурная специфика. То есть культуры одинаковые, но люди разные. Сторонник "абсолютизма наоборот" Коул, считал, что – культуры равные и одинаковые. Сторонники универсализма придерживаются позиции, что – культуры равные, внешне разные, а в основе своей одинаковые.

Так же многочисленные теории, рассматривающие феномен этничности, сводятся к трем подходам в интерпретации этого явления: примордиализму (природное, не производное, данное нам до опыта социального взаимодействия. Здесь человек, идентифицирующий себя с определенной этнической группой, обязательно должен чувствовать сильную привязанность к своей группе и ее культуре. Иными словами, примордиалисты считают этничность врожденной), инструментализму (инструментализм переоценивает значимость сознательной деятельности людей в процессе возникновения этнических общностей) и конструктивизм (Эта парадигма учитывает, в отличие от примордиализма, социальные, политические, экономические изменения, трансформирующие систему в целом.

Но вместе с тем конструктивизм не объясняет, какие действия необходимо предпринять индивиду для улучшения или изменения той социальной реальности, в которой он живет).

Актуальность исследования определяется высокой значимостью феномена этничности в современном обществе, как на социально-политическом уровне, так и в повседневной жизни. В настоящее время в России отмечается рост негативного отношения к определенным этническим и расовым группам на фоне трудностей по реализации общественных и научно-исследовательских программ по формированию в российском обществе культуры толерантности и межнационального согласия.

На наш взгляд, эти трудности во многом обусловлены недостаточной изученностью механизмов и форм влияния этнической стереотипизации как социально-психологического феномена на контекст повседневной межличностной коммуникации, чему и посвящено настоящее исследование.

В соответствии с вышеперечисленным, основной задачей данного теоретического исследования является рассмотрение вопроса в следующих аспектах:

Социологический. Анализ различных теорий этничности и теорий коммуникации.

Социально – психологический. Обзор и анализ того, как этнические представления (стереотипы, атипичные) влияют на процесс межличностной коммуникации (внутрикультурной и межкультурной). А так же по каким принципам протекает межличностная коммуникация, ограниченная рамками этнических представлений, если известно, что межличностная коммуникация включает в себя как внутрикультурную, так и межкультурную коммуникацию. И если известно, что коммуникация – чрезвычайно сложный процесс кодирования и декодирования информации, происходящий в быстрой последовательности и накладывающейся друг на друга так, что он происходит почти одновременно.

Философско-методологический. Анализ философских учений, которые объясняли социально-психологическое взаимодействие людей в ситуации свой – чужой.

Эмоциональное отношение к этническим признакам как фактор психической адаптивности

Хамидуллина Эльвира Ильдаровна

студентка

Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет, Казань, Россия

E-mail: elvi.06@mail.ru

В последнее время общепризнанным является тот факт, что наша цивилизация испытывает информационный кризис (Скворцов Н.Г., Сусоколов А.А., Сухарев А.В.). Большой поток новой информации возникает как вследствие развития средств массовой информации и коммуникации, так и вследствие изменения демографической ситуации. Каждый элемент информации имеет определенный этнокультурный смысл. Массовая миграция приводит к нарастанию национальных и культурных контактов, изменяя образ человека в обществе (Лебедева Н.М., 1993).

В связи с этими процессами исследователи выделяют "этнический парадокс современности", который заключается в возрастании роли этнических факторов в обществе и индивидуальной психике человека, несмотря на снижение значимости национальной принадлежности для социальной реализации человека в современных экономических условиях (Стефаненко Т.Г., 2000). Показано, что в современном обществе отношение к этничности играет существенную роль в психической адаптации человека к его внутренней и внешней среде. Это предполагает разработку соответствующих методов исследования факторов и механизмов функционирования этнических составляющих личности с целью поисков способов путей и повышения психической адаптивности.

Психическая адаптация определяется активностью личности и выступает как единство процессов аккомодации и ассимиляции в приспособлении структуры и функций индивида или группы к условиям среды. С позиций этнофункционального подхода важнейшим условием адаптивности выступает согласованность эмоционального отношения в психике субъекта к этническим признакам, связывающих его с образом "своего" этноса. Наличие в психике этнофункциональных рассогласований обуславливает психиче-

скую дезадаптацию к внутренней и внешней среде и связано с психическими нарушениями: алкоголизацией, наркотизацией, депрессивными состояниями, психопатологическими нарушениями (Сухарев А.В., Степанов И.Л.).

Однако сами авторы этнофункционального подхода указывают на актуальность расширения эмпирической базы данной теории (изначально разработанной на выборке испытуемых с явными (клиническими) признаками психической дезадаптивности) для случаев развития психике в норме. Кроме того, имеется необходимость разработки и совершенствования валидного инструментария для проведения массовых эмпирических исследований. В связи с этим проблемой нашего исследования является изучение эмоционального отношения к этническим признакам как фактора психической адаптивности на выборке психически здоровых испытуемых.

Для определения согласованности эмоционального отношения к этническим признакам нами была модифицирована методика «Выраженность эмоционального отношения к группам этнических признаков» (А.В.Сухарев). Психическая адаптивность измерялась через оценку психических состояний, поскольку исходя из концепции А.О. Прохорова равновесные отрицательные состояния, отрицательные состояния повышенной психической активности, и отрицательные состояния пониженной психической активности связаны с психической дезадаптацией.

В основе исследования лежало предположение, что согласованность эмоционального отношения к группам этнических признаков, выявляемая при помощи модифицированной методики, должна быть связана с наличием равновесных состояний, поскольку данные параметры согласно теоретическим концепциям, являются однофакторными феноменами, связанными с адаптивностью психики (Ганзен В.А., Юрченко В.Н., 1991)

Всего было обследовано 291 человек обучающихся в разных ВУЗах Казани, 49% – русской национальности и 51% – татарской национальности. Нами было выявлено отсутствие различий между показателями согласованности эмоционального отношения к группам этнических признаков у представителей русской и татарской национальности (по t -критерию Стьюдента, $t_{эм} = 1,915$).

По уровню эмоциональной согласованности выборка была поделена на три подгруппы: высокий уровень согласованности эмоционального отношения к группам этнических признаков; норма; низкий уровень согласованности эмоционального отношения к группам этнических признаков. В результате было установлено, что для высокого уровня согласованности были значимо чаще присущи ($\rho=0,90$, $v=90$, $t_{эм}=1,76$) равновесные положительные состояния (спокойствие, блаженство). Для низкого уровня эмоциональной согласованности (рассогласованности) значимо чаще присущи ($\rho=0,99$, $v=90$, $t_{эм}=3,65$) равновесные отрицательные состояния (раздвоенность, сомнение, сожаление, озабоченность), а также ($\rho=0,90$, $v=90$, $t_{эм}=1,93$) отрицательные состояния пониженной психической активности (депрессия, тоска).

Таким образом, диагностируемая с помощью методики согласованность/рассогласованность эмоционального отношения к группам этнических признаков действительно связана с неравновесными психическими состояниями, что подтверждает возможность использования обеих концепций для исследования этнопсихологических факторов адаптации субъекта в современных социальных условиях.

Можно сделать следующие выводы: во-первых, применяемая нами методика валидна для исследования проявления согласованности/рассогласованности эмоционального отношения к группам этнических признаков; во-вторых, полученные данные расширяют эмпирическую базу этнофункционального подхода, подтверждая, что согласованности/рассогласованности эмоционального отношения к группам этнических признаков имеет аналогичные механизмы функционирования и в психике здоровых субъектов.

Сравнительный анализ проявления типов этнической идентичности представителей титульных и нетитульных этногрупп в Республике Татарстан

Харисова Гульшат Фиразовна

студентка

Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет, Казань, Россия

E-mail: gulshatik@inbox.ru

За последние десятилетия исследования в области этнопсихологии приобретают крупные масштабы. Но до сих пор существует множество проблем являющиеся актуальными, но малоизученными и противоречивыми, среди которых есть и проблема адаптации и интеграции малочисленных народов, проживающих в нашем полиэтничном обществе.

Этноконтактная ситуация в Республике Татарстан достаточно благополучна и сбалансирована, но существует ряд факторов, оказывающих сильное влияние на все сферы жизнедеятельности этносов. К одним из них относятся миграционные процессы, участвующие в формировании этнического состава населения. Мигранты приносят с собой свои этнические традиции и специфические навыки трудовой деятельности и, являясь носителями своих национальных языков, – особенности национальной психологии и самосознания. В процессе социализации, когда новому поколению передаются нормы и ценности социокультурной среды, ребенок приобретает все новые знания о межэтнических различиях и более четко определяет свою принадлежность к той или иной группе. В результате каждый новый член общества оказывается «приписанным» к тому или иному этносу. Однако по литературным данным известно, что с возрастом у членов этнических меньшинств происходит сдвиг этнической идентичности к «внутригрупповой ориентации».

Проблемой нашего исследования стало рассмотрение особенностей этнической идентичности у представителей малочисленных этногрупп в Республике Татарстан.

В качестве представителей нетитульной национальности в нашем исследовании выступили чуваша, поскольку по данным переписи 2002 года в национальном составе Республики Татарстан среди нетитульных национальностей они занимают ведущее место (3,34%). Сравнивая результаты, полученные на испытуемых, принадлежащих к титульным национальностям – татарам и русским, исследованных нами в 2005 году, с данной выборкой, можно отметить следующее.

В выборке чувашей к типу «этнонигилизма», «гиперидентичности» принадлежит 6,25% респондентов, к типу «норма» – 43,75% и к типу «этноиндифферентность» – 37,5%. Проявления гиперидентичности и позитивной этнической идентичности более ярко выражены у чувашей по сравнению с представителями титульных национальностей (в выборке татар и русских 3,76% и 41,08% соответственно по данным показателям). Из содержания ответов видно, что для чувашей значима настоящая дружба, и она может быть только между людьми одной национальности, но с другой стороны, они готовы иметь дело с представителями любого народа, несмотря на расовые и национальные различия. Ярко выраженная позитивная этническая идентичность чувашей (43,75%) позволяет говорить об успешной адаптации респондентов к образу и ценностям жизни, культурам, традициям и обычаям этноконтактных групп, а также согласование их психики с внутренними и внешними условиями среды.

Вместе с этим необходимо учитывать и показатель «этноэгоизма» (6,25%), характеризующийся раздражением при близком общении с людьми других национальностей, что может выступать симптомом процесса дезадаптации, возможно обусловленной такими факторами как индустриализация, урбанизация, развитие средств массовой информации, особенности природно-климатических условий, которые могут порождать психические конфликты как внутри личности, так и в группе и оказывать реальное влияние на их поведение.

При ответе на вопрос «Совпадает ли Ваша национальность с той, которой Вы идентифицируете себя?» лишь 56,25% респондентов ответили утвердительно, что говорит о вероятности проявления этнической маргинализации у второй половины респондентов.

В этой связи можно процитировать Е. Stonequist'a, говоривший о «маргинальной» личности, то есть личности, у которой происходит смешение традиционных, социальных и религиозных норм. Кроме того, многими исследователями подчеркивалось, что для комфортного пребывания в обществе необходимо учитывать одну из важнейших характеристик адаптации – толерантность, – отсутствие негативного отношения к иной этнической культуре.

Так как «этноиндифферентность» (то есть те, кто никогда серьезно не относится к национальным проблемам) (37,5%) располагается в нашей выборке на втором месте после «позитивной этнической идентичности», следовательно, выступление против большого общества, характеризующегося чувством отчуждения и потерей идентичности, не является доминирующим признаком для чувашей.

Таким образом, проведенное нами исследование подчеркивает стабильную и благополучную ситуацию для проживания различных этносов, что с одной стороны обусловлено толерантным отношением титульных этносов, и с другой – заинтересованностью нетитульных этносов в приобщении к их культуре, традициям, обычаям и т.д.

К проблематике этнопсихологических особенностей категории общения

Эрхитуева Любовь Ильинична

аспирантка

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: luba7@rambler.ru

Разработка концептуальных основ проблемы общения, в области психологии, связана с трудами таких выдающихся психологов как В.М.Бехтерева, Л.С.Выготского, С.Л.Рубинштейна, А.Н.Леонтьева, Б.Г.Ананьева, М.М.Бахтина, В.Н.Мясищева и других, которые рассматривают общение как важное условие психического развития человека, его социализации и индивидуализации, формирования личности.

Мы полагаем, что специальное изучение феномена общения на стыке таких наук как этнография, психология, лингвистика, психосемантика обогащает, каждую из областей в отдельности и оказывает значительную помощь при анализе данной категории в области этнопсихологии.

Важнейшим средством человеческого общения является язык. Как отмечает А.А.Леонтьев, речевое общение, бесспорно, является не только наиболее сложной и наиболее совершенной формой общения, но и формой наиболее специализированной, это позволяет рассмотреть речевое общение как такую форму общения, где общие психологические закономерности процессов данного явления выступают в наиболее характерном, наиболее обнаженном и наиболее доступном исследованию виде. (1)

Экспериментальным материалом в проведении обследования в нашей работе послужили глагольные фразеологизмы, непосредственно относящиеся к речевому общению, например, губы, слово, рот, язык, голос, сказать, называть и т.д. С целью вычленения данных единиц был проведен анализ фразеологических словарей русского и бурятского языков, в результате которого была выделена группа из 41 идентичных по смыслу фразеологизмов.

По мнению В.Ф.Петренко, фразеологизмы интересны, тем, что, являясь разновидностью фольклора, несут в себе совокупный общественный опыт, отражают структуры обыденного, житейского сознания, национально-культурную специфику языка.

Особенностями фразеологизма являются:

- целостное, неаддитивное строение образующих его элементов, задающих в совокупности целостное значение.
- его метафорический, образный характер, закрепленный в понятии фразеологической идиоматичности, часто выделяемой в качестве основного признака фразеологизма.

Передавая абстрактное через конкретное, отвлеченное через наглядное, осязаемое, фразеологизмы являются как бы формой рефлексии внеязыковой действительности. Они порождены потребностью в выразительных средствах коммуникации – вербального вы-

ражения чувств, эмоциональных оценок, способов эмоционального воздействия, ярких и метких характеристик человека, предметов, явлений.

Кроме того, (что очень важно) в фразеологизмах наиболее ярко проявляются национально-культурная специфика языка, его связь с материальной и духовной жизнью народа, его историей, обычаями. Эти «обычные выражения», являющиеся, по мнению Ф. Н. Буслаева, своеобразными микромифами, содержат в себе «и нравственный закон, и здравый смысл, выраженные в кратком изречении, которые завещали предки в руководство потомкам».(2)

Мы полагаем, что рассмотрение категории общения в этнографическом контексте позволяет способствовать более глубокому проникновению в психологию людей иной культуры. Являясь результатом, продуктом деятельности людей, культура в то же время оказывает обратное влияние на формирование человеческого мышления и сознания, в ней закрепляются определенные формы регуляции человеческого поведения. По мнению М. М. Муканова, в традиционной культуре такие образования, как пословицы, поговорки, загадки, выступают для обыденного сознания своеобразной формой рефлексии, понимаемой как процесс критического осмысления текущей деятельности и основание перехода к новой деятельности. Подобную мысль можно с полным правом отнести и к фразеологизмам.(2)

Анализ фразеологизмов, в настоящей работе проводился в рамках психосемантического подхода, поскольку психосемантические методы анализа ориентированы на моделирование реальной речевой деятельности субъекта-испытуемого и на исследование значений, так сказать, «в режиме употребления».(3)

К подобным формам искусственно построенной речевой деятельности по оперированию лексикой относятся различные варианты ассоциативного эксперимента, процедуры сортировки, классификации и шкалирования, тесты неоконченных предложений, искусственные диалоги с помощью поговорок, пословиц, кодирование лексическими единицами различных изобразительных сюжетов и т. п. В результате математической обработки полученных данных выделяются структуры категоризации, лежащие в основе понимания и оперирования лексикой, которыми человек пользуется, порой не осознавая их.

Для выделения категориальных структур осуществляется построение субъективных семантических пространств. Семантические пространства являются неким метаязыком исходного языка описания (в данном случае фразеологизмов), а их построение заключается в выделении обобщенных категорий-факторов, на языке которых, выступающим базисным алфавитом, записывается исходная лексика.

В нашем исследовании для построения семантических пространств для четырех групп испытуемых (буряты, знающие бурятский и русский языки; буряты, плохо знающие бурятский язык; русские; буряты не знающие русского языка, говорящие только на бурятском языке) были использованы методики классификации и семантического дифференциала.

ПОДСЕКЦИЯ «ПСИХОЛОГИЯ СМЫСЛА И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ»

Толерантность и ценности субъекта: индивидуальный и групповой аспекты

Барабанова Анна Михайловна

студентка

Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия

E-mail: Tehhe@mail.ru

Проблема толерантности в настоящее время – это проблема существования всего человечества. Все люди решают в своей жизни вопрос: каким образом строить отношения с людьми, непохожими на них самих? Благоприятный исход принятия решения ча-

ще всего связан с изучаемым нами явлением толерантности, значимость которого, с нашей точки зрения, неоспорима.

Толерантность означает способность индивида без возражений и противодействия воспринимать отличающиеся от его собственного мнения образ жизни, характер поведения и какие-либо иные особенности других индивидов. Под ценностями понимаются некие идеальные цели общества, социальной группы или личности, которые задают направление действиям и помыслам людей, являются образцом для сравнения желаемого и действительного. Исходя из этого, мы считаем, что толерантность является одной из важнейших ценностей в современном обществе.

В нашей работе мы исследовали толерантность и ценности в индивидуальном и групповом аспектах. Сложность изучаемой проблемы заключается, в частности, в противоречии между группами представлений о толерантности, имеющихся в науке подходов. С точки зрения ряда авторов (А.Г. Асмолов, В.С. Магун), толерантность субъекта может быть выражена в определенной степени. По мнению других авторов (О.Я. Бондаренко), это свойство либо присутствует у субъекта, либо его нет, то есть нельзя говорить о присущем ему определенном уровне толерантности.

Мы считаем необходимым изучать толерантность, причем именно в связи с ценностями индивидуального и группового субъектов, т.к. полученные при этом знания помогут найти пути достижения толерантного взаимодействия между людьми. В числе прочих это будет способствовать конструктивному разрешению проблем, возникающих в общении студентов, приобретению ими положительного социального опыта, поскольку есть основания полагать, что старший юношеский возраст, к которому как раз относится студенчество, особо сензитивен к формированию толерантности в связи с тем, что в этот период складывается мировоззрение личности, перестраивается ценностная сфера, закрепляется тот или иной стиль взаимоотношений с окружающими.

В исследовании использовался комплекс методов. Для сбора теоретической информации нами применялись анализ психологической литературы, систематизация и обобщение данных по изучаемой теме; для сбора эмпирической информации – опрос, наблюдение, групповая дискуссия. Обработка данных осуществлялась с помощью методов качественного и количественного, в том числе статистического, анализа.

Проведенный нами теоретический анализ литературы, посвященной изучаемой проблеме, позволил выдвинуть гипотезу, которая заключалась в предположении о наличии связи между особенностями иерархии ценностей и уровнем присущей субъекту (отдельному индивиду и группе) толерантности, а именно: чем выше согласованность иерархии ценностей и представлений об их доступности, тем более высоким уровнем толерантности он характеризуется.

Для проверки этой гипотезы мы провели эмпирическое исследование с применением комплекса диагностических методик, реализующих указанные выше методы.

В этом исследовании мы установили особенности ценностной структуры изучаемых субъектов, степень рассогласованности между ценностями и представлениями об их доступности у отдельных индивидов и групп, а также уровень развития толерантности указанных субъектов.

Проведенное нами исследование позволяет сделать следующие выводы.

В изученной нами выборке треть студентов (29 %) характеризуется низким уровнем общей толерантности, немногим менее двух третей (61 %) – средним уровнем, и только десятая часть (10 %) – высоким уровнем указанного качества. При этом наиболее значимый вклад в общие показатели вносят характеристики межличностной толерантности.

С переходом с курса на курс студентов проявляется позитивная динамика, рост показателей толерантности.

Девяти из одиннадцати исследуемых групповых субъектов присущи высокий или средний уровень толерантности, низким уровнем характеризуются только две группы;

Большая часть изучаемой выборки индивидуальных субъектов отличается гармоничностью, согласованностью иерархии ценностей и представлений об их доступности.

Выявлен факт повышения дифференцированности структуры ценностей и «доступностей» у студентов от второго курса к четвертому.

Практически во всех групповых субъектах наблюдается значительное рассогласование ценностей и представления об их доступности при отсутствии связи с уровнем групповой толерантности;

Существует тенденция обратной связи между уровнем толерантности индивидуальных субъектов и показателями расхождения ценностей и «доступностей». Иными словами, чем более согласованы ценности и представления об их достижимости у индивидуальных субъектов, тем более высоким уровнем толерантности они характеризуются. И наоборот, более низкий уровень толерантности встречается у испытуемых с более высоким показателем рассогласованности «ценностей» и «доступностей».

Для студентов с различающимися уровнями толерантности большинство ценностей в целом сходны. Однако присутствуют расхождения по отдельным ценностям и «доступностям» (например, уверенность в себе более важна для высокотолерантных студентов, наличие хороших и верных друзей – для низкотолерантных, наименее важной ценностью для студентов с низким уровнем толерантности является активная и деятельная жизнь, с высоким уровнем – свобода как независимость).

Таким образом, исходная гипотеза в отношении индивидуальных субъектов подтвердилась, т.е. установлена тенденция обратной связи между степенью рассогласованности ценностей и представлениями об их доступности и уровнем толерантности, то есть более низкий уровень толерантности встречается у испытуемых с более высоким показателем рассогласованности «ценностей» и «доступностей», и наоборот, чем более согласованы ценности и представления об их достижимости у индивидуальных субъектов, тем более высоким уровнем толерантности они характеризуются. Что касается групповых субъектов, то в данном исследовании гипотеза не была подтверждена, то есть не удалось выявить связь между особенностями ценностей группового субъекта и уровнем его толерантности.

Функциональные асимметрии и особенности смысложизненных ориентаций у подростков-мальчиков

Акулова Наталья Владимировна

студентка

Корнеева Светлана Анатольевна

студентка

Белгородский государственный университет, Белгород, Россия

Тест смысложизненных ориентаций (СЖО) был предложен Д.А. Леонтьевым (1992) и является адаптированной версией теста "Цель в жизни" (Purpose-in-Life Test) Дж. Крамбо и Леонгарда Махолика. Методика была разработана на основе теории стремления к смыслу и логотерапии Виктора Франкла. В рамках нейропсихологического подхода к проблеме индивидуальных различий (Е.Д. Хомская с соавт., 1997; Москвин В.А., 1988, 2002) представляет интерес вопрос о возможных связях особенностей смысложизненных ориентаций у лиц с разными профилями функциональных асимметрий (с индивидуальными профилями латеральности).

Согласно положениям А.Р. Лурия (1973) за функции контроля, планирования и регуляции деятельности отвечает третий блок мозга (лобные его отделы). Очевидно, что эти функции имеют самое непосредственное отношение и к процессам формирования смысложизненных ориентаций. В качестве испытуемых были взяты подростки 14–15 лет (мальчики, учащиеся 9-х классов, $n = 46$). В числе методик использовались: показатели пробы «перекрест рук» (ПППР) по А.Р. Лурия (1969), которые отражают парциальное доминирование контрлатеральных лобных отделов мозга (по N. Sakano, 1982) и методика СЖО по Д.А. Леонтьеву (1992). В выборке 26 испытуемых было с правым ПППР и 20 – с левым. Предполагалось, что у испытуемых с разными (правыми или левыми) показателями пробы «перекрест рук» (ПППР) можно будет проследить и разные особенности смысложизненных ориентаций. При статистической обработке данных применялся критерий Фишера (использовалась система Stadia).

Сравнение усредненных данных показало, что испытуемые с правыми ПППР (по сравнению с испытуемыми с левыми ПППР) обнаруживают более высокие показатели по шкале «цели» (36,2 б. и 29,7 б. соответственно, $p < 0,05$). Высокие баллы по этой шкале характеризуют наличие в жизни испытуемого целей в будущем, которые придают жизни осмысленность, направленность и тесно связаны с таким понятием как «временная перспектива». Также испытуемые с правыми ПППР (по сравнению с испытуемыми с левыми ПППР) обнаружили более высокие показатели и по шкале «локус-контроль Я» (Я – хозяин жизни) – 25,5 б. и 21,0 б. соответственно ($p < 0,05$). Высокие баллы данной шкалы соответствуют представлению о себе как о сильной личности, обладающей достаточной свободой выбора, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими целями и представлениями о ее смысле. Низкие баллы означают неверие в свои силы и неспособность контролировать события собственной жизни.

Полученные данные показывают, что испытуемые с правыми и левыми показателями ПППР по А.Р. Лурия обнаруживают достоверные различия по ряду шкал методики СЖО, что позволяет говорить о наличии индивидуальных стилей СЖО, связанных, в свою очередь, с индивидуальными профилями латеральности (Москвин В.А., 1988, 2002). Полученные данные также подтверждают наличие асимметрии третьего блока мозга, а также то, что парциальное доминирование левой лобной доли у лиц мужского пола связано с более высокими показателями сформированности жизненных целей, «временной перспективы» и показателями «локус-контроля Я». Полученные данные расширяют наши познания в области нейропсихологии индивидуальных различий (с учетом возрастных аспектов особенностей формирования смысловых ориентаций), могут быть практически использованы с педагогической и возрастной психологии.

Диагностика ценностных ориентаций: метод субъективных классификаций – опыт применения

Васильева Александра Михайловна

аспирантка

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: melissa-melissa@mail.ru

Ценности и ценностные ориентации личности являются одним из наиболее важных объектов исследования философии, этики, социологии и психологии на всех этапах их становления и развития как отдельных отраслей знания.

Ценностные ориентации личности по-разному интерпретируются в произведениях различных авторов. Во многих работах ценностные ориентации являются частью других понятий, которые являются основным объектом исследования автора.

Сложная и неоднородная структура ценностных ориентаций личности, двойственность источников их развития, разноплановость выполняемых ими функций определяют и наличие множества классификационных моделей ценностных образований, различающихся критериями, положенными в их основание.

Важнейшей характеристикой системы ценностных ориентаций является многоуровневость, проявляющаяся в иерархическом строении.

Возможны два подхода к построению такой иерархии: а) нормативный подход (модель системы ценностных ориентаций строится в соответствии с какой-либо психологической теорией); б) дескриптивный подход (позволяет определять иерархическое строение системы ценностей конкретного человека). В психодиагностике ценностных ориентаций чаще используется дескриптивный подход.

Среди множества классификаций ценностных ориентаций можно выделить два вида: 1) классификации по формальным признакам (например, ценности материальные и духовные); 2) классификации по содержательным признакам (например, терминальные и инструментальные ценности). В первом случае, из принадлежности ценности к тому или иному виду сложно сделать какие-либо выводы. Во втором случае, принципиально невозможна объективная классификация, так как любая ценность может относиться у каждого человека к разным классам. Например, в случае с приведенной классификацией

М. Рокича, такая ценность как «здоровье» может относиться как к терминальным, так и к инструментальным ценностям.

В предлагаемой нами методике это противоречие разрешается путем построения индивидуальной иерархии и установления связей между ценностями, позволяющими создать для каждого человека уникальную классификацию ценностных ориентаций.

Методика состоит из двух субтестов. Первый представляет собой компилят из двух известных методик для диагностики ценностных ориентаций: методики Шварца (Карандашев В. Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности. Методическое руководство – СПб.: 2004) и методики Фанталовой (Фанталова Е. Б. Диагностика внутреннего конфликта. Приложение № 2 к «Журналу практического психолога» – М., 1997). Испытуемому предлагается список из 30 ценностей – нормативных идеалов, которые мы взяли из методики Шварца. Сначала испытуемый должен выписать из этого списка в любой последовательности 10–12 понятий, имеющих для него наибольшую значимость, а затем сравнить все эти понятия-ценности попарно между собой по степени значимости на приведенном ниже бланке, как это происходит в методике Фанталовой. Такой подход, во-первых, позволяет провести более детальный анализ иерархии ценностей, а во-вторых, упрощает для испытуемого процедуру сравнения ценностей между собой.

Во втором субтесте испытуемому предлагается отметить на листе бумаги точку, обозначающую его личность (подписать: «Я»), а затем расположить на рисунке выбранные им в первом субтесте понятия так, как, по его мнению, они могли бы располагаться в пространстве вокруг него, ближе или дальше друг от друга. Понятия можно объединять в разные группы или распределять равномерно. Данный субтест является, по сути, проективным методом. Он позволяет выстроить индивидуальную классификацию ценностей и, в сочетании с другими методиками, глубже проанализировать многомерную структуру жизненных ориентаций испытуемого. Также в этом субтесте есть пространство для индивидуальной диагностики: получившуюся у испытуемого схему можно обсудить, задать вопросы относительно связей между ценностями и их расположения относительно «Я».

Мы апробировали методику на студентах различных специальностей и на курсантах военного института в возрасте от 18 до 24 лет, и пришли к выводу, что она отвечает поставленным задачам.

Методика позволяет выстроить четкую, детализированную иерархию ценностных ориентаций. Причем, с одной стороны, в результате разные ценности могут иметь один и тот же ранг в иерархии, а с другой, испытуемый должен сделать выбор относительно каждой пары ценностей, определить, какая из них более значима.

По результатам второго субтеста можно видеть, что испытуемые составляют весьма разнящиеся по сложности и структурированности системы ценностей. Мы можем наблюдать различные типы таких систем, однако подробное описание этих типов на данный момент не представляется возможным. Мы предполагаем, что уровень структурированности и упорядоченности индивидуальной системы ценностей, которую выстраивает испытуемый, зависит от множества факторов, среди которых можно назвать такие, как способность к самоанализу, уровень осознания жизненных ориентаций и ценностей жизни.

Методика подходит как для индивидуального, так и для массового тестирования. При индивидуальном тестировании она предоставляет возможность для более глубокого анализа системы ценностных ориентаций личности. При массовом обследовании процедура несколько сокращается, но все же позволяет получить довольно полную и подробную картину.

Особенности построения временной перспективы больным, перенесшим инфаркт миокарда

Галактионова Анастасия Викторовна

студентка

Томский государственный университет, Томск, Россия

E-mail: shegal@mail.ru

Жизни человека свойственна тотальная сопряженность со временем, проявляющаяся в способности субъекта упорядочивать цепь внешних явлений, событий, впечатлений,

придавая им внутреннюю связь и структуру и наделяя их собственными переживаниями и эмоциями.

В сознании человека время представлено в трех формах — в форме прошлого, настоящего и будущего. В фокусе же данного исследования находятся особенности построения временной перспективы, как интегративного единства психологического прошлого и будущего. В этом смысле важно отметить, что связь временной перспективы и настоящего имеет двусторонний характер: с одной стороны — поведение человека в каждый момент времени определяется его особенностями осмысления прошлого и проектирования будущего, с другой — события настоящего могут значимо изменить отношение к событиям прошлого и обусловить характер и особенности построения временной перспективы. Эта способность человека осуществлять чувственно-мысленный обзор своей жизни, «субъективно-ценностное обобщение и отношение к ней» (Ковалев, 1988) является специфическим психологическим механизмом, определяющим широкий спектр взаимодействий субъекта с внешним миром и самим собой.

В качестве одного из факторов, которые могут значимо повлиять на особенности построения временной перспективы, в данной работе рассматривается критическая ситуация, а именно, ситуация тяжелого соматического заболевания, ставящего под угрозу не только систему смыслов и ценностей индивида, но и саму целостность жизни. Инфаркт миокарда является одним из серьезнейших жизненно опасных состояний и уже многие годы занимает ведущие позиции в структуре смертности и инвалидизации населения.

В этой связи актуальность исследуемой проблематики обусловлена тенденцией обращения современной психологической науки к области субъективных переживаний больного и составляющим его индивидуального опыта, а также признанием их неоспоримой значимости в процессе лечения и реабилитации пациентов соматических клиник.

Исследование проводилось в течение года на базе отделения сердечной недостаточности НИИ кардиологии г. Томска. Респондентом, представившим материал для исследования, явился мужчина пятидесяти лет, находящийся на стационарном лечении в связи с диагнозом «инфаркт миокарда». Исследование особенностей построения временной перспективы данным больным происходило в рамках идеографического подхода, что позволило взглянуть на исследуемый феномен с позиции его уникальности, целостности, яркости, смысловой насыщенности.

Методологическим основанием исследования явилась экзистенциальная позиция, что определило выбор методов (автобиографического интервью и беседы), а также наличие особого уровня взаимоотношений между исследователем и респондентом, основанных на базовом доверии, эмпатии и взаимной заинтересованности. Все это позволило получить данные о респонденте, взятом в целостности его жизненного пути в форме истории внутренней жизни, его действий и достижений, субъективно принять участие в его жизни, постичь, «прочувствовать» индивида в самой его сущности.

В результате проведенного исследования были выявлены специфические особенности построения временной перспективы данным пациентом. Эти данные частично соотносятся с результатами исследований Т.Н. Муладжановой, В.В. Николаевой, В.В. Нурковой и К.Н. Василевской об особенностях восприятия времени людьми, находящимися в сложных жизненных ситуациях.

Во-первых, было отмечено нарушение преемственности прошлого, настоящего и будущего, разорванность времен в сознании, что свидетельствует о нарушении временной перспективы. Это выражается в том, что каждое из времен представляется в сознании больного в значительной степени изолированно, происходит своего рода потеря связи времен. То есть характерно практически полное выключение будущего и прошлого из контекста настоящего. Характерно отсутствие четких границ настоящего с прошлым и настоящего с будущим. Время болезни может полностью онтологизироваться, оформиться в самостоятельный жизненный психологический этап настоящего. Этот этап субъективно воспринимается как длительный, протяженный, который может тянуться сколь угодно долго. У исследуемого больного этап настоящего, обычно определяемый как одно короткое мгновение, субъективно представлен в сознании много более обширным, охватывающим время развития и начала болезненного процесса (из прошлого) и до настоящего момента. То есть, являясь формально частью прошлого, все время болезни (будучи

психологически актуальным, субъективно наиболее важным) переживается как происходящее в настоящем. Его окончание не имеет четких границ. Уходя в будущее до момента выздоровления, выписки из больницы, улучшения физического состояния, оно также, вероятно, будет продолжать являться настоящим. В этой связи теряется граница настоящего и будущего.

Следствием описанного выше феномена является центрированность на настоящем, как особом психологическом этапе, отличающимся незавершенностью, но в то же время строгой автономностью, замкнутостью и изолированностью. Это связано с переносом фокуса активности субъекта на этап психологического настоящего, лишённого преемственности и четкой перспективы.

В целом, в результате исследования было отмечено сужение временной перспективы (ее аморфность, меньшая направленность как в прошлое, так и в будущее). Это может объясняться тем, что будущее в сознании исследуемого больного утратило свою позитивную, мотивирующую функцию, а прошлое перестало быть ресурсом для продуктивного жизнетворчества. Настоящее при этом является хаотичным, изолированным от других временных структур, незавершенным, и в силу этого оно не может опосредовать события будущего. Больной не может активно использовать прошлый опыт в качестве ресурсного фактора для преодоления тревоги, эмоциональной напряженности, не имея надежной опоры в настоящем и будущем. За счет сокращения структурного компонента прошлого и будущего и происходит сужение временной перспективы личности.

Выявленные феномены, вероятнее всего, не могут считаться адекватными способами совладания с кризисной ситуацией тяжелого соматического заболевания. Это обуславливает необходимость проведения психотерапевтических мероприятий, направленных на принятие пациентом новых жизненных условий, эффективное использование своего личностного времени, реорганизацию системы смыслов и ценностей, повышение самооценки и улучшение качества жизни.

Концептуальный подход к жизни человека как существования в бесконечном n-мерном комбинаторном пространстве

Деревянко Игорь Владимирович

студент

*Казахстанско-британский технический университет, Алматы, Республика Казахстан
derevyanko_i86@mail.ru*

Проблема осмысления и объяснения главных аспектов человеческого бытия с точки зрения не только классической, но и прикладной философии остается актуальной и по сей день, а в ряде случаев является неотъемлемой составляющей формирования и концептуализации различных решений в сферах социальной философии и естествознания.

Современная философия предлагает довольно большое число интерпретаций и вариантов представления онтологических и гносеологических составляющих таких аспектов человеческой жизни, как судьба, целесообразность, неизбежность и др. Но с практической точки зрения, ставящей своей целью приемлемый анализ определенных элементов, последующее прогнозирование или более или менее достоверное объяснение определенных жизненных ситуаций, многие из классических вариантов носят формальный и обобщенно теоретический характер, на основе которого весьма затруднительно достигнуть положительного результата. Поэтому для решения подобного рода вопросов целесообразно использовать прикладной подход, в первую очередь основанный на научно обоснованных концепциях, направленных на решение конкретно поставленных задач.

Таким образом, основной целью данного исследования является определение концептуально нового варианта интерпретации определенных ранее категорий человеческого бытия, основанного в первую очередь на формальном естественно-математическом подходе, выраженном в предположении существования человеческого сознания в рамках бесконечного n-мерного комбинаторного пространства. Здесь в качестве одной грани измерения выступает результирующая жизненная ситуация, подвергаемая некоторому осмыслению и являющаяся непосредственным продуктом синтеза всех предшествующих

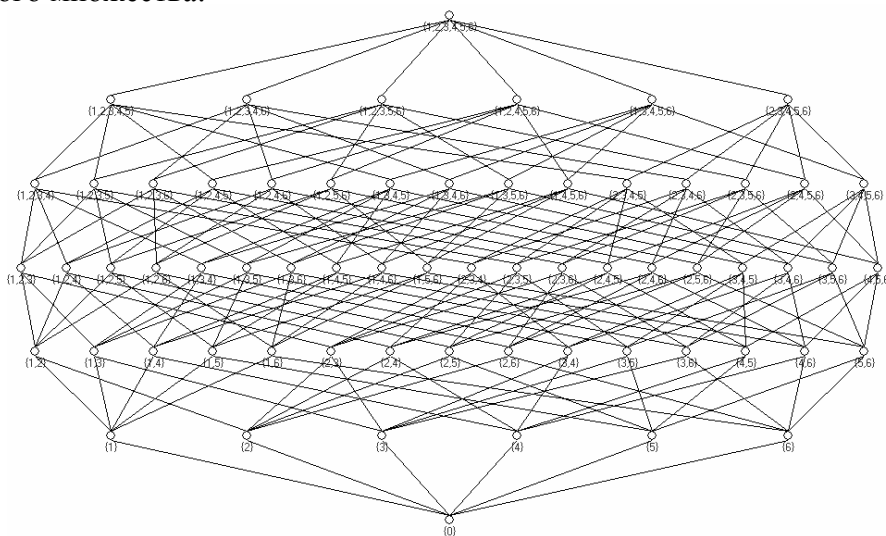
исходов, тем или иным образом предрасполагающих к возникновению данной ситуации. С фактической точки зрения и для создания более благоприятных условий моделирования и восприятия представленной модели, человеческую судьбу можно представить в идее бесконечного квазиупорядоченного множества всех возможных изначальных жизненных исходов, которые для удобства будем представлять в виде целых чисел, определяющих своим значением порядковой номер того или иного исходного события. Переводя выше сказанное на язык формул и обозначив исходное множество за A , получим:

$$A = \{1, 2, 3, \dots, n \mid i \in [1, n] - \text{исходное событие}, n \rightarrow \infty\}$$

Тогда жизнь как непрерывный процесс в рамках определенного временного промежутка времени можно представить в виде существования в N -мерном кубе, узлы которого определяются Булеаном описанного ранее множества, характеризующего результирующую совокупность всех подмножеств данного множества, общее число которых определяется согласно формуле

$$B(A) = 2^n,$$

где n – количество элементов исходного множества A . Мощность результирующего множества $B(A)$ будем называть мощностью человеческой жизни, что соответствует количеству всех возможных жизненных ситуации, определяемых соответствующими подмножествами принадлежащими $B(A)$. Причем стоит отметить, что жизненная ситуация воспринимается как продукт синтеза сочетаний непосредственно соединенных посредством граней с рассматриваемым узлом предшествующих исходов, т.е. ситуации означаемые как $\{1, 3, 5\}$ и $\{2, 4, 6\}$ в случае соединения формируют жизненную ситуацию $\{1, 2, 3, 4, 5, 6\}$ соответственно. Тогда определяя максимизирующий функционал к приведенной оценочной функции, можно судить о сравнительной бесконечном числе возможных жизненных ситуаций в условиях четко определенного детерминизма. Данное утверждение можно фактически подтвердить, прибегнув к графической интерпретации определенной модели. Ниже представлен шестимерный куб, для соответствующего исходного множества:

Из рисунка видно, что изначально, в рамках определенной модели, жизнь начинается из одной точки, определяющей пустое множество, которое формально можно называть рождением, и заканчивается в точке, описываемой полным множеством исходных событий, которой будем называть смертью.

Таким образом, данный подход к определению модели человеческой жизни позволяет подойти к оценке и анализу некоторых философских вопросов в рассматриваемой области посредством применения основных постулатов теории множеств и математической логики, что в свою очередь при соответствующем моделировании дает возможность осуществления более структурного анализа, а самое главное построения достоверного прогноза развития событий, с целью выборки оптимального решения сложившейся ситуации.

Взаимосвязь параметров способности к самореализации с компонентами духовности (на примере предпринимателей)

Дмитриева Инна Александровна

студентка

Казанский государственный университет им. В. И. Ленина, Казань, Республика Татарстан, Россия

E-mail: inna-dz@mail.ru

На сегодняшний день предпринимательская активность оказывает большое влияние на экономическую и политическую жизнь страны. Именно в предпринимательской среде можно встретить молодых инициативных людей, обладающих конкурентоспособностью, способных самореализоваться в современных социально-экономических условиях.

Самореализация представляет собой процесс осуществления способностей и личностных потенций. По мнению ряда ученых, самореализация как объективное явление возможна лишь на основе способности быть личностью – способности внести социально-значимый вклад в культуру и в других людей.

Можно предположить, что духовность является важным фактором успешной самореализации. Для проверки этого предположения необходимо исследовать, каким образом параметры самореализации соотносятся с компонентами духовности.

Для эмпирической проверки гипотезы было проведено исследование. В исследовании приняли участие предприниматели сферы малого и среднего бизнеса в возрасте от 20 до 26 лет ($n=41$).

В данной работе компоненты духовности мы измеряем с помощью следующих диагностических средств: Теста смысловых ориентаций (СЖО) и теста «Добро-Зло» (тест ДЗ) Л.М. Попова, а параметры самореализации – с помощью Самоактуализационного теста (САТ). В обработке результатов исследования использовались статистические методы: статистический анализ средних значений, корреляционный анализ (подсчет коэффициента линейной корреляции Пирсона).

На основе корреляционного анализа были получены и систематизированы результаты в следующие ключевые пункты:

1. Способность осмысливать свою жизнь, ставить жизненные цели относится к компонентам духовности. Важным моментом в нашем исследовании является обнаружение положительных корреляций показателей осмысленности жизни (ож) и целей с параметрами самореализации. «ОЖ» прямо коррелирует с показателем познавательных потребностей ($p<0,05$) т.е. чем больше субъект стремится к приобретению знаний об окружающем мире, тем более его жизнь осмыслена. Обнаружены прямые взаимосвязи показателя «ож» с показателями шкал спонтанности, контактности и креативности ($p<0,001$), показателя «процесс» с сензитивностью и познавательными потребностями. Положительная корреляция показателя «результат» с показателем шкалы ценностных ориентаций ($p<0,001$) может свидетельствовать о том, что чем более положительно субъект оценивает степень своей самореализации, удовлетворен продуктивностью своей жизни, тем в большей степени он разделяет ценности, характерные для самоактуализирующейся личности.

2. Выявлены корреляции между этическим компонентом духовности и шкалами САТ.

Положительная связь показателя «зло» с принятием агрессии ($p<0,01$) может означать, что чем больше у человека степень принятия агрессии, т.е. чем более он способен принимать свое раздражение, гнев и агрессивность как естественное проявление человеческой природы, тем больше у него коэффициент зла, и наоборот, чем меньше степень принятия агрессии, тем меньше показатель зла. Также обнаружена отрицательная корреляция ($p<0,05$) между показателями зла и ориентацией во времени, т.е. чем более субъект ощущает свою жизнь целостной, способен переживать настоящий момент во всей его полноте, тем меньше у него коэффициент зла. Показатель «ДЗ» (коэффициент человечности) имеет прямую взаимосвязь с показателем креативности. Чем больше у человека коэффициент «ДЗ», тем сильнее он способен выражать творческую направленность своей личности. Как справедливо заметил А. Маслоу, творчество является наиболее уни-

версальной характеристикой людей. Способность творить отражает меру человеческого в человеке.

Результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что гипотеза получила свое эмпирическое подтверждение. Были выявлены значимые корреляционные связи параметров способности к самореализации с компонентами духовности. Результаты исследования, на наш взгляд, имеют практическое значение для оказания психологической помощи молодым инициативным людям в развитии способности к самореализации.

В заключении отметим: для того чтобы успешно самореализоваться в современном динамичном мире, важно быть не только конкурентоспособным, но и духовным. Только тогда человек сможет гармонично соединить свою личную и профессиональную жизнь, получить удовлетворение от профессиональной самореализации.

Взаимосвязь личностного выбора в юности с особенностями ценностно-смысловой сферы и формированием эго-идентичности

Закиева Гульнара Решатовна

студентка

Казанский государственный университет, Казань, Россия

E-mail: Nailya.Salihova@ksu.ru

Одной из важных задач юности является формирование эго-идентичности (Э. Эриксон), чтобы совершить успешный переход к решению задач периода ранней зрелости. Эго-идентичность обеспечивает возможность выбора жизненных целей и смысла будущей жизни. Важным аспектом развития эго-идентичности в юношеском возрасте является построение своей собственной системы ценностей, которая также является основанием для совершения выбора. Мы предположили, что существуют особенности в формировании эго-идентичности, связанные с параметрами барьерности–реализуемости ценностно-смысловой сферы личности, которые проявляются в характере личностного выбора. Ранее Салиховой Н.Р. (2005) уже было показано, что степень освоенности социальной ситуации развития связана с параметрами барьерности–реализуемости личностных ценностей, причем барьерность связана с неосвоенностью мира, а реализуемость – с его освоенностью. Однако не был исследован вопрос об их связи с личностным выбором. Проверка данного предположения стала целью нашего исследования. В качестве модели личностного выбора мы использовали ситуацию выбора после окончания школы места дальнейшего образования: филиал ВУЗа или ССУЗ в своем небольшом городке или ВУЗ в большом городе, где больше перспектив. В первом случае молодые люди остаются жить вместе с родителями в рамках освоенного ими социального мира, а во втором должны жить более самостоятельно, осваивая новую социальную реальность.

В исследовании приняли участие 46 человек в возрасте от 17 до 19 лет, успешно перешедшие на следующую ступень образования, из них 23 человека, поступившие в ВУЗ в большом городе (назовем эту группу условно «столичные»), и 23 человека, продолжающие образование в своем родном городке (назовем эту группу условно «периферийные»). В исследовании использовался тест смысложизненных ориентаций (СЖО, Д.А. Леонтьев, 1992), включающий следующие стандартные параметры: 1) цели в жизни; 2) процесс, или эмоциональная насыщенность жизни; 3) результативность или удовлетворенность самореализацией; 4) локус контроля-Я; 5) управляемость жизни; 6) общая осмысленность жизни как суммарный показатель по пяти факторам. А также методика ранжирования терминальных и инструментальных ценностей по критериям их важности и доступности (модифицированный Е.Б. Фанталовой (1992) вариант методики Рокича). Для каждого испытуемого отдельно по каждому классу ценностей вычислялся индивидуальный индекс реализуемости (корреляция параметров важности и доступности по всему списку ценностей) и индивидуальный индекс барьерности (корреляция параметров важности и разницы важность–доступность по всему списку ценностей). Также определялся тип смыслообразования, характерный для каждой отдельной ценности.

При анализе параметров барьерности–реализуемости смыслообразования в контексте личностных ценностей у «столичных» и «периферийных» было обнаружено, что в

контексте инструментальных ценностей между данными группами имеются существенные различия в типах смыслообразования: у «периферийных» гораздо больше ценностей с барьерным смысловым типом, по сравнению со «столичными», у которых ценности распределились примерно одинаково между барьерно–реализуемым и свободно–реализуемым типами. А большинство терминальных ценностей в обеих группах относится к барьерному типу смыслообразования, и существенных различий между данными группами здесь нет. Поскольку инструментальные ценности характеризуют качества личности, то высокая барьерность смыслообразования относительно этих ценностей у «периферийных» означает недостаточную освоенность собственных личностных проявлений, что и свидетельствует о меньшей степени сформированности эго-идентичности у периферийных по сравнению со «столичными». Преобладание барьерных смысловых типов в отношении терминальных ценностей является проявлением возрастной специфики юношеского возраста как перехода к освоению взрослой жизни.

Сравнение ценностного наполнения смысложизненных ориентаций через анализ взаимосвязи параметров важности и доступности ценностей со шкалами СЖО показал наличие существенных различий между группами. У «столичных» в системе взаимосвязей ценностей и СЖО центральным фактором является шкала «Процесс», а у «периферийных» – «Результативность». Возможно у «периферийных» это связано с отсутствием ощущения перспективности жизни, поэтому центральным моментом, связывающим элементы ценностно-смысловой сферы, является переживание прошлого, нежели жизни в настоящем или построение планов на будущее. Тогда как у «столичных» задача освоения новой социальной реальности связана с переживанием поглощенности настоящим, вокруг которого и организуются все связи. В системе взаимосвязей ценностей и СЖО в обеих группах центральным системообразующим фактором является шкала «Локус контроля – жизнь», она имеет наибольшее количество связей и с терминальными, и с инструментальными ценностями. Это также отражает специфику данного возраста как освоения взрослого социального мира, перехода к сознательному построению своей жизни, поэтому все основные взаимосвязи появляются относительно контроля над жизнью.

Кроме этого между группами обнаружено различие в тех ценностях, которые являются системообразующими в структуре взаимосвязей ценностей со смысложизненными ориентациями. Выявлено, что у «столичных» все шкалы СЖО имеют прямые связи с важностью любви и обратные – с важностью материально обеспеченной жизни, а у «периферийных» таких интегрирующих ценностей нет. Мы связываем это с успешностью построения собственной эго-идентичности: у принявших решение уехать эго-идентичность более сформирована, что позволяет им перейти к решению задач следующего возрастного периода, а именно, формированию отношений интимности и сотрудничества. Поэтому основные смысложизненные связи и строятся вокруг ценности любви. А у «периферийных» отсутствие системообразующих факторов, по всей видимости, связано с разноплановостью решаемых ими задач.

Таким образом, существуют особенности в формировании эго-идентичности, проявляющиеся в параметрах барьерности–реализуемости ценностно-смысловой сферы личности, которые связаны с характером личностного выбора. Сформированность эго-идентичности определяется тем, что большинство инструментальных ценностей относится к барьерно– и свободно–реализуемому типам, кроме этого, основные смысложизненные связи строятся вокруг ценности любви, что связано с переходом к решению задач следующего возрастного периода: формированию отношений интимности и сотрудничества. Недостаточная сформированность эго-идентичности определяется тем, что большинство инструментальных ценностей относится к барьерному типу смыслообразования, так как инструментальные ценности характеризуют качества личности, а барьерность в их отношении означает неосвоенность этих качеств. Отсутствие системообразующих ценностей, интегрирующих ценностно-смысловую сферу, видимо, связано с разноплановостью решаемых ими задач.

Жизненные кризисы как фактор становления индивидуальности

Карнаух Марина Петровна

Ассистент кафедры философии

Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, Магнитогорск, Россия

E-mail: marinka.mgn@mail.ru.

Жизнь, как отмечают многие, это, прежде всего, движение. Стало быть, основной проблемой жизни является проблема изменения, переоценки, переход на новые стадии развития. При этом одной из закономерностей индивидуального развития человека является преодоление различных противоречий (Л. Выготский, Б. Ананьев, Б. Ливехуд, К. Юнг). Внутренние противоречия онтогенеза накладываются на противоречия жизненного пути и усиливают друг друга. Преодоление противоречий зачастую протекает в виде жизненных кризисов.

Кризис – это поворотный момент в жизни человека. К.Г. Юнг говорил об этом так: «Сознание сталкивается с ситуацией, с задачами, до которых оно еще не доросло. Оно не понимает того, что его мир изменился, что оно должно себя перенастроить, чтобы вновь приспособиться к миру»[4, с. 119]. В некотором смысле, кризис является двигающей силой развития и становления личности, это своеобразный ответ на зов потенциальных возможностей личностного роста. И в то же время кризис очень часто возникает тогда, когда человек не в силах принять те изменения, которые происходят в его жизни.

Любые теоретические жизненные события могут вести человека к кризису, если они создают потенциальную или актуальную угрозу удовлетворению фундаментальных потребностей человека и при этом ставят его перед необходимостью разрешить проблему в короткие сроки непривычным способом. Экзистенциальные проблемы (жизни и смерти, свободы и ответственности, выбора, одиночества и любви, смыслов), инициирующие различного рода личностные кризисы берут свое начало в самом человеческом существовании и, как правило, влекут за собой значимые изменения в жизни человека. Если основные смыслы человеческого существования не разрешаются на каком-то этапе развития и становления личности, то возникает экзистенциальная пустота и человек вплотную сталкивается с абсурдом существования. В этот момент жизнь становится попыткой превозмочь абсурд человеческого существования.

Кризис перемещает человека в маргинальное положение или нейтральную зону, то есть такое положение, когда привычные стереотипы мышления и поведения уже не работают, а новых – еще нет. Это время между концом и началом, «промежуточный период». Во время нахождения в пространстве между «тем, что уже разрушено» и «тем, что еще не создано» человек может понять, что для того, чтобы справиться с критическим периодом в жизни ему надо встретиться с собой. И при этом он всегда будет один на один с тем, что встретит. Вот как пишет об этом Э. Йоманс: «Это время, когда чувства заброшенности и одиночества переживают наиболее остро, а старые символы кажутся лишенными силы, жизни и смысла. Промежуточный период – это время вопросов, а не ответов на них, это время учиться любить вопросы, любить то, что пока не имеет решения»[3, с. 108].

Любой кризис по своей природе двойственен, он содержит как позитивный так и негативный компонент, что, по словам Р. Ассаджиоли, «объясняет большое количество удивительных и противоположных проявлений человека» [1, с. 157]. Негативная составляющая заключается в том, что для личности, находящейся в критической ситуации, характерна загруженность неразрешенными проблемами, чувство безнадежности, беспомощности, переживание жизни как «тупика». Давление этих чувств толкает человека к действиям, которые могли бы разрешить проблему немедленно. Если кризис не разрешен или разрешен неадекватно. То это может привести в личность деструктивный аспект и тем самым затруднить процесс дальнейшего роста и развития. Затяжной, хронический, неразрешенный кризис несет в себе угрозу социальной дезадаптации, суицида, нервно – психических и психосоматических расстройств.

Но кризис – это не только «угроза катастрофы», но и возможность изменения, перехода на новую ступень развития личности, источник силы и в этом его позитивный

аспект. Если человек адекватно разрешает кризис, то это дает ему возможность перейти на следующую ступень развития более зрелой личностью. С. и К. Гроф отмечают, что «если правильно понять кризис и относиться к нему как к трудному этапу в естественном процессе развития, то он способен дать спонтанное исцеление различных эмоциональных и психосоматических нарушений, благоприятное изменение личности, разрешение важных жизненных проблем и эволюционное движение к тому, что называют высшим сознанием» [2, с. 19].

Итак, мы видим, что в период кризиса человек открыт для нового опыта, а это значит, что кризис может служить основанием для положительных перемен и стать важным личным опытом. Боль, которую испытывает человек в критической ситуации, мотивирует его на поиск новых путей решения, ресурсов, на приобретение новых навыков и, как следствие, на дальнейшее развитие. Таким образом, характер кризиса можно описать и как трансформирующий, так как он одновременно несет не только отказ от старых, привычных способов бытия, но также поиск и совершенствование новых, более прогрессивных.

Таким образом, жизненные кризисы являются преодолением человеком самого себя и последующую интеграцию в личность.

Акмеологические особенности изучения смысложизненных стратегий врачей-урологов

Криченко Екатерина Владимировна⁷

аспирант

Ростовский государственный университет, Ростов–на–Дону, Россия

На современном этапе развития России одной из самых ярких проблем является проблема медицинского обслуживания населения. Развитие отечественного здравоохранения наряду с прочими характеристиками определяется изменением сути традиционных отношений врача и пациента, начинает выступать, в большей либо в меньшей степени, как производитель медицинских услуг и продавец своего труда и его результатов. В настоящее время существуют исследования, посвященные различным моделям взаимоотношений между врачом и пациентом, предпочтений пациентов в выборе врача, о влиянии коммуникативных навыков врача на процесс лечения. Процесс взаимодействия акмеологии и медицины носит взаимопроникающий, взаимодополняющий характер как процесс взаимодействия элементов системы, функционирующей во благо человека. Медицина является особой сферой взаимодействия системы «человек-человек», в которой от качества этого взаимодействия может зависеть физическое благополучие и жизнь пациента. На основании всего вышеперечисленного появляется необходимость глубокого акмеологического исследования врачей различных профессиональных направленностей.

Процесс взаимодействия акмеологии и медицины носит взаимопроникающий, взаимодополняющий характер как процесс взаимодействия элементов системы, функционирующей во благо человека.

Акмеологичность медицины определяется ее основной целью – деятельностью, направленной на оздоровление человека. Телесное, психическое, профессиональное здоровье, проявляющееся состоянием работоспособности, физического и духовного благополучия, и есть наиболее желаемое, совершенное, оптимальное для каждого человека состояние.

На основании всего вышеперечисленного появляется необходимость глубокого акмеологического исследования врачей различных профессиональных направленностей. Особенно ярко это проявляется в особых областях медицины, которые затрагивают интимные проблемы пациентов – в урологии, гинекологии и др.

В результате воздействия на врачей рыночных отношений, создается ситуация, требующая особой психологической подготовки будущих медицинских работников. Та-

---

⁷ Автор выражает признательность профессору, доктору психологических наук Абакумовой И.В. за помощь в подготовке данного исследования.

кие мероприятия должны учитывать профессиональные различия и личностные деформации врачей различных медицинских специализаций.

В связи с этим необходимо исследовать процесс личностно-профессионального развития врача, процесс достижения профессионализма в труде медицинских работников. Стремление к достижению профессионализма в любой деятельности невозможно без опоры на личностные смыслы. Изучение этих смыслов необходимо для каждой медицинской специализации в отдельности для того, чтобы в дальнейшем, возможно, было исследовать закономерности достижения специалистами-медиками вершин в профессиональном и личностном развитии. Личностные смыслы специалиста-врача влияют на сохранение, укрепление, восстановление психической устойчивости, профессионального здоровья, достижения профессионального долголетия.

Феномен одиночества как актуальный аспект рассмотрения основных психологических проблем современного общества

Окунева Ирина Алексеевна⁸

студентка

Ростовский государственный университет, Ростов-на-Дону, Россия

E-mail: irina_okuneva@mail.ru

Одиночество – социально-психологическое состояние личности, которое отражает и выражает её общественную обездоленность из-за возникшего душевного дискомфорта [2].

Установлено, что в различные эпохи сохраняется заложенное в античный период понимание одиночества как внутреннего состояния человека, которое качественно своеобразно проявляется при переживании ситуаций социальной изоляции, депривации, недостатке социальных контактов. Теоретический анализ источников, отражающих представления мыслителей о феномене одиночества в период от античности до конца XX века, позволил выделить четыре типа одинокой личности, различающихся по направленности, степени социальной активности, условиям воспитания и их характером.

1. «Рефлексивно – уединенное» Я (М. Монтень, П.Ф. Каптерев, Н.А. Бердяев, П.П. Блонский). Данная личность характеризуется интровертированностью, развитым самосознанием, высоким нравственным потенциалом, развернутой иерархически структурированной системой ценностей, построенной посредством самовоспитания; имеет место стремление к самосовершенствованию, а уединение является необходимым условием для духовного развития.

2. «Монадный» тип одинокой личности (Ж.Ж. Руссо, Я. Корчак), характеризуемый внешней и внутренней отдаленностью от других людей, не требующий специального вмешательства взрослого в круг познавательных интересов воспитанника, являет собой проекцию педоцентрической модели воспитания. В силу общих закономерностей развития (Я. Корчак), либо специально созданных условий в сензитивный период жизни личности (Ж.Ж. Руссо), у такой личности должно сформироваться внутреннее ощущение самодостаточности существования и опоры на свои силы при активном освоении среды.

3. «Отстраненный» («отчужденный») тип одинокой личности (Т. Гоббс, В.В. Розанов, В.В. Зеньковский), характеризуемый внешней пассивностью, на фоне поиска причин собственного одиночества извне: в особенностях семейной воспитательной практики (Т. Гоббс), в результате «стихийного воспитания» (В.В. Зеньковский), в экзистенциальном происхождении рассматриваемого феномена (В.В. Розанов), что приводит к самоизоляции человека от межличностных контактов и общения, сопровождаемых ощущением непонимания его другими людьми и собственной ненужности (В.В. Зеньковский, В.В. Розанов), отсутствия близкого человека рядом (Т. Гоббс, В.В. Розанов).

4. «Эгоистический» тип (В.Я. Стоюнин, В.А. Сухомлинский) для которого характерна неадекватная оценка себя и других, а также проявление социальной пассивности субъекта, что является следствием эгоистического воспитания. Данные характеристики

---

⁸ Автор выражает признательность профессору, д.п.н. Федотовой О.Д. за помощь в подготовке тезисов

могут привести к внутриличностному конфликту, переживаемому человеком как одиночество, и препятствует установлению межличностных контактов личностью.[1]

Данный анализ позволяет говорить о том, что феномен одиночества на протяжении всей обозримой истории человечества был объектом внимания мыслителей и исследователей. На наш взгляд, он особенно актуален в условиях современной действительности. Возросшее количество разводов, деперсонализации личности в больших городах – все это факторы, в первую очередь влияющие на увеличение масштабов одиночества. Кроме того, социально-медицинскими факторами, положительно коррелирующими с расширением одиночества, являются рост психиатрических заболеваний (шизофрении) и пограничных состояний, распространения аутизма.

Рост числа одиноких людей порождает утверждение одиночества как приемлемого стиля жизни и вызывает становление специфической индустрии услуг для такой категории населения. Установлено, что одинокие имеют возможность и желание тратить больше средств на свои увлечения, на туризм и отдых, они чаще приобретают дорогие товары, в первую очередь спортивно-туристического предназначения. За рубежом строятся специальные жилые комплексы для бессемейных; любые их потребности могут быть удовлетворены на рынке услуг. Разумеется, это относится только к тем людям, для которых одиночество – сознательный и комфортный выбор, и кто не испытывает потребности в семейных связях.

Специфика российского одиночества, это, в первую очередь, это результат высокого уровня смертности мужского населения (российские женщины живут значительно дольше мужчин) и смертности от неестественных причин (подсчитано, что примерно каждая третья мать имеет возможность пережить своих детей). Т.е. значительно большее количество одиноких людей в нашей стране составляют женщины.

На данный момент в России нет специально разработанных технологий помощи одиноким людям.

Данный аспект рассмотрения феномена одиночества психологами нам представляется очень важным. Мы предлагаем разработать и внести в программу предмета «психология личности» раздел, посвященный изучению специфики жизни одиноких людей, их психологических проблем, изучению отношения людей к своему одиночеству и особым процедур и техник психотерапевтического воздействия. Особое внимание, на наш взгляд следует уделить гендерным аспектам данной проблемы, учитывая тот факт, что количество одиноких женщин значительно превосходит количество одиноких мужчин.

Изучение данного феномена должно носить кроссдисциплинарный характер, т.к. он имеет значительное число не только психологических, но и социальных, философских, культурологических, педагогических и экономических проекций.

Одиночество как социальная и личностная проблема молодого человека

Пахмутова Марина Анатольевна

студентка

Марийский государственный технический университет, Йошкар-Ола, Россия

E-mail: marbry@mail.ru

Одиночество как социальная и личностная проблема существует во всех сферах жизни современного человека. Ее последствия вызывают беспокойство в условиях крушения института семьи и нравственных устоев, тем более что с каждым годом растет число самоубийц, наркоманов и малолетних преступников.

Проблема одиночества приобретает особое значение в отношении молодежи. Молодое поколение России требует особого внимания, т.к. именно от него зависит дальнейшее развитие демографической ситуации.

Чаще всего проблемы молодого поколения начинаются с отсутствия взаимопонимания в семье, потому что именно в семье человек должен чувствовать свою защищенность. Но в современном родственном общении все эмоциональные отношения превратились в ритуал, а личность, на которую он направлен или которая его исполняет, потеряла свое значение. Иными словами, сам объект (субъект) этих действий теряет свою

ценность. Человеку, а тем более подростку, нужны искренние чувства, настоящие внимание и любовь, а не семейный ритуал. Не получая этого, подросток начинает тяготиться семьей, ощущать себя одиноким и покинутым, и в конце концов уходит из дома (не обязательно физически, а чаще духовно).

Довольно часто такое явление, когда из семьи уходит не ребенок, а родитель. Развод, как отличительная черта нашего времени, оказывает разрушающее влияние на внутренний мир детей. Более того, разводу предшествует долгое и тягостное наращивание конфликта между родителями, что порождает неуверенность ребенка, значительное разрушение его психологического и социального функционирования, а также серьезные изменения в отношениях с родителями и проблемы в общении со сверстниками.

Современная семья особо нуждается в поддержке, как материальной, так и духовной, иначе отчуждение людей друг от друга будет принимать угрожающий характер.

Одинокость тесно связано с духовной жизнью человека, и церковь имеет все ресурсы психосоциальной работы в этой области. Суть одиночества в религиозной концепции заключается в том, что человек чувствует свою ненужность в этом мире, т.к. не может реализовать вложенную в его сущность желание любить и быть любимым, что достигается путем исполнения заповедей. Но современная молодежь еще достаточно далека от церкви и не может воспользоваться такой помощью.

С каждым этапом своей жизни человек все больше полагается на себя, осознает свою ответственность, свой внутренний потенциал и свое «я». Но за это он получает и осознание того, что одинок в этом мире. Пытаясь убежать от такого гнетущего состояния, человек находит «друга» и старается с его помощью заполнить свою пустоту, не замечая ни ценность личности как таковой, ни ее прав на свободу. И вместо того чтобы найти настоящую, любовь он находит зависимость, вместо дружбы – эксплуатацию.

Одинокость – это итог духовного развития личности, и главное в работе психолога и специалиста по социальной работе – это научить человека общению с собой и правильному пониманию своего внутреннего мира, а это в свою очередь поможет установить человеку полноценные отношения с окружающими людьми (в том числе и с семьей).

Здесь можно отметить следующие этапы при работе с человеком, страдающим от одиночества. Во-первых, самоанализ (разговор со своим истинным «я») поможет выявить проблемы, которые не принимаются сознанием и разрушают человека изнутри. Угнетающее состояние духа может и не являться болезнью как таковой, а на самом деле быть лишь признаком серьезных нарушений, происходящих в душе. Поэтому необходимо искренне проанализировать себя и смело разрешить все проблемы, не дающие покоя.

Во-вторых, человеку, возможно, необходимо определиться, какая цель наполняет его существование смыслом. Иными словами человек должен уяснить, ради чего он живет, потому что именно такая неопределенность содействует возникновению чувства одиночества. Известный психотерапевт В. Франкл не указывает какую-либо определенную цель жизни, но подсказывает возможные пути нахождения своего смысла: творчество, переживание (например, красоты в природе или искусстве) и отношение к жизненным ситуациям.

И еще один важный шаг в преодолении одиночества – это примирение с совестью (собственно говоря, и с Богом). В общем-то, совесть подскажет и смысл жизни, и истинные проблемы, волнующие душу. В материальном мире это примирение выражается в церковной исповеди.

Самоанализ, определение цели жизни и все остальные этапы преодоления одиночества очень сложно проходить самостоятельно, поэтому здесь необходима помощь психотерапевта. В любом случае, человек сможет преодолеть одиночество, если рядом с ним будет священник, психолог и хороший друг, которые помогут примириться с совестью, найти смысл жизни и причину своих страданий.

Хочется надеяться, что психологические службы семейного консультирования и Православная церковь будут объединять свои усилия по спасению нашей молодежи от одиночества и неоправданных поступков.

Смысл как единица анализа жизненного пути личности**Селин Александр Владимирович***Ассистент кафедры психологии**Курский государственный медицинский университет, Курск, Россия**E-mail: selin_psy_alex@mail.ru*

На протяжении развития психологического знания проблема анализа жизненного пути вставала перед учеными в различных аспектах, начиная с Ш.Бюлер, которая предложила рассматривать жизненный путь в контексте объективных условий жизни, истории переживаний, становления и изменения ценностей, эволюции внутреннего мира человека. В дальнейшем С.Л.Рубинштейн предлагает рассматривать жизненный путь одновременно как нечто целое и как ряд этапов, каждый из которых благодаря активности личности может стать поворотным. К.А.Абульханова, рассматривая проблему личностной организации времени, предлагает рассматривать личностную активность как способ организации времени жизни, превращения потенциального времени развития личности в реальное время жизни. Т.Н.Березина рассматривает временную трасспективу, как психологическое образование, в процессуальном аспекте которого органически объединяются, генерируются прошлое, настоящее и будущее личности. А.А.Кроник и Е.И.Головаха, представители событийного подхода, считали, что анализ личности, ее жизненного пути и временной организации необходимо осуществлять через анализ событий в плоскости прошлое-настоящее-будущее, а события при этом рассматриваются не как объективные единицы жизни, а как значимые для человека субъективные составляющие.

Предлагая в качестве единицы анализа жизненного пути смысл события как отношение между субъектом и объектом (явлением действительности), определяющим место этого явления (события) в жизни субъекта, выделяющем его в образе мира и регулирующим поведение субъекта по отношению к данному явлению, мы находим тесную связь между внешним миром и личностью. Эта связь реализуется через процессы переживания ситуации, что в свою очередь, «обязывает к глубокому внутреннему анализу переживаний <...>, т.е. к изучению среды, которая переносится в значительной степени внутрь...». При этом формируется смысл ситуации, события, который и будет выступать в форме системообразующего фактора организации жизненного пути личности.

Для подтверждения данного предположения нами было проведено эмпирическое исследование, направленное на изучение связи особенностей строения жизненного пути и смысловой сферы личности. Центральным моментом исследования стала процедура «Линия жизни». Суть ее заключается в следующем: испытуемому предлагалось на бланке со шкалой от +5 вверх и до -5 вниз, изобразить «линию своей жизни», отмечая на ней события своей жизни, при этом оценивая их относительно предлагаемой шкалы как положительные (движением вверх) и как отрицательные (вниз). Потом предлагали продолжить эту линию в будущее, отражая на ней события, которые испытуемый предполагает или желает видеть в своем будущем, при этом не оговаривалось, до какого именно периода необходимо рисовать. Потом предлагалось раскрасить события в «подходящие» цвета и рассказать об этих событиях.

Необходимо отметить, что данная процедура рассматривается как вариант автобиографического метода Ржичана, сходные процедуры используются в практике арттерапии, в изучении временной организации личности (Т.Н.Березина, К.А.Абульханова-Славская), и при исследовании автобиографической памяти (В.В.Нуркова).

Для изучения особенностей смысловой сферы личности мы воспользовались методикой тест «Смысложизненные ориентации» (СЖО) Д.А.Леонтьева. В исследовании приняли участие 32 испытуемых, студенты Курского государственного медицинского университета в возрасте от 17 до 22 лет. Расчеты проводились с помощью статистического пакета STATISTICA 6.0.

Для оценки характеристик жизненного пути мы использовали показатели полученные по «Линии жизни»: оценка точки настоящего момента, как положительной или отрицательной, с указанием точного значения по шкале; отношение событий будущего к об-

щему числу событий, показатель отражающий временную ориентацию личности, а также базовую смысложизненную ориентацию на будущее (при значении показателя выше 0,5);

Для статистического анализа был выбран метод ранговой корреляции Спирмена, посредством которого были получены следующие результаты и сделаны соответствующие выводы.

Показатель осмысленность жизни значимо положительно коррелирует с показателем отношения количества событий будущего к общему числу событий, при $r=0,033$, $R=0,377$, что свидетельствует о том, что люди с большей осмысленностью жизни имеют более выраженную ориентацию на будущее.

При анализе связи между показателем оценки точки настоящего со шкалой теста СЖО «процесс жизни» наблюдается значимая положительная корреляция. $R=0,349$, $r=0,049$, что свидетельствует о том, что люди, позитивно оценивающие точку настоящего по линии жизни, в большей степени оценивают свою жизнь как интересную и наполненную смыслом.

При анализе связи между показателем отношения количества событий будущего к общему количеству событий со шкалой теста СЖО «процесс жизни» наблюдается значимая положительная корреляция. $R=0,396$, $r=0,024$, что свидетельствует о том, что люди с преобладающей ориентацией на будущее в большей степени оценивают свою жизнь как интересную и наполненную смыслом.

Таким образом, полученные данные свидетельствуют о взаимосвязи смысловой сферы личности и особенностями строения жизненного пути, что показывает, пусть косвенно, взаимосвязь таких интегративных образований как смысловая сфера личности и жизненный путь. Данная связь делает возможным предположение о гомологичности, изоморфности строения жизненного пути и смысловой сферы. При выделении единицы жизненного пути личности представляется возможным использовать в качестве такой единицы смысл события, в котором отражается сущность целого – жизненного пути. Смысл события далее неразложим без потери сущностных характеристик, и именно смысл события в структуре жизненного пути дает возможность анализа сознания как явления культурно-исторического, порождаемого жизненной активностью субъекта.

Возможности экзистенциального подхода в работе с юношеским возрастом

Солдаткина Галина Сергеевна

студентка

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль, Россия

E-mail: rain0809@pisem.net

Сущность экзистенциального подхода заключается в том, что это динамический подход, фокусирующийся на базисных проблемах существования человека, делающий акцент на конфликте человека с данностями существования. Под ними понимаются определенные конечные факторы, являющиеся неотъемлемой, неизбежной составляющей бытия человека в мире, такие как: смерть, свобода, экзистенциальная изоляция, бессмысленность. В психологии (как и в философии) разные авторы формулируют эти проблемы по-разному, но, если отвлечься от деталей, то можно свести их к этим четырем главным полярностям, в пространстве которых человеку нужно делать индивидуальные экзистенциальные выборы:

- проблемы жизни и смерти;
- проблемы зависимости, свободы и ответственности;
- проблемы смысла и его утраты;
- проблемы общения и одиночества.

Из невозможности решать их однозначно возникает глубинное беспокойство человека – экзистенциальная тревога.

История развития экзистенциальной парадигмы: Философские истоки: Кьеркегор, Хайдеггер, Сартр, Камю, Бубер, Достоевский, Шестов, Бердяев и другие. Психологические корни: (Европа: Ясперс, Босс, Минковский, Кун, Бэлли, Франкл; США: Мэй, Ялом,

Бьюдженталь; Россия: С.Л. Рубинштейн, М.М. Бахтин, Л.И. Анциферова, Д.А. Леонтьев, С.Л. Братченко, Р. Кочюнас, В.Н. Дружинин, Н.В. Клюева).

Методологическая основа — феноменология, отказ от экспериментальных исследований; в качестве основного предмета исследования выбирается "человеческий опыт" и используются такие методы, которые позволяют увидеть и понять этот опыт максимально полно — беседа, наблюдение, самонаблюдение, биографические, проективные и другие качественные методы.

В основе экзистенциальной парадигмы лежат следующие представления о сущности человека: Способность человека познавать свой внутренний мир, встреча и конфликты с предельными основаниями бытия человека в мире методом глубокой рефлексии, познание своей субъективной системы "Я-и-Мир". Принцип индетерминизма, свободы выборов и ответственности. Экзистенциальная тревога как основной мотивирующий фактор. Поиск уникального смысла в бессмысленном мире. Внимание к проблемам экзистенциальной вины, чувства бытия, к проблеме времени. Развитие личности основывается на уникальности каждого человека. Важными установками, которые реализует в работе с клиентом экзистенциально-ориентированный психолог, являются следующие: Во главу угла ставятся интересы самого человека. Помощь человеку научиться делать свободные выборы. Равноправность позиций психолога и клиента, взаимный риск и ответственность при наделении другого правом свободного выбора.

Основные идеи экзистенциального направления не просто реализованы на практике, но выросли из нее в буквальном смысле. Очевидно, что на сегодня потенциал экзистенциального подхода далеко не исчерпан — особенно в области психологии и именно в российской. Задача состоит в создании своего варианта экзистенциальной психологии. Экзистенциальный подход, как и другие, не является исключительным и не может объяснить все поведение. Но это парадигма, обладающая значительной объяснительной силой; она экономична и доступна. Более того, созвучна с глубинно человеческой природой. Сегодня она является одним из самых перспективных и авторитетных подходов в современной психологии и психотерапии. Это подтверждается широтой и разнообразием сфер, где экзистенциальная концепция оказывается весьма действенной.

Юношеский возраст является периодом интеграции личности, критического анализа норм и ценностей, предлагающихся со стороны общества молодому человеку. Это время необходимости первых серьезных решений, и в связи с этим может возникнуть множество трудностей, связанных с проблемой свободы и ответственности. Возникает вопрос: возможно ли здесь применение экзистенциального подхода? Какие трудности, имеющие экзистенциальную природу, могут возникать в юношеском возрасте? Работа полностью подчинена этим и другим проблемным вопросам.

Предмет: экзистенциальные составляющие, присущие юношескому возрасту

Цель: Исследование возможностей применения экзистенциального подхода в работе с молодыми людьми юношеского возраста

Исходя из теоретических положений об основных особенностях юношеского возраста, были выдвинуты следующие гипотезы: Гипотеза 1: В юношеском возрасте важной составляющей процесса социализации является осознание значимости и ответственности за события, происходящие в жизни личности. Гипотеза 2: Важной составляющей социализации в юношеском возрасте является актуализация личностью ценностей и смыслов жизни.

Соответственно методологии были выбраны следующие методики: проективный тест «Нарисуй реку своей жизни» и Методика предельных смыслов, разработанная Д.А. Леонтьевым.

На основе проведенного исследования можно сделать вывод о возможности применения экзистенциального подхода в работе с молодыми людьми 15–17 лет. Возможные и характерные для этого возраста проблемы связаны в первую очередь с процессом интеграции личности, переоценки ценностей и смыслов жизни, а также планированием своего будущего.

Трудности организации прошлого и планирования будущего, проблема свободы и ответственности

Трудности, связанные с низкой степенью структурированности индивидуального мировоззрения.

Некоторые проблемы юношей и девушек имеют экзистенциальную природу и происходят из взаимодействия личности с такими категориями как «скука», «ответственность», «изоляция», «свобода», «смерть».

Понятие временных ориентаций личности в ракурсе возрастной психологии – концептуальные основы исследования.

Сырцова Анна

аспирантка

Московский городской психолого-педагогический университет, Москва, Россия

E-mail: anna.sircova@gmail.com

Под временными ориентациями личности мы понимаем относительное доминирование прошлого, будущего или настоящего в мыслях человека. Данное понимание основывается на концепции жизненного пространства Курта Левина. Левин рассматривал временную перспективу как видение индивидом своего будущего или прошлого в своем настоящем и предполагал, что когнитивная деятельность и эмоции о прошлом или будущем могут влиять на действия, эмоции и когнитивную деятельность в настоящем, а также и на стремления в будущем.

Существует довольно стабильная индивидуальная тенденция акцентировать ту или иную временную рамку и, таким образом, вырабатывать стойкое временное «предубеждение». Т.е. некоторые из нас более ориентированы на будущее, другие более ориентированы на настоящее или на прошлое. Зимбардо с коллегами [6] выделяют два аспекта ориентации на прошлое: *негативное прошлое* (прошлое видится неприятным и вызывающим отвращение); и *положительные мысли о прошлом* (прошлый опыт и времена видятся приятными, «через розовые очки», с ноткой ностальгии). Также выделяют два аспекта ориентации на настоящее. *Гедонистическое* (полное удовольствия, ценится наслаждение моментом без сожаления о дальнейших последствиях поведения) и *фаталистическое* (такие люди сильно верят в судьбу, имеют подчиненное отношение к настоящему, в котором, как они верят, невозможны изменения, а также они не могут влиять на события ни своего настоящего, ни будущего). Пятый фактор – это *ориентация на будущее*, характеризующаяся наличием целей и планов на будущее, и поведением, которое направлено на выполнение этих планов и реализацию целей.

Также Зимбардо в противоположность временным предубеждениям выделяется *сбалансированная временная ориентация* – идеализированная умственная структура, которая позволяет нам гибко переключаться между размышлениями о прошлом, настоящем или будущем, в зависимости от требований ситуации, оценки ресурсов, личностных и социальных оценок. Такая временная ориентация является наиболее психологически и физически здоровой для нас и оптимальной для функционирования в обществе.

В жизни каждого человека существуют критические моменты, связанные с изменениями временной перспективы. Критические моменты возникают в разное время, но есть такие периоды жизни, в которых эти моменты концентрируются, порождая целый комплекс жизненных проблем, требующих формирования и перестройки перспективы. Мы считаем, что одним из ключевых моментов является процесс становления идентичности. В это время человек решает такие важные вопросы, как: каковы его ценности, кто он и чем хочет заниматься, каково его место в обществе, верует ли он, кто будет его сексуальным партнером и др. Формирование идентичности – это длительный процесс, который, однажды начавшись в подростковом возрасте, продолжается и в более зрелом возрасте. Какие-то аспекты идентичности изменяются во времени, а какие-то остаются неизменными.

«Одновременно и постоянное тождество внутри себя и постоянное разделение с другими какими-то своими основными признаками и свойствами» – такое определение идентичности дает Э. Эриксон в одной из своих работ. Такое устойчивое тождество во времени является очень важным для психического здоровья человека, т.к. служит цен-

тром осознания или опорой в разнообразии ситуаций и условий (F. Melges) [4]. В психической болезни наблюдаются нарушения идентичности в той или иной степени.

Таким образом, идентичность обеспечивает непрерывность прошлого, настоящего и будущего человека. Она образует единую систему координат для организующих и интегрирующих форм поведения в различных сферах жизни человека, приводит личные склонности и таланты в соответствие с идентификациями и ролями, данными ему ранее родителями, сверстниками и обществом, а также помогает определить направление, цели и смысл будущей жизни человека (Э. Эриксон) [1].

Джеймс Марсиа [3] на основе эпигенетической карты Эриксона выделяет 4 основных варианта формирования идентичности (статусы): *предрешенность*, *диффузия*, *мораторий* и *достижение идентичности*. Они определяются с учетом двух факторов: прошел ли индивидум через период принятия собственных решений (кризис идентичности), и связал ли себя твердыми обязательствами относительно сделанного им выбора системы ценностей или будущей профессиональной деятельности (J. Marcia). Джейн Крогер показала, что данные статусы являются динамическими структурами, они могут изменяться в течение жизни (J. Kroger), перетекать друг в друга [2].

Наш основной вопрос, на который мы попытаемся ответить в нашем исследовании, звучит следующим образом: как чувство постоянства (идентичность) связано с чувством перемены (времени)? Каким образом соотносятся временная перспектива личности со статусами идентичности? Что происходит с чувством времени в том или ином статусе в разных возрастах? Какова динамика: при изменении статуса идентичности, каким будет изменение временной перспективы?

Возвращаясь к проблеме психологического здоровья, необходимо отметить концепцию Кэрол Рифф [5], в которой наиболее детально проработано понятие психологического благополучия. Она характеризует его как «наличие некоего позитивного его состояния, связанного с определенным укладом базовых ценностей и идеалов человеческого существования, как позитивное психологическое функционирование, заключающее в себе стремления к совершенствованию, являющемуся реализацией человеческого потенциала». Рифф разработала шестифакторную модель психологического благополучия, которая охватывает всю широту понятия благополучия, включающего позитивную оценку жизни и себя, чувство продолжающегося развития и роста как личности, вера в то, что жизнь имеет цель и полна смысла, позицию хороших отношений с окружающими, способность эффективно строить свою жизнь и окружающий мир, чувство самоопределения.

Тем самым мы подошли к нашей центральной гипотезе: что достижение сбалансированной временной перспективы связано с достижением идентичности, что в свою очередь является основой для психического здоровья и субъективного благополучия.

Связь волевой регуляции со смысло-жизненными ориентациями личности

Шляпников Владимир Николаевич

аспирант

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: corona@mundi@mail.ru

В процессе социализации и присвоения культурно-исторического опыта перед человеком встаёт вопрос о сознательном овладении собственным поведением и психическими процессами для того, чтобы соответствовать требованиям и нормам, предъявляемым ему обществом. Эта специфическая человеческая способность организовывать собственную активность в соответствии с объективными требованиями и активностью других людей определяется как личностный уровень регуляции деятельности, а именно – волевой регуляции (Абульханова-Славская, 1982). В западной психологии чаще всего волевая регуляция рассматривается как контроль за реализацией волевых действий, который анализируется преимущественно на операционально-техническом уровне (Хекхаузен, 2003, Kuhl, 1996). В отечественной психологии сложился подход, в котором закономерности волевой регуляции рассматриваются в контексте всех деятельностей, осуществляемых субъектом, с учётом динамики мотивационно-смысловых отношений (Божович, 2001, Иванников,

1995). В рамках этого подхода В.А. Иванниковым высказывалась идея о важной роли устойчивых смысловых образований в волевой регуляции личности.

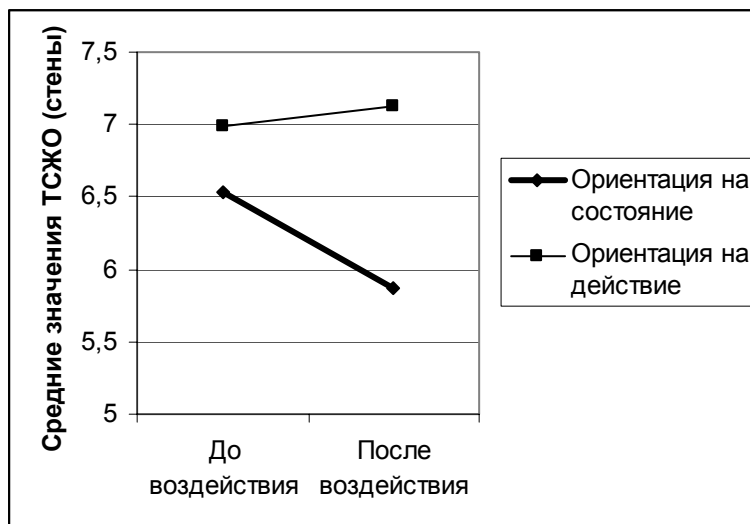
При планировании нашего исследования мы поставили перед собой цель проверить, как соотносятся операционально-технические характеристики волевой регуляции (диспозиции Ю. Куля) и смысловые образования личности (смысложизненные ориентации). В соответствии с теорией контроля за действием Ю. Куля, люди с диспозицией «ориентация на действие» (ОД) в процессе реализации волевых намерений менее подвержены влиянию различных негативных факторов (например, неудаче в прошлом), по сравнению с людьми, обладающими диспозицией «ориентация на состояние» (ОС). Исходя из этого, мы предположили, что люди с ОД-диспозицией должны обладать более устойчивыми смысловыми образованиями по сравнению с людьми, обладающими ОС-диспозицией. Для оценки смысловых образований личности мы использовали методику Тест Смысложизненных ориентаций (Леонтьев, 2000).

Таким образом, гипотеза нашего исследования состояла в том, что в ситуации, вызывающей негативное эмоциональное состояние, у испытуемых с ориентацией на состояние показатели по методике ТСЖО должны уменьшаться, по сравнению с измеренными в обычной обстановке, а у испытуемых с ориентацией на действие – они должны оставаться неизменными.

Исследование проводилось нами на студентах психологических факультетов различных ВУЗов Москвы. С помощью методики «Шкала контроля за действием» (Ю. Куль, адаптация С.А. Шапкин), нами были отобраны две группы по 30 человек с ОС и ОД диспозициями. Само исследование проходило в два этапа. На первом этапе испытуемые заполняли ТСЖО и «Шкалу контроля за действием». На втором этапе, который проводился через два месяца, испытуемые были подвергнуты воздействию, направленному на формирование негативного эмоционального состояния. Для этого использовался модифицированный тест на интеллект (Г.Айзенк), включавший в себя целый ряд стрессорных факторов (фрустрирующая инструкция, дефицит времени, повышенная сложность задания, эффект неоконченного действия). После этого испытуемых просили повторно заполнить ТСЖО и «Шкалу оценки состояний».

Для оценки статистически значимых различий между группами нами использовался одномер-

Рисунок 1. Среднегрупповые значения показателей ТСЖО до и после экспериментального воздействия у испытуемых с ОС и ОД диспозициями.

ный дисперсионный анализ с повторным измерением. В результате нами было обнаружено значимое межфакторное взаимодействие: «воздействие»*«диспозиция» $F(1,58)=5,582$, $p=0,022$ (см. Рис.1).

Полученные результаты говорят о том, что у испытуемых с ориентацией на действие различия в показателях методики до и после воздействия отсутствуют, а у испытуемых с ориентацией на состояние различия в показателях методики до и после воздействия статистически значимы: наблюдается снижение показателей ТСЖО после экспериментального воздействия.

Различий в показателях по «Шкале оценки состояний» в сравниваемых группах не наблюдалось ($t(58)=-0,123$, $p=0,902$), то есть испытуемые с ОС и ОД диспозициями вос-

принимали экспериментальную ситуацию одинаково, как негативную ($M=30.5$, $SD=10.5$).

Таким образом, полученные нами результаты подтверждают выдвинутую нами гипотезу. Нами была обнаружена связь между ОС и ОД диспозициями Ю. Куля и смысло-жизненными ориентациями, а именно испытуемые с ОД-диспозициями обладают более устойчивыми смысловыми образованиями по сравнению с испытуемыми с ОС-диспозициями в ситуации, вызывающей негативную эмоциональную реакцию. Однако проведенное нами исследование не позволяет сделать однозначные выводы о наличии каузальной зависимости между смысловыми образованиями личности и операционально-техническими характеристиками волевой регуляции. Поэтому затронутая нами проблема нуждается в дальнейшем изучении, включающем в себя исследование динамики смысло-жизненных ориентаций у людей с ОС и ОД диспозициями в условиях реальной жизнедеятельности.

Кризис развития как контекст становления стратегии жизни

Юдина Надежда Михайловна

студентка

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

E-mail: yudina.n@inbox.ru

На протяжении всей жизни человек нередко сталкивается с проблемами, которые он не может разрешить в короткое время и привычным для него способом. Такая ситуация создает предпосылки для возникновения кризиса. Кризис (от греч. *krisis* – решение, поворотный пункт, исход) – переломный момент в жизнедеятельности, тяжелое переходное состояние, обострение, опасное неустойчивое состояние [4]. Среди событий, которые могут привести к кризису, выделяют такие, как смерть близкого человека, тяжелое заболевание, отделение от родителей, семьи, друзей, изменение внешности, смена социальной обстановки, женитьба, резкие изменения социального статуса и т. д. [2].

В соответствии с этим выделяют разные виды кризисов, например, экзистенциальный кризис, связанный с проблемами смысла жизни и индивидуального существования; семейный кризис, связанный с переходом семьи на новую ступень жизненного цикла (рождение ребенка, смерть родственника и т.д.); личностный кризис – связан с переживанием той или иной трудной жизненной ситуации отдельной личности; возрастной кризис, обусловленный переходом личности на новый этап возрастного развития.

Существует множество подходов к рассмотрению проблемы кризиса. Разные авторы находят свое понимание этого термина. Например, Э.Эриксон видит сущность развития в решении жизненной задачи, которая возникает на каждой стадии жизненного цикла. Решение такой задачи сводится к установлению определенного соотношения между позитивным и негативным вариантом развития. Отсюда кризис – это борьба этих крайних возможностей, конфликт противоположных тенденций. Л.С. Выготский рассматривает кризис как противоречивый процесс разрешения внутренних конфликтов, как время качественных позитивных изменений, результатом которого является переход личности на новую высшую ступень развития. Д. Левинсон считает, что жизнь человека состоит из периодов стабильности и изменений, т.е. периодов кризиса, в течение которых необходимо решить определенные задачи. Человек продвигается от одного периода к другому лишь в том случае, если начинает работать над решением новой задачи развития и создает новую структуру своей жизни [4].

Так или иначе, любой кризис характеризуется резкими изменениями в жизни человека за короткое время, отрицанием и разрушением старых способов поведения, которые уже не срабатывают для решения возникшей проблемы.

Но нельзя относиться к кризису, как к чему-то фатальному, ведущему к разрушению всей жизни человека. После прохождения кризиса у человека формируется свежий взгляд на новые проблемы, хотя сам человек может о них даже не догадываться. Американская журналистка Гейл Шихи в своей книге «Возрастные кризисы» сравнивает человека с омаром. Она говорит, что «омар растет и развивается, сбрасывая целый ряд за-

щитных панцирей. Он освобождается от наружного панциря, как только тот начинает ему мешать, и становится ранимым и чувствительным до тех пор, пока не нарастет новый панцирь. Каждый переход на следующую ступень развития заставляет человека разрушать существующую защитную структуру. Он становится ранимым и чувствительным как эмбрион, но приобретает и его способность постепенно приспосабливаться к окружающим условиям» [5].

Кризис – это всегда этап жизни, он неотделим от непрерывного процесса развития человека, его индивидуальной истории. Собственно говоря, кризис — это кризис жизни, критический момент и поворотный пункт жизненного пути.

Впервые попытка дать научное, а потому более конкретное и содержательное определение жизненного пути была предпринята Ш.Бюлер (1928), которая провела аналогию между процессом жизни и процессом истории и объявила жизнь личности индивидуальной историей. Индивидуальную жизнь в ее динамике она назвала жизненным путем личности.

К идее жизненного пути личности вслед за Бюлер обратился крупнейший советский психолог С. Л. Рубинштейн. В книге "Основы психологии" (1935), анализируя работу Бюлер, он пришел к выводу, что жизненный путь нельзя понять только как сумму жизненных событий. Его необходимо представлять как целое, хотя в каждый данный момент человек, являясь субъектом своего жизненного пути, включен в отдельные ситуации, связан с отдельными людьми, совершает отдельные поступки [3]. Личность организует свою жизнь, регулирует ее ход, выбирает и осуществляет избранное направление. Такая способность личности к соединению своей индивидуальности с условиями жизни, к её воспроизводству и развитию называется стратегией жизни (К.А. Абульханова-Славская) [1].

Жизненные, событийные кризисы, которые происходят в жизни каждого человека, по существу, оставались вне интереса психологов. По сей день исследования жизненного пути велись только в рамках непрерывного процесса развития. Но такое понимание процесса развития не дает полноценного представления о жизненном пути и стратегиях жизни личности. В ходе этой индивидуальной истории возникают и свои «события» – узловые моменты и поворотные этапы жизненного пути индивида, когда с принятием того или иного решения на более или менее длительный период определяется жизненный путь человека [3], эти поворотные моменты нами принято называть кризисами. В этот период у личности может измениться жизненная стратегия, если она оказалась неэффективной для решения поставленных вопросов, или, наоборот, ещё сильнее укрепиться, если она была эффективна. Поэтому для того, чтобы познать всю полноту жизни индивида, необходимо обратиться к исследованию кризисных периодов на его жизненном пути. Ведь до сих пор остается неясным, какова роль кризиса в жизненном пути личности и как именно кризисный период влияет на стратегию жизни индивида.

Мы предполагаем, что кризис развития играет немаловажную роль в становлении стратегии жизни. Исследование этой проблемы позволит определить значимость кризисных периодов для стратегии жизни индивида, проследить выбор стратегии поведения в период кризиса, что в последствии позволит выработать программу помощи человеку в кризисный и посткризисный период жизненного пути.

ПОДСЕКЦИЯ «ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОСПРИЯТИЯ СЕБЯ И ВОСПРИЯТИЯ ДРУГОГО»

Самоэффективность личности и психологические барьеры

Гайдар Марк Игоревич

аспирант

Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия

E-mail: dekanat@phipsy.vsu.ru

Проблема самоэффективности личности приобретает особую актуальность в условиях перехода общества к более динамичному развитию в новом веке, когда от людей требуется гибкость мышления и поведения, творческое отношение к делу, умение занимать субъектную позицию. В этой связи закономерным является интерес ряда отечественных (А.В. Бояринцева, Р.Л. Кричевский, А.С. Огнев и др.) и зарубежных (А. Бандура, М. Ерусалем, Р. Шварцер, М. Шерер и др.) психологов к проблеме личной самоэффективности. Однако анализ психологической литературы позволяет констатировать недостаточную ее разработанность, несмотря на очевидную теоретическую и практическую значимость. Не исследованной является, в частности, связь того или иного уровня самоэффективности личности с наличием у нее психологических барьеров и трудностей, которые возникают в общении, взаимодействии с другими, понимании окружающих и самой себя.

Актуальность избранной нами темы исследования обусловлена, во-первых, потребностью в дополнении и расширении научных представлений о сущности такого личностного образования, как самоэффективность, во-вторых, требованием уточнения специфики психологических барьеров личности, в-третьих, необходимостью выявления того, как могут быть связаны между собой психологические барьеры и тот или иной уровень развития самоэффективности личности.

Все это будет способствовать дальнейшему развитию научных знаний по проблемам самоэффективности личности и психологических барьеров, обогащению как общепсихологической, так и социально-психологической теории личности, а также позволит предложить психологические рекомендации и специальные коррекционно-развивающие программы, направленные на преодоление имеющихся у личности барьеров и повышение ее эффективности в различных областях жизнедеятельности.

Таким образом, цель нашего исследования состояла в изучении связи уровня развития самоэффективности личности с наличием у нее психологических барьеров.

В качестве основной гипотезы исследования выступало предположение о том, что наличие у человека психологических барьеров сочетается с низким уровнем его самоэффективности как в общении, так и в деятельности. В качестве дополнительной гипотезы было выдвинуто предположение о том, что низкий уровень самоэффективности в общении связан с низкоразвитой потребностью в общении, а низкий уровень самоэффективности в деятельности – с недостаточной уверенностью личности в себе.

Новизна осуществленного нами исследования видится в том, что в нем впервые была предпринята попытка изучения связи самоэффективности личности с наличием у нее психологических барьеров.

На основе теоретического анализа литературы нами была проведена операционализация базовых понятий: психологический барьер, самоэффективность личности, уверенность в себе, потребность в общении.

За рабочее мы приняли определение психологического барьера как психического настроя личности, фиксированного на уже достигнутом результате, который тормозит дальнейшую мобилизацию и использование духовного потенциала человека и в котором осознанно или неосознанно, скрыто или явно, преднамеренно или непреднамеренно выражаются негативные психические состояния и эмоциональные переживания субъекта. Мы считаем возможным при изучении у испытуемых психологических барьеров ориентироваться на уровень субъективных переживаний ими своих жизненных трудностей

или психологических затруднений, которые мы рассматривали как эмпирический индикатор психологических барьеров.

Самоэффективность личности – ее убежденность в эффективности собственных действий в тех или иных социальных ситуациях, вера в успех этих действий, что сопровождается предпочтением более сложных задач, постановкой достаточно трудных целей и проявлением упорства, настойчивости при их достижении. Убежденность в собственной результативности при осуществлении социального поведения означает, что субъект сознательно отражает эту психологическую характеристику и может дать ее субъективную оценку.

Уверенность в себе – это свойство личности, ядром которого выступает позитивная оценка индивидом собственных навыков и способностей как достаточных для достижения значимых для него целей и удовлетворения его потребностей.

Потребность в общении – потребность индивида принадлежать к группе, быть ее членом, взаимодействовать с ней, участвовать в совместной деятельности, находиться вместе, оказывать и принимать помощь. При этом общение выступает в качестве цели деятельности субъекта. Различные проявления потребности в общении могут быть осознаны и вербально выражены субъектом потребности.

Исходя из вышесказанного, в качестве основного метода эмпирического исследования, направленного на проверку выдвинутых гипотез, использовался метод стандартизированного самоотчета, реализованный в виде батареи тест-опросников: тест-опросник «Психологические затруднения» Т.Л. Романовой (выявляет психологические барьеры в тех или иных ситуациях социального поведения личности, о наличии которых можно судить по высокому уровню психологических затруднений); тест-опросник самоэффективности Маддукса-Шерера (диагностирует уровень развития самоэффективности в сферах предметной деятельности и общения, а также так называемую общую самоэффективность); тест-опросник уверенности в себе В.Г. Ромека (помогает определить выраженность общей уверенности в себе, а также социальной смелости и инициативы в социальных контактах); тест-опросник потребности в общении Ю.М. Орлова, В.И. Шкуркина, Л.П. Орловой (выявляет уровень развития потребности в общении).

Базой эмпирического исследования служили Воронежский государственный университет и Воронежский гуманитарный институт – филиал Московского открытого социального университета. Общий объем выборки, которую составили студенты I–V курсов обоих вузов, – 181 человек (средний возраст – 18–21 год).

Проведенный анализ полученных результатов позволяет заключить следующее.

И основная, и дополнительная гипотезы в ходе исследования подтвердились частично. Наличие у человека психологических барьеров сочетается либо с низким (как и предполагалось исходно), либо со средним уровнем самоэффективности как в общении, так и в деятельности. Низкий уровень самоэффективности в общении связан с низкоразвитой потребностью в общении. Что же касается низкого уровня самоэффективности в деятельности, то он оказался не связан с низким уровнем общей уверенности, но подобные связи удалось установить в отношении отдельных проявлений уверенности – социальной смелости и инициативности в социальных контактах, – низкий уровень которых статистически значимо связан с низкой самоэффективностью в сфере деятельности.

Полагаем, что материалы нашего исследования могут быть использованы в различных сферах психологической практики (индивидуальной и групповой психотерапии, консультировании организаций, семейной психотерапии, работе психологов в чрезвычайных ситуациях и т.д.).

В качестве перспектив исследования нам видится дальнейшее углубленное изучение феномена самоэффективности, исследование его проявлений в процессе профессионального становления будущих психологов, разработка методов психодиагностики и развивающей работы, направленной на совершенствование личностной самоэффективности.

Смысловые ориентации студентов с различным уровнем притязаний⁹**Гейман Юлия Петровна¹⁰**

студентка

Белгородский государственный университет, Белгород, Россия

Одним из психологических феноменов, отражающих индивидуальные особенности целенаправленного поведения, является уровень притязаний. Нас интересует вопрос о том, как уровень притязаний связан со смысловыми ориентациями студентов. Особенно эта проблема актуальна для юношеского возраста, т.к. именно на этом этапе онтогенеза происходит профессионально-личностное становление.

Выборку составили учащиеся белгородских ВУЗов в возрасте 20–23 лет, 4–5 курсов: 42 студента БГТУ им. Шухова (26 девушек и 16 юношей), 61 студент БелЮИ МВД РФ (12 девушек и 49 юношей), 59 студентов БелГУ факультета управление персоналом (44 девушки и 15 юношей), 43 студента БелГУ факультета психологии (41 девушка и 2 юноши). Всего 205 человек.

Результаты исследования показали, что для большинства студентов характерен умеренный уровень притязаний (77чел – 37%); группа с низким уровнем притязаний составила 44 человека (22%); группа с нереалистично низким уровнем притязаний – 50 человек (24%), группа с высоким уровнем притязаний – 20 человек (11%); Группа с нереалистично высоким уровнем притязаний, в которую вошли 14 человек – 6 %. Таким образом, наибольшее число студентов обладает средним уровнем притязаний, а нереалистично высоким уровнем притязаний – самое малое количество студентов. Были выявлены следующие закономерности: для студентов с *нереалистично высоким* уровнем притязаний характерно следующее. Во-первых, удовлетворенность прожитой частью жизни, которая воспринимается, как интересный и эмоционально насыщенный процесс; во-вторых, высокая требовательность к окружающим и склонность обвинять их в своих неудачах; в-третьих, им свойственно считать себя сильными личностями, обладающими достаточной свободой выбора, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими целями и представлениями о смысле. Студенты с *нереалистично низким* уровнем притязаний менее удовлетворены прожитой частью жизни, не верят в свои силы контролировать события собственной жизни и редко загадывают что-либо на будущее, так как являются в основном фаталистами. В поведении это проявляется в повышенной тревожности, в выборе слишком трудных или слишком легких целей, в тенденции избегать ситуаций соревнования и не критичности в оценке достигнутого. У студентов с *заниженным уровнем* притязаний жизненные цели спутаны, либо отсутствуют. Им свойственна низкая осмысленность, направленность и временная перспектива своей жизни. Настойчивостью и уверенностью в своих силах отличаются студенты, обладающие *умеренным уровнем* притязаний. Для них характерны конкретные жизненные цели, осмысленность жизни и видение временной перспективы. Они свободно принимают решения и воплощают их в жизнь.

Обобщая результаты нашего исследования, отметим, что студенты с различным уровнем притязаний имеют индивидуальные особенности смысловых характеристик. В частности, представители группы исследуемых с *нереалистично высоким* уровнем притязаний удовлетворены своим прошлым и уверены в своем будущем, считают себя сильными и уверены в полном контроле своей жизни. Эта характеристика сильно отличает таких студентов от группы исследуемых с *нереалистично низким* уровнем притязаний, которые менее удовлетворены прошлым, не уверены в себе, ориентируются на подчинение и проявляют беспомощность. Студенты с адекватным уровнем притязаний отличаются наличием конкретных целей, осмысленностью своих поступков и планов, а также всей жизни в целом.

⁹ Настоящая статья подготовлена по результатам исследований, проведенных в рамках работы над дипломным проектом.

¹⁰ Автор выражает признательность доценту, к.психол.н. Шутенко Е.Н. за помощь в подготовке тезисов.

К проблеме исследования социально-перцептивных искажений

Горобец Татьяна Викторовна¹¹

аспирант

Черкасский национальный университет им. Б. Хмельницкого, Черкассы, Украина

E-mail: psy.@cdu.edu.ua

Проблема социально-перцептивных искажений является актуальной не только в области практической психологии, но и кибернетике, медицине и академической психологии. Часто данный вопрос сводится к исследованиям отдельных психических процессов, искажений в процессе восприятия, которые основываются на анатомо-физиологических особенностях личности (например, зрительные, слуховые или тактильные иллюзии). Отличия между объективной (материальной) и субъективной (психической) действительностями были описаны преимущественно исследователями академической психологии, гештальттерапии, когнитивной и социальной психологии, которые детерминируются такими психологическими феноменами, как константность восприятия, эмпатия и рефлексия, различного рода стереотипизации и эффекты (ореола, новизны и др.). Однако данные исследования не позволяют раскрыть особенности проявления социально-перцептивных искажений, а также их психологические предпосылки.

Проблему адекватности материальной и психической реальности в контексте бессознательных процессов впервые рассматривал основатель психоанализа З. Фрейд, объясняя это подчиненностью психики физическим законам сохранения энергии: ни один психический импульс не исчезает бесследно, а вытесняется в бессознательное, где может блокировать или усиливать жизненно важные функции. Импульс может приобретать эмоционально-содержательное значение и превращаться в убеждения, веру, привычку или манию, и в таком качестве может существовать не только как своеобразное социально-перцептивное искажение, но и деформация, которая находит свое выражение на поведенческом уровне. Такая неадекватная реакция, согласно концепции З. Фрейда, обусловлена смещением энергетического импульса с одного представления на другое (Фрейд, 2003). Также З. Фрейд связывал социально-перцептивные искажения с функциями Эго, которые носят противоречивый характер: с одной стороны – отражение действительности, прогнозирование, упорядочивание психических процессов во времени и пространстве и т.д., а с другой – искажение очевидных фактов, актуализация сопротивления инстинктам, иррациональность восприятия под воздействием принципа удовольствия, подчинение тенденциям Ид (Яценко, 1999).

Для объяснения данных процессов Т.С. Яценко вводит понятие субъективной интеграции психики, которая маскирует от сознания расхождение между просоциальными намерениями субъекта и способами их достижения, которые носят, как правило, инфантильный характер. Существенная роль в этом процессе принадлежит искажениям, которые интегрируют инфантильные интересы с просоциальными тенденциями, и психика таким образом развязывает задачу адаптации к социуму, его требованиям и реализации субъективно-значимых инфантильных интересов. Неосознаваемость такого процесса порождает дезадаптацию и психологическую незащищенность, связанных со значительным расходом энергии и требующих дополнительных отступлений от реальности.

В контексте психодинамического направления мы имеем возможность на материале работы групп активного социально-психологического обучения (Яценко, 1996) исследовать социально-перцептивные искажения на основе действия системы психологических защит, переживаний, условных ценностей и идеализированного Я субъекта, которые порождают отступления от реальности. Поэтому дальнейшее исследование социально-перцептивных искажений не утрачивает своей актуальности и в настоящее время.

---

¹¹ Автор выражает признательность профессору, доктору психологических наук, академику АПН Украины Т.С. Яценко за помощь в подготовке тезисов

**Проблема диагностики защитных механизмов личности
с помощью стандартизованных опросников**

Жилина Елена Юрьевна

аспирантка

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: alionayg@gmail.ru

В современной психологической науке значительное количество исследований посвящено проблеме определения, классификации и диагностики защитных механизмов личности. Создано множество «словарей» защитных механизмов: определения защит в DSM-III-R, словари Майснера и Вайлянта, шкала Перри и др. (Vaillant, 1992). Классификации основываются преимущественно на критерии зрелости применяемых личностью защитных механизмов, что характерно в первую очередь для психоаналитически ориентированных авторов и представителей направления североамериканской Эгопсихологии, но встречаются и работы в традициях когнитивистской школы. В последнем случае за основу берётся способ обработки информации и уровни наблюдения за результатом работы механизма (Horowitz et al., 1999).

Диагностика защитных механизмов традиционно проводилась с помощью проективных и клинических методов, однако в последние десятилетия всё чаще предпринимаются попытки диагностики защитных механизмов с помощью стандартизованных опросников. В настоящий момент одним из наиболее применяемых стандартизованных диагностических методов в Европе (приобретающим популярность и в Латинской Америке) является Опросник защитных стилей (Defense Style Questionnaire), созданный М.Бондом с сотрудниками. Также широко распространена модификация Q-сортировки Вайлянта, и находит применение Опросник жизненного стиля, созданный Р.Плутчиком и сотрудниками (Ionescu, 1998).

Существующие определения защитных механизмов дают представления преимущественно о действии механизма на уровне сознания и бессознательного, и в меньшей степени описывают следующие за ним поведенческие проявления. Также пока достоверно не выявлены связи защитных механизмов с личностными типами и чертами, что затрудняет применение полученных знаний на практике. Классификации, напротив, часто описывают связи защит с личностными особенностями. Например, «невротические» защиты, выделяемые Майснером, Вайлянтом и Перри (Vaillant, 1992), наблюдаются у людей с соответствующими личностными расстройствами. Однако данные защиты в меньшей степени могут присутствовать и у других людей.

Автором проанализирована методика «Опросник защитных стилей» Р.Плутчика. Данный опросник был создан Р.Плутчиком с сотрудниками на основе одной из наиболее целостных теорий, включающих в себя понятие защитных механизмов – психозволюционной теории Р.Плутчика. С помощью методов многомерного статистического анализа произведена проверка существующих российских версий диагностической методики Р.Плутчика на предмет их психометрической обоснованности (Романова, 1996). Проведённая работа показала, что существующие версии опросника не удовлетворяют критериям обоснованности и структура шкал Плутчика не выявляется на российской выборке (R.Plutchik, 1979). Затем проведено исследование, направленное на создание психометрически обоснованного опросника диагностики защитных механизмов.

В результате создана методика диагностики защитных механизмов личности — опросник ЗМЛ — и проведена проверка её психометрической обоснованности. Автором доказана психометрическая обоснованность методики для четырёх из восьми шкал, описанных Плутчиком. Исследование не подтвердило полной психометрической обоснованности шкал опросника (психометрически обоснованы четыре шкалы из восьми), но и полученные данные имеют ценность для дальнейших исследований по данной тематике.

Соположение самооценки и притязаний по параметру стабильности

Зинько Елена Владимировна

аспирантка

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: 110597@yandex.ru

Длительное время самооценка (СО) и уровень притязаний (УП) рассматривались как тождественные конструкты, что допускало использование техники диагностики притязаний для измерения оценки себя. Основанием для такого взгляда служил фиксируемый многими исследователями факт совпадения высотных характеристик СО и УП. Однако более глубокое изучение выявило, что наряду с совпадением регистрируется также рассогласование притязаний и оценки себя по всем параметрам, что свидетельствует о необходимости разделения указанных феноменов и применения разных методов их регистрации. В цикле специально проведенных работ было экспериментально и математически доказано, что СО и УП являются самостоятельными образованиями, соответствие характеристик которых фиксируется только приблизительно в половине случаев (Бороздина, Видинска, 1986, Бороздина, 1999). СО – это оценка субъектом своего потенциала; УП воплощает стереотип тактики целеполагания, привычный способ выбора субъектом целей; и, выбирая цели, человек в значительной части случаев действует совсем не в точном соответствии с тем, как он оценивает себя. Таким образом, можно утверждать, что СО служит базисом притязаний, но далеко не всегда УП является точным ее отражением (Бороздина, 2000).

Обнаружено, что гармоничное сочетание анализируемых конструктов характеризуется самопрятием и комфортом в эмоциональной сфере, в то время как их дивергенция сопряжена с ростом личностной тревожности, агрессивности, изменением типа реакции на фрустрацию. В ряде случаев несовпадение СО и УП по высоте может являться одним из факторов риска возникновения психосоматических заболеваний (Былкина, 1995, Бороздина и др., 2002). В данном контексте представляет интерес дальнейшее исследование взаимосвязи СО и УП с показателями хронизированных эмоций – тревожности, фрустрированности, агрессивности и т.п. При этом в силу меньшей изученности параметров устойчивости и адекватности оценки себя и притязаний возникает необходимость анализа связи различных вариантов соположения названных образований по их стабильности и адекватности как таковых, а также с комплексом эмоциональных и мотивационных особенностей. Важным является выяснение вопроса о том, возникает ли аффективно-мотивационное сопровождение в качестве реакции на дисгармонию исследуемых конструктов по параметрам устойчивости и адекватности. Первая попытка его решения была сделана Л.В. Бороздиной и Е.А. Залученовой (1993). Согласно полученным результатам, рассогласование СО и УП по указанным измерениям не сопровождается мотивационно-эмоциональным аккомпанементом, подобным тому, какой имеется при расхождении изучаемых образований по высоте. Однако выявленные факты требуют верификации на большей статистике. Целью данной работы было выяснить, с какими эмоциональными и мотивационными особенностями сопряжено гармоничное и дисгармоничное положение СО и УП по параметру устойчивости, возникает ли аффективно-мотивационный шлейф при дивергенции СО и УП по указанному измерению.

В качестве техники для диагностики СО была использована модифицированная методика Дембо-Рубинштейн. Проба на УП осуществлялась по методике Хоппе-Юкнат, стимульным материалом в которой служили матрицы Равена.

Уровень личностной тревожности оценивался с помощью шкалы MAS Дж.Тейлор, с добавлением шкалы лжи, предложенной Немчиным. Реакции на фрустрацию исследовались с помощью теста Розенцвейга в адаптации Н.В.Тарабриной. Опросник В.М.Русалова предназначался для диагностики свойств темперамента, таких как эргичность, темп, пластичность и эмоциональность. Для установления типа межличностных отношений использовалась методика, созданная Т.Лири, Г.Лефоржем, Р.Сазеком. Показатели нейротизма устанавливались по тесту Г.Айзенка. Отсев респондентов с выраженными показателями невротизма производился при помощи техники Хека-Хесс.

В соответствии с целью работы особое внимание уделялось параметру устойчивости СО и УП. По этому признаку все испытуемые подбирались по четырем группам:

1. Обследуемые с тождественными по параметру устойчивости СО и УП: I – лица с неустойчивыми СО и УП: 40 чел.; II – субъекты с устойчивыми СО и УП: 40 чел.

2. Обследуемые с дисгармоничными по показателю стабильности СО и УП: III – респонденты с неустойчивой СО и устойчивым УП: 40 чел.; IV – лица с устойчивой СО и неустойчивым УП: 40 чел.

Обобщая результаты, можно сказать, что испытуемые с тождественно неустойчивыми СО и УП по итогам проведенных методик достоверно отличаются от респондентов с синхронно стабильными конструктами. При попарно устойчивых СО и УП отмечаются высокие СО и притязания, низкий уровень личностной тревожности, толерантность, стремление к компромиссу в конфликтных ситуациях, фиксация на удовлетворении потребности, эмоциональная устойчивость, пластичность, общительность, дружелюбие, стремление к доминированию, настойчивость, уверенность в себе.

При совпадении СО и УП по параметру нестабильности уровень СО значимо ниже по всем трем ее позициям: реальной, достижимой и идеальной; структура СО растянута из-за увеличения интервала между идеальным и реальным профилями за счет снижения последнего; УП снижен; наблюдается высокая тревожность, фрустрированность, агрессивность, неумение найти выход из конфликтной ситуации, фиксация на самозащите. Неустойчивость СО и УП тесно связана с неуверенностью в себе, ригидностью, быстрой истощаемостью, эмоциональной неустойчивостью, высоким нейротизмом, агрессивностью, неумением находить выход из сложных ситуаций, конформизмом, повышенной чувствительностью к мнению окружающих, к социальным нормам и правилам, к неудачам в работе и в общении, подозрительностью, скрытностью, недоверием к людям.

Сравнение субъектов III и IV групп с испытуемыми I и II групп обнаружило, что лица с дисгармоничными по устойчивости СО и УП занимают промежуточную позицию по итогам всех проведенных тестов. У них сниженная СО, менее высокий УП (IV группа), отмечается средняя тревожность, довольно высокая пластичность, несклонность к подчинению и зависимости, настойчивость, энергичность, но при этом высокая фрустрированность, агрессивность, фиксация на самозащите, повышенная чувствительность к неудачам, трудности в межличностном общении из-за подозрительности и скрытности и т.д.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что расхождение СО и УП по параметру устойчивости/неустойчивости не вызывает аффективно-мотивационного аккомпанемента, в отличие от рассогласования по показателю высоты. Подобное аффективно-мотивационное сопровождение в несколько модифицированном виде является следствием свойства нестабильности как такового.

Взаимосвязь защитных механизмов личности с уровнем смысложизненных ориентаций

Лисицына Екатерина Юрьевна

студентка

Казанский государственный университет, Казань, Россия

E-mail: Yuri.Lisitsyn@ksu.ru

В классическом психоанализе защитные механизмы «Эго» представляют собой сознательную стратегию, которую использует индивид для защиты от открытого выражения импульсов инстанции «Ид» и встречного давления со стороны «Суперэго», предохраняя его от чрезмерной тревоги. Вместе с тем, та или иная комбинация механизмов защиты, используемая конкретным индивидом, может быть рассмотрена как определенный жизненный стиль, позволяющий индивиду более или менее эффективно функционировать в окружающей его действительности. Субъективная оценка успешности этого функционирования отражается в ощущении удовлетворенности и осмысленности жизни. Незученным, однако, является вопрос о сравнительной эффективности различных защитных механизмов. Поэтому в данном контексте целесообразным является установление и изучение особенностей взаимосвязи тех или иных защитных механизмов с различными аспектами смысложизненных ориентаций, что и стало целью настоящего эмпирического исследования.

В исследовании приняли участие 46 человек в возрасте от 40 до 50 лет, имеющих высшее образование (23 женщины и 23 мужчины). Применялись методика «Смысл-жизненные ориентации» (СЖО) Д.А. Леонтьева и методика диагностики механизмов психологической защиты «Индекс жизненного стиля», разработанная Р. Плутчиком и адаптированная в научно-исследовательском психоневрологическом институте им. В.М. Бехтерева (г. С.-Петербург) под руководством Л.И. Вассермана в 1999 г.

Полученные результаты показывают, что наиболее выраженным защитным механизмом у всей экспериментальной группы является рационализация. При этом данный защитный механизм характеризуется прямой связью с такими показателями СЖО как наличие целей в жизни ($R=0,47$ на уровне $p \leq 0,05$), локус контроля-Я ($R=0,51$ на уровне $p \leq 0,01$) и общий показатель осмысленности жизни ($R=0,43$ на уровне $p \leq 0,05$). Иначе говоря, рационализация способствует оценке субъектом собственного жизненного пути, как имеющего четкий и определенный смысл.

Вместе с тем, была обнаружена отрицательная корреляция между всеми показателями СЖО и механизмами замещения и регрессии (на уровне значимости $p \leq 0,05$), т.е. данные способы психологической защиты препятствуют осмыслению индивидуального содержания прошлого и настоящего, а также постановке целей и оценке возможности их реализации в будущем.

Таким образом, можно сделать вывод, что для представителей исследуемой группы интеллектуализация является наиболее продуктивным механизмом психологической защиты, в то время как регрессия и замещение, наоборот, связаны с низким уровнем удовлетворенности и значимости собственной жизни. Полученные в ходе исследования данные еще раз, хотя и в несколько ином ракурсе, подтверждают теоретическое положение Р. Плутчика о попарной полярности измеряемых защитных механизмов, в данном случае – рационализации и регрессии.

Экспозиционная стереотипизация как механизм формирования физической привлекательности

Мелешников Алексей Алевтинович

студент

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль, Россия

E-mail: bird-25@yandex.ru

Физическая привлекательность – актуальная междисциплинарная проблема. Во-первых, известно, что данное явление обнаруживает систему тесных взаимосвязей со многими индивидуально-психологическими свойствами (Langlois, 2000), во-вторых, значимое влияние фактора привлекательности имеет место практически во всех сферах взаимодействия людей: от романтических отношений до деловых переговоров и судебных заседаний (Чалдини, 2005).

Заметим, что несмотря на обилие публикаций по данному вопросу в западных периодических изданиях, до сих пор не было разработано концепции, объясняющей универсальные механизмы ФП. Целью настоящей работы является обобщение известной информации с привлечением результатов собственных экспериментальных исследований, а также формулировка нового подхода к исследованию факторов привлекательности различных объектов. Нами предполагается, что одним из общих механизмов формирования привлекательности является процесс *экспозиционной стереотипизации*. Под экспозиционной стереотипизацией подразумевается феномен становления и развития эмоциональных отношений к стимулам различной природы и их элементам в зависимости от времени нахождения в поле зрения воспринимающего феноменально идентичных объектов. Согласно гипотезе, указанный механизм распространяется на стимулы различных модальностей, однако существующие эмпирические исследования касаются в основном зрительных и слуховых раздражителей.

Первые известные работы, связанные с экспозиционными процессами, появились в американской психологии в середине 60-х годов и проводились под руководством Р. Зайонца (Saegest, S., Swarp, W. and Zajonc, R, 1973). Эти и дальнейшие исследования по-

казали, что привлекательность каких-либо стимулов пропорциональна их частоте встречаемости. В качестве материала в подобных экспериментах выступали контуры человеческих лиц, псевдослова, иероглифы, мелодии и даже кулинарные блюда. Изучаемый феномен, действие которого было продемонстрировано более, чем в 200-х работах, получил название «эффекта простого нахождения в поле зрения». В настоящее время это явление достаточно хорошо изучено, однако до сих пор не было попыток обнаружения закономерностей, стоящих в одном ряду с экспозиционным эффектом, но и отличных от него. Не лучше обстоит ситуация и с осмыслением роли таких закономерностей в генезисе эмоциональных отношений человека, в том числе и социальных.

Значительным продвижением в исследовании описанных проблем было выдвинутое нами предположение о существовании *экспозиционного эффекта на количественные признаки* (Мелешников, 2003). Заметим, что данный вопрос в западных работах даже не затрагивался, хотя его важность для теории и практики очевидна. Итак, гипотетически, если имеется ряд стимулов, обладающих определёнными количественными признаками и относящихся к одному классу, то привлекательность каждого из стимулов будет определяться временем экспозиции признаков с таким значениями, которые субъективно идентичны присутствующим у данного стимула. Для проверки высказанного предположения нам был проведён специальный эксперимент, суть которого сводилась к следующему. На I этапе испытуемым с помощью разработанной нами компьютерной программы предъявлялись 10 рисованных изображений, очень отдалённо напоминающих человеческие лица. Все фигуры были одинаковыми по всем параметрам, кроме одного – ширины: от стимула №1 к стимулу №10 она постепенно увеличивалась. Стимулы имели одинаковую частоту встречаемости. Далее испытуемые оценивали привлекательность изображений по 7-балльной шкале. На II этапе (через неделю) процедура повторялась, однако стимулы №1 – №5 предъявлялись в 5 раз чаще, чем №6 – №10. В результате было выявлено, что:

1. Оценка группы изображений №1 – №5 значимо повысилась, а №6 – №10 – снизилась.
2. Общая оценка всех стимулов снизилась.

Учитывая тот факт, что испытуемые в целом неодобрительно отзывались по поводу экспериментального материала, мы можем констатировать действие по крайней мере двух слоёв экспозиционных процессов: отрицательного – на целостные изображения и положительного – на количественные признаки изображений.

Отметим, что проблема экспозиционного эффекта на классы сложных фигур (например, расовые типы человеческих лиц) даже не поставлена, хотя она, безусловно, значима для практики. В данном случае основным вопросом является вопрос о специфичности действия экспозиционного эффекта на количественные признаки, то есть о его распространении на несколько классов или только на один. Итак, система экспозиционных процессов имеет сложную иерархически организованную структуру, имеющую, к тому же, два слоя: объектов (целостных фигур) и элементов (составляющих объектов, признаков). На основе частоты встречаемости на любой элемент, предмет или класс предметов формируются оценочные стереотипы, взаимодействие которых и определяет эмоциональную реакцию на любой объект. Отметим, что действие экспозиционных процессов в целом может быть как положительным, так и отрицательным, однако оценочные стереотипы на количественные признаки могут быть лишь прямо пропорциональны времени экспозиции.

Описанная нами схема показала свою работоспособность при объяснении механизмов физической привлекательности человеческого лица. Так, экспериментально подтверждено, что лица с чертами, близкими к средним в популяции, наиболее притягательны (Grammer K., Thornhill R., 1994). Но средние значения признаков наиболее распространены в популяции (так как морфологические параметры варьируют нормально), а потому и имеют наивысшую оценку. Было также показано, что экспозиционные стереотипы на черты лица обеспечивают не только сходство в предпочтениях физических данных, но и различия. Таким образом, функция экспозиционного эффекта на количественные признаки – приспособление к популяции, а эффекта знакомости на единичные

объекты – адаптация к тем индивидам, которые доступны для непосредственного и регулярного взаимодействия.

Итак, в настоящей работе на примере как известных, так и оригинальных эмпирических исследований была продемонстрирована значительная роль экспозиционной стереотипизации в формировании привлекательности самых различных объектов. Также было введено понятие экспозиционного эффекта на количественные признаки и впервые показана возможность анализа закономерностей восприятия физической привлекательности в русле экспозиционной модели.

Особенности образа «Я» и мотивации доминирования у людей с разным уровнем самомониторинга¹²

Полежаева Екатерина Андреевна

аспирантка

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: polezhaeva@cnt.ru

В русле изучения поведения человека в социальных ситуациях в зарубежной психологии возникло и стало широко использоваться понятие «самомониторинг» (self-monitoring), введенное М.Снайдером в 1974 году (Snyder, 1974). С тех пор этот сложный, противоречивый феномен с каждым годом привлекает к себе все большее внимание исследователей, что неудивительно, так как в нем угадывается возможный объяснительный принцип многих психических явлений. Самомониторинг определяется исследователями как важная стилевая психологическая характеристика, опосредующая связь между отношением и поведением. Однако, во-первых, остается неясным, каким образом происходит это опосредование и какова в целом роль самомониторинга в структуре личности. Так как феномен самомониторинга исходно связан с ситуацией самопрезентации, исследователи обычно фиксируют свое внимание лишь на данной взаимосвязи, не уделяя достаточного внимания ее возможным механизмам (которые могут быть раскрыты через рассмотрение роли основных структур личности в этом процессе: составляющие Я-концепции и мотивационную сферу). А именно понимание внутриличностных механизмов, которые задействованы в процессе регуляции поведения самомониторингом, может прояснить истинную роль этого многогранного психологического феномена. Во-вторых, несмотря на активную разработку проблемы взаимосвязи самомониторинга со многими базовыми процессами, обуславливающими личность и социальное поведение, вопрос о взаимосвязи этого феномена с таким «всепроницающим» социально-психологическим явлением, как власть, до сих пор не был поставлен.

Решая проблему об особенностях взаимосвязи всех этих феноменов, мы проясняем, с одной стороны, механизм работы каждого из них, с другой – картину функционирования системы личности в целом. Это имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку обуславливает возможность более точного понимания и прогнозирования эффектов функционирования этих феноменов на уровне личности и в социальном поведении.

По итогам анализа литературы и результатов наших исследований феномена самомониторинга предыдущих лет была предложена теоретическая модель, описывающая механизм согласованной работы внутриличностных структур, обеспечивающих социальное поведение, а также зависимость степени данной согласованности от качества одной из этих структур, а именно – уровня самомониторинга (рис.1).

Данная модель проверялась нами эмпирически. Предметом исследования стала взаимосвязь феноменов самомониторинга, мотивации доминирования (как проявление стремления к власти в межличностных отношениях) и содержания образа «Я». В этой работе мы преследовали цель установить факт наличия и характер взаимосвязи самомониторинга с каждым из двух феноменов: содержанием образа «Я» и мотивацией доминиро-

---

¹² Данное исследование проводилось под научным руководством к.п.н. Тихомандрицкой О.А.

вания; а также влияния самомониторинга на наличие взаимосвязи между ними. Исследование проводилось на студентах 4-го курса биологического и физического факультетов МГУ им. М.В. Ломоносова (106 человек). Для диагностики выше обозначенных переменных использовались следующие методики: опросник М. Снайдера «Шкала самомониторинга»; методика диагностики межличностных отношений Т. Лири; оригинальный опросник на выявление уровня мотивации доминирования (разработанный автором).

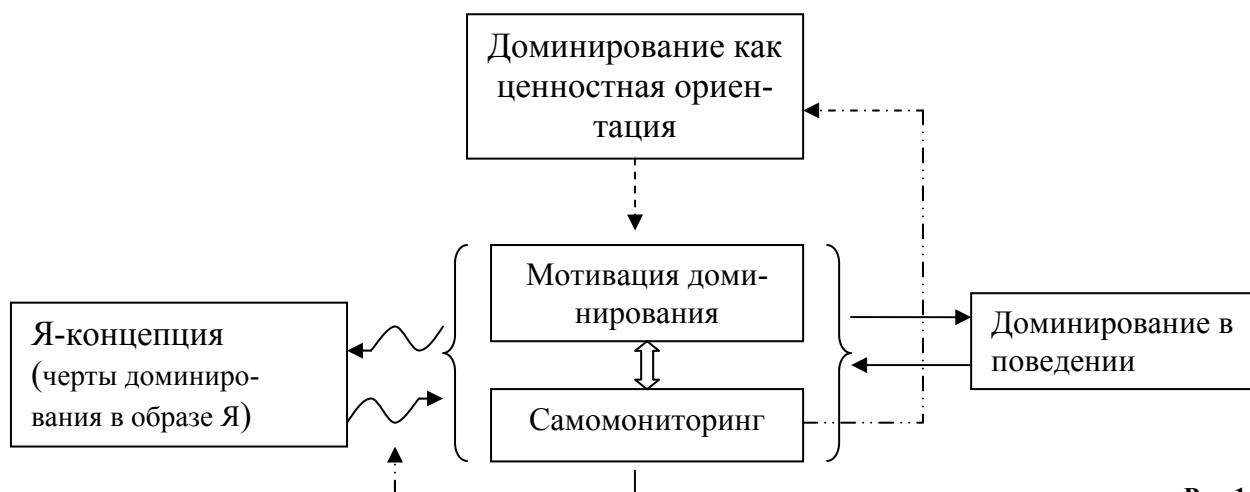

Рис.1

Результаты исследования показали, что уровень самомониторинга взаимосвязан с проявлениями доминирования и в образе «Я», и в мотивационной сфере. Причем разница в уровне доминирования по обоим параметрам у людей с разным уровнем самомониторинга не относительная, а принципиальная: люди с высоким самомониторингом имеют тенденции к доминированию, тогда как люди с низким самомониторингом этих тенденций в принципе не имеют, что выражается и в содержании образа «Я» и в особенностях мотивации. Кроме того, выявилось, что уровень самомониторинга человека влияет на наличие взаимосвязи между количеством черт доминирования в его образе «Я» и уровнем мотивации доминирования. Причем данная взаимосвязь присутствует именно у людей с низким самомониторингом, тогда как у людей с высоким самомониторингом она не обнаружена.

Основные результаты исследования позволили нам: а) убедиться в связи феномена СМ с явлением доминирования, а также б) конкретизировать предложенную в теоретической части *схему* механизма влияния СМ на связку «Аттитюд–Поведение».

Кроме того, во время методической работы над структурой нового опросника на выявление мотивации доминирования были получены дополнительные результаты, позволившие нам в итоге сделать вывод о возможности разделения каждого типа самомониторинга на *два подтипа*, которые, сохраняя общую направленность (в том числе и по отношению к доминированию), существенно различаются по некоторым параметрам, влияющим на самопрезентацию.

Таким образом, результаты нашего исследования, проясняющие роль самомониторинга в структуре личности и регуляции взаимодействия основных личностных компонентов, а также выявляющие взаимосвязь двух глобальных психологических феноменов – самомониторинга и власти, позволяют углубить понимание природы каждого из исследуемых феноменов, а также повышают интерпретативную и прогностическую способность феномена самомониторинга, в частности – относительно решения вопроса о возможности эффективного функционирования субъекта в сфере политической власти.

Глаза как предикторы воспринимаемой физической аттрактивности женских лиц

Ющенкова Д. В.

студентка

Международный университет природы, общества и человека «Дубна», Дубна, Россия

Человеческое лицо является «самой замечательной поверхностью на земле» (Г. Лихтенберг). А.А. Ухтомский считал самой главной из доминант человека доминанту на лицо другого. Действительно, в современной социальной психологии доказано большое значение оценок физической привлекательности лиц в процессах межличностного общения (Чалдини Р., 1999; Bull R., Rumsey N., 1988; Patzer G.L., 1985). Поэтому исследование факторов и изменчивости физической привлекательности имеет большое теоретическое и практическое значение. Одна из целей нашего экспериментального исследования состояла в том, чтобы проверить гипотезу об особой значимости для оценки привлекательности лиц области глаз (Мещеряков Б.Г., 2006). Другая цель исследования касалась практически не изученного вопроса о влиянии беременности и родов на привлекательность женских лиц. На уровне социальных стереотипов это влияние допускается (нередко можно слышать, что материнство преображает женские лица в лучшую сторону), но его следует проверить научными методами. Особый интерес представляет также вопрос о половых различиях в оценках аттрактивности женских лиц, который также совершенно не изучен.

Выборка испытуемых состояла из 10 мужчин и 10 женщин (в возрасте от 20 до 30 лет). В качестве стимулов использовались цветные фотографии молодых женщин, которые предъявлялись с помощью специально разработанной компьютерной программы на дисплее. На фотографиях были представлены женские лица в анфас или части этих же лиц (глаза, нос, рот). С каждым испытуемым проводился один опыт, условно разделяемый на две серии. В первой – предъявлялись три фотографии женских лиц разного типа (по частям и в целом). Во второй серии последовательно предъявлялись фотографии лиц десяти женщин (незадолго до беременности, во время беременности и вскоре после беременности, в случайном порядке). Испытуемые сообщали о своей оценке привлекательности лиц или частей лица с помощью шкалы с пятью вербальными градациями («крайне неприятное», «умеренно неприятное», «безразличное», «умеренно приятное» и «крайне приятное»).

Результаты исследования позволяют сделать вывод, что мужчины и женщины имеют разные понятия о привлекательности женских лиц, то есть их эталоны красоты явно не совпадают. Для проверки основной гипотезы о дифференциальном вкладе в общую оценку аттрактивности со стороны отдельных частей лица применялась множественная линейная регрессия. Полученные результаты однозначно предполагают, что глаза являются наиболее существенной частью лица как для мужчин, так и для женщин, влияющей на их оценки аттрактивности (во всяком случае, женского лица). Оказалось, что лучше всего оценки аттрактивности лиц в целом предсказываются на основе уравнения линейной регрессии с одной предикторной переменной («глаза»).

На основе анализа оценок аттрактивности женских лиц до, во время и после беременности, обнаружены следующие факты: после родов только одна из 10 оцениваемых женщин казалась наиболее привлекательной, причем в мужской подвыборке это была одна женщина, в женской подвыборке – другая; в остальных 9 случаях наибольшая привлекательность примерно равно часто приписывалась оцениваемым женщинам в периоды до и во время беременности. Эти выводы подтверждены с помощью двухфакторного дисперсионного анализа (отдельно для каждой из оцениваемых женщин). Одним из факторов (межсубъектным) выступал пол испытуемых, другим фактором (внутрисубъектным) был период жизни оцениваемого лица: до, во время и после беременности (фактор «время»). В 7 из 10 случаев факторы «время» и «пол испытуемых» являются статистически значимыми, а их взаимодействие в большинстве случаев (80%) незначимым. Следовательно, испытуемые мужского и женского пола в целом однообразно оценивают аттрактивность женских лиц в разные периоды их жизни, но между ними, как правило, есть существенные различия в уровне оценки аттрактивности (мужчины более критичны в отношении женской привлекательности). Главный же вывод из этих данных состоит в

том, что такие события жизни как беременность и роды оказывают существенное влияние на аттрактивность женских лиц. Однако дисперсионный анализ не дает сведений о том, в какой именно из периодов жизни женщины оцениваются существенно привлекательнее по сравнению с другими периодами. Чтобы получить такие сведения, необходимо обратиться к анализу попарных сравнений средних оценок аттрактивности лиц до беременности («До»), во время беременности («Во-время») и после беременности («После»). Такое сравнение проводилось с помощью t-теста для агрегированных данных (т.е. рассматривались средние значения по всем лицам одновременно).

Пары сравнения	Испытуемые					
	Мужчины		Женщины		Вся выборка	
	t(df=99)	p	t(df=99)	p	t(df=199)	p
«До»–«Во время»	-0,20	0,84	-0,557	0,58	-0,56	0,57
«До»–«После»	1,88	0,06	3,166	0,00	3,66	0,00
«Во время»–«После»	1,84	0,07	4,253	0,00	4,37	0,00

По данным, представленным в таблице однозначно существенными являются различия для пар «До»–«После» и «Во время»–«После» в женской подвыборке и во всей выборке. В мужской подвыборке различия между этими парами, строго говоря, не достигли уровня значимости, но очень близки к нему. Различия в парах «До»–«Во время» во всех трех случаях являются незначимыми. Следовательно, проверка значимости различий между средними подтверждает факт примерного равенства аттрактивности лиц до и во время беременности и факт существенного снижения (надо полагать, временного) аттрактивности лиц после беременности (родов).

Таким образом, на основании полученных данных можно сделать следующие общие выводы: 1) разные части лица вносят неодинаковый вклад в оценку аттрактивности и особенно важным фактором общей оценки являются глаза; 2) физическая привлекательность женских лиц может изменяться на протяжении относительно небольших периодов времени в связи с беременностью и родами.

ПОДСЕКЦИЯ «ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ И ЛИЧНОСТНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ»

Формирование образа профессионала в процессе обучения студентов медицинского факультета

Афанасьева Анна Владимировна
студентка

Белгородский государственный университет, Белгород, Россия

Динамичные реалии в последние годы существенно изменили требования к подготовке профессионала. Современный период порождает принципиально новый психологический облик специалиста, основой которого становится способность к личностному и профессиональному самоопределению, профессиональному росту, развитию и личной ответственности, к преодолению социальных и профессиональных стереотипов, созданию новых жизненных, социальных и профессиональных эталонов. Происходящие в процессе обучения изменения, направленные на овладение и самостоятельное выполнение профессиональной деятельности, приводят к становлению личности как субъекта деятельности. Профессиональное становление – это процесс подготовки специалиста. В это время происходит формирование умений, навыков, передаются знания, образуются комплексы профессионально-важных качеств. На этом этапе происходит соотнесение Я – образа с образом профессионала.

Важно отметить, что профессия врача — особая, необычная и резко отличающаяся от всех других профессий. В первую очередь, приобретают особое значение те нормы и принципы морали, которые необходимы для выполнения профессиональных задач. Студент медицинского факультета должен овладеть не только специальными знаниями, опытом и мастерством, но и суммой определенных морально-психологических качеств, без которых его деятельность не может дать оптимального результата. Это указывает на необходимость продуктивной и рефлексивной профессионализации студентов за время обучения.

В связи с чем изучение процесса формирования образа профессионала весьма значимо и актуально, так как восприятие себя, как представителя определенной профессии, играет существенную роль в регуляции поведения специалиста, что и стало целью нашего исследования.

Предлагаемая работа посвящена изучению формированию образа профессионала в процессе обучения студентов медицинского факультета, были использованы различные диагностические методики: свободное описание «Важнейших качеств врача» и «Основных особенностей поведения пациента»; тест Лири (в вариантах «Я», «Идеальный врач», «Я как врач», «больной»); ЦТО; авторская анкета; методика изучения уровня субъективного контроля с добавлением трех авторских шкал; методика диагностики социально-психологической адаптации К.Роджерса и Р.Даймонда; методика диагностики устойчивости профессиональной направленности личности О.Лопуховой; «Ориентационная анкета» Б.Басса — о направленности личности (27 пунктов).

В исследовании принимали участие студенты медицинского факультета белгородского государственного университета с 1 по 6 курсы в количестве 150 человек.

Для обработки полученных данных мы использовали корреляционный и факторный анализ.

Проведенное исследование показало наличие различий между студентами 1–6 курсов в восприятии идеального образа профессионала, восприятии себя как представителя определенной профессии. Следует отметить, что «образ профессионала» у студентов медицинского факультета складывается на протяжении всего обучения в ВУЗе. В процессе профессионализации наблюдается усложнение и детализация «образа профессионала», «образа больного». Важно указать, что на первом курсе «образ больного» характеризуется однородностью и поверхностностью, преобладают механизмы стереотипизации. На более старших курсах позволяет говорить о том, что к 6-ому курсу «образ больного» претерпевает существенные изменения. По результатам данного исследования обнаружено, что профессиональная направленность студентов изменяется при переходе от 1-ого курса к 6-ому курсу, становится более устойчивой и стабильной. Для респондентов 3,4 курсов наиболее ценна потребность «быть материально обеспеченным». Об этом свидетельствует индекс устойчивости мотивов профессиональной деятельности равный 1,48. Испытуемые 5,6 курсов склонны выбирать как наиболее значимые потребности: «быть материально обеспеченным» (1,86); «продвигаться по работе на руководящие должности» (1,2); «иметь гарантированное будущее» (1,2). В то время как испытуемые 1,2 курсов не имеют ярко очерченной доминирующей потребности.

Из студентов 1–6 курсов были сформированы группы начинающих обучение на медицинском факультете (без опыта предшествующего обучения в среднем специальном заведении), продолжающих обучение (преимущественно студенты 3,4 курсов) и завершающих этап профессионализации (5 и 6 курсы). Для каждой из выделенных групп был изучен целый ряд показателей, с использованием методов математической статистики, включая корреляционный и факторный анализ. Поведенный анализ позволил увидеть целый ряд зависимостей, характеризующих как содержательный, так и динамические аспекты формирования «образа профессионала» и «образа больного» у студентов выделенных групп.

В числе содержательных аспектов важнейшей оказалась статистически доказанная связь между параметрами исследуемых образов и ведущими потребностями студентов. Очевидность данной связи подчеркивает необходимость целенаправленной работы по осознанному формированию рефлексивных аспектов профессионального самосознания, для преодоления неконструктивных, препятствующих адаптации студентов в профессиональной среде, установок.

Динамический аспект анализа позволяет проследить всё большую дифференциацию, детализацию исследуемых образов по мере профессионального обучения студентов, преодоление первично динамических механизмов стереотипизации. Данные изменения отмечены не у всех студентов даже в последней из исследуемых групп (старшие курсы).

На наш взгляд, только подобные изменения исследуемых образов позволяют говорить о развитии способности к личностному и профессиональному самоопределению и прогнозировать профессиональный успех. При отсутствии изменений также необходима целенаправленная работа, алгоритм которой разрабатывается.

Таким образом, проведенное исследование показало, что к 6-ому курсу у студентов формируется определенный «образ профессионала». Становление «образа профессионала», «образа себя как профессионала» тесно связано с личностными особенностями студентов. Аффективная составляющая «образа больного» также зависит от личностных особенностей студентов.

Представления о будущей профессиональной деятельности студентов юридических специальностей

Байлукова Алеся Владимировна

магистрант

Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины, Гомель, Беларусь

E-mail: bailukova@yandex.ru

В настоящее время остро встал вопрос качества подготовки специалистов. Эту проблему необходимо решать на разных уровнях. Предпринимаются попытки реформирования существующей системы высшей школы, что имеет определенный успех. Однако за пределами внимания остаются проблемы, касающиеся личности каждого студента. Становление человека как профессионала непосредственно связано с его развитием как личности и предполагает появление у него либо новых качеств и свойств, либо развитие имевшихся задатков. «Становление профессионала есть «приращение» к психике человека, ее обогащение», – подчеркивает А.К. Маркова [2, 253]. В этом ключе, на наш взгляд, весьма важным является вопрос о профессиональных представлениях студентов.

Профессиональное мировоззрение юристов чрезвычайно редко выступало предметом целенаправленного эмпирического изучения. Проблемное поле нашего исследования задано попытками ответить на следующие вопросы: существуют ли, а если да, то каковы профессиональные представления юристов? Формируются ли они в процессе обучения в ВУЗе? Какова структура профессиональных представлений?

Проблема представлений является междисциплинарной и традиционно рассматривается в философии, физиологии, когнитивной и социальной психологии. К ее исследованию было приковано пристальное внимание многих ученых: Ф. Гальтона, В. Вундта, М. Вертгеймера, Э. Дюркгейма, Л. Леви-Брюля, А. Мейнонга, Ж. Пиаже, Ч.С. Шеррингтона, К.Г. Юнга. Большой вклад в разработку этой проблемы внесли труды отечественных физиологов и психологов: Б.Г. Ананьева, Н.А. Бернштейна, Б.Ф. Ломова, Д.А. Ошанина, И.М. Сеченова, С.Д. Смирнова, Б.М. Теплова и других.

Вопросы, касающиеся профессиональной деятельности, изучались А.К. Марковой, В.С. Лукиной, Е.А. Семеновой, Н.Н. Гавриленко, Л.А. Сергеевой, Э.Ф. Климовым, Е.А. Климовым, В.Д. Брагиной, В.Н. Обносковым, Н.Л. Киртом, Е.И. Головахох, И.В. Афанасенко и др.

Анализ различных подходов к пониманию профессиональных представлений позволил нам дать следующее определение. Профессиональные представления – это сложное динамическое образование в сознании индивида, имеющее системный характер, представляющее собой Я-образ профессионала. Профессиональные представления выполняют регуляторную, мотивационную, отражающую, адаптационную, оценочную, прогностическую, познавательную функции, а также функции самовыражения, социальной идентификации, обеспечения успешности профессиональной деятельности.

Как считает Б.Г. Ананьев: «Организация представлений в сознании человека имеет системный характер, определяемый сложными взаимодействиями между отдельными

его компонентами, имеет свою структуру» [1, с.47]. Учитывая опыт исследования профессионального менталитета, систему профессиональных представлений юристов мы рассматриваем как состоящую из следующих блоков:

- 1 мотивация выбора профессии;
- 2 ценности, цели профессиональной деятельности и профессионального роста; ожидание успеха;
- 3 представления о путях, средствах достижения цели;
- 4 представление о личностных качествах профессионала;
- 5 представления об условиях, необходимых для работы и профессионального роста.

Целями нашего исследования являются обобщение научных сведений по проблеме профессиональных представлений, описание профессиональных представлений студентов юридических специальностей выпускных курсов.

Задачи исследования: изучение истории и современного состояния проблемы профессиональных представлений, определение и уточнение понятий; раскрытие структуры, сущности и функций представлений о профессии, факторов и способов их формирования и преобразования; выработка практических рекомендаций по формированию профессиональных представлений студентов-юристов.

Гипотезы исследования состоят в следующем: представления о будущей профессии студентов юридических специальностей имеют специфические черты и структуру, существует взаимосвязь между профессиональными представлениями и ценностными ориентациями личности, представления о профессии различны у мужчин и женщин, существует взаимосвязь между профессиональными представлениями и самооценкой личности.

Исследование проводилось на юридическом факультете Гомельского государственного университета им. Ф.Скорины. В нем приняли участие студенты 4, 5 курсов, а также магистранты. В качестве основного метода исследования было избрано интервью. Вопросы для интервью подбирались с учетом выделенной структуры представлений. При анализе ответов респондентов оценивались: содержание ответов, ясность, конкретность представлений, степень широты представлений, развитость смысловых связей, свернутость, целостность, уверенность в правильности суждений (степень убежденности).

Вторая часть исследования была нацелена на изучение ценностных ориентаций студентов и самооценки. Ценностные ориентации изучались при помощи методики М. Рокича. Общая самооценка – при помощи теста «Нахождение количественного выражения уровня самооценки» по С.А. Будасси. Также был использован модифицированный нами вариант методики Дембо-Рубинштейн для выявления таких аспектов профессиональной самооценки, как удовлетворенность выбором, интерес к профессии, активность и успешность в ее освоении и др.

Анализируя данные, полученные с помощью всех названных процедур, мы стремились в первую очередь выявить общие характеристики профессиональных представлений, а также характеристики их отдельных компонентов.

На данном этапе нами ведется количественная и качественная обработка полученных при исследовании данных, однако, можно сделать предварительные выводы. Профессиональные представления у большинства студентов-юристов выпускных курсов находятся на стадии формирования, хотя, уже имеется определенный каркас. Представления пока еще остаются не совсем ясными и четкими, прослеживается некоторая размытость Я-образа профессионала, целей профессиональной и путей их достижения. Студенты не вполне отчетливо знают, где они будут работать и какова их «планка» успеха. Достаточно высокая степень широты представлений, особенно у более успевающих студентов, что, вероятно, связано с широтой знаний, полученных в процессе обучения. Среди всех компонентов наиболее ясный и отчетливый – представления о личностных качествах идеального юриста-профессионала. Пока неясным остается вопрос о связи представлений с ценностными ориентациями и самооценкой студентов, что нам предстоит выяснить в ближайшее время.

Идеалы профессиональной карьеры студентов с разным самоотношением: профессионально-гендерный аспект

Гвоздева Дарья Ивановна

студентка

Ростовский государственный университет, Ростов-на-Дону, Россия

E-mail: d15@pisem.net

Представление человека о наиболее желательной для человека профессиональной карьере мы будем называть идеалом профессиональной карьеры. В литературе выделены следующие виды идеалов профессиональных карьер по содержанию: карьера как различные виды профессиональной деятельности, карьера как последовательность должностей, карьера как образ жизни, карьера как реализация призвания, карьера как обогащение опытом, карьера как профессиональный путь, карьера как социальные достижения и престиж (Джанерьян С.Т., Шевелёва А.М.). В качестве факторов, определяющих содержание идеалов профессиональной карьеры, мы рассматриваем самоотношение субъекта, его гендерные особенности и профессиональную принадлежность. Нами была выдвинута **гипотеза** о том, что содержание идеалов профессиональной карьеры будет различным в зависимости от оценочного основания самоотношения субъекта, его гендерных особенностей и принадлежности к определенному типу профессии. **Предметом** исследования явилось содержание идеалов профессиональной карьеры студентов механико-математического факультета РГУ и студентов консерватории в связи с их самоотношением и профессионально-гендерными особенностями. **Методами** исследования выступили тестирование (методика исследования самоотношения С.Р.Пантилеева), анкетирование (модификация анкеты для исследования идеалов профессиональной карьеры Шевелевой А.М., модификация опросника С.Бэм), методы математической обработки данных (непараметрические критерии Фридмана, Вилкоксона, ранговая корреляция Спирмена), метод сравнения групп. В исследовании приняли участие студенты механико-математического факультета РГУ (сигнономическая профессия) и студенты консерватории (артономическая профессия) в возрасте от 19 до 23 лет в количестве 86 человек (42 мужчины, 44 женщины).

Результаты исследования показали, что у студентов артономической профессии, независимо от пола, доминирует внешнее оценочное основание самоотношения. С учетом этого по критерию принятия-непринятия своих гендерных особенностей (эмпирический критерий принятия – значимая положительная корреляция по Спирмену между реальными и идеальными гендерными качествами) были выделены группа женщин с принятием своих гендерных особенностей, группа женщин с непринятием своих гендерных особенностей и группа мужчин, принимающих свои гендерные особенности. Женщины, принимающие свои гендерные особенности, фемининны, их общее самопринятие (показатель по шкале «самопринятие» методики С.Р.Пантилеева) положительно связано с проявлением фемининных качеств, идеальный гендерный тип – фемининный. Предпочитаемые идеалы – карьера как реализация призвания, как профессиональный путь и как профессиональный опыт, что соответствует тем идеалам, которые, по мнению представителей данной группы, являются характерными для женщин. Женщины, не принимающие свои гендерные особенности, андрогинны, из измерений самоотношения самоуничижение оказалось связано с андрогинией в содержании идеального гендерного типа, идеальный гендерный тип – маскулинный. Предпочитаемые идеалы в группе – карьера как достижения и престиж, профессиональный путь и различные виды деятельности, что, по мнению представителей данной группы, более соответствует мужскому идеалу профессиональной карьеры. Мужчины, принимающие свои гендерные особенности, фемининны и андрогинны. Идеальный гендерный тип фемининных мужчин – андрогинный, из измерений самоотношения самоуважение оказалось положительно связано с проявлением андрогинных и фемининных качеств, предпочитаемые идеалы профессиональной карьеры – карьера как виды деятельности, профессиональный путь и достижения и престиж, которые, по мнению представителей данной группы, характерны и для мужчин, и для женщин. Идеальный гендерный тип андрогинных мужчин – маскулин-

ный, общее самопринятие положительно связано с выраженностью маскулинных качеств в идеале гендерного типа, самоуничтожение – с фемининностью. Наиболее выражен идеал профессиональной карьеры как достижения и престижа, что, по мнению представителей данной группы, характерно для мужской карьеры.

Студенты сигнономической профессии характеризуются наличием и внешнего, и внутреннего оценочных оснований самооотношения. По данному критерию были выделены группы мужчин и группы женщин с доминированием как внешнего, так и внутреннего оценочных оснований. Независимо от оценочного основания самооотношения, мужчины андрогинны, их идеальный гендерный тип – маскулинный. При доминировании внешнего оценочного основания собственные гендерные черты не принимаются. Выраженность маскулинность положительно связана с самоуважением и общим самопринятием, а также с идеалами карьеры как образа жизни и достижения и престижа. Из измерений самооотношения самоуважение оказалось положительно связано с идеалами собственной карьеры как образа жизни, профессионального опыта и реализации призвания, и с идеалами мужской карьеры как образа жизни и профессионального опыта. Т.о., самоуважение студентов данной группы связано с построением карьеры по типу, характерному, по их мнению, для мужчин. У мужчин с внутренним оценочным основанием самооотношения выраженная маскулинность связана с выраженностью таких идеалов карьеры как профессионального пути, достижения и престижа, профессионального опыта и образа жизни, выраженная фемининность – с карьерой как реализацией призвания и последовательностью должностей. Наименее предпочитаемый идеал в данной группе – карьера как последовательность должностей, который, по мнению представителей данной группы, характерен для женщин.

Женщины с доминированием внешнего оценочного основания самооотношения фемининны, их идеальный гендерный тип – андрогинный. Из измерений самооотношения самоуважение оказалось положительно связано с маскулинностью. Наименее предпочитаемым идеалом является идеал карьеры как последовательности должностей, что, по мнению представителей данной группы, характерно и для мужской, и для женской карьеры. Собственные гендерные черты не принимаются. Таким образом, в данной группе сходны идеалы мужской и женской карьеры, в соответствии с чем строится и представление о собственной идеальной карьере. Женщины с доминированием внутреннего оценочного основания самооотношения также фемининны, их идеальный гендерный тип – маскулинный. Наименее предпочитаемый идеал – карьера как последовательность должностей, что, по мнению представителей данной группы, характерно для женской карьеры (для мужской карьеры – достижения и престиж). Таким образом, в идеал профессиональной карьеры не включаются содержания, характерные для построения женской карьеры.

Результаты исследования позволяют сделать выводы о том, что содержания идеалов карьеры у студентов с различными профессионально-гендерными особенностями обусловлены спецификой их самооотношения.

Исследование профессионального самоопределения учащихся 9-х, 11-х классов

Капралёва Екатерина Александровна

студентка

Сургутский государственный университет, Сургут, Россия

E-mail: evi-surgu@yandex.ru

Профессиональное становление личности начинается ещё со школьной скамьи; здесь подрастающий человек серьёзно задумывается о своей будущей деятельности, определяя при этом круг своих интересов и объём требующихся знаний. Именно поэтому школа должна создавать предпосылки для зрелого и правильного выбора учащимися своей будущей профессии. Но нередко случаи, когда попытки «найти себя» в период учёбы заканчиваются неудачно. В этом большую роль играет оторванность школьной теории от практики жизни. Реально столкнувшись с трудовой деятельностью, молодые люди начинают понимать, что те знания, которые нужны, не давались в школе, и их придётся осваи-

вать самостоятельно. Предотвращение таких ситуаций является одной из задач общеобразовательных учреждений, которые должны обеспечивать психолого-педагогическое сопровождение профессионального самоопределения учащихся. Но всё-таки ответственность за выбор ложится на плечи самих молодых людей, вступающих в мир профессий.

Однако в современных условиях профессиональное самоопределение школьников затруднено рядом обстоятельств. Во-первых, социально-политическая и экономическая нестабильность общества не позволяет ребёнку реализовать свои планы на будущее в полной мере. Во-вторых, существенно изменился «набор» существующих профессий, их содержание и престижность. В-третьих, исчезли многие источники знаний о мире профессий, а телевидение и специальная литература могут предоставить только перечень специальностей и учебных заведений, где им можно обучиться. Все это вынуждает школьников приспосабливаться к ситуации, существующей на рынке труда, вместо активного осуществления профессионального самоопределения.

Практическое решение поставленной проблемы базируется на теоретических исследованиях Пряжникова Н.С., Климова Е.А., Митиной Л.М., Марковой А.К. и др., в которых определяются базовые понятия (профессия, профессиональное самоопределение, профориентация, профессиональное консультирование и т.д.), рассматриваются основные методы исследования и пути преодоления обозначенных трудностей. Роль психолога в этом процессе заключается в постепенном формировании у школьников внутренней готовности к осознанному и самостоятельному построению, корректировке и реализации перспективы своего развития в качестве будущего профессионала.

На основе теоретического анализа было спланировано и проведено эмпирическое исследование, целью которого стало изучение актуального уровня профессионального самоопределения учащихся 9 и 11 классов. На основе этого решались следующие задачи:

- выявление самого факта профессионального самоопределения испытуемых (либо его отсутствие);
- исследование факторов, влияющих на профессиональное самоопределение;
- изучение источников и качества информации о профессиях, имеющих у учащихся.

Для достижения цели и решения задач были использованы два специально составленных опросника: для учащихся 9-х и 11-х классов соответственно.

Методика письменного опроса была выбрана не случайно. В силу того, что данное экспериментальное исследование носило срезовой характер, её применение явилось наиболее подходящим способом изучения актуального уровня профессионального самоопределения учащихся.

Исследование, в котором участвовали 100 испытуемых (50 учащихся 9-х классов и 50 – 11-х классов), проводилось в средней школе №3, в школе лаборатории №25 и в частной гимназии города Сургута.

Полученные результаты показали, что в этих общеобразовательных учреждениях профориентационная работа с выпускниками не дает того эффекта, на получение которого она направлена. Оказалось, что актуальный уровень профессионального самоопределения учащихся как 9-х, так и 11-х классов определяется одинаковыми значениями. Учащиеся осуществляют выбор профессии на основе субъективных факторов, таких как совет родителей, друзей. Иногда информацию о профессиях ученикам приходится искать самим, ориентируясь на периодическую печать и Интернет. Таким образом, они получают несколько вариантов будущей профессии и оказываются не в состоянии окончательно определить, что им больше подходит. При этом происходит ориентировка на внешние, формальные характеристики профессий, однако учитываются собственные желания и интересы. В ситуации выбора первостепенными являются такие факторы, как престижность профессии, высокая заработная плата и возможность карьерного роста.

В целом исследование показало, что в школах нашего города профориентационная работа не решает всех стоящих перед ней задач. Возникает необходимость создания иной концепции психологического сопровождения профессионального самоопределения учащихся общеобразовательных учреждений, что станет задачей следующего этапа научного исследования.

Становление профессиональной идентичности в образовательном процессе

Кениг Виталий Александрович

преподаватель

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: vkenig@yandex.ru

За последнее время в нашей стране произошли и происходят изменения, затрагивающие все сферы жизни общества и создающие новую социальную ситуацию, в соответствии с требованиями которой человек выстраивает свой жизненный путь. В современном мире существует необходимость продуманного, ответственного отношения к будущему – не только к ближайшему, но и достаточно отдаленному. Одной из важнейших составляющих жизненного пути человека является его профессиональное самоопределение. Залогом успеха является качественное профессиональное образование и гибкость, способность к внутренним изменениям необходимым для реализации себя в быстро меняющейся обстановке динамично развивающегося общества. Проблема качества образования актуальна не только в нашей стране. Во всем мире сегодня говорят о несовершенстве традиционной системы образования. В частности, в США, по прогнозам специалистов, в ближайшем будущем трудоспособным гражданам придется в течении жизни 3–5 раз менять профессию, а следовательно, радикально переучиваться. При этом на рынке труда востребованы специалисты – профессионалы, обладающие непосредственным опытом работы по данной специальности.

В основе любого профессионального становления лежат процессы идентификации, то есть формирование профессионала не возможно без становления его профессиональной идентичности. Профессиональную идентичность можно считать критерием становления профессионала. По данному критерию можно судить об уровне профессионализации человека.

Профессиональное обучение является основой формирования профессиональной идентичности человека. В процессе образования начинают формироваться основные идентификационные характеристики, выражающие принадлежность человека к определённой профессии. В то же время становление профессиональной идентичности не может выступать в качестве статической цели образования, её достижение возможно только в динамике саморазвития, в процессе профессионального обучения и самостоятельной профессиональной деятельности человека.

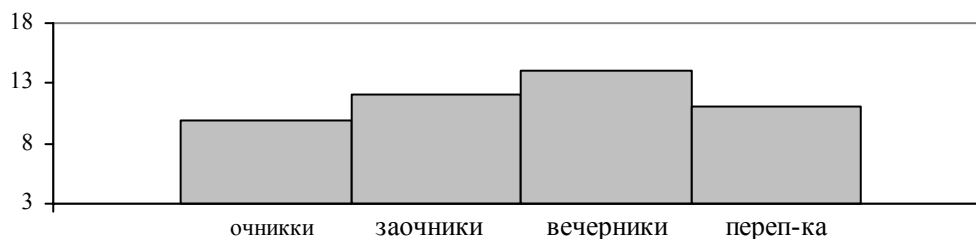
Таким образом представляется весьма важным разработка программы психологического обеспечения системы подготовки будущих специалистов – профессионалов с учётом различий в уровнях их начальной профессиональной подготовки по всем формам обучения в современных условиях.

В соответствии с теоретической базой по профессиональной идентичности нами было проведено исследование по выявлению факторов влияющих на становление профессиональной идентичности в процессе образования.

В ходе исследования использовались методики: М. Куна и Т. Макпортленда «Кто Я», фотоисследование Х. Абельса «Каков я есть», сокращённый вариант модифицированной методики И. Сенина МТЖЦ, диагностика полимотивационных тенденций в «Я-концепции» личности С. Петрова, методика «Незаконченные предложения», техника Г. Бейтсона и Р. Дилтса выявления дефицитного уровня идентичности личности. Были обследованы группы студентов находящихся на различных сроках обучения химического, биологического, почвоведения, биоинженерии и биоинформатики, географического, геологического и юридического факультетов, обучающихся со второго по четвёртый курс. Так же были обследованы обучаемые очной, заочной и вечерней форм обучения и направленные от центров занятости для переподготовки безработные одного из коммерческих вузов. Репрезентативность выборки достигалась представленностью обследуемых не менее 25 человек с факультета, формы обучения. В результате были получены данные о становлении профессиональной идентичности по факультетам и формам обучения. В ходе непосредственных бесед со студентами и изучения образовательного процесса на факультетах было выявлено, что чем выше стимулирование мотивации к прак-

тической деятельности и обучению на факультетах, тем выше уровень профессиональной идентичности обучаемых. Так же были получены интересные результаты при анализе индивидуальных факторов становления профидентичности. Так профидентичность конкретного обучаемого резко повышается в зависимости от включённости его в профессиональную деятельность не зависимо от срока обучения.

Рис. 1. Становление профидентичности в зависимости от формы обучения.

Показательны результаты анализа становления профидентичности в зависимости от формы обучения: очная, заочная, вечерняя и направленные от центров занятости для переподготовки безработные.

Специфика заочно-вечерней формы обучения такова, что обучаемые уже работают в большинстве случаев по специальности, то есть включены в деятельность, что положительно влияет на становление их профидентичности. Сплав образования и практической деятельности развивают различные стороны индивидуальности человека – такие как потребности, идеалы, смыслы, цели, происходит активное усвоение знаний, норм, правил, присущих данной профессии в соответствии с профилем Я- образа. Все эти процессы осуществляются в ходе социализации, понимаемой традиционно как развитие самосознания, саморегуляции в процессе интериоризации социальных норм, ролей, профессиональных навыков и т.д.

В целом проведённое исследование показало, что качественный образовательный процесс возможен при становлении профессиональной идентичности обучаемого которая реконструируется в пространстве самоопределения, самоорганизации и персонализации. Психологическая природа профессиональной идентичности эксплицируется в перспективе «Профессия»(дело), «Личность»(Образ Я), «Другие»(профессиональное сообщество).

Возможности применения ТАТ в целях профориентации абитуриентов вузов

Мальцева Дарья Александровна

студентка

Уральская государственная юридическая академия, Екатеринбург, Россия

E- mail: maltseva1985@mail.ru

Учебная, как и любая иная, деятельность в своей структуре имеет компонент мотивации (Х. Хекхаузен, Г. Мюррей, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн и др.). С точки зрения педагогической психологии, мотивация – это та внутренняя психологическая характеристика, которая определяет внешние учебные действия. Основную мотивационную нагрузку в регуляции учебной деятельности студентов играют мотивации обучения и достижения успеха. Последняя определяется как потребность человека добиваться успехов в различных видах деятельности, особенно в ситуациях соревнования с другими людьми.

Те вузы, которые могут позволить себе при профориентации абитуриентов, помимо оценки уровня их знаний, ориентироваться на психологические особенности личности (как, например, это происходит в УрГЮА – Уральской государственной юридической академии), широко применяют диагностику интеллекта, специальных способностей, личностных диспозиций и (желательно) мотивационной сферы. Если для измерения первых трех разработано достаточное количество методик, которые могут быть использованы с этими целями, то для измерения мотивации (в т.ч. достижения успеха), диагностических инструментов – валидных, надежных, адаптированных и в достаточной

степени защищенных от социальной желательности – в арсенале отечественной психодиагностической практики пока не существует.

Учитывая особенности диагностической ситуации абитуриентов («ситуация экспертизы»), для измерения мотива достижения успеха целесообразным могло бы стать применение стандартизированных проективных методик, а именно – Тематической апперцепции тест (ТАТ) Г. Мюррея (валидность и надежность ТАТ высокие, подтверждены эмпирически (Бурлачук Л.Ф., Морозов С.М., 1999)). Однако, его классический вариант является избыточным для диагностики только мотива достижения и, к тому же, очень затратным по времени, в связи с чем его применение на вступительных испытаниях в вузы становится невозможным.

Исходя из сказанного, основной задачей нашей¹³ работы стала попытка разработать и апробировать сокращенный вариант ТАТ с целью измерения мотива достижения успеха; а также провести пилотажное исследование его критериальной валидности.

В настоящее время уже существуют различные модификации ТАТ, в том числе и его сокращенные варианты: профессиональный апперцептивный тест, тест семейных установок Л. Джексона, ТАТ для диагностики мотивации достижения Х. Хекхаузена. Примененный нами сокращенный вариант ТАТ состоит из пяти картин (общие: 1, 2, 11, 13MF; для мужчин: 12M; для женщин: 12F), которые в определенной последовательности предъявляются испытуемому. При составлении рассказа испытуемым диагност фиксирует следующие показатели: герой, тема, особая тема, цель, потребность, позиция, оговорки и паузы, уходы, время общее, время латентное, а так же наличие прошлого, настоящего и будущего.

Проверка критериальной валидности осуществляется путем соотнесения получаемых результатов и собственно успешностью учебной деятельности испытуемых. В исследовании участвовали 22 диагностируемых, сходных по возрастным и интеллектуальным характеристикам, но различающихся по степени учебной успешности: их средний балл успеваемости варьировал от 3,2 до 5,0 (что было отнесено нами на счет детерминации учебной мотивации и мотива достижения успеха). Все они являются студентами УрГЮА различных факультетов.

С помощью критерия Пирсона изучалась взаимосвязь между способностью сокращенной методики ТАТ регистрировать симптомы мотивации достижения (по различным фиксируемым параметрам) с внешним критерием валидности, за который был принят средний балл академической успеваемости за последнюю сессию. Уровень корреляции всех измеряемых переменных с успеваемостью превысил значение $r = +0,54$; $p < 0,01$; а по некоторым шкалам достигали $r = +0,78$; $p < 0,01$. Следовательно, предложенная сокращенная форма ТАТ способна измерять мотив достижения успеха в структуре мотивации личности студентов.

Применяемый нами сокращенный вариант ТАТ (5 карточек вместо 20), будучи нацелен на измерение только одного параметра (мотив достижения успеха), в достаточной степени экономит время. Так, полное обследование с помощью ТАТ занимает около двух часов, предложенная нами модификация – 20 минут. Учитывая, что перечень фиксируемых параметров можно также значительно сузить, процедуру тестирования можно сделать еще более простой и экономичной. При условии значительно более углубленного изучения характеристик валидности и надежности такой формы ТАТ (в частности, на различных поло-возрастных группах, с разным уровнем социального и вербального интеллекта и т.д.) станет возможным использование ТАТ на вступительных испытаниях в вузах с целями профотбора и профориентации.

---

¹³ Выражаю благодарность моему научному руководителю – канд. психол. н., доценту Клиники правовой и психологической помощи УрГЮА, Анне Игоревне Колобковой

Идеалы профессиональной карьеры студентов

Местникова Айталина Никодимовна

Ассистент

Якутский государственный университет им. М.К.Аммосова, Якутск, Республика Саха (Якутия), Россия

E-mail: AIM1982@rambler.ru

Следует отметить, что процесс профессионального самоопределения проходит успешнее, когда у личности есть четкое представление о жизненном и профессиональном плане, имеется психологическая установка на достижение конкретной цели в профессиональной карьере.

Важные и самостоятельные решения юношам и девушкам приходится принимать, опираясь не на жизненный опыт, который приходит с годами, а, скорее, на представления о своем будущем и о будущем общества, в котором им предстоит жить. Чем более ясным и продуманным будет образ будущего в сознании молодежи, тем определенной и ответственной она может принимать решения в настоящем.

Планируя свое будущее, намечая конкретные события – планы и цели, человек исходит, прежде всего из определенной иерархии ценностей, представленной в его сознании.

Идеал – это предвосхищенное воплощение того, чем человек хочет стать. Это лучшие тенденции, которые, воплотившись в образе-образце, становятся стимулом и регулятором его развития.

Вместе с тем известно, что молодые люди, выбирающие и выбравшие профессию, часто не знают ни основных её характеристик, ни требований, которые она предъявляет к индивидуально-психологическим качествам будущего специалиста, ни реальных жизненных перспектив, связанных с этой профессией [В.Н.Обносков, 1989]. В данной работе изучаются идеалы карьеры психолога, чья профессия считается относительно новой для нашего общества, и истинная суть профессиональной деятельности которого до сих пор остается для него (общества) до конца непонятой. Необоснованный выбор студентов может в дальнейшем привести к нежеланию работать по данной специальности: процесс профессионального самоопределения приобретает длительный, затяжной характер, что дорого обходится государству и отрицательно сказывается на развитии личности.

Цель: выявление содержания, компонентов и характеристик идеалов карьеры, обусловленных представлениями студента о карьере, социально-психологическими особенностями его личности, особенностями периода обучения и качествами личности студентов, выбравших различные факультеты.

Гипотеза: Возможна обусловленность содержания, компонентов и характеристик идеалов карьеры социально-психологическими особенностями личности студента, особенностями периода обучения и качествами личности студентов, выбравших различные факультеты.

Предмет: содержание, компоненты и характеристики идеалов карьеры у студентов.

Объект: лица, совершившие первичный профессиональный выбор. В исследовании приняли участие: студенты ЛГУ 2 курса (38 человек) и 3 курса (36 человек), учащиеся Факультета психологии (далее ФП) 32 человека, Филологического факультета (далее ФЛФ) 24 человека, Факультета иностранных языков (далее ФИЯ) 18 человек. Всего 74 человека, в возрасте от 18 до 26 лет.

Были использованы следующие методы и методики:

- теоретический анализ литературы;
- опрос (психологическое анкетирование);
- психологическое тестирование (Морфологический тест жизненных ценностей (МТЖЦ); 16 РР Р.Кеттела).
- математические методы обработки.

Основные результаты исследования:

1. Различные идеалы профессиональной карьеры отражают разное предметное содержание карьеры: 1) профессиональная деятельность; 2) последовательность должно-

стей; 3) образ жизни; 4) призвание; 5) обогащение опытом; 6) профессиональный путь, на котором развивается человек; 7) достижения и социальное призвание.

В качестве характеристик идеалов карьеры выступают: выраженность определенного предметного содержания карьеры; соответствие реальной карьеры идеалу; непротиворечивость содержания идеальной карьеры карьерным целям.

К компонентам идеалов карьеры относятся: представления о средствах достижения карьерных целей и препятствиях на пути построения карьеры, оценка влияния родителей и близкого окружения на выбор и построение карьеры, ("сценарность" карьеры).

2. В связи с ведущим предметным содержанием идеалов карьеры изучены следующие их характеристики:

Идеал 1 (Профессиональная деятельность): имеет 5 место по предпочтительности в общей выборке испытуемых; согласован с реальной карьерой в высокой степени; противоречив (содержание противоречит карьерным целям).

Идеал 2 (Последовательность должностей): наименее предпочитаем в выборке студентов; согласован с реальной карьерой в высокой степени; противоречив.

Идеал 3 (Образ жизни): имеет предпоследнее место по предпочтению среди испытуемых; в высокой степени согласован с реальной карьерой; противоречив.

Идеал 4 (Реализация призвания): занимает 4 место по предпочтительности; согласован с реальной карьерой в высокой степени; противоречив.

Идеал 5 (Обогащение опытом): по предпочтению студентами имеет 3 место; согласован с реальной карьерой; противоречив.

Идеал 6 (Профессиональный путь, в процессе которого развивается человек): наиболее предпочитаем в общей выборке; согласован с реальной карьерой; непротиворечив (содержание не противоречит карьерной цели).

Идеал 7 (Достижения и социальное признание): находится на втором месте по предпочтительности; согласован с реальной карьерой; непротиворечив.

3. Содержание и характеристики идеалов карьеры студентов обусловлены социально-психологическими характеристиками личности испытуемых: ценностными ориентациями, доминантностью или подчиненностью (фактор Е Кеттелла), уверенностью или тревожностью (фактор О), консерватизмом или радикализмом (фактор Q1), низким или высоким самоконтролем (фактор Q3), адекватностью самооценки (фактор MD), а также оценкой родительского влияния на выбор и построение карьеры («сценарностью» карьеры).

4. Особенности содержания, компонентов и характеристик идеалов карьеры обусловлены особенностями периода обучения и спецификой обучения на различных факультетах.

5. В настоящей работе изучены студенты, имеющие по два и более ведущих идеалов карьеры с равной степенью выраженности (диффузные идеалы). Данные лица нуждаются в психологической помощи в вопросах профессиональной карьеры.

Социально-психологическое исследование ценностных ориентаций: сравнительный анализ столичного и провинциального студенчества

Молчанова Елена Владимировна

студентка

Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, Чебоксары, Россия

E-mail: waswarn@mail.ru

В эпоху реорганизации общества, на этапе определения вектора его развития наиболее актуальным становится выбор ценностной ориентации молодежи, прогнозирования её будущего. Ценностные ориентации, регулируя деятельность, направляют по определенному пути развития не только человека, но и общество в целом, определяя стратегию развития цивилизации. Особенно важно изучение ценностных ориентаций студенческой молодежи как продуктов высшей школы, ориентации которой, на фоне интенсивного развития высоких технологий, позволят прогнозировать будущее, включающее в основном наукоемкий труд, и определить необходимые коррективы в образовательный процесс.

Целью данного исследования стало изучение степени корреляции и структуры различных ценностных ориентаций во взаимосвязи с жизненной стратегией молодежи, получающей квалификации гуманитарного и технического профиля высшего профессионального образования.

Объектом исследования выступают студенты 20–22 лет ($n=120$), обучающиеся на строительном факультете и факультете чувашской филологии и культуры Чувашского государственного университета им И.Н. Ульянова, проживающие на территории Чувашской Республики, и студенты 19–21 года ($n=100$), обучающиеся на физическом факультете и филологическом факультете Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Необходимо отметить, что предметом исследования кроме ценностных ориентаций стали социокультурные аспекты исследуемых студентов по месту их проживания – провинция и столица.

В ходе работы нами использовался комплекс методик исследования, включающих в себя анализ научной литературы, наблюдение, беседы, интервью, анкетирование, тестирование, методы статистико – математической обработки результатов. Из многочисленных средств и методов исследования ценностных ориентаций в данной работе применялись следующие: методика О.Ф.Потемкиной «Выявление социально-психологических установок, направленных на «альтруизм-эгоизм», «процесс-результат», «свободу-власть», «труд-деньги»; методика М.Рокича «Ценностные ориентации», адаптированная В.А.Ядовым, модифицированная Д.А.Леонтьевым и В.А.Хашенко, опросник терминальных ценностей (ОтеЦ) И.С. Сенина, анкета А.Н. Захаровой.

Результаты исследования можно свести к следующим положениям:

1. Студенты разных факультетов не имеют сильно выраженных ориентаций: на эгоизм, власть и деньги, труд, альтруизм и деньги. Существенно отличаются показатели социально-психологических ориентаций на альтруизм-эгоизм, свободу-власть и труд, объясняемые фактором гендера, особенностями проживания в сельской и городской местности и особенностями получаемой специальности.

2. Выявлены значимая корреляция между ориентацией на альтруизм и ориентацией на труд ($r=0,3689$), корреляция между ориентацией на эгоизм и ориентацией на деньги ($r= 0,3743$), взаимосвязь ориентации на процесс и ориентации на альтруизм ($r = 0,3284$). Кроме того, была обнаружена корреляция между показателями ориентации на свободу и принадлежностью к мужскому полу ($r = 0,3718$).

3. Студенты технических специальностей выше оценивают такие цели жизни, как достижение свободы, мудрость, бессмертие, имеют сильно выраженную ориентацию на результат. В свою очередь студенты гуманитарных специальностей более высоко оценили такие терминальные ценности как работа, активная жизнь.

4. Различия в структуре инструментальных ценностей (ИЦ) проявились в более высокой оценке студентами технических специальностей жизнерадостности, смелости в отстаивании взглядов, собственности. В свою очередь студенты гуманитарных специальностей более высоко оценивают такие ИЦ как воспитанность, терпимость, самоконтроль, широта взглядов, чуткость.

Таким образом, по результатам проведенных исследований можно сделать вывод о том, что изучение взаимосвязи жизненных стратегий и ценностных ориентаций студенческой молодежи является важной и перспективной темой, требующей продолжения и социально – психологического анализа.

Результаты данного исследования могут найти свое применение в повышении качества образовательного и воспитательного процесса, информационно-просветительской работе, учитываться при разработке социально – экономических и политических программ.

**Влияние смысложизненных установок
на профессионально-личностное развитие студентов**

Семиков Владимир Алексеевич

аспирант

Ульяновский государственный университет, Ульяновск, Россия

E-mail: svovan@bk.ru

XXI век ставит перед студентами российских вузов много задач. В настоящий момент, в условиях неокрепшей социально-экономической ситуации и нестабильной духовно-культурной сферы нашего общества, неопределённости в отношении своего будущего и наличия высоких требований со стороны конкурирующих организаций и фирм, нашим студентам по окончании обучения в вузе зачастую очень трудно найти своё место в жизни, реализовать себя, проявить свой творческий потенциал. Многие студенты просто не уверены в том, что они смогут работать по своей профессии и получать от этого удовлетворение как в моральном плане, так и в плане достойной зарплаты. Отсюда, как показывает ряд исследований, происходит заметное снижение мотивации учебной деятельности у студентов за период обучения в вузе. Снижение мотивации, в свою очередь, негативно влияет как на отдельные качества и способности личности, так и на общий уровень профессионально-личностного развития студентов, поскольку мотивационная сфера, являясь ядром личности, обуславливает весь ход становления и развития человека. Конечно, на мотивацию, помимо внешних социально-экономических, политических и духовно-культурных условий, влияет множество разнообразных внутренних факторов, таких как качества характера, особенности познавательной, эмоционально-волевой сферы, индивидуально-типологические свойства человека и др. В этом плане особое место принадлежит смысложизненным установкам личности, которые, составляя глубинный пласт человеческой психики, оказывают существенное влияние как на весь внутренний мир человека и его профессионально-личностное развитие, так и на его учебную, профессиональную и другие виды деятельности. Таким образом, смысложизненные установки являются одним из детерминантов развития человека, что позволяет сформулировать соответствующий принцип.

Согласно принципу смысложизненной детерминации личности и деятельности определённые смысложизненные детерминанты (детерминанты, придающие человеку смысл жизни) оказывают существенное влияние на саму личность, её развитие, а также на окружающую её среду и людей. При этом смысложизненные детерминанты очень разнообразны и могут быть классифицированы по различным основаниям. Так, они бывают внутренними, например, взгляды, представления, ценности, интеллектуальный потенциал человека в целом, и внешними, представляющими на микроуровне (окружающая человека среда, с которой он непосредственно взаимодействует), мезоуровне (среда, которая реализует его потребности, желания, интересы и т.п.), макроуровне (окружающая действительность, которая в более крупном пространственно-временном масштабе воздействует на человека). Кроме того, смысложизненные детерминанты могут быть статичными и динамичными, ситуативными и вневременными, осознанными и неосознанными и т.д. Наконец, смысложизненные детерминанты имеют субъективный и объективный аспекты: субъективное содержание смысложизненных установок личности и их значимость для самой личности, с одной стороны, и объективное соответствие или несоответствие этих установок для внешнего социального контекста, в который погружена (живёт и действует) личность, – с другой.

Говоря о субъективной стороне смысложизненных установок личности, можно выделить такие векторы смысложизненных установок, как: 1) отношение к себе как к индивиду, личности и субъекту деятельности; 2) отношение к профессии; 3) отношение к общественной и природной среде (на микро- и макроуровне); 4) отношение к миру и жизни в целом.

Что касается объективной стороны смысложизненных установок личности, то внешний социальный контекст мы подразделяем на такие составляющие, как: 1) бли-

жайшее окружение личности (микроуровень); 2) общество в целом (макроуровень); 3) конкретная социальная ситуация; 4) данный исторический период.

Жизнь человека, будучи уникальной во всех своих проявлениях, вместе с тем является органической частью общественной жизни, жизни своей страны и в пределе – всего человечества. Именно поэтому, с одной стороны, можно сказать, что смысл и цель жизни заключаются (с позиций гуманистического мировоззрения) в созидательно-творческой деятельности, в познании и совершенствовании мира, в стремлении к благополучию, в умении чувствовать счастье и создавать его. В то же время человек должен осознавать, что личное благополучие невозможно без благополучия других людей, поэтому призвание, назначение, задача человека – всесторонне развивать себя как личность, свои природные, биологические задатки и способности с целью внести свой личный вклад (неважно какой – большой или маленький, главное – позитивный) в историю, в прогресс общества, его культуру.

Таким образом, проблема смысложизненных установок человека и их влияния на профессионально-личностное развитие студентов вузов представляет собой большой научно-теоретический и практический интерес и, несомненно, является актуальной.

Нами предполагается осуществить ряд экспериментально-практических исследований влияния смысложизненных установок на профессионально-личностное развитие студентов вузов (на примере УлГУ) с использованием новейшей технической аппаратуры (активациометра, прибора газоразрядной визуализации и др.) на базе научно-исследовательского центра, открытого при кафедре психологии профессиональной деятельности и акмеологии УлГУ. Мы уверены, что результаты, которые будут получены в ходе данных исследований, послужат как целям научно-методического обеспечения практической деятельности вузов, более эффективного развития студентов, так и основой для дальнейших научно-теоретических изысканий в области психологии, педагогики и акмеологии.

Особенности мотивационно-потребностной сферы студентов ведущих белгородских вузов¹⁴

Сердюкова Татьяна Викторовна¹⁵

студентка

Белгородский государственный университет, Белгород, Россия

Не секрет, что мотивационно-потребностная сфера определяет сущность действий и поступков человека. В науке изучение проблемы мотивов и потребностей остаётся до сих пор весьма актуальным и дискуссионным. В нашем исследовании мы попытались рассмотреть компоненты мотива как интегрального психологического образования. Одним из таких компонентов является уровень притязаний. Исследования уровня притязаний позволяют лучше понять мотивацию поведения человека и осуществлять направленное педагогическое и коррекционное воздействие.

Исследование проводилось на базе ведущих вузов города Белгорода. Всего в исследовании приняли участие 204 человека. Результаты исследования показали, что для большинства студентов характерен умеренный уровень притязаний (44,6%). При этом умеренный и высокий уровень притязаний более свойственен студентам – психологам (60% и 15,4%) и менее выражен у будущих строителей – студентов БГТУ и управленцев – студентов БелГУ (37% и 7,5%). Последним в большей степени присущ низкий и нереалистично низкий уровень притязаний (40,7% и 14,8%).

Были выявлены статистически значимые различия гендерного аспекта уровня притязаний. Девушек с умеренным уровнем притязаний больше, чем юношей с тем же уровнем при-

---

¹⁴ Настоящая статья подготовлена по результатам исследований, проведенных в рамках работы над дипломным проектом.

¹⁵ Автор выражает признательность доценту, к.психол.н. Шутенко Е.Н. за помощь в подготовке тезисов.

тязаний. Что касается анализа данных мотивации успеха и боязни неудач, то процент позитивной мотивации выше у юношей (73,4%), чем у девушек (55,2%).

Данные указывают на то, что большинству студентов присущ *адекватный* уровень притязаний. Испытуемые с *нереалистично высоким* уровнем притязаний характеризуются высокой требовательностью к окружающим, фрустрированностью, склонностью в своих неудачах обвинять обстоятельства и других людей. Для студентов этой группы характерны высокое стремление к необыкновенному и таинственному, потребность в душевном и телесном комфорте. Студенты с *нереалистично низким* уровнем притязаний отличаются такими особенностями, как ориентация на подчинение с частым проявлением беспомощности. Высокая потребность в доминировании сопровождается самым низким показателем удовлетворённости в ней. Как правило, это приводит к дезадаптивному поведению, к затруднениям в межличностных отношениях. Однако, студенты этой группы в большей степени склонны к пониманию и систематизации собственных знаний и в большей степени чувствительны к новизне.

В целом, результаты проведенного исследования позволяют констатировать, что мотивационно-потребностная сфера студентов характеризуется доминированием потребностей в аффиляции (склонность к общению и дружбе), причём степень удовлетворённости в этой потребности низкая; достижениях и доминировании. Студенты отдают предпочтение потребности в эмоциональной близости, помощи, покровительстве и содействии со стороны значимых других. В то же время, не выражено стремление к гармонии с окружающим миром и красоте, преодолевать препятствия, а также испытывать романтические настроения (весьма низки идеальные представления о мире). Наименее выраженной для всей выборки является потребность в познании, что говорит об удовлетворённости собственными знаниями и отсутствии выраженного интереса к новизне. Тем не менее, студенты уверены в успехе своей учебной деятельности.

Тренинг, как метод диагностики профессиональной предрасположенности учеников старших классов

Смирнов Сергей Владимирович

студент

Томский государственный университет, Томск, Россия

E-mail: Mulderalles@mail.ru

Существует ряд перманентных проблем, с которыми сталкивается каждый человек, достигший определённого возрастного этапа. Одно из наиболее важных мест занимает проблема профессионального самоопределения. Выбор профессии тогда можно считать удачным, когда работа доставляет человеку удовлетворение, это означает, что она соответствует физическим и духовным способностям человека, его психическим особенностям, интересам, знаниям и умениям. Сейчас всё больше получает популярность идея создания профильных классов, где ученики могут глубже изучать предметы, которые им могут пригодиться в их будущей профессиональной деятельности. На этом этапе возникает проблема диагностики. В настоящее время для профориентации используется большое количество тестовых методик, таких как: «Активизирующий опросник «Перекрёсток» (Пряжников Н.С., Пряжникова Е.Ю.), «Мотивация профессиональной деятельности (в модификации А. Реана)», «Методика Е.А. Климова «Определение типа будущей профессии»» и т.д. Данные методики, несомненно, имеют множество преимуществ [16], однако на наш взгляд они не обладают достаточно полными возможностями оценки профессиональной предрасположенности учащегося. Во-первых, эти недостатки связаны непосредственно с формой предъявления функциональных эмпирических методик, проявляя большое количество артефактов. Во – вторых, они построены либо как сти-

---

¹⁶ Б.В.Кулагин, Основы профессиональной психодиагностики, СПб.1984

мультимедийный материал, для того, чтобы ученик ещё раз смог проанализировать всё многообразие профессий, либо ограничены сугубо дисциплинарными характеристиками.

Мы предлагаем применение групповой работы для выявления способностей учеников. Несомненно, в литературе есть работы посвященные профориентации школьников с помощью группового взаимодействия, но они либо направлены на личность учителя [17], либо на развитие способностей и активизации мыслительного процесса в выборе своей будущей деятельности [18], так же существует немало взглядов на проблему способностей и профориентацию: А. Маслоу [19], Е.А. Климов [20] и др.

В нашей работе мы опираемся на понимание способностей с точки зрения Теплова Б.М.[21] Под способностями понимаются индивидуально-психологические особенности, отличающие одного человека от другого, такие, которые имеют отношение к успешности выполнения какой-либо деятельности или многих деятельностей. Такие свойства, как вспыльчивость, вялость, медлительность, которые, несомненно, являются индивидуальными особенностями некоторых людей, обычно не называются способностями, потому что не рассматриваются как условия успешности выполнения каких-либо деятельностей. Понятие «способность» не сводится к тем знаниям, навыкам или умениям, которые уже выработаны у данного человека. Таким образом, отвергнув понимание способностей как врожденных особенностей человека, мы, однако, нисколько не отвергаем тем самым того факта, что в основе развития способностей в большинстве случаев лежат некоторые врожденные особенности, задатки. Объединив задатки и способности, можно говорить о предрасположенности к определенному виду деятельности.

Цель тренинга: Диагностика предрасположенности к определенной профессиональной области.

Мы считаем, что групповая работа в качестве диагностической методики позволяет увидеть многоплановость проявлений личности. Проведение работы планируется осуществить в два этапа: на первом: использование тестовых методик, на втором более глубокий анализ тренинговой работы.

Задача: Через моделирование проблемной ситуации, провоцирующей испытуемых проявить себя с разных сторон. Основой диагностики является метод наблюдения. Так же важными критериями мы считаем чувство ответственности и мотивацию учащегося. Особое внимание по нашему мнению следует уделить социальным ролям, присущим личности испытуемых.

Мы выделили следующие критерии, наиболее показательные для диагностики:

1. Типы деятельности: Аналитико-оценочная; технико-функциональная; творчески – инновационная 2. Доминирующая ориентация перцептивной сферы: визуальная; аудиальная; кинестетическая; полимодальная 3. Темперамент: Высокоэмоциональный активный (холерик); высокоэмоциональный пассивный (меланхолик); низкоэмоциональный активный (сангвиник); низкоэмоциональный пассивный (флегматик).

Групповой метод диагностики достаточно перспективен, так как он может дать разноплановую и более целостную картину предрасположенностей личности к определенному виду профессиональной деятельности.

---

¹⁷ Л.М.Митина, Психология труда и профессионального развития учителя, М.2004

¹⁸ Е.Ю.Пряжникова; Н.С.Пряжников, Профориентация, М.2005

¹⁹ А.Маслоу, Дальние пределы человеческой психики. СПб 1997

²⁰ Е.А. Климов, Профессиональное самоопределение, Ростов – на – Дону, 1996.

²¹ Психология индивидуальных различий: Ю.Б. Гиппенрейтер, М., 2000.

Разработка и пилотажное исследование валидизации сокращенной методики гер-теста с целью прогнозирования успешности обучения абитуриентов вузов

Соловьев Никита Александрович

студент

Уральская государственная юридическая академия, Екатеринбург, Россия

E-mail: nikita_solovyev@mail.ru

В настоящее время в отечественной психологии большое значение и популярность приобретают психосемантические исследования в различных сферах науки и практики (Петренко В.Ф., Митина О.В., Соломин И.Л., Серко В. и др.) Особенно интересные, но неоднозначные мнения традиционно, как и в западной психологии, сформировались в отношении техники репертуарных решеток Дж. Келли (Баннистер Д., Франселла Ф., Шмелев А.Г.), поскольку она, с одной стороны, представляет собой высоко валидную методику с уникальными вариативными возможностями диагностики различных психических феноменов, с другой – обладает рядом серьезных недостатков. Среди них – обязательность индивидуальной формы тестирования и значительные временные затраты (что часто делает гер-тест фактически не пригодным для работы с большим потоком обследуемых), невозможность обобщения результатов диагностирования групп. В отношении последнего изъяна уже существуют предложения разрешения проблемы: через использование сложной последовательности многомерных статистических методов и контент-анализа (Колобкова А.И., Пиянзина О.П., 2003). Но в плане длительности такой диагностики вопрос остается неразрешенным.

Вместе с тем, возможности гер-теста максимально удовлетворяют потребностям практической психодиагностики в профориентации, профотборе, оценке и прогнозировании профессиональной успешности (учитывая, что предварительно регистрируются способности и профессионально-важные качества). В частности, для Уральской государственной юридической академии весьма насущным является вопрос измерения и прогнозирования эффективности обучения абитуриентов уровня и динамики мотивации обучения.

Возможное разрешение указанных противоречий нам видится в разработке групповой сокращенной формы гер-теста. В связи с этим, нами были поставлены две исследовательские задачи.

Первая носила в большей степени методологический характер: не нарушая, по возможности, индивидуально ориентированный характер изучения личностных конструкторов, максимально стандартизировать гер-тест для решения конкретных практических задач, а именно – выявлению мотивации по отношению к учебной деятельности абитуриентов и студентов юридического вуза. В контексте предыдущих разработок в данной области (Колобкова А.И., 2002–2005), в качестве элементов (как полной, так и сокращенной) решетки были предложены различные аспекты процесса обучения в вузе, возможные перспективы развития дальнейшего профессионального пути, а также другие, «конкурирующие с обучением» интересы, связанные с отдыхом, саморазвитием и межличностными отношениями. А именно: учеба (отдельно – как процесс познания, посещение занятий, и работа на сессии), работа (отдельно – по специальности и нет, любимое дело), безработица, отдых (длительный и повседневный), саморазвитие в других областях знаний, спорт, духовные интересы, общение с родителями, брак, рождение и воспитание детей, общение с друзьями. Уровень мотивации по отношению к учебной деятельности выявлялся стандартно (Колобкова А.И., 2002–2005), путем сравнения сумм рейтинговых баллов и оценки интеркорреляций жизненных событий. В сокращенной форме гер-теста жестко заданными были и конструкторы, отражающие степень интереса, важности, притягательности, мотивации, личного потенциала, временных перспектив, активности, сложности достижения, а также справедливости. Перечисленные конструкторы были выбраны на основании предварительного анализа картины мира будущих юристов, изученной по полной форме. Этот этап создания методики обусловил то, что она все же отчасти сохраняет когнитивную специфику исследуемой группы, несмотря на то,

что, приобретает много общего с более простыми психосемантическими методами (например, такими, как семантический дифференциал или Q-сортировка).

Вторая исследовательская задача касалась установления надежности параллельных форм и критериальной валидности сокращенной формы. Для установления первой мы попарно сопоставляли результаты каждого испытуемого по обеим формам, с учетом уровней корреляции усредненных баллов по отдельным элементам и показателей факторизации по внутренней согласованности (КМО-Bartlett-test), а также содержательному и весовому составу двух главных компонент.

Корреляции по суммарным показателям оказались достаточно высокими ($0,52 > r > 0,71$; $p < 0,01$).

Результаты факторизации не столь однозначны. С одной стороны, в сокращенной форме проявился значительно меньший уровень внутренней согласованности по каждому испытуемому (поскольку использовались навязанные конструкты, которые могли входить в определенный диссонанс с системой личностных конструктов респондентов). С другой стороны, состав факторов по переменным (учитывались переменные с факторными нагрузками более 0,5) различался в двух формах лишь незначительно; в отдельных случаях компоненты менялись местами или из их состава исчезали отдельные переменные.

Оценка критериальной валидности предложенной методики строилась на сравнении контрастных групп по уровню мотивации к обучению (выборки формировались на основе экспертных оценок преподавателей). Были обнаружены тенденции к различиям по большинству элементов, с максимальным их проявлением по отношению в учебе как процессу познания, а также выявление характерного сочетания ближайших, связанных с периодом обучения в вузе, жизненных планов. Однако, учитывая пилотажный характер нашего исследования (и связанные с этим недостатки в планировании эксперимента и ограничения в экстраполяции выводов), не дают права однозначно констатировать высокую валидность предложенной схемы.

В целом, мы пришли к следующему заключению: создание сокращенных форм репертуарных решеток с заданными системами конструктов возможно; заданные конструкты должны выявляться на основании анализа картины мира, присущей большинству людей определенной социально-возрастной группы; применение сокращенных форм гер-теста может стать вполне эффективным средством для решения конкретных психолого-педагогических задач.

Особенности становления студента как субъекта профессиональной деятельности

Терещенко Марина Михайловна

аспирантка

Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия

E-mail: mmb1983@mail.ru

Целью системы образования нашей страны всегда являлась подготовка профессионала в своей сфере знаний. Такой специалист в первую очередь должен обладать профессиональной готовностью к постановке и решению профессиональных задач. Но в образовательной системе существует тенденция обновления требований к личности будущих специалистов, что обусловлено не только потребностями обновления педагогической системы образования, но и современной трактовкой процесса обучения, согласно которой студент – не пассивный участник этого процесса, а его активный субъект. Согласно этому, очень важным становится умение оценивать потенциал личности студента, достижения личного и образовательного роста. Это определяет особенности процесса становления студента как субъекта будущей профессиональной деятельности.

Профессиональное становление студента, по мнению Слободчикова В.И., и Исаева Е.И., интегральный процесс изменения студента как субъекта деятельности. Стать субъектом определенной деятельности значит освоить эту деятельность, овладеть ею, быть способным к ее осуществлению и творческому преобразованию. Субъектность будущего специалиста, по мнению А.Г. Асмолова, проявляется в его способности к по-

строению, проектированию своей деятельности, ее изменению и развитию, а также решению целей, задач, способов действия и взаимодействия. Считается, что с возрастом увеличивается роль активности личности в ее развитии. Возникают более отдаленные цели, перспективные планы, складываются идеалы, влияющие на деятельность личности, а через нее – на развитие. Таким образом, личность, выступающая как субъект собственного развития, ориентируясь на будущее, осознавая свои достижения и недостатки, начинает сознательно работать над собой, стремиться к самовоспитанию, к самосовершенствованию посредством собственной деятельности. По мнению В.А. Сластенина, процесс саморазвития состоит из следующих характеристик: способности личности к самонаблюдению, самоанализу, саморефлексии (самопознанию); способности к пониманию собственных задач в каждой конкретной ситуации, определению адекватной линии поведения (самоопределение); способности к анализу ситуации, постановке задачи, планированию действий, целеполаганию (саморегуляции).

На этапе профессионального обучения в вузе актуальным остается положение об индивидуально-возрастных особенностях характеризующих этот возраст, как возраст социализации, индивидуализации, для которого характерна потребность в самоопределении, самосовершенствовании, а также развитии и реализации такого свойства, как субъектности индивида. Субъект профессиональной деятельности является носителем практической и теоретической деятельности, получивший базовое образование и обладающий в результате этого профессиональной компетентностью, свободно и самостоятельно планирующий и осуществляющий свою профессиональную деятельность от этапа осознания смысла деятельности или порождения нового смысла к целеполаганию, проектированию до самооценки результатов.

Таким образом, овладение выпускниками вуза субъективными признаками рассматривается как идеальный результат процесса профессиональной подготовки, способствующей становлению студентов в качестве субъектов деятельности, где субъектность является характеристикой, лежащей в основе любой деятельности, и определяющая ее успешность.

Опыт организации работы по развитию профессионального самосознания студентов

Труфанова Марина Михайловна

старший преподаватель кафедры психологии

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева.

Красноярск, Россия

E-mail: trufanova_mm@mail.ru

В последнее время в образовании традиционная ориентация на подготовку человека «с заданными свойствами» сменяется представлением о личных образовательных траекториях и программах (М.В. Левит). Утверждаются ценности саморазвития и самообразования обучающихся. Во многом эти тенденции связаны с интенсивными социальными изменениями, которые требуют достаточно высокой степени мобильности человека, готовности к изменениям, в том числе к самоизменениям. В связи с этим профессионализм человека начинает измеряться его способностью к обучению и развитию, а эффективность профессиональной подготовки в вузе всё чаще связывают с развитием профессионального самосознания студентов. При этом вопрос об условиях и организационных формах развития профессионального самосознания остаётся открытым.

Мы придерживаемся, точки зрения, что развитие самосознания связано с формированием коммуникации с самим собой, с развёртыванием внутреннего диалога (М.М. Бахтин, М. Бубер, В.Ф. Петренко, В.В. Столин и др.). Внутренний диалог является одновременно и условием развития самосознания и формой реализации самосознания. В контексте нашего исследования важным является представление о том, что, профессиональное самосознание существует и развивается в ситуации совместности с другими людьми, в которой возможно понимание себя и другого. Поэтому профессиональную общность мы рассматриваем как базовое условие развития профессионального самосознания студентов.

Представления о профессиональном сообществе как основном условии становления профессионала, задающем предмет деятельности, ее способы и нормы, с которыми профессионал в своем становлении соотносит собственные представления о деятельности, относительно которых он самоопределяется, развиваются в работах И.С.Павлова, Д.А.Григорьева, Н.А. Исаевой, Р.Г.Каменского, С.Г. Косарецкого. Именно в профессиональной общности становится возможным освоение норм и ценностей профессиональной деятельности. В профессиональном сообществе происходит осознание себя как профессионала, действующего своим собственным способом и ищущим смысл профессиональной деятельности.

В условиях обучения, для развития профессионального самосознания, на наш взгляд, необходимо решить две задачи. Во-первых, обеспечить переход студентов от учебной деятельности к профессиональной в рамках учебных занятий, за счет моделирования ситуаций профессиональной деятельности. Во-вторых, организовать эффективную работу студенческой группы, которая бы способствовала развитию профессионального самосознания студентов.

В центре нашего исследования был вопрос об условиях и формах развития профессионального самосознания на этапе вузовской подготовки

В течение 2003–2005гг. нами разрабатывалась и была реализована система занятий в рамках спецкурса в течение 2-х семестров со студентами будущими психологами 4–5 курсов Института психологии педагогики и управления образованием КГПУ. Занятия проводились с 5 группами студентов (16 человек – 5 курс и 52 человека – 4 курс).

Мы ставили следующие задачи при проектировании спецкурса: в теоретическом плане – исследовать особенности развития профессионального самосознания студентов; в практическом – способствовать изменению отношения студентов к собственному образованию, для того, чтобы знания для них становились, не объектом, а средством освоения профессиональной деятельности.

Тема спецкурса была обозначена для студентов как "Особенности предмета деятельности психолога в различных организациях". Студентам предлагалась в ходе занятий – выработать понимание того, что является предметом работы психолога в разных структурах (от школы до бизнес-структур), выстроить новые способы решения проблем профессиональной деятельности психолога.

Базовыми способами организации работы группы для нас были – дискуссия, диалог и моделирование ситуаций профессиональной деятельности. Материал для ролевых игр подбирался на основании анализа реальной практики работы психологов в различных организациях.

Анализ рефлексивных отчетов студентов о работе на спецкурсе позволяет обсуждать следующие эффекты, возникшие в ходе работы на спецкурсе (в опросе участвовало 68 человек).

Ожидания студентов от занятий на спецкурсе были связаны с получением новой информацией о деятельности психолога и конкретных действий. Можно говорить о том, что студенты рассматривают информацию как самоценную, а если у них и возникает желание научиться чему-нибудь, то конкретных задач на самообразование, как правило, они не ставят.

Трудности в работе студентов были связаны, прежде всего, с самоорганизацией, во-первых, с постановкой собственных задач во время работы, во-вторых, с построением коммуникации с другими участниками группы, в-третьих, с постоянной рефлексией и анализом ситуации профессиональной деятельности. Трудности вызывало оформление собственной активной позиции в ситуации, где нет правильных ответов. На наш взгляд, преодоление этих трудностей были ситуацией развития для студентов.

Важным, с точки зрения студентов, являлся опыт анализа реальных ситуаций, встречи с работающими специалистами и совместная работа в группе. В качестве результатов работы на спецкурсе студенты определяют следующее: умение анализировать ситуации (алгоритм действий), рефлексия своих возможностей и ограничений, видение себя и своих перспектив в профессии. Студенты выделяют способ работы на спецкурсе как ценный и отмечают, что способы анализа и рефлексии являются наиболее продуктивными, которые побуждают думать, хотя и вызывают много сложностей.

В результате наблюдений на занятиях мы зафиксировали, что у студентов появились новые задачи на освоение способов анализа ситуации и своих действий в ней, появилась проблема собственной компетентности и её границ. Самым важным, на наш взгляд результатом, было обращение студентов к проблемам собственного профессионального становления.

Таким образом, предварительные данные позволяют нам говорить о том, что организация диалогической коммуникации в студенческой группе делает возможным работу с системой ценностей, мировоззрением студентов, в контексте профессиональной деятельности и её ценностей; построение студентами образа профессионального будущего; создание условий для активности и инициативности студентов; постановку студентами задач на самообразование.

Динамика профессиональной направленности и учебной мотивации студентов-психологов в процессе обучения в ВУЗе²²

Хабибрахманова Лилия Хафизовна²³

старший преподаватель

Марийский государственный университет, Йошкар – Ола, Россия

E-mail: kaf_psy@marsu.ru

Разнообразные аспекты профессиональной деятельности и профессиональной личности не однократно становились предметом многих психологических исследований.

Личностное развитие студента и формирование его готовности к будущей профессиональной деятельности осуществляется на базе высшей школы, где в процессе обучения у студентов происходит первичное освоение профессии, определяется жизненная мировоззренческая позиция.

В нашем исследовании были сделаны попытки изучить динамику развития профессиональной направленности и учебной мотивации студентов отделения психологии разных курсов. Изучение данных вопросов происходило в зависимости от адекватности представлений студентов о конечных целях обучения, т. е. непосредственно о будущей профессии и ее требованиях к специалисту.

При изучении данной темы нас интересовал следующий круг вопросов: существуют ли профессиональные представления студентов-психологов и как они изменяются за время обучения в ВУЗе; каковы динамика и характер взаимодействия различных форм и уровней мотивации на разных этапах обучения; от каких факторов зависит общее отношение к целям обучения.

При изучении профессионального сознания студентов разных курсов отделения психологии была выявлена положительная динамика осознания себя как специалиста, осознания определенных трудностей связанных с недостаточным объемом знаний профильного предмета (психологии) и недостаточной сформированностью своих профессиональных качеств. Образ будущей профессии у студентов от курса к курсу преобразуется и становится более адекватным. Рост профессиональной направленности определяется популярностью таких аспектов профессиональной деятельности, как возможность иметь интересную работу, возможность творчества, наличие высокой общественной значимости, социального престижа и др.

На основе полученных в ходе исследований данных можно выделить определенную характеристику динамики мотивационно-целевой основы обучения студентов-психологов.

Начальный первый этап обучения в ВУЗе (первый курс) характеризуется достаточно высокими показателями профессиональных и учебных ценностей, которые могут высту-

---

²² Настоящая статья подготовлена по результатам исследований, проведенных на базе кафедры психологии Марийского государственного университета.

²³ Автор выражает признательность профессору, к. псих. наук Смирнову А. Г. за помощь в подготовке тезисов.

пать в роли мотивов, управляющих в свою очередь учебной деятельностью студентов-первокурсников. На начальном этапе профессиональной подготовки ценности обучения и профессионализма несколько идеализированы, так как имеют скорее общественное, а не личностное значение. Учебная деятельность студентов первого курса управляется определенным звеном мотивационно-целевой системы – учебными мотивами.

Следующий, второй, этап (второй и третий курсы) отличается снижением интенсивности мотивации познавательной и профессиональной сферы, данные мотивы постепенно перестают управлять учебной деятельностью студентов.

Третий этап обучения (четвертый и пятый курсы) характеризуется ростом степени осознания и интеграции различных форм мотивации обучения в единую целостную систему. На старших курсах конечная цель обучения непосредственно определяет средства и способы достижения удовлетворенности профессией через эффективную учебную деятельность.

Анализ динамики и структуры учебной мотивации позволил установить, что данная категория снижается от курса к курсу, следовательно, можно говорить о падении профессиональной направленности, что ведет и к снижению мотивации учения. Так же исследования показали, что ведущее место на всех курсах занимают профессиональные мотивы, затем – познавательные мотивы и мотивы социальной идентификации.

В целом проведенный анализ развития оценочной структуры привлекающих аспектов будущей профессии у студентов отделения психологии Марийского Государственного университета показал, что причинами принятия ими целей обучения являются осознание общественной важности профессии, ее творческий характер, способности и особенности характера соответствующие требованиям будущей профессиональной деятельности, а также желаемая многими перспектива профессионального роста. Таким образом, стремление стать профессионалом в определенном виде деятельности наполняет профессиональным содержанием и учебную деятельность.

Полученный материал дает возможность сделать заключение, что основные элементы профессионально-психологической картины мира возникают в начальный период профессионального самоопределения личности и не претерпевают качественных изменений в процессе дальнейшего профессионального обучения. Установлено, что профессиональное мировоззрение студентов-психологов формируется на стыке научно-теоретического и жизненно-практического познания психологической природы человека и общества.

Особенности ценностных ориентаций у студентов-психологов с разным уровнем эмпатии

Хонина Анна Александровна²⁴

студентка

Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия

E-mail: ahonina@mail.ru

Изучение ценностных ориентаций молодежи приобретает особую значимость и актуальность особенно сейчас, когда молодое поколение оказалось в сложном положении, его жизнь и деятельность происходят в кризисных условиях, связанных с кризисом всей системы общественных отношений современного общества. Проблема ценностных ориентаций студентов особенно остро встает в настоящее время, в период глубоких социальных изменений, разрушения старых систем ценностей. В связи с этим большую роль начинает играть проблема подготовки высокопрофессиональных специалистов в областях, приобретающих всё большую значимость для общества. Одной из таких областей является психология, поэтому в проблему становления студентов-психологов как высококвалифицированных специалистов входит ряд мер, направленных на развитие у них профессионально важных ка-

---

²⁴ Автор выражает признательность доценту, канд. психол. наук Макушиной О.П. за помощь в написании работы.

честв. Базовым таким качеством, свойством, на наш взгляд, является эмпатия, без которой не возможно развитие других значимых свойств психолога.

Учёные, рассматривающие эмпатию как способность или свойство личности, концентрируют своё внимание на изучении особенностей рефлексии, развития социальных чувств, моральной и ценностной ориентации. Функционирование эмпатии определяется ценностями и мотивационными установками личности. Направленность эмпатических переживаний связана с общей направленностью личности и её ценностными ориентациями (Лабунская, 2001). Таким образом, эмпирическое исследование было направлено на изучение особенностей ценностных ориентаций у студентов-психологов с разным уровнем эмпатии.

Объектом эмпирического исследования выступили студенты-психологи 1–4 курсов в количестве 132 человек. В процессе исследования были использованы следующие методы: методика изучения ценностных ориентаций М. Рокича; методика определения эмпатии А. Меграбиана и Н. Эпштейна в адаптации Ю. А. Менджерицкой; методика определения эмпатических способностей В. В. Бойко.

По результатам исследования были определены наиболее и наименее значимые терминальные и инструментальные ценности для всей выборки и отдельно по каждому курсу. В целом, для студентов-психологов 1–4 курсов наиболее значимыми терминальными ценностями оказались: любовь, здоровье, наличие хороших и верных друзей, активная деятельная жизнь, счастливая семейная жизнь (в порядке убывания значимости). Среди наименее значимых можно выделить такие, как развлечение, счастье других, красота природы и искусства. В структуре инструментальных ценностей предпочитаемыми для студентов являются: жизнерадостность, образованность, ответственность, честность, среди отвергаемых можно назвать исполнительность, высокие запросы, непримиримость к недостаткам в себе и других.

Нами была выявлена также динамика ценностных ориентаций у студентов с 1 по 4 курсы. Для студентов-психологов 1 курса самыми значимыми ценностями являются наличие хороших и верных друзей, любовь, здоровье, уверенность в себе (терминальные ценности); жизнерадостность, независимость, образованность, ответственность (инструментальные ценности). Незначимыми являются счастье других, красота природы и искусства, развлечение (терминальные); рационализм, высокие запросы, непримиримость к недостаткам в себе и других (инструментальные). В число значимых ценностей студентов 2 курса входят: любовь, здоровье, наличие хороших и верных друзей, счастливая семейная жизнь, отвергаются развлечение, творчество, красота природы и искусства; исполнительность. В структуре ценностных ориентаций студентов 3 курса выделяются предпочитаемые ценности аналогичные студентам 2 курса: любовь, здоровье, наличие хороших и верных друзей, активная деятельная жизнь, однако в структуре инструментальных ценностей появляется независимость. Для студентов-психологов 4 курса главнейшую роль начинает играть здоровье, второе место по значимости занимает любовь, появляется ценность счастливой семейной жизни, далее активная деятельная жизнь, а также значимой является уверенность в себе. Незначимыми признались такие ценности, как счастье других, красота природы и искусства, творчество. В структуре инструментальных ценностей предпочтение отдаётся следующим ценностям: жизнерадостность, честность, ответственность, воспитанность, образованность. Отвергаются такие ценности, как высокие запросы, исполнительность, непримиримость к недостаткам в себе и других.

Для изучения особенностей ценностных ориентаций у студентов-психологов с разным уровнем эмпатии, мы выделили 3 группы испытуемых: с высоким, средним и низким уровнями эмпатии. В каждой группе определялись наиболее и наименее значимые ценности. В результате выяснилось, что у студентов с высоким и средним уровнем эмпатии доминируют альтруистические ценности: терпимость, чуткость, широта взглядов, а с низким уровнем эмпатии – эгоистические: высокие запросы, независимость, твердая воля. При этом терпимость преобладает у высокоэмпатичных, чуткость у среднеэмпатичных студентов, широту взглядов выше ставят низкоэмпатичные личности. У студентов со средним уровнем развития эмпатии в обеих структурах ценностных ориентаций преобладают ценности межлично-

стных отношений и альтруистические ценности. Данная тенденция, по нашему мнению, связана с проблемой в определении наиболее эффективного именно для психолога уровня эмпатии. С одной стороны, высоко развитая эмпатия – это неотъемлемая часть профессиональной деятельности психолога, с другой стороны, постоянное проявление высокой эмпатичности, чрезмерная чувствительность может привести к синдрому эмоционального выгорания, проявлению невротических реакций, поэтому психолог должен каким-то образом отстраняться от излишнего переживания и идентификации с клиентом. В связи с этим, по нашему мнению, целесообразно говорить о том, что средний уровень выраженности эмпатии является оптимальным для профессиональной деятельности психолога.

Таким образом, проведенное исследование показало, что профессиональная принадлежность человека накладывает отпечаток не только на непосредственно связанные с ней установки, но затрагивает и более глубинные личностные образования, перестраивая соответствующим образом всю систему мотивов и ценностных ориентаций личности (Оборина, 1994). В связи с этим ведущей проблемой является построение такой системы учебно-образовательного процесса, которая оптимальным образом учитывала бы закономерности формирования не только профессионально важных качеств у студентов-психологов, но и особенности их ценностных ориентаций.

Изучение соответствия мотивационных особенностей студентов и специалистов

Цыганкова Лилия Михайловна²⁵

студентка

Таганрогский институт управления и экономики, Таганрог, Россия

E-mail: zlily@mail.ru

Студенческий возраст является ранним периодом зрелости. На это время приходится очень важный этап, характеризующийся вхождением человека в профессию, становлением будущего специалиста.

Как известно, то, какой мы видим себе будущую профессию в период обучения в вузе, может сильно отличаться от представлений, которые мы будем иметь в период непосредственной работы по специальности. Кроме этого, ведущее место в структуре личности и студента, и человека, работающего по профессии, занимает его мотивация, являясь движущей причиной поведения. Какими мотивационными особенностями обладают студенты и специалисты, насколько они близки и соответствуют друг другу, мы решили выяснить. Для сравнения исследуемых особенностей студентов и специалистов, в качестве эталона для первых нами были выбраны люди, непосредственно работающие и владеющие профессией – преподаватели данных студентов.

Целью нашего исследования было выявление мотивационных особенностей студентов-психологов и специалистов в сфере психологии.

Объектом исследования являются студенты-психологи и преподаватели кафедры Теоретической и Прикладной Психологии Таганрогского Института Управления и Экономики.

Предметом – факторы привлекательности профессии психолога и структура мотивации трудовой деятельности.

В исследовании приняли участие 82 человека в возрасте 18–52 лет.

В нашей работе мы использовали методику «Изучение факторов привлекательности профессии» (Н.Кузьмина, А.Реан), а также методику «Структура мотивации трудовой деятельности», разработанную К.Замфир.

В ходе работы нами было выявлено, что от начала обучения в вузе к концу, факторы привлекательности профессии психолога меняются незначительно. Почти все студенты (с 1-го по 5-й курс) считают значимыми при выборе профессии психолога следующие факторы: «работа с людьми», «возможность самосовершенствования», «работа требует постоянного творчества». Кроме этого, представления о профессии максимально

---

²⁵ Автор выражает признательность доценту, к.п.с.н. Демидовой И.Ф. за помощь в подготовке тезисов.

приближены к реальным у студентов выпускного курса. Собственно, для выпускников привлекательными факторами профессии психолога являются: «работа с людьми», «возможность самосовершенствования», «работа соответствует моему характеру». В ходе опроса преподавателей психологии было выявлено, что в данной профессии их, прежде всего, привлекает: «работа с людьми», «возможность самосовершенствования», «работа соответствует моим способностям», «работа соответствует моему характеру». Таким образом, взгляд студентов 5 курса на профессию, выбранную ими, является наиболее адекватным по отношению к тем представлениям, которые характерны для зрелых людей, работающих в сфере психологии. Это может быть связано с тем, что с обретением профессиональных навыков и опыта, а также полноценным вхождением в профессию, студент стремится к видению профессиональной ситуации, такой, какая она есть на самом деле и начинает избавляться от нереалистичных ожиданий.

Изучая структуру трудовой мотивации преподавателей психологии, нами было выявлено, что для большинства из них (67%) характерна внутренняя мотивация профессиональной деятельности, которая связана с ориентацией человека на сам процесс и результат труда, потребностью в самоактуализации, самовыражением и стремлением достичь вершин в своем профессиональном развитии. Люди, которые обладают другими двумя видами мотивации, получили следующие показатели. Внешняя положительная мотивация, связанная с получением заработной платы, продвижением по работе, стремлением к престижу, одобрением со стороны коллег и т.д. свойственна 25% людей. Лишь 8% преподавателей имеют внешнюю отрицательную мотивацию профессиональной деятельности, отличающуюся боязнью осуждения, наказания, критики и т.п.

Как известно, специфика работы психолога предполагает, что человек, овладевший данным видом деятельности, будет относиться к другому человеку как к высшей ценности и стремиться к постоянному развитию креативности, нацеленной на получение нового знания о психическом мире. Данные критерии работы психолога связаны с наличием у специалиста преимущественно внутренней мотивации.

Таким образом, мотивационные особенности студентов-психологов приближены к изучаемым особенностям преподавателей психологии, а именно, и те и другие четко осознают, что данная профессия дает возможность быть в непосредственном контакте с людьми и бесконечно самосовершенствоваться в личностном и профессиональном плане. Наличие у студентов таких вполне адекватных представлений о профессии может послужить условием для формирования их внутренней мотивации трудовой деятельности. И не секрет, что человек, которым движет внешняя мотивация, будь то положительная либо отрицательная, профессионалом и мастером своего дела не станет.

Самоактуализация личности курсантов в учебно-воспитательном процессе в пограничном институте ФСБ РФ

Шевченко Владимир Александрович

адъюнкт

Голицынский Пограничный институт ПС ФСБ России, Голицыно, Россия

E-mail: wasch18-04@mail.ru

Современные условия охраны государственной границы России являются чрезвычайно разнообразными и сложными, как в силу достаточно разнородных климатических условий, так и в силу активной деятельности международных террористических организаций, групп, занимающихся наркоторговлей, расхищением биологических ресурсов. В связи с чем возрастает сложность и разнообразие возникающих задач, требующих от офицеров-пограничников творческого, нестандартного подхода к своему решению с учетом всех обстоятельств и условий. В настоящий момент представляется чрезвычайно актуальной проблема развития у курсантов творческого подхода, реализации ими в процессе учебной деятельности всех имеющихся потенциальных способностей. Основой для решения данной задачи может выступить клиентцентрированный подход, ориентированный на развитие самоактуализации личности курсантов. Однако необходимо эмпирически изучить влияния самоактуализации на развитие данных качеств в условиях учебно-воспитательного процесса в пограничном институте.

Реализация поставленной задачи возможно с опорой на личностно-ориентированные подходы в отечественной психологии (Орлова А.Б., Леонтьева Д.А., Конопкина О.А., Реан А.А.) и подходы зарубежных авторов (Маслоу А., Роджерса К., Франкла В., Фрома Э., Хорни К.) с использованием диагностических методик, разработанных именно в данных концепциях. При этом профессионально-личностное развитие курсанта рассматривается как одна из главных ценностей учебной деятельности. Вместе с тем, возможность одномерного описания феномена самоактуализации не представляется возможным, прежде всего с многозначностью и противоречивостью этого конструкта, поэтому в нашем исследовании мы попытались применить необходимое количество методик, во-первых, позволяющих изучить процесс самоактуализации как можно полнее, а во-вторых, отвечающих основным положениям и требованиям гуманистической психологии и теории самоактуализирующейся личности. В связи с этим основным диагностическим средством стал опросник САТ – «Самоактуализационный тест», разработанный и адаптированный на базе опросника личностных ориентации Э. Шострома (POI), измеряющего самоактуализацию как многомерную величину. В батарею тестов также вошли: методика диагностики уровня субъективного контроля Дж.Роттера (УСК), шкала социально-психологической адаптированности (СПА), методика Т.Лири, метод личностного дифференциала (ЛД), методика диагностики самооценки Ч.Д.Спилберга и Ч.Д.Ханина, опросник «Автономность-зависимость в обучении» (Парыгин Г.С., 1984). Описанные выше методики совместно с разработанной нами анкетой были объединены в единый диагностический комплекс.

Выборка исследования составила 309 курсантов 1–5 курсов, обучающихся по специальности психология и юриспруденция. Необходимо отметить, что в институт принимаются юноши, прошедшие профессионально-психологический отбор, медицинскую комиссию, конкурсные вступительные испытания, что накладывает определенные особенности на нормальность распределения признаков в исследуемой совокупности. Курсанты проявили заинтересованность и желание выполнять тестовые задания исследования. Об этом говорят результаты, полученные по шкале «лжи», опросника СПА. ($M=30,84$; Ст. отклонение = 5,11 при норме 18 – 36). С рядом курсантов проводилось лонгитюдное исследование. Повторные замеры проводились спустя два года, с целью изучить влияние условий института на развитие процесса самоактуализации курсантов.

Статистическая обработка полученных данных осуществлялась с помощью корреляционного и факторного анализов, с этой целью использовались программы: Statistika 6.0, SPSS 13.0, а также Microsoft Office Excel 2003. Полученные сырые баллы переводились в Т-баллы, далее была произведена дифференциация курсантов с различным уровнем протекания процесса самоактуализации. В качестве дифференцирующего признака была выбрана Шкала поддержки (I: нижний квартиль 43,84489, верхний квартиль 57,10793), так как, во-первых, это самая большая шкала теста (91 пункт), а во-вторых в связи с нормальностью её распределения. Далее с помощью t-критерия Стьюдента была проверена значимость различий между высоким и низким уровнем развития процесса самоактуализации. Предварительно проводилась оценка нормальности распределения, для проверки правомерности применения параметрических методов. Анализ показал наличие статистически значимых различий в креативности, адаптивности, интернальности личности, эмоциональному комфорту, принятию – непринятию себя и других, автономности-зависимости в обучении, в развитии волевых сторон личности, как они осознаются самим испытуемым, личностной тревожности и согласованности Я-концепции. Полученные результаты представлены на графике (рис.1).

Для дальнейшего анализа был проведен корреляционный анализ результатов тестирования по САТ с результатами заполнения других личностных тестов одними и теми же испытуемыми. Было выявлено наличие корреляций в пределах 0,25 – 0,38 ($\alpha=0,01$ и выше) с основными характеристиками. В ходе исследования было установлено, что данный процесс влияет на принятие ответственности личности за свои действия и поступки, самоактуализирующиеся курсанты характеризуются высокой адаптивностью, принятию – непринятию себя и других, креативностью, интернальностью, согласованной Я-концепцией, мотивацией на успешное овладение профессией офицера и установкой на дальнейшее продолжение военной службы.

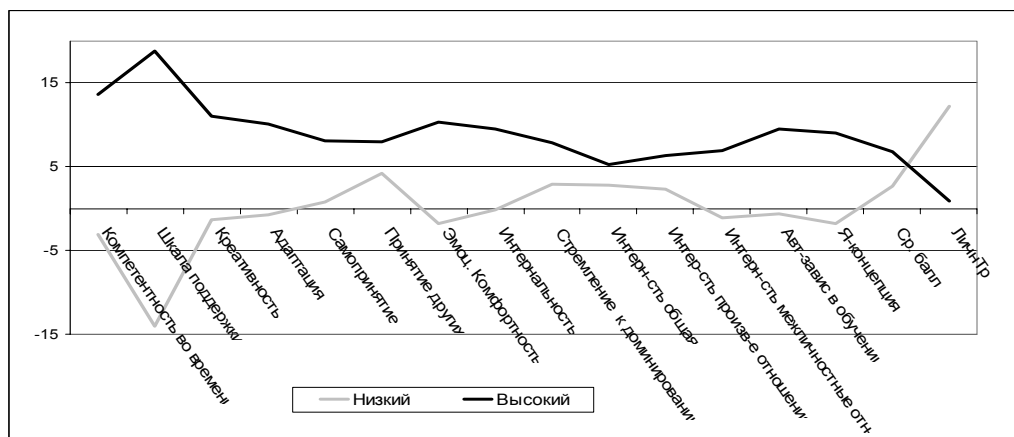

Рис. 1. Динамика характеристик личности по уровню развития процесса самоактуализации.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о целесообразности развития и активизации процесса самоактуализации личности будущих офицеров-пограничников. Создание службы психологического сопровождения учебного процесса целесообразно строить, опираясь на гуманистический, клиентцентрированный подход.

ПОДСЕКЦИЯ «ПСИХОЛОГИЯ СЕМЬИ И ДЕТСТВА»

Диагностика застенчивости у детей 6–7 лет

Бродская Елена Владимировна

аспирантка

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: e.brodskaya@gmail.com

В результате анализа направлений исследования проблемы застенчивости в работах отечественных и зарубежных авторов, было выявлено, что застенчивость, как понятие в целом, а также применительно к дошкольному возрасту, косвенно упоминаясь в ряде работ, остается до сих пор не достаточно освещенной в литературе.

Данный возраст (6–7 лет) рассматривался нами как важный период в становлении всей личности ребенка – в формировании самосознания, выделении оценки себя как субъекта деятельности и субъекта взаимодействия с окружающими. Учитывалось интенсивное развитие эмоционально-мотивационной сферы. Выделялась важность для ребенка-дошкольника понимания общего устройства мира и осознания себя в нем, с точки зрения закладывающихся основ мировоззрения. Также оценивалась роль общения в данном возрасте, обнаруживающая свою значимость для детей в контексте удовлетворения потребности в познании себя и окружающих людей.

Проблема застенчивости определяется здесь как один из вариантов неблагоприятного хода развития ребенка, влияющего на общую структуру его личности. В связи с чем, для диагностики феномена был расширен методический инструментарий по сравнению с проводившимися ранее исследованиями. Использованные методики были направлены на оценку и анализ выделенных выше особенностей личностного развития 6–7-летних детей. Оценивались также уровень тревожности (как дополнительная характеристика) и степень сформированности социальной желательности ребенка как стремления демонстрировать в поведении выполнение норм и правил общества.

В данной работе мы придерживаемся мнения о неадекватном самоотношении застенчивых детей. Не проявляя активности во взаимодействиях и в учебной деятельности, застенчивый ребенок не имеет возможности получать сведения о собственных качествах и возможностях для адекватной оценки себя. В связи с чем, была выдвинута исследовательская гипотеза о значимых отличиях рассматриваемых детей в данном аспекте.

Полученные в результате исследования данные можно разделить на три группы:

1. На наблюдаемом поведенческом уровне застенчивым детям свойственны: общая пассивность, как в игровой, так и в учебной деятельности; отсутствие инициативности при взаимодействии (взрослые, сверстники); недостаточное развитие коммуникативных навыков.

2. Личностные особенности застенчивых детей 6–7 лет рассматриваемой группы характерны изменением всего их спектра. Наблюдается пассивность по отношению к окружающему миру в целом – ребенок «реагирует» на внешние воздействия, инициатором которых является его окружение, не предпринимая при этом видимых попыток изменения ситуаций. В рамках взаимодействия с окружающими застенчивые дети демонстрируют низкий уровень притязаний. Затруднительным для них становится как рефлексия собственных положительных и отрицательных качеств, в контексте отношений с другими, так и восприятие отношения к ним окружающих. Уровень тревожности у застенчивых детей в целом выше, чем у незастенчивых, но, есть предположения, что тревожность носит ситуативный характер. В мотивации достижения у застенчивых детей превалирует надежда на успех. Однако в силу особого напряжения потребности в одобрении, в значимых для детей ситуациях увеличивается боязнь социальных последствий неудач. Это контекст учебной деятельности и связанный с ним страх не суметь продемонстрировать свои способности, как перед взрослым, так и перед сверстниками.

В рамках данного исследования выявились наиболее существенные отличия застенчивых детей. Они касаются особенностей их самоотношения: заниженные оценки своего интеллектуального, творческого потенциала и качеств внешности; ощущение недостатка в контексте их общей популярности у сверстников; имеют место обобщенные негативные оценки себя на данном этапе, актуально желание измениться, застенчивые дети не чувствуют удовлетворенности собой в целом.

3. Анализируя характеристики рассматриваемого возраста, следует заметить потерю непосредственности поведения детей и, связанное с этим стремление демонстрировать выполнение всех норм и правил с целью получения признания и одобрения окружающих, прежде всего взрослых. Введенное понятие «социальной желательности», являющееся важной характеристикой возраста, позволило расширить изучение особенностей застенчивых детей.

В данном исследовании, застенчивые дети, демонстрирующие сходные с незастенчивыми сверстниками общие индексы социальной желательности, тем не менее, обнаруживают сниженные показатели по связанным с ней шкалам.

Можно говорить о том, что застенчивые, одновременно с обостренным ожиданием одобрения и внимания, не воспринимают обратную связь на проявление социальной желательности от окружающих как положительную, предвосхищая изначально обратное, что негативным образом влияет на устойчивость положительного самоотношения.

Для застенчивых детей наиболее важными выступили нормы, связанные с учебной деятельностью, в которой всегда известны критерии оценок, одновременно с общими нормами социума, в которых не задается прямо тот, на кого эти нормы ориентированы – в этом случае конкретизация остается за самим ребенком.

Особенности кодирования эмоций детьми старшего дошкольного возраста

Гармаева Татьяна Владимировна

аспирантка

Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

E-mail: gtv_2004@rambler.ru

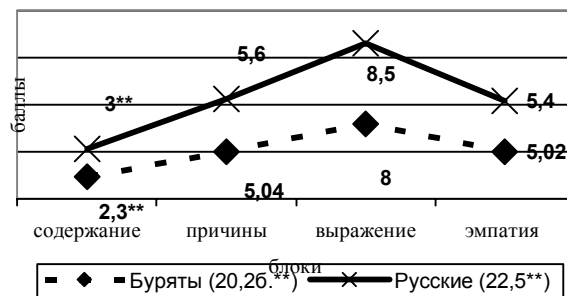
Теория дифференциальных эмоций выделяет два взаимосвязанных экспрессивных процесса: декодирование (идентификация и адекватное реагирование на эмоциональный сигнал, поступающий от другого человека) и кодирование (воспроизведение эмоции), в котором присутствуют элементы произвольной и произвольной репрезентации эмоций. Одним из базовых факторов эмоционального развития ребенка выступает способность трансформировать экспрессивное выражение эмоций в процессе социализации: появления эмоционального предвосхищения и перехода врожденных реакций в высшие эмоции (Выготский Л. С., Запорожец А. В., Эльконин Д. Б., Неверович Я. З., Рубин-

штейн С. Л., Изотова Е. И.). Не менее важными являются, наличие волевого механизма подавления экспрессии эмоций (эмоциональная регуляция), эмоциональная компетентность, гендерные эмоциональные установки и этнические факторы: тип психодинамических реакций, этнокультурное опосредствование эмоциональных процессов (Р. Бенедикт, М. Мид, П. Экман). Последний представляет наибольший интерес в нашем исследовании, целью которого выступает сравнительный анализ особенностей произвольного кодирования эмоций детьми старшего дошкольного возраста (русскими и бурятами).

Общая выборка испытуемых при проведении эксперимента составила 150 детей 5–7 лет, из них: 70 – русских (ГОУ ЦРР Детского сада № 289 г. Москвы) и 50 – бурят (ДОУ № 96 и Сада – гимназии № 89 г. Улан-Удэ Республики Бурятия). Экспериментальная часть исследования представлена следующими направлениями и методиками. Социальный фактор (модификация опросника Изотовой Е. И. для детей «Специальная осведомленность: эмоции и чувства» и анкетирование родителей). Уровень произвольного кодирования эмоций (наблюдение произвольности детей в продуктивной деятельности и методика Е. О. Смирновой «Не подглядывай», наблюдение эмотивности (формы и порога эмоционального реагирования) на занятиях изобразительной и музыкальной деятельностью по схеме Е. В. Никифоровой и диагностическая проба). И механизмы произвольного кодирования эмоций: «симуляция», «подавление» и «маскировка» (методика «Выберу нужную эмоцию»). Для выявления значимых различий между двумя независимыми выборками средние показатели были подвержены анализу с помощью параметрического метода (критерия t-Стьюдента). Параллельно был проанализирован гендерный аспект.

Сравнительный анализ средних данных по эмоциональной осведомленности показал высокую значимость различий у бурят и русских в блоке «содержание», средние которого составили соответственно 2,3 и 3 балла (при $p < 0,01$). А также в общем среднем значении: у бурят – 20,2 и у русских – 22,5 балла (при $p < 0,05$). Во всех остальных блоках эмоциональной осведомленности, различий не обнаружено. Средние данные по этим блокам выглядят следующим образом: «причины эмоций» – 5,04 б. и 5,6 б., «выражение эмоций» – 8 б. и 8,5 б. и «эмпатия» – 5,02 б. и 5,4 б.

График 1. Средние данные по эмоциональной осведомленности.

Тем не менее, график наглядно иллюстрирует слабо выраженное преимущество русских детей в вопросе эмоциональной осведомленности. Гендерный анализ представлений детей об эмоциях продемонстрирован в таблице 1 (в баллах).

Блоки	Средние показатели эмоциональной осведомленности			
	девочки		мальчики	
	буряты	русские	буряты	русские
содержание	2,3***	3,1***	2,3	3,0
причины	4,5**	5,4**	5,6	5,8
выражение	7,6	8,5	8,2	8,5
эмпатия	5,04*	5,7*	5,0	5,2
общее	19,3**	22,7**	21,1	22,3

(*–различия на уровне статистической тенденции при $p < 0,1$; **–значимость различий при $p < 0,05$; ***–высокая значимость различий при $p < 0,01$).

Данные таблицы 1. констатируют отсутствие значимых различий в представлениях старших дошкольников о способах выражения эмоций людьми. А также то, что полученные значимые различия в общих показателях групп обусловлены наличием значимых различий у девочек.

В анкетировании приняли участие семьи г. Москвы (30 семей) и г. Улан-Удэ (25 семей), что позволило частично проследить и этнокультурную специфику развития эмоций. Был проведен анализ эмоций и чувств, которые родителям в детстве говорили некрасиво или нельзя выражать и какие теперь они запрещают своим детям. Их соотношение представлено в таблице 2 (количество выборов).

Запрещаемые эмоции	В опыте родителей	В опыте воспитания детей
зависть	28	22
презрение	14	27
гнев	10	22
страх	3	2
обида	4	2
гордость	5	2

Среди запрещаемых родителям эмоций в московских семьях преобладали зависть и презрение, а в бурятских семьях – злость (ненависть) и страх. Также были единичные выборы – чрезмерное любопытство, жадность, радость при чужой неудаче (в московских семьях) и негативные эмоции, неуважение к старшим и младшим, гордость и лицемерие (в бурятских семьях), бурное выражение любых чувств.

В гендерной специфике эмоциональной сферы выявлено, что у девочек поощряют выражение сочувствия, радости, доброты, страха, гордости, у мальчиков же не находят поощрения выражение страха и печали (наличие эмоциональных ярлыков в обществе).

Значимых различий в эмотивности и произвольности (регламентации поведения) выявлено не было. Наибольший интерес представляют результаты диагностической пробы произвольного кодирования эмоций детьми: общее и гендер (табл. 3, в баллах).

Эмоции	Показатели произвольного кодирования эмоций														
	Пластичность /регидность/ скорость переключения					Выраженность					Локализация мимических проявлений				
	радость	печаль	страх	гнев	среднее	радость	печаль	страх	гнев	среднее	радость	печаль	страх	гнев	среднее
Рус.	1,8**	1,4	1,3	1,6	1,5	1,3	1,1	1,9	2,02***	1,6	1,7	1,2	1,3	1,6	1,4
Бур.	1,6**	1,5	1,3	1,5	1,5	1,2	1,1	1,7	1,4***	1,4	1,6	1,2	1,2	1,5	1,4
Дев	Р	1,8	1,4	1,3	1,6	1,5	1,3	1,9	1,9***	1,6	1,7	1,2	1,3	1,5	1,4
	Б	1,7	1,5	1,4	1,5	1,6	1,1	1,3	1,7	1,2***	1,3	1,7	1,4	1,1	1,4
Мал	Р	1,8*	1,4	1,3	1,7	1,5	1,4	1,9	2,2***	1,6	1,7	1,1	1,3	1,7	1,5
	Б	1,6*	1,3	1,2	1,5	1,4	1,3	1,0	1,8	1,6***	1,4	1,5	1,1	1,2	1,5

Особенности влияния сверстников на произвольное поведение дошкольников

Гребенникова Ольга Владимировна

ассистент

Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

E-mail: Olga_univer05@rambler.ru

Традиционно развитие произвольности исследовалось в контексте игровой деятельности дошкольника и его общения со взрослым (Д.Б. Эльконин, Е.А. Бугрименко, Н.Я. Михайленко, Н.Я. Короткова, М.И. Лисина, Е.О. Смирнова и др.). В условиях детского сада и учебная, и игровая деятельность дошкольника осуществляется в непосредственных контактах его со сверстниками, которые определённым образом влияют на состояние и поведение ребёнка. Однако вопрос о конкретном характере влияния сверстника на произвольное поведение ребёнка на разных этапах дошкольного детства остаётся открытым. Важность этого вопроса для детской психологии и дошкольной педагогики обуславливает **актуальность** темы исследования.

В исследовании приняло участие 90 детей в возрасте от 3,5 до 6 лет, посещающих ГОУ Центр развития ребёнка – детский сад № 289 г. Москвы. Дети были разделены на три возрастные группы: младшую (от 3,5 до 4-х лет); среднюю (от 4 до 5 лет) и старшую (от 5 до 6 лет). При построении методики мы исходили из того, что специфика влияния сверстника может быть выявлена через сопоставление поведения ребёнка в индивидуальной деятельности и в деятельности с разными партнёрами – взрослым и сверстниками. Произвольное поведение дошкольников изучалось в трёх заданиях. Первое, наиболее доступное и привлекательное для дошкольников задание представляло собой игру с правилом «Хитрая лиса». В этой игре выявлялась способность ребёнка сдерживать свои непосредственные импульсивные желания и опосредовать свои действия правилом. Во второй задании дети должны были на линейке донести до цели башенку из трёх кубиков, не уронив ни одного. Третье, наиболее трудное задание «Рисуем чёрточки», выявляло устойчивость к помехам. Детям предлагалось нарисовать чёрточки на клетчатой бумаге (три строчки, в каждой клеточке по одной палочке). При этом в процессе рисования специально создавались отвлекающие воздействия: звенел колокольчик, появлялись новые игрушки, ребёнка приглашали поиграть и пр.

Для анализа произвольного поведения детей были определены его конкретные экспериментальные показатели: 1) степень эмоциональной вовлечённости в действие (желание, интерес); 2) опосредованность и сосредоточенность (удержание средства); 3) точность выполнения действия; 4) эмоциональное реагирование на результат своих действий. Первый и последний показатели отражали мотивационно-волевой аспект действия, а второй и третий – операционально-технический. Каждый из этих показателей количественно оценивался по трёхбалльной шкале. При их выделении мы опирались на выдвинутое Е.О. Смирновой положение о том, что произвольное поведение развивается в неразрывном единстве с волей ребёнка.

Полученные результаты показали, что в младшей возрастной группе сверстники отвлекали детей от задания, не позволяли сосредоточиться на инструкции. Во всех заданиях с участием взрослого все показатели произвольного поведения оказались значительно выше, чем в других коммуникативных ситуациях. Для детей средней и старшей возрастных групп сверстники оказались более предпочитаемыми партнёрами, чем взрослые. В присутствии сверстников дети с радостью включались в задания, охотно его выполняли и бурно реагировали на успех. В старшем дошкольном возрасте существовали качественные различия между отдельными детьми по характеру влияния сверстников на произвольное поведение.

У детей первой группы (14%) присутствие сверстников **не оказало существенного влияния на произвольность поведения**. Дети этой группы продемонстрировали высокий уровень произвольного поведения во всех экспериментальных и коммуникативных ситуациях. Можно полагать, что в данной группе мы имеем дело с достаточно развитой произвольностью, которая стала внутренним качеством и не зависит от внешних обстоятельств, в частности, от партнёров по деятельности. **Вторую группу**, наиболее многочисленную, (54%) составили дети, у которых присутствие сверстников существенно **повышало уровень произвольности** во всех заданиях. Вместе со сверстниками эти дошкольники более охотно принимали задания, были более сосредоточенными и внимательными. Они наблюдали, как выполняют работу другие и сравнивали со своей. Иногда они подсказывали партнёрам правильный способ действия, давали советы и учили друг друга. Допуская незначительные ошибки в своей работе, дети сразу исправляли неточности. В индивидуальной деятельности такие дети не всегда проявляли интерес к игре и заданиям. Участие взрослого незначительно повысило у них интерес и точность выполнения заданий. Обозначенные особенности поведения позволяют предположить, что у детей данной группы сложилась своеобразная «сверстниковая» зона ближайшего развития, которую исследует Г.А. Цукерман, опираясь на Л.С. Выготского. Описывая процесс интериоризации, т.е. общий закон превращения внешнего средства во внутреннее, Л.С.Выготский выделял три этапа: 1) взрослый передаёт ребёнку необходимые средства и способы действия; 2) ребёнок сам адресует их другому человеку; 3) ребёнок направляет те же средства на самого себя, становясь сознательным субъектом своих действий. Можно полагать, что сфера общения со сверстником является как раз тем про-

странством, где ребёнок может практиковать, осваивать и присваивать нужные формы поведения, где и разворачивается второй этап интериоризации. Наблюдая ошибки и неточности в действиях других детей, дошкольник лучше осознаёт свои ошибки и стремится исправить их. Таким образом, для детей этой группы участие другого ребёнка не только повышает интерес к деятельности, но и облегчает осознание своих действий, что является необходимым условием овладения своим поведением. Однако далеко не у всех детей присутствие сверстников создаёт зону ближайшего развития. **В третью группу** вошли старшие дошкольники (32%), у которых участие сверстников существенно **снижало уровень произвольного поведения**. В присутствии сверстников этих детей отличала повышенная эмоциональная реакция на успех и ревностное отношение к успехам сверстников. Выполняя задания, они старались опередить сверстников: первыми прыгнуть в круг, быстрее донести постройку, скорее закончить рисование чёрточек. Когда допускали ошибки, такие дети кричали, обижали и иногда даже били сверстников. Для таких детей сверстник выступал как соперник и конкурент. Заметим, что участие взрослого способствовало повышению показателей произвольного поведения этих детей во всех экспериментальных ситуациях.

Обобщив полученные результаты, мы сделали следующие **выводы**:

1. Влияние сверстников на произвольность поведения определяется возрастом детей. В младшем дошкольном возрасте участие сверстников снижает все показатели произвольного поведения. Присутствие сверстников повышает уровень произвольного поведения у большинства детей 4–6 лет, в особенности его показатели, связанные с мотивационно-волевым аспектом действия.

2. Степень влияния сверстника на произвольное поведение старших дошкольников зависит от характера задания и от степени его сложности. Именно в игре с правилом участие сверстников повышает уровень произвольности.

3. Особенности влияния сверстника на произвольное поведение во многом определяется отношением к сверстнику. Конкурентное отношение к другим детям препятствует позитивному влиянию сверстников на произвольное поведение старших дошкольников и делает невозможной сверстниковую зону ближайшего развития. При доброжелательном отношении сверстники усиливают мотивацию к деятельности и способствуют осознанию своего поведения, что является необходимым условием формирования произвольности.

Особенности интенциональной структуры семейных диалогов.

Факторы понимания и непонимания

Гребенщикова Таусия Александровна

студентка

Государственный университет гуманитарных наук, Москва, Россия

E-mail: Grebenshikova_T@mail.ru

Успех процесса коммуникации определяется через взаимопонимание партнерами друг друга, избегание фрустрации, вызываемой нарушением норм общения, и зависит от уровня коммуникативной компетенции партнеров [1, 9]. В качестве основания для определения уровня коммуникативной компетенции авторы выделяют тип доминирующей установки по отношению к партнеру – конфликтный (против партнера), центрированный (на себя) или кооперативный (на партнера с учетом собственной позиции)[1, 6]. Направленность на объекты переживания, предметные направленности, или *интенции*, обнаруживают глубинное психологическое содержание речи, которое непосредственно связано с целями деятельности, видением мира субъекта, его впечатлениями, эмоциями [9,6]. В связи с этим в рамках *интеннт-анализа* как подхода в изучении вербального взаимодействия выделяют 3 генеральных интенциональных характеристики речи, соотношенные непосредственно с ходом коммуникации (ситуация взаимодействия), ориентацией на конкретного адресата или на самого говорящего.

С пониманием интенций, которые выражаются в речи, связано понимание собеседниками друг друга. В ситуации непринужденного общения сложная организация разговора упрощается, собеседники не связаны строгими формальными правилами общения и

поведения, что позволяет процессу вербального взаимодействия свободно развиваться, а коммуникантам – выражать собственные намерения, когда коммуникативная неудача не столь страшна. Движение такого разговора определяется разворачиванием речевых актов, как правило, парных реплик, которые обнаруживают иллюзию (намерения, интересы, желания) говорящих, а также их поведенческие и культурные стереотипы.

Согласно положениям интен-анализ как коммуникативного подхода в изучении речи [4,8,9], психический мир субъекта в ситуации вербального взаимодействия выражается через интенциональные составляющие его речи. Критерием успеха коммуникации выступает достижение достаточно полного взаимопонимания партнерами друг друга. В основе этого процесса лежит распознавание интенций коммуникантами.

Материалом настоящего исследования послужили 14 бытовых семейных диалогов, записанных с помощью «скрытого» диктофона в семейной обстановке и представленных в письменном варианте с учетом пауз, интонационных выделений и других особенностей устной формы. Участники диалогов – члены одной семьи.

Для изучения интенциональной структуры семейных диалогов применялся интен-анализ. Метод ориентирован на интерпретативный анализ дискурса как единого семантического целого и выявление функциональной направленности его элементов – интенций.

Результаты исследования. В организации семейного диалога достижение взаимопонимания выражается в парности и согласованности интенций: так, вслед за просьбой следует обещание, за жалобой – сочувствие, за критикой – отстаивание собственной позиции или соглашение и т.п. Случаи неверного понимания могут быть связаны с двумя группами факторов – объективными (связанными с текущей ситуацией общения – как, например, ситуативным различием в имеющейся информации у собеседников или «ослышкой», т.е. «истинным заблуждением») и субъективными (связанными с нежеланием обнаруживать понимание собеседника).

На неверное или искаженное понимание коммуникантами друг друга указывают случаи рассогласования интенций – вариант коммуникативного сбоя. Непонимание происходит тогда, когда интенции имеют разную направленность – в общем случае проблемную и отношенческую. К проблемным относятся два вида интенций – интруктивные интенции (указание-соглашение/отвержение, совет-принятие/отвержение, просьба-обещание/отказ, напоминание-соглашение/оправдание и т.п.) и обсуждение (выражение мнения – коррекция мнения собеседника, высказывание мнения – разъяснение собственной позиции и т.п.). Стержень отношенческих диалогов – фатическая интенция, служащая удовлетворению потребности в общении (стремление партнеров поделиться переживаниями, поболтать, пошутить, пожаловаться – посочувствовать).

Семейная коммуникация отличается непринужденностью, в которой коммуникативная неудача не столь страшна, наличием широкой общей апперцепционной базы у партнеров. Такие функции семьи, как организация быта, воспитание детей и психологическая поддержка членов семьи, выступают в качестве движущей силы взаимопонимания – собеседники, с одной стороны, направлены на решение конкретных задач, а с другой – на поддержание добросердечных отношений, искренне заинтересованы друг в друге. Эти факторы определяют достижение успешной коммуникации собеседниками-членами одной семьи и регулируют ход вербального взаимодействия.

Представление о семейных ролях как результат гендерной социализации

Десяткина Злата Романовна

студентка

Якутский государственный университет им. М.К. Аммосова, Якутск, Республика Саха (Якутия), Россия

В научной психологической мысли термин «гендер» является основополагающей социально-биологической характеристикой в определении понятий «мужчина» и «женщина». Поскольку пол является биологической категорией, социальные психологи часто ссылаются на те тендерные различия, которые обоснованы биологически, как на «половые».

В процессе массового изменения социального сознания за последние десятилетия во всем мире, особенно в странах постсоветского пространства, всеобщем расширении движения феминизма, изменения общепринятых стереотипов в области образов мужчины и женщины, снижения роли мужчин как «добытчика» в семье и, в целом, тотальное преобладание модели рыночного индивида в условиях глобализации ставит изучение гендерной социализации в качественно новую плоскость.

Предметом данной работы являются представления семейных ролей как результат тендерной социализации.

Целью работы является изучение представления о семейных ролях в соответствии с психологическим полом как результат тендерной социализации.

В исследовании участвовало 60 не замужних девушек в возрасте от 18 до 26 лет, различающиеся по типу поселения (город / село).

Поставлены следующие гипотезы: 1. Сельские респонденты, в отличие от городских, по психологическому полу будут феминны, чем маскулинны; 2. Представление о семейных ролях будет полярно у сельских и городских респондентов.

За основу методических процедур автором взяты шкала «маскулинности – феминности» личностного опросника РР1 формы В, а так же модифицированный опросник «Распределение ролей в семье» (РРС), разработанный отечественными психологами Ю.Е.Алешиной, Л.Я.Гозман и Е.М.Дубовской.

В основу опросника РРС положены 7 основных внутрисемейных ролей, наиболее полно характеризующих современную семью: 1) воспитание детей; 2) эмоциональный климат в семье (роль «психотерапевта»); 3) материальное обеспечение семьи; 4) организация развлечений; 5) роль «хозяина» – «хозяйки»; 6) сексуальный партнер; 7) организация семейной субкультуры. По результатам опросника РРС были вычислены средние значения по каждой роли (см. рис. 1 и 2).

Анализ опросных листов показал, что поставленная автором гипотеза о том, что сельские респонденты, в отличие от городских, по психологическому полу будут феминны, чем маскулинны, подтвердилась. В силу того, что в сельской местности преобладает более консервативное воспитание, что связано с низким процентом матерей-одиночек (77% опрошенных из «полных» семей) и соблюдением общенациональных культурных традиций народа Саха.

Как отметила Егорова А.И. для жителей села характерно склонность выделять типично феминные качества, в то время как для городских Саха характерно более промежуточное выделение.

На практике, в ходе опроса, гипотеза №2 показала не столь высокое различие (см. рис 1 и 2). Но по таким семейным ролям как воспитание детей, организация семейной субкультуры сельские респонденты предписали большее влияние женскому полу. В свою очередь, в противовес этому, группа городских респондентов придерживалась мнения о равноправии полов по этим пунктам.

Следует отметить, что городские респонденты склонны представлять себя в роли «кормильца» семьи. Предпосылкой этому, возможно, является более демократичное воспитание, более высокий уровень эмансипации, обилие средств массовой информации диктующих моду на независимый в финансовом плане образ жизни. Пример: *Self made woman* (образы, прививаемые современными женскими журналами).

В силу большего количества матерей-одиночек, женщина в городской среде вынуждена материально обеспечивать свою семью самостоятельно (50% респондентов из «неполных» семей). В целом городское население отличается своими ценностями успешности жизни (уровень благосостояния, карьера, уважение окружающих, эгоизм – качество прививаемые индивидууму рыночной экономикой).

Показатели сфер: эмоциональный климат в семье, организация развлечений, роль «хозяина»-«хозяйки», сексуальный партнер в обеих выборках примерно равные, с признаком равноправных отношений, но все же с некоторым доминированием роли женщины.

По такой семейной роли как сексуальный партнер городские респонденты представляют равноправные позиции. Тогда как сельские респонденты хотели бы предоставить эту роль будущим мужьям.

Таким образом, можно сделать вывод, что представление о семейных ролях в городской выборке будут поделены в равной степени между мужем и женой (эгалитарная форма будущей семьи). Немаловажную роль в таком разделении играет психологический пол личности. Так, по результатам выявлено, что городские респонденты относят себя к андрогинному типу (промежуточное значение между полюсами «маскулинности» и «феминности»). Сельские респонденты относятся к более феминному типу. Предпочтение отдается традиционной форме будущей семьи, где мужу и жене отведены определенные роли.

**Взаимосвязь типа эмоционального отношения родителей к ребенку
и его положения в группе сверстников**

Джуплина Анна Викторовна

студентка

*Кожанов Алексей Олегович*²⁶

студент

Таганрогский государственный радиотехнический университет, Таганрог, Россия

E-mail: dzhy27@mail.ru

Благополучные групповые взаимоотношения — необходимое условие успешного взаимодействия детей, в том числе в игровой деятельности, а поэтому их нарушения могут негативно сказываться на всем процессе психического развития ребенка. От того, как складываются отношения ребенка с группой, во многом зависит его эмоциональное благополучие, формирование позитивной самооценки, становление и закрепление личностного стиля поведения (общения) и то, как ребенок будет относиться к окружающему его миру.

Анализ психологических исследований показывает, что в основе избирательных привязанностей детей могут быть самые разные качества: инициативность, успешность в деятельности (включая игровую), потребность в общении и признании сверстников, признание взрослого, способность удовлетворить коммуникативные потребности ровесников. Но на формирование многих из этих качеств оказывает влияние эмоциональное взаимоотношения с родителями.

Родительское отношение А.Я.Варга определяет как целостную систему разнообразных чувств по отношению к ребенку, поведенческих стереотипов, практикуемых в общении с ним, особенностей воспитания и понимания характера ребенка, его поступков. Обсуждая аспекты родительского отношения (эмоциональный, когнитивный, поведенческий), автор считает, что эмоциональная образующая занимает ведущее положение. Тип эмоционального родительского отношения является многомерным образованием, включающим в себя: принятие или отвержение ребенка; кооперацию; межличностную дистанцию, т.е. степень близости родителя к ребенку; форму и направленность контроля за поведением ребенка; отношение к неудачам ребенка.

На основании анализа психологической литературы была выдвинута гипотеза о том, что положение ребенка в группе взаимосвязано с типом эмоционального взаимодействия в семье. Конечно, на положение ребенка в группе влияют и развитость его игровых, коммуникативных умений и др., также статус ребенка в группе может определять педагог и т. д. Но в данной работе мы уделили внимание именно проверке наличия взаимосвязи положения ребенка в группе с типом эмоционального родительского отношения.

В исследовании приняли участие старшие дошкольники (5–6 лет) и их родители, в основном мамы. В работе использовались две методики. Первая для определения типа эмоционального взаимодействия — тест-опросник родительского отношения, авторы А.Я. Варга и В.В. Столин. Для определения положения ребенка в группе использовался вариант методики социометрии, специально разработанный для анализа взаимоотношений детей 5–6 лет внутри группы детского сада — «Два дома».

---

²⁶ Авторы выражают признательность доценту, к.психол.н. Истратовой О.Н. за помощь в подготовке тезисов.

Анализ результатов, полученных в ходе исследования, показал, что у «отвергаемых» детей наблюдается симбиотическая связь в отношениях с родителями и родители ведут себя слишком авторитарно по отношению к ребенку, требуя от него безоговорочного послушания. Родители «отвергаемых» не устанавливая дистанции между собой и ребенком, пытаются сами решать все его проблемы и оградить от неприятностей, развивают в них инфантилизм и неспособность к самостоятельности. Слишком жесткий контроль приводит к безынициативности ребенка. А эти качества сказываются на умении придумывать и организовывать игры, которое является одной из причин популярности детей в группе.

Также было выявлено, что эмоциональные отношения родителей и «звезд» характеризуется низким уровнем контроля и наличием значительной психологической дистанции. А это приводит к развитию самостоятельности и инициативности ребенка. С другой стороны наличие значительной психологической дистанции родителей с детьми может приводить к не удовлетворению потребности в общении, и они компенсируют это в общении с детьми. А это соотносится с исследованием О.О. Папир (под руководством Т.А. Репиной) в котором было обнаружено, что популярные дети имеют обостренную, ярко выраженную потребность в общении и признании, которую и стремятся удовлетворить в группе сверстников.

При анализе данных «остальных» детей, была выявлена тенденция по шкале «симбиоз», которая заключается в том, что у них при уменьшении положительных и увеличении отрицательных выборов в группе изменяется значение по указанной шкале со «значительной дистанции» на «симбиоз».

Итак, можно сделать вывод, что есть связь между отношением родителей с детьми и положением ребенка в группе. Но не по всем шкалам, а только по двум: «симбиоз» и «контроль». Чем больше контроль родителей над ребенком, тем менее популярен он в группе. Это возможно, потому что дети выбирают «звезд» по способностям придумывать и организовывать игры, а для этого ребенку необходимо иметь инициативность и самостоятельность, которые и развиваются у него при отсутствии сильного контроля. Также ребенок тем больше популярен, чем больше у него психологическая дистанция с родителями. Возможно, популярный ребенок компенсирует нехватку близкого общения с родителями, общением со сверстниками.

По другим шкалам, таким как «кооперация», «принятие-отвержение» и «отношение к неудачам ребенка» не было обнаружено связи отношения родителей с положением ребенка в группе.

Но родители одного ребенка показали результаты, очень отличавшиеся от других. Например, у них самые высокие баллы по шкале «принятие-отвержение» и самые высокие баллы по шкале «отношение к неудачам ребенка». При этом у них нет искреннего интереса к ребенку, почти отсутствует контроль и значительная психологическая дистанция. Возможно, все эти проявления родительского отношения в совокупности связаны с его полностью «отвергаемым» положением в группе сверстников.

Этот пример показывает, что возможно стоит рассматривать связь отношения родителей к ребенку с его положением в группе не только по каким-либо шкалам, а в совокупности по всем. Так у него по шкалам «симбиоз» и «контроль» низкие показатели, а в группе он «отвергаем». Поэтому дальнейшая разработка данной проблемы может идти в сторону рассмотрения всей совокупности проявлений отношения родителей к ребенку.

Социальное восприятие одаренности в микросреде

Зайкова Ксения Андреевна

студентка

Гуманитарный университет, Екатеринбург, Россия

E-mail: k-zaika@e1.ru

В последние годы в психологии достаточно много внимания уделяется вопросам одаренности. Это не удивительно, поскольку актуальность изучения феномена одаренности очевидна: современное общество испытывает потребность в социально зрелой, неординарной личности, способной к творческой деятельности и самореализации. Современное социальное окружение требует не только высокой активности человека, но и

его умения, творческого мышления, компетентности в общении, самостоятельности, способности нестандартного поведения и т.п. На сегодняшний день необходимо формирование личности, готовой не только жить в современном обществе, но и активно влиять на его жизнь.

Не секрет, что одаренные люди чаще всего проявляют свои таланты в детстве и первыми, кто замечает одаренность ребенка, являются родители. Зачастую та микросреда, в которой воспитывается ребенок, определяет будущее одаренности: перерастет ли она в одаренность взрослого человека или угаснет на этапе становления.

Целью проведенного нами исследования было изучение социального восприятия одаренности в микросреде с помощью психосемантического подхода (Шмелев, 1994; Петренко, 1997). В исследовании приняли участие две группы испытуемых: родители «обычных» детей, посещающих детские сады и школы г. Екатеринбурга, и родители одаренных детей, прошедших отбор в Центр «Одаренность и технологии» г. Екатеринбурга. Выборка составила 100 человек в каждой группе.

Испытуемым предлагалось оценить пять субъектов восприятия («Одаренный ребенок», «Обычный ребенок», «Одаренный взрослый», «Обычный взрослый» и «Образ Я») с помощью наиболее точно характеризующих их полярных личностных характеристик. Факторный анализ полученных данных позволил выявить ряд закономерностей.

Родители «обычных» детей воспринимают феномен одаренности через призму таких факторов как «Активность» и «Эмоциональная стабильность». Так, наибольшей склонностью к действиям, по их представлениям, отличается образ «Одаренный ребенок», тогда как наиболее пассивным данная группа испытуемых считает «Образ Я». Что же касается фактора «Эмоциональная стабильность», родители «обычных» детей считают, что наибольшей уравновешенностью, склонностью к гармонии отличается «Обычный ребенок», а наиболее склонен к эмоциональной неустойчивости «Одаренный взрослый».

Для родителей одаренных детей значимыми являются факторы «Открытость новому опыту» и «Доброжелательность». По мнению родителей одаренных детей, наиболее открыт для нового опыта «Одаренный ребенок», тогда как наиболее закрыт – «Обычный ребенок». Говоря о доброжелательности оцениваемых субъектов восприятия, родители одаренных детей считают, что наиболее позитивно настроен по отношению к окружающим образ «Одаренный ребенок», а противопоставляется ему как наиболее антагонистичный образ «Одаренный взрослый».

При анализе полученного семантического пространства было выявлено, что у родителей «обычных» детей в семантических зонах, образованных положительными полюсами факторов «Активность» и «Эмоциональная стабильность», располагаются образы «Обычный ребенок» и «Обычный взрослый». В противоположную часть семантического пространства попадает образ «Одаренный взрослый». Этот образ воспринимается как пассивный и эмоционально нестабильный.

Таким образом, родители «обычных» детей позитивно оценивают именно обычного человека: и ребенка, и взрослого. Возможно, это свидетельствует о том, что эта группа испытуемых склонна к стереотипному мнению о том, что быть одаренным значит отклоняться от нормы, отличаться от других в худшую сторону. Можно предположить, что родители обычных детей воспринимают негативно специфический образ жизни одаренного взрослого человека: у него иной темп и ритм жизни, иные занятия, иная работа и иные увлечения. При этом, по мнению испытуемых, одаренному человеку свойственно несколько агрессивно отстаивать свою точку зрения в значимых для него вопросах. Эти особенности личности одаренного человека воспринимаются родителями обычных детей как эмоциональная нестабильность.

Анализ семантического пространства второй группы испытуемых (родителей одаренных детей) показал, что в семантических зонах, образованных положительными полюсами факторов «Открытость новому опыту» и «Доброжелательность», располагается только образ «Одаренный ребенок». Родители одаренных детей на собственном опыте знают, насколько такой ребенок любознателен, быстро и легко увлекается новой идеей, стремиться к глубокому исследованию самых нестандартных вопросов. Возможно, в повседневной жизни одаренный ребенок проявляет качества, позволяющие назвать его доброжелательным и родители, образуя микросреду ребенка, в первую очередь замеча-

ют это. В антиидеальной области семантического пространства располагается образ «Одаренный взрослый». Этот образ воспринимается как антагонистический и закрытый новому опыту. В этом случае вновь можно предполагать наличие стереотипа об одаренном взрослом, который характеризует его как замкнутого в себе, в своем внутреннем мире человека, не нуждающегося в окружающих. Высокие по сравнению с другими людьми достижения в каких-либо областях, по мнению родителей одаренных детей, обуславливают их отгороженность от общества. Что же касается закрытости новому опыту, можно предположить, что родители одаренных детей понимают под этим слишком глубокую заинтересованность одаренных взрослых людей в какой-либо одной области науки, искусства или другой сферы, в которой проявляется их талант.

Таким образом, становится очевидно, что обе группы родителей негативно оценивают одаренного взрослого человека, тогда как остальных («одаренного» и «обычного» детей, «обычного» взрослого и собственный образ) оценивают по-разному. В целом одаренный взрослый человек воспринимается ими как пассивный, антагонистичный, закрытый новому опыту и эмоционально неустойчивый. Это можно объяснить различными стереотипами, существующими в обыденном сознании, опытом общения родителей с такими людьми, воздействием СМИ на социальное восприятие одаренности в микросреде.

Если говорить о родителях обычных детей, можно отметить, что они предпочитают обычных, неодаренных людей одаренным. Но если мы обратимся к данным, показывающим отношение родителей одаренных детей к феномену одаренности, очевидной становится следующая конфликтная ситуация: эти родители с удовольствием принимают «одаренного» ребенка, готовы развивать его таланты, подчеркивают его исключительность, но при этом крайне отвергают одаренного взрослого человека, считая его образ неблагоприятным. Интерпретировать этот факт можно тем, что родители, воспитывающие одаренного ребенка, все его успехи и достижения приписывают отчасти себе, видят в них собственный вклад, которым могут гордиться. Одаренного же взрослого человека родители воспринимают как конкурента, человека, превосходящего их в каких-либо областях. Это заставляет их испытывать негативные чувства к одаренному взрослому человеку.

Таким образом родители одаренных детей вкладывают огромные усилия для развития талантов своего ребенка пока те являются детьми, и огромные же усилия прилагают для того, чтобы по мере взросления малыша избежать взрослой одаренности, сделать бывшего одаренного ребенка «обычным» взрослым. На основании этого можно предполагать, что проблема, отмечаемая всеми исследователями данного вопроса – колоссальное отличие числа одаренных детей от числа одаренных взрослых людей – во многом уходит корнями именно в социальное восприятие одаренности в микросреде.

Семейные ценности людей различного возраста

Захарова Екатерина Вячеславовна

студентка

Институт экономики, управления и права, Казань, Россия

E-mail: Adelaida35@mail.ru

Актуальность данной темы обусловлена тем, что семья играет важную роль в жизни каждого человека и общества в целом. Однако со сменой общественных отношений меняется и представление о семье как социальном институте. Так как в России наблюдались резкие и значительные общественные изменения, то важной задачей является исследование изменений, возникших в семейных отношениях

В гармонизации семейной жизни значительная роль принадлежит семейным ценностям, так как именно они представляют основу для будущих или существующих семейных отношений. Представления о будущем супруге возникают уже у детей, причем довольно рано. В создании представлений об идеальном супруге большая роль принадлежит матери и отцу. С возрастом у людей меняются взгляды на семейную жизнь и семейные ценности, что и следует учитывать при исследовании семейных ценностей.

Объектом исследования выступают семейные ценности представителей разных возрастов: подростков, юношей и взрослых. Общая выборка составила 90 человек в возрасте 18–30 лет, разбитых на три подгруппы: подростки, люди юношеского и зрелого возраста.

В данном исследовании испытуемым предлагалось оценить 26 ценностей, разбитых на четыре блока:

- ценности общения супругов (взаимопонимание, взаимная поддержка друг друга, общность интересов, общение между супругами, дружба супругов);
- материально-бытовые ценности (отдельная квартира, комфортные условия совместного проживания, материальная независимость супругов друг от друга, материальное обеспечение);
- духовные, нравственно-психологические ценности семьи (бережное отношение друг к другу, любовь, взаимное распределение ответственности, интересный досуг в семье, дети, терпимость и снисходительность к слабостям друг друга, романтичность в отношениях, психологическая совместимость супругов, нравственная зрелость супругов, преданность семье);
- ценности, существующие независимо от семьи (сексуальные отношения, главенство мужчины, главенство женщины, темп отношений, яркие события, спонтанность, свобода в отношениях).

Были получены следующие результаты:

Для подростков наибольшими ценностями являются: общение супругов и нравственно-психологические ценности семьи. Очевидно, это связано с тем, что ведущей деятельностью подростков является общение. В этом возрасте, как правило, дети не задумываются о семейных отношениях всерьез, подростки только начинают пробовать себя в различных жизненных ролях в компаниях сверстников и среди взрослых людей вне ситуаций совместных игр (роль лидера, роль знатока, роль умельца, просто роль взрослого в отличие от роли ребенка).

В юношеском возрасте ценности несколько меняются. Юноши и девушки выбирали ценности общения супругов и материально-бытовые ценности. Действительно, основными потребностями юношеского возраста являются потребности в общении со сверстниками, в независимости, в привязанности, в успехе, в самореализации и развитии собственного Я. А основные задачи юношеского возраста: выбор профессии и подготовка к трудовой деятельности, подготовка к вступлению в брак и создание собственной семьи.

Испытуемые раннего зрелого возраста чаще выбирали материально-бытовые и нравственно-психологические ценности семьи. Система интересов взрослых людей, в основном, концентрируется вокруг двух вопросов: обеспечение материального благополучия и достижения морального удовлетворения от жизни. Последние многие из взрослых людей получают или за счет забот о семье, о близких людях, или за счет трудовой деятельности.

Итак, подростки и юноши еще мало думают и делают в настоящем для того, чтобы будущее семьи стало реальностью. Их основные потребности заключаются в общении, в независимости и представления о семейных отношениях, в частности, у них лишь из опыта отношений между родителями. Также в подростковом и юношеском возрасте, чаще всего, дети живут вместе с родителями и сами не зарабатывают. Отсюда следует, что материально-бытовые ценности еще слабо развиты. Взрослый человек, напротив, заинтересован в обеспечении материального благополучия себя и своих близких. В этом возрасте человек по настоящему начинает ценить бережное отношение близких, теплоту и ласку окружающих его людей.

Таким образом, можно констатировать, что семейные ценности людей разного возраста отражают специфику развития в данном возрасте.

Изучение особенностей детско-родительских отношений в приёмной семье

Лупкина Елена Александровна

аспирантка

Гомельский государственный университет им. Ф.Скорины, Гомель, Белоруссия

E-mail: lupekina@mail.ru

В связи с ежегодным ростом количества детей, отданных на воспитание в приёмную семью, проблема детско-родительских отношений в таких семьях представляется нам актуальной. Особый интерес вызывают некоторые аспекты этой проблемы:

- положения приёмного ребёнка в системе внутрисемейных отношений, особенностей восприятия фигуры матери, отца и себя самого в этих отношениях;
- приёмные мать и отец как объекты идентификации;
- отношения приёмного мальчика/девочки с сиблингами разного пола.

Для изучения выделенных вопросов нами была использована проективная методика «Три дерева», которая хорошо зарекомендовала себя среди тестов, позволяющих выявить особенности внутрисемейных отношений. В рисуночной форме она была предложена швейцарским психотерапевтом R.J. Corboz (Corboz, 1980). Немецкий психотерапевт Э.Клессманн (Klessmann, 1990) разработала тест «три дерева» в контексте Кататимно-имагинативной психотерапии (символдрамы). В последние годы российскими специалистами ведется работа по адаптации и развитию методики «три дерева» в диагностической и психокоррекционной работе с детьми и подростками (Обухов, 1997).

При проведении методики ребёнку предлагалось нарисовать цветными карандашами три любых дерева. Затем осуществлялся опрос, позволяющий выявить особенности каждого из деревьев, какими их видит ребёнок. Через некоторый временной промежуток экспериментатор возвращался к рисунку и просил ребёнка сравнить деревья с членами его семьи.

В настоящем исследовании приняли участие 61 приёмный ребёнок (из них 46 проживают в полных приёмных семьях, 15 в неполных) и 60 биологических детей (51 из полной семьи, 9 из неполной) в возрасте 4–11 лет. Для интерпретации данных использовались количественный и качественный анализ деталей рисунка «Три дерева», для статистической обработки данных – корреляционный анализ (по Спирмену), критерий ϕ^* Фишера (угловое преобразование Фишера).

Среди членов семьи, которых приёмный ребёнок обозначает отдельным деревом, чаще всего встречаются приёмная мать, приёмный отец, сиблинги женского пола и сам приёмный ребёнок (Таблица 1).

Таблица 1

Персонажи методики «Три дерева» в приёмных и биологических семьях

Персонажи рисунка	Приёмные дети	Биологические дети	Значимость отличий (ϕ^*)
Мать	93,44%	98,33%	
Отец	84,78%	96,08%	$\phi^*=1,98$ при $\alpha=0,05$
Ребёнок	55,74%	55%	
Сиблинг Ж	63,41%	69,23%	
Сиблинг М	28,57%	52,38%	$\phi^*=1,78$ при $\alpha=0,05$

Аналогичная картина наблюдается и в рисунках детей из биологических семей, но они несколько чаще обозначают отдельным деревом своих отцов. Кроме того, в систему внутрисемейных отношений здесь чаще включаются сиблинги мужского пола.

Материалы методики «Три дерева» позволяют осуществить качественный анализ рисунка по следующим признакам: размер деревьев, возраст, корни, крона и кора. Анализ этих признаков позволяет судить об обобщённом представлении приёмного ребёнка о нише, занимаемой им в системе внутрисемейных отношений, об образе приёмной матери, приёмно-

го отца, об их отличиях у мальчиков и девочек от аналогичных представлений у детей в биологической семье.

Дерево-ребёнок в рисунках детей из приёмной и биологической групп имеет общие особенности. Как правило, большинство детей отмечали, что это самое маленькое, самое молодое дерево со слабыми корнями, а в представлениях приёмных девочек – оно ещё и обладает тонкой, чувствительной корой. Таким образом, дети в системе внутрисемейных отношений чаще всего воспринимают себя слабыми, зависимыми, чувствительными к внешнему влиянию.

Родительские фигуры в рисунках приёмных девочек и мальчиков имеют значимые отличия, связанные с особенностями полоролевой идентификации и не по всем признакам совпадают с таковыми представлениями у биологических детей.

Дерево-матери у девочек в приёмных и биологических семьях – это, чаще всего, самое большое, самое красивое и более всего понравившееся дерево. Именно это дерево значимо чаще по сравнению с деревом-отца в рисунках приёмных девочек обладает признаком «пышная крона», который символизирует взаимоотношения с окружающим миром. Дерево-отца приёмные девочки чаще наделяют признаком «бедная крона», что свидетельствует об ограниченности контактов с ним в реальной жизни ребёнка. В отличие от представлений приёмных девочек, дерево-матери равнозначно с деревом-отца в рисунках биологических девочек наделяются признаком «пышная крона» и гораздо реже признаком «бедная крона». Это позволяет сделать вывод о том, что родные дочери воспринимают фигуру отца как расположенную к контакту на равне с фигурой матери.

Ярко выраженным признаком дерева-матери у приёмных девочек и мальчиков является «толстая кора» (в 37,7% рисунков). Биологические дети напротив значимо чаще отмечают на рисунке дерева-матери «тонкую, чувствительную кору» (в 48,33% рисунков). Кора символизирует, кроме прочего, сензитивность данной фигуры к ребёнку. Таким образом, можно достоверно констатировать более высокую сензитивность матери к родным детям, чем к приёмным.

Дерево-отец приёмными и биологическими детьми, чаще всего, воспринимается как самое взрослое, обладающее мощными корнями и толстой корой. У мальчиков в обеих группах это ещё и самое большое дерево, и дерево, которое больше всего нравится. Такими же признаками девочки наделяют дерево-матери, что свидетельствует об их полоролевой значимости, т.е. девочкам больше нравится дерево-матери, а мальчикам – дерево-отца. Кроме того, приёмные мальчики наделяют дерево-отца признаком «пышная крона» чаще, чем дерево-матери. Таким образом, можно заметить, что в приёмной семье ребёнок стремится к поддержанию контакта с родителем своего пола, тогда как в биологической – с обоими родителями.

Исходя из выше изложенного, можно сделать вывод, что особенностями детско-родительских отношений в приёмных семьях являются восприятие приёмным ребёнком новых родителей как недостаточно сензитивных к его внутренним переживаниям, и в связи с этим ограниченный эмоциональный контакт с ними. Кроме того, не зависимо от пола ребёнка, более значимыми в приёмной семье являются фигуры приёмной матери и сиблинга женского пола.

Гендерные различия удовлетворённости браком

Новгородова Анна Петровна

сотрудник

Якутский государственный университет им. М.К.Аммосова, Якутск, Россия

E-mail: annanow@mail.ru

На сегодняшний день достаточно много исследований, направленных на изучение факторов влияющих на успешность и прочность брака. А как известно, между мужчи-

нами и женщинами существуют различия, на генетическом, морфологическом и физиологическом уровнях, и как подчёркивают многие исследователи, эти различия имеют также и социальную обусловленность. В связи с этим изучение гендерных особенностей в психологии семьи и брака достаточно актуально, а тем более на сегодняшний день, когда в обществе происходит смена гендерных стереотипов.

Итак, в ходе нашего исследования, мы попытаемся ответить на вопрос, какие же факторы влияют на удовлетворённость браком мужчин, а какие факторы влияют на удовлетворённость браком женщин, и существуют ли эти различия. В качестве изучаемых факторов мы взяли – распределение ролей между супругами, ценности, соответствие реального и идеального представления о партнёре (супруге).

Объектом исследования выступили 40 семейных пар в возрасте 20–25 лет (проживающих совместно от 1 до 5 лет).

Методики, используемые в нашем исследовании были следующие – «Удовлетворённость браком» и «Распределение ролей в семье», авторами которых являются Ю.Е.Алёшина, Л.Я.Гозман и Е.М.Дубовская. Методика Шварца, Билски – «Ценностно-мотивационная структура личности», а также методика Л.Н.Собчик «Диагностика межличностных отношений».

Результаты, полученные в ходе данного исследования позволяют сделать следующие выводы, и главный из которых, о том, что удовлетворённость браком между мужчинами и женщинами не различается, но влияние социально-психологических факторов на удовлетворённость браком мужчин и женщин различно;

Если говорить о распределении ролей в семьях, то здесь просматривается следующая картина – традиционное распределение ролей в семье (это семья, где за супругами в соответствии с их полом закреплены определённые роли – жена играет роль матери и хозяйки, муж в основном ответственен за материальное обеспечение семьи и сексуальные отношения) свойственно женщинам низко удовлетворённых своим браком. А равноправное распределение ролей свойственно женщинам, оценивающим свой брак как успешный, но здесь также играет роль такой фактор, как возраст детей. У мужчин же, чёткой дифференциации в структуре ролей на традиционное и равноправное отсутствует;

И мы можем с уверенностью утверждать, о том, что на удовлетворённость браком мужчин и женщин отрицательно влияет рассогласование по роли «сексуальный партнёр» и это естественно, т.к. удовлетворённость браком тесно связана с интимной стороной взаимоотношений супругов, а именно с сексуальной удовлетворённостью. Также на удовлетворённость браком женщин отрицательно влияет рассогласования по роли «материальное обеспечение семьи».

Что касается ценностей супругов, то здесь получен очень интересный вывод, о том, что схожесть ценностей влияет положительно на удовлетворённость браком мужчин, у женщин же такой зависимости не обнаружено;

Если говорить конкретно о ценностях, то мы можем предположить, что у мужчин прослеживается прямая зависимость между высокой удовлетворённости браком и ценностями, выражающими интересы группы (безопасность, конформность, заботливость), а мужчины, у которых преобладают ценности, выражающие индивидуальные и личные интересы, например, стремление к достижению социального статуса, престижа, стремление к власти, доминированию и лидерству, вероятней всего будут не удовлетворены своим браком. А у женщин высоко и низко удовлетворённых своим браком, различий в иерархии ценностей, что интересно, не обнаружено;

И наконец, расхождение между идеальным и реальным представлением о супруге отрицательно влияет на удовлетворённость браком мужчин, у женщин, что интересно, высоко и низко удовлетворённых своим браком, реальное и идеальное представление о супруге совпадает;

Что удивительно, мужчины низко удовлетворённые браком, видят в своей супруге больше феминных качеств (таких как конформность, подчиняемость, доброжелательность, склонность к компромиссам) и хотели бы, чтобы ей была больше присуща доминирующая позиция; В то время как у мужчин, оценивающих свой брак как успешный, в представлении о супруге сочетаются маскулинные (уверенность, напористость, а также качества организатора и наставника) и феминные качества (доброжелательность, аль-

триистичность, стремление к сотрудничеству) и хотели бы, чтоб их супруга была менее доминирующая;

Таким образом, мы чётко видим, что на удовлетворённость браком мужчин и женщин влияют различные социально-психологические факторы.

Если говорить о влиянии конкретных факторов на удовлетворённость браком мужчин и женщин, то получается, что положительно на удовлетворённость браком у женщин влияют дети, возраста от 1 года до 4 лет, а главное равноправное распределение ролей между супругами, особенно отсутствие рассогласований по таким ролям, как «материальное обеспечение семьи» и «сексуальный партнёр». Традиционное распределение ролей оказывает отрицательное влияние на удовлетворённость браком женщин, дети у которых младенческого возраста. Полученные результаты подтверждены многочисленными исследованиями, которые показывают, что в период рождения и ухода за маленькими детьми удовлетворённость браком матерей снижается. Супруги имеют меньше времени друг для друга, у них становится меньше общих друзей и знакомых, чем раньше. Молодые матери часто чувствуют себя одинокими, в связи с выпадением из социальной системы, многим не хватает чувства независимости.

Эти данные, свидетельствующие о необходимости гибкого перераспределении ролей, в соответствии со стадиями её развития, могут использоваться для подготовки молодёжи к браку и в практике консультационной работы.

Также нужно отметить, что расхождение идеального и реального представления о партнёре не влияет на удовлетворённость браком женщин, также как и сходство ценностей.

На удовлетворённость браком мужчин отрицательно влияет рассогласование по роли «сексуальный партнёр», положительное влияние оказывают соответствие реального представления о супруге идеальному представлению и сходство ценностей между супругами. И это не случайно, т.к. несовпадение ценностных иерархий у супругов – очень важная проблема молодой семьи. Каждый день перед супругами встают проблемы, требующие немедленного разрешения: куда пойти, как провести свободное время, как и на что потратить деньги и т.п., – в которых сталкиваются системы ценностей супругов. Умение находить компромиссные решения по таким вопросам ведёт к сплочению семьи.

Подводя итог, нужно сказать, что полученные результаты могут быть полезны на самых разных уровнях работы с семьёй: в просветительской деятельности, в консультативной и коррекционной практике и т.д., поскольку они дают представление о тех оптимальных моделях взаимодействия супругов, которые могут быть полезны для них, и учитываться супругами в зависимости от возраста, в котором находятся их дети.

Актуальные проблемы психолого-педагогического сопровождения семьи, воспитывающей ребенка с нарушенным зрением

Ольхина Елена Александровна

доцент, кандидат психологических наук

Нижегородский государственный педагогический университет, Нижний Новгород,

Россия

E-mail: olxin@mail.ru

На современном этапе развития коррекционной педагогики и специальной психологии создание эффективной системы комплексного сопровождения семей, воспитывающих детей с отклонениями в развитии является актуальной задачей. Современные исследователи выделяют целый комплекс проблем, с которыми сталкиваются семьи ребенка с нарушенным зрением. К ним традиционно относят социальные проблемы: отчужденность семьи, потеря родителями работы из-за необходимости ухаживать за ребенком с особыми нуждами, отсутствие толерантной культуры в обществе и т.д. Психологические проблемы характеризуются появлением эмоционального дискомфорта в семье, дисгармонизацией супружеских и детско-родительских отношений. Большинство родителей не знают о существовании системы реабилитационной помощи. Отмечается достаточно низкая педагогическая культура и незнание родителями даже базовых основ коррекционной педагогики и специальной психологии, что существенно ограничивает

возможности создания коррекционно-развивающей среды в домашних условиях и понимание особенностей и перспектив развития незрячего и слабовидящего ребенка. При этом семья, воспитывающая ребенка с нарушенным зрением находится в изоляции, переживает сильный психологический стресс.

В специальной литературе имеется описание так называемых фаз психологического осознания факта рождения ребенка с нарушенным зрением. **Первая фаза** характеризуется состоянием растерянности, страха, переживанием шока, ощущением того, что рухнет привычная жизнь. Родители испытывают чувство неполноценности, беспомощности, тревоги за судьбу своего ребенка, Опыт работы с такими семьями показывает, что у многих матерей появлялись мысли о самоубийстве. Усугубляет ситуацию наличие у младенца тяжелых сопутствующих заболеваний. Увеличение комбинированных случаев отклоняющегося развития является сегодня не оспоримым фактом.

Важным моментом в этой ситуации для специалистов является организация совместной скоординированной работы, в ходе которой необходимо познакомить родителей с содержанием и структурой психолого-педагогической помощи детям с проблемами в развитии в России. Обратит их внимание на то, что они не одиноки в своих проблемах и есть специалисты готовые им помочь. Особое внимание необходимо уделить разъяснению причин и факторов, способствующих появлению аномалий в развитии. В зависимости от обстоятельств эти беседы могут носить профилактический характер и вероятно помогут задуматься родителям о здоровом образе жизни. Возможны варианты, при которых родителям следует объяснить, что появление невидящего или слабовидящего ребенка обусловлено множеством факторов, среди которых их личные проблемы занимают незначительную роль и не могут служить источником личной вины, оказывающей разрушительное воздействие на весь семейный микроклимат. Полезным будет обратить внимание родителей не только на необходимость медицинской помощи детям, но и членам их семей. В такой ситуации педагоги должны доказать, что от родителей требуется мужество, совместный труд со специалистами и разумная позиция по отношению к незрячему ребенку.

Суть **второй фазы** – состояние шока, которое трансформируется в негативизм и отрицание диагноза. Если педагоги смогут обсудить с родителями их неосознанные ими мотивы и намерения, то в большинстве случаев после осознания разочарований и подавленности наступает понимание ребенка, это и есть наилучшая предпосылка успехов в воспитании. По мере того как родители начинают принимать диагноз и понимать его смысл, они погружаются в глубокую депрессию. Это состояние характеризует **третью фазу**, которая получила образное название «хроническая печаль». **Четвертая фаза** – принятие диагноза, начало психологической адаптации, когда родители в состоянии правильно оценить ситуацию, начать руководствоваться интересами ребенка, устанавливать с ним адекватные эмоциональные контакты.

Для предупреждения родительской некомпетентности дефектологи должны объяснить, что воспитание незрячих и слабовидящих детей в домашних условиях направлено на поддержание эмоционального, контакта ребенка с родителями и широким кругом знакомых, на расширение знаний об окружающем мире, на знакомство с литературой, музыкой, на физическое и компенсаторное развитие. Результатом совместной работы специалистов и родителей должно стать формирование адекватной позиции родителей в отношении ребенка и его дефекта. В системе воспитания должны учитываться индивидуально-возрастные и психофизические особенности, характер поражения и степень сохранности зрительных функций и т.д. При этом необходимо помнить, что развитие ребенка со зрительными нарушениями протекает по тем же закономерностям, что и в норме, но со своими специфическими особенностями и во взаимодействии с физической и социальной средой. Этапы работы с семьей плохо видящего ребенка должны быть строго продуманы и подчинены определенным требованиям: ориентация родителей и специалистов на долгосрочное сотрудничество, активное включение родителей в коррекционно-развивающую работу, создание атмосферы доверия и взаимопонимания, расширение круга общения семей, воспитывающих детей с нарушениями зрения и т.д.

Организовывая коррекционно-развивающую работу в домашних условиях педагог, может помочь спланировать эту деятельность родителям и предложить несколько ее на-

правлений: развитие осязания и мелкой моторики ребенка; формирование навыков самообслуживания и личной гигиены; навыков пространственной ориентировки; личной и коммуникативной компетентности ребенка, то есть адекватное отношение к себе, своему дефекту и окружающим; расширение представлений ребенка о окружающем мире и т.д. Родители должны четко осознавать объем и сложность предстоящей работы, и ответственность за ее последовательную и продуманную организацию.

При обучении и воспитании ребенка необходимо максимально использовать и развивать его остаточное зрение. Важное значение при воспитании слепого ребенка имеет развитие активного осязания. Дети с нарушением зрения нуждаются в специальных занятиях по умственному и речевому развитию, формированию навыков игровой деятельности, самообслуживания, пространственной ориентировки и т.д..

Таким образом, поддержка семьи в выполнении воспитательных функций в настоящее время рассматривается отечественными специалистами как форма интеграции усилий разных специалистов. Психолого-педагогическое сопровождение семьи и усиление ее воспитательного потенциала требует глубоких системных знаний, умений определять точки приложения профессиональных усилий, находить адекватные средства и способы взаимодействия с ней.

Подготовка к школьному обучению детей с проблемами в развитии и адаптации

Пашкова Ольга Викторовна

студентка

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль, Россия

E-mail: p-olga2005@yandex.ru

Задача подготовки детей к школьному обучению занимает одно из важнейших мест в работе детского психолога. Сейчас больше не существует единой системы школьного обучения: открываются частные школы, появляются разнообразные программы, предлагаются различные методы обучения, различается возраст детей, поступающих в школу. Между школами и классными руководителями существует соперничество за «лучших», более подготовленных детей. Поэтому важно не только своевременно определить уровень развития ребенка и подсказать наиболее адекватный для него вариант обучения, но и подготовить его к успешному вступлению в школьную жизнь.

В докладе отражен двухлетний опыт работы в МДОУ ДОД ДЭКЦ «Родник» на школе раннего развития. Спецификой этого центра является тот факт, что значительная часть детей поступает из неполных или неблагополучных семей, является сиротами, имеет проблемы в развитии. Доклад посвящен особенностям работы с такими детьми. Будут затронуты основные принципы, возможности и ограничения применения различных методов работы с этими детьми. Будут освещены некоторые аспекты подготовки таких детей к поступлению в школу.

В своей работе мы исходим из того, что при переходе в школу ребенок должен не только знать буквы, уметь считать и писать, но, в первую очередь, иметь необходимый уровень психического развития. Поэтому, наряду с грамматикой, математикой, ИЗО и т.д., при разработке программы школы раннего развития в нее были включены занятия с психологом.

Программа психологического блока рассчитана на два года обучения.

Первый год обучения. Приглашаются дети пяти лет. Акцент делается на адаптации детей к новому учебному заведению, уделяется внимание развитию познавательных процессов и коммуникативной деятельности. Занятия проходят в игровой форме, используются элементы арт-терапии, сказкотерапии и анималотерапии. В начале, середине и конце года проводится оценка уровня психического развития детей. При необходимости проводятся индивидуальные занятия с ребенком.

Второй год обучения. Приглашаются дети шести–семи лет. В начале и в конце года проводится оценка готовности детей к обучению в школе. Помимо развития познавательных процессов акцент делается на развитии эмоционально-волевой сферы ребенка, повышении мотивации к обучению в школе, принятии позиции будущего школьника. Проводятся консультации с родителями по вопросам школьной готовности.

В настоящее время планируется создание третьей группы для четырехлетних детей. Также существует проект создания игровой площадки, где будут проводиться совместные занятия с родителями и детьми.

Об эффективности программы можно судить по следующим результатам. В 2005 году по окончании занятий были получены следующие данные: у большинства детей к концу года повысился уровень развития психических процессов, снизилась тревожность. Дети стали легче общаться со сверстниками, уменьшилось число агрессивных проявлений по отношению к другим детям и взрослым. У одного ребенка был снят диагноз «задержка психического развития». Среди детей старшей группы больше половины (56%) показали уровень школьной готовности – выше среднего, остальные – средний. У всех детей отмечался высокий уровень мотивации к обучению в школе.

Полученные результаты свидетельствуют об эффективности программы и говорят о том, что школа раннего развития может успешно выполнять функцию подготовки детей, имеющих проблемы в развитии и адаптации, к школьному обучению.

Использование психологического консультирования в коррекции внутрисемейных конфликтов в молодых семьях офицеров пограничников

Пугач Елена Владимировна

курсант

Голицынский пограничный институт ФСБ России, Голицыно, Россия

Семья – это важнейшая форма организации личной жизни, вид социальной общности, малая группа, основанная на супружеском союзе, родственных связях или усыновлении, то есть на многосторонних отношениях между мужем и женой, родителями и детьми, братьями, сестрами другими родственниками, живущими вместе и ведущими общее хозяйство.

Семьи военнослужащих – это семьи офицеров, прапорщиков, военнослужащих по контракту, по призыву. Семья пограничника – это социальный тип семьи, члены которой связаны между собой брачными и родственными отношениями, общностью быта, стремлением обеспечить надежную охрану государственных рубежей Родины, способность к стойкому преодолению трудностей, связанных с служебно-боевой деятельностью и с жизнью на границе. Семья молодого офицера – это созданная на основе брака микросоциальная группа общества для выполнения присущих ей функций, характеризующаяся накоплением социального опыта в системе супружеских отношений, которые раскрываются в материально – бытовой, нравственно – психологической и интимно личностной адаптации, и имеющая перед собой одну из целей создание условий для успешного выполнения офицером своего долга по охране государственной границы.

Существует несколько этапов развития семьи:

- добрачное общение;
- брак;
- этап «медового месяца»;
- этап молодой семьи;
- зрелая семья;
- семья людей старшего возраста.

Молодая семья – это семья на начальной стадии ее развития как малой социальной группы. Это стадия реализации супружеского выбора. В ней проявляется обычный феномен открытия в другом более сложного человека и начинается «притирка» характеров, то есть изменение всего образа жизни.

Конфликт – это осознанное столкновение, противоборство минимум двух людей, групп, их взаимно противоположных, несовместимых, исключаящих друг друга потребностей, интересов, целей, типов поведения, отношений, установок, существенно значимых для личности и групп(ы).

Конфликт возникает в результате возникновения сложной для супругов проблемой. Конфликты специфичны для разных стадий развития семьи. Наиболее существенна роль конфликта в период формирования семьи, когда супруги только начинают адаптироваться

друг к другу. Именно на этом этапе важно определить способы и пути решения конфликтных ситуаций. На первом этапе развития семьи, когда закладывается система ценностей и формируется семейная микрокультура, важную роль играет функция досуга.

В социальной психологии выделяют два вида источников супружеских конфликтов.

Во-первых, внутренние: психологическая несовместимость; непонимание друг друга; невозможность удовлетворения различных потребностей; негативная модуляция мотивов заключения брака; завышенная самооценка или «звездный комплекс»; «синдром сгорания»; неадекватность «биоритмов любви».

Во-вторых, внешние: дефицит времени уделенного офицером семье; крайняя автономия двух «Я»-концепций; невозможность трудоустройства жены; отсутствие жилья или его неблагоустроенность; отсутствие мест в детских учреждениях; хозяйственно-бытовая неустроенность.

Причины супружеских конфликтов, разводов среди молодых семей военнослужащих в значительной мере обуславливаются спецификой воинской службы и в своеобразной нравственно-психологической атмосферой их жизни и быта. Рассмотрим наиболее распространенные из них:

- психосексуальная несовместимость супругов;
- неудовлетворение потребностей в зависимости своего «Я», неуважение чувства достоинства со стороны партнера;
- неудовлетворение потребности в положительных эмоциях: отсутствие ласки, заботы, внимания и понимания;
- пристрастие одного из супругов к чрезмерному удовлетворению своих потребностей (алкоголь, наркотики, финансовые расходы только на себя);
- неудовлетворение потребности во взаимопомощи и взаимопонимании по вопросам ведения домашнего хозяйства, воспитания детей, в отношении к родителям;
- различия в потребностях по проведению досуга, увлечениях;
- психологическая несовместимость супругов, пребывание большей части времени в различных социально-психологических сферах каждого из супругов противопоставляет их интересы, установки, потребности, ценности и обостряет адаптационные процессы между ними.

Психологическое консультирование – это профессиональное отношение квалифицированного консультанта к клиенту, которое обычно представляется как «личность – личность». Цель консультирование – помочь клиентам понять происходящее в их жизненном пространстве и осмысленно достичь поставленной цели на основе осознанного выбора при разрешении проблем эмоционального и межличностного характера.

Сущность психологического консультирования заключается в выработке специальных рекомендаций по изменению тех или иных неблагоприятных психологических факторов, затрудняющих функционирование семьи или нормальную адаптацию ее членов, особенно при переходе семьи из одной стадии своего развития в другую.

Первоочередной задачей психолога-консультанта по отношению к супружеским конфликтам является не устранение или предотвращение конфликтов, а формирование у супругов навыков конструктивного поведения в конфликтной ситуации.

Основными задачами психологического консультирования являются: индивидуальные и групповые консультации лиц, обратившихся к психологу с целью позитивного решения сложных жизненных проблем, разрешения конфликтных ситуаций; выявление семей с повышенной напряженностью межличностных отношений; оказание помощи супругам в выявлении их психогенных отклонений; предупреждение вторичных психологических осложнений у лиц с симптомами соматических или нервно-психических заболеваний; работа среди молодых семей, переселившихся семей по проблемам адаптации к новому месту жительства.

Консультирование семей пограничников охватывает широкий спектр психических состояний семьи, отдельных ее членов, вызванных спецификой служебно-боевых условий их жизнедеятельности: от убеждения правильности своей позиции до полной неуверенности в себе, растерянности.

О внутренней логике становления действия ребенка – от исполнительности к выразительности

Сафронова Мария Александровна

аспирант

Московский городской психолого-педагогический университет, Москва, Россия

E-mail: Ti._@rambler.ru

Проблема становления действия (орудийного, предметного, произвольного, совместного, совокупного, продуктивного) в культурно-исторической психологии разрабатывалась исследователями применительно к разным проблемам теоретической психологии, но общим для всех являлось нахождение источников, генетических корней возникновения тех или иных действий, с последующим изучением их содержания, структуры и динамики онто- и функционалгенеза (Н.А.Бернштейн, Л.С.Выготский, П.Я.Гальперин, А.В.Запорожец, Д.Б.Эльконин, Б.Д.Эльконин и др.). В данной работе делается попытка теоретического рассмотрения обобщенной внутренней логики становления действия, которая может быть гипотетически применена и к изучению *выразительных действий*.

Концепция внутренней логики развития действия ребенка опирается на положение об изначально заданной идеальной форме, которая осваивается ребенком в совместной деятельности со взрослым. Впервые П.Я.Гальперин указывает на принципиальное отличие *орудийных операций* у человека и вспомогательных средств у животных. Вслед за ним, Д.Б.Эльконин говорит о том, что превращения «ручной» операции в «орудийную» действительно происходит, но под влиянием приспособления не к физическим свойствам орудия, а к тому образцу, который предлагает взрослый; и в качестве единицы развития выдвигает *совокупное действие* взрослого и ребенка, выделяя его двуликость (операционально-техническую и мотивационно-потребностную части), которая затем найдет свое отражение в периодизации психического развития. Б.Д.Эльконин разрабатывает понятие *продуктивного действия* и одного из этапов его становления – *пробного действия*.

На основе этих исследований и теоретических конструктов разрабатываются основные положения и законы психологии развития. При этом, как отметил В.В.Давыдов, психологам и педагогам при разработке ими основ теории обучения следует иметь в виду «феномен каждый раз заново решаемой двигательной задачи и приобретения соответствующего навыка» [выделенный Н.А.Бернштейном – М.С.], упражнение – «повторение без повторения», «движение не воспроизводится, а каждый раз строится» [6, с.136]. Упражнение *повторяет не средство решения* двигательной задачи, а *процесс решения* [3, с.289]. В теории построения движений Н.А.Бернштейн выделил пять психофизиологических уровней построения движения и основной механизм построения движения – принцип сенсорных коррекций. Именно через *повторение* необходимо и возможно составить «словарик» для всех предстоящих «перешифровок» [2, с.758]. В разработанной А.В.Запорожцем теории генеза произвольных движений и исследовании его сотрудников было показано, что для того чтобы движение стало «произвольно управляемым, должно стать ощущаемым» [7, с.672]. И только впоследствии становится возможным следующее – в процессе построения навыка «... имеет место один абсолютно всеобщий закон: во-первых, в какой-то момент эти умения *постигаются сразу*, как будто каким-то озарением, и, во-вторых, раз уловленное умение этого рода *не утрачивается больше никогда, пожизненно...*» [выдел. – М.С.; 2, с.765]. Мы предполагаем, что идеи Н.А.Бернштейна об автоматизации навыка как качественного скачка, перелома, «осенения», восклицания «ага!» [2, с.774] вопреки механистической точке зрения, изначальная активность субъекта и ограничение «избыточных степеней свободы» движущегося органа – это необходимые и основные условия возможности становления *выразительного движения* (действия).

Но для рассмотрения этого вопроса необходимо обращение к еще одной области психологической науки, а именно психологии искусства. Л.С.Выготский главную задачу построения психологии искусства видел в том, «чтобы теоретическая и прикладная психология искусства вскрыла все те механизмы, которые движут искусством» [5]. Единицей анализа психологии искусства является само произведение искусства.

Л.С.Выготским был разработан метод исследования в области психологии искусства «от формы художественного произведения через функциональный анализ ее элементов и структуры к воссозданию эстетической реакции и к установлению ее общих законов» [5]. Таким образом, на примере анализа художественного текста, им было выявлено общее противоречие, заключенное в любом произведении искусства – «противоположность в строении художественной формы и содержания и есть основа катартического действия эстетической реакции» [5]. Овладение *художественной формой* – техникой движения, двигательным навыком, который формируется в процессе обучения (создание концептуальной модели, содержащей знание о двигательной задаче, средствах и способах ее решения и определяющей ее смысл в сфере деятельности ученика [4, с.118]), упражнения (создание предпосылки для автоматизации движений [4, с.118]) и тренировки (стабилизация двигательного навыка [4, с.118]) и *содержанием* – «ролью», имеет свою динамику развития в процессе обучения (в широком смысле слова) ребенка.

Результаты исследований построения движения и исследования в области психологии искусства могут являться отправным моментом для постановки проблемы становления *выразительного движения*. Другими словами, ребенок осваивает новое движение или действие, и в какой-то момент вы замечаете «блеск» в его глазах – это тот критерий, который нельзя измерить стандартизованными методами, но именно вскрытие механизмов его возникновения – ключ к проблеме становления *выразительного движения*, а именно «выразительное движение – лишь внешнее проявление уже имеющегося чувства, а не способ его существования, формирования и развития» [7, с.666] и – «чувства разрешаются в выразительных движениях» [5].

Личностные особенности тревожных детей 6–7 лет

Сахарова Анна

соискатель

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Проблема тревожности является одной из широко изученных в психологии. Ее анализ затрагивает все аспекты личности человека: когнитивный, эмоциональный, поведенческий. Решением этой проблемы занимались представители практически всех направлений в психологии: психоанализ, экзистенциализм, гуманистическая психология (З.Фрейд, К.Ясперс, К.Роджерс, Э.Фромм).

Исследования тревожности также проводились в рамках решения прикладных задач психологии (Ханин Ю.А). Анализ указанной проблемы проводился в исследованиях генеза неврозов (Мясищев Н.Д., Гарбузов В.И.), в разработке практической работы со страхами (Захаров А.И.), в описаниях влияния на личность социальных аспектов (Имедадзе Н.В., Кисловская В.Р., Божович Л.И.). Наиболее полное описание возрастной динамики тревожности отражено в работах Прихожан А.М. Также проблему тревоги в рамках исследования психических состояний рассматривали Березин Ф.Б., Левитов Н.Д. Все это указывает на высокое значение проблемы тревоги и тревожности как характеристики для исследования личности в различных ее аспектах.

На сегодняшний день получены данные, свидетельствующие о наличии ряда характеристик, имеющих связь с тревожностью, таких как низкая самооценка, завышенный уровень притязаний. Наиболее выраженной характеристикой мотивации взрослых людей с высоким уровнем тревожности является избегание социальных неудач.

В то же время, несмотря на большое количество работ по рассматриваемой проблеме, исследованию именно детской тревожности уделяется недостаточное внимание. Анализ тревожности у детей, главным образом, исследуется как результат неблагополучия детско-родительских отношений (Имедадзе Н.В., Савина Е.). В этом отношении можно сказать, что доминирует социальный подход в исследовании проблемы в указанном возрасте. Учитывая значимость возрастного периода 6–7 лет можно говорить об актуальности исследуемой проблемы.

Проблемой данного исследования является рассмотрение тревожности детей, ее характеристик и связей с другими чертами личности в рамках возрастного периода 6–7 лет. В исследовании приняло участие 28 детей подготовительной группы детского сада.

Анализ личностных особенностей детей, участвовавших в эксперименте, проходил по следующим показателям:

- представления об окружающем мире и о себе в нем (схематическое детское мировоззрение).
- особенности самоотношения.
- ситуации, значимые для возникновения тревоги.

Учитывая потребность в признании и особенности возраста, выделялись показатели: мотивация достижений и уровень притязаний.

Исследуемые показатели могут проявляться в поведении, которое также было объектом исследования

Для исследования каждого из показателей была введена соответствующая методика:

Активность/пассивность по отношению к окружающему миру и особенность обобщенных представлений о нем (ориентация на один из аспектов: благоприятный/неблагоприятный) выделялся с помощью методики «Миродействие». Также на основании этой методики выявлялась способность к децентрации ребенка, т.е. насколько он видит и осознает желания и интересы других людей

Самоотношение ребенка и дифференцируемость этого показателя в зависимости от ситуаций – исследовалось с помощью методики на самоотношение

Ситуации, значимые для возникновения тревожности у ребенка выделялись по ряду методик: «Тест тревожности» и «МД-Решетка Шмальта»;

Особенности мотивации исследовались с помощью «МД-Решетка Шмальта»; Уровень притязаний определялся соответствующей методикой.

Поведенческие особенности детей выявлялись методом наблюдения в ходе поведения диагностических методик, а также на основе методик Заззо.

В работе рассматривался также ряд факторов, имеющих влияние на возникновение и развитие тревожности, таких как детско-родительские отношения и влияние кризисного периода.

Степень принятия ребенка родителями анализировалась на основе методики родительского отношения.

Специфика кризисного возраста рассматривалась с помощью исследования воображения как показателя вступления или преодоления кризиса 7 лет.

Процедуры исследования: корреляционный анализ данных, статистические критерии проверки гипотез, качественный анализ данных. Все вычисления проводились в статистическом пакете SPSS 11.5.

Были получены следующие результаты экспериментального изучения особенностей тревожных детей и их отличий от не тревожных:

1. Тревожность 6–7 летних детей как вариант неблагоприятного развития эмоциональной сферы приводит к изменениям в других характеристиках личности. Тревожность влияет на мотивацию достижений. Мотивация достижений опирается на желание продемонстрировать свою успешность, в то время как интересность заданий детей мотивирует мало. Для них характерен высокий уровень притязаний. В мировосприятии тревожных детей доминирует представление об окружающем мире как о неблагоприятном, несущем угрозу. В их сфере потребностей преобладают желания «быть маленьким», защищенным, отмечается присутствие страха отвержения со стороны родителей. В целом, тревожные дети характеризуются неудовлетворенностью собой, своей позицией в окружающем мире, испытывают чувство недовольства.

2. Тревожность детей проявляется в широком спектре ситуаций. Было отмечено, что тревожность возникает в оценочных ситуациях, а оценочными – выступают и те, которые на самом деле такими не являются, для этих детей такими являются ситуации даже без непосредственного присутствия других людей. Были выделены группы по классам людей, оценка которых является наиболее значимой (сверстники, взрослые, педагог). Оценочными для ребенка являются ситуации, в которых ребенок себя ниже всего оценивает.

3. Анализ тревожности с учетом характеристик исследуемого возраста показал значимость введенной характеристики – «социальной желательности». На основе анализа ее компонентов было определено, что демонстрация тревожными детьми норм и правил в своем поведении носит защитный характер. Желание выглядеть «хорошими» в глазах окружающих, приводит тревожных детей к стремлению показывать социально желательное поведение, но при этом страх не суметь показать это приводит к невозможности работать с усвоенными нормами, изменять их сообразно ситуациям.

Результаты проведенного исследования позволяют описать структуру личностной организации тревожных детей. Однако они также отражают необходимость дальнейшей типологии тревожных детей для построения эффективной диагностической и коррекционной работы.

Отцовство как фактор развития личности²⁷

Севастьянова Ульяна Юрьевна

студентка

Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова, Кострома, Россия

E-mail:alfkos@mail.ru

Существуют разные взгляды на проблематику отцовства. Большинство авторов понимает отцовство как врожденное чувство, которое побуждает мужчину поступать в отношении ребенка с сопереживающей ответственностью (И. С. Кон, 1989; Р. В. Овчарова, 2003). Ряд исследователей подчеркивают, что отцовство является важным условием развития ребенка и личности самого отца; отец влияет на полоролевую идентификацию (З. Фрейд, Ш. Барт), интеллектуальное развитие (Р. Бернс, Б. И. Кочубей), усвоение моральных норм (О. Б. Чиркова), эмоционально-личностную сферу ребенка (Е. О. Смирнова). Кроме того, переход к отцовству предполагает преодоление личностного кризиса мужчиной, связанного с проблемой осознания себя отцом, принятия своих чувств и их самоконтроля (Э. Эриксон, Э. Фромм, Р. В. Манеров)

Проблема влияния отцовства на развитие личности самого отца остается недостаточно раскрытой. И если в Германии и США появляются работы и ведутся теоретические и прикладные исследования, то для нашей страны данная тема является почти не изученной и особенно актуальной.

Отцовство предполагает достижение нового уровня самореализации. Это возможно только потому, что мужчина отказывается от многих форм прошлого личного опыта, от стереотипов взаимодействия. Для многих мужчин период беременности супруги, ожидание рождения и, наконец, само рождение ребенка могут сильно повлиять на становление их зрелости, внутреннюю перестройку установок. Чем старше становится мужчина, тем больше он вживается в роль отца, то есть претерпевает значительные, качественные изменения, как в своей личности, так и в родительских отношениях, а также в отношениях с супругой. Рождение ребенка приводит к изменению всего уклада жизни мужчины.

Отцовство – это категория психология личности, отражающая основные этапы развития личности, характеризующаяся комплексом интегральных, социальных и индивидуальных характеристик личности, проявляющихся на всех уровнях жизнедеятельности человека (Ю. В. Евсеенкова, 2003).

Сущностными параметрами изучения изменений человека являются следующие:

- изменение понимается как процесс созревания с наличием определенных фаз, этапов и стадий развития; ведущими креатурами в этом случае оказываются понятия возникновения, развития, инволюции и исчезновения;
- изменение понимается как процесс и результат воплощения собственного выбора человека, определяемый как результатами созревания, так и формированием.

²⁷ Настоящая статья подготовлена по результатам исследований, проведенных в рамках гранта Российского Гуманитарного Научного Фонда (грант № 05-06-06513а, руководитель Е. В. Кувтук).

Мы предприняли попытку эмпирического исследования феномена отцовства через призму личности самого отца, выдвинув основную гипотезу о том, что отцовство выступает фактором развития мужчины-отца.

В пилотажном исследовании приняли участие 60 мужчин. Выборка являлась репрезентативной по своему составу, она включала 3 группы мужчин: мужчины, не состоявшие в браке и не имеющие детей; мужчины – отцы детей дошкольного возраста; мужчины, воспитывающие детей младшего школьного возраста.

Для проверки исходных гипотез был использован комплекс методик: методика личностного дифференциала (Е. Ф. Бажин и др., 1983); «Опросник способов совладания» (Р. Лазарус, С. Фолкман, 1988; адаптация Т. Л. Крюковой, 2004); «Опросник копинг-поведения в супружестве» (М. L. Bowman, 1990, адаптируемый Е. В. Куфтык, 2005); «Опросник родительско-детских отношений» (W. Furman, 1995, адаптируемый Е. В. Куфтык, Н. О. Белоруковой, 2005). Обработка данных проводилась с использованием статистического пакета SPSS 10.5.

Результаты исследования показали следующее:

1. Существует динамика выбора стратегий совладающего поведения мужчин в зависимости от этапа отцовства:

- у мужчин без детей наблюдается низкий уровень выбора копинг-стратегии самоконтроля, тогда как зрелые мужчины – отцы эту стратегию выбирают чаще ($p < 0,04$);
- у мужчин, воспитывающих детей младшего дошкольного возраста, преобладает конфронтативный копинг, тогда как мужчины – отцы школьников выбирают стратегию планирования решения проблемы ($p < 0,03$);
- у зрелых мужчин – отцов наблюдается более частый выбор стратегии поиска социальной поддержки ($p < 0,002$; $p < 0,015$).

2. Обнаружены различия между группами мужчин на разных этапах отцовства жизни в оценке характеристик отношения к детям:

- мужчины без детей чаще выбирают такие характеристики, как поощрение ($p < 0,015$), восхищение родителя ($p < 0,02$), то есть у них имеются некие идеалистические представления о семейных и детско-родительских отношениях;
- зрелые мужчины-отцы выбирают такую характеристику, как рациональность ($p < 0,04$).

3. Существует связь между личностными свойствами и выбором стратегии совладающего поведения у мужчин на разных этапах развития:

- фактор силы оказывает положительное влияние при выборе проблемно-ориентированного копинга у мужчин – отцов дошкольников ($R = 0,563$ при $p < 0,001$);
- фактор активности выступает буфером при использовании непродуктивных способов совладания у мужчин без детей ($R = -0,433$ при $p < 0,016$).

Таким образом, на разных этапах отцовства мужчины по-разному оценивают личностные качества и отцовско-детские отношения, они выбирают разные стратегии совладающего поведения. Рождение и воспитание ребенка связано с развитием личности отца: нами обнаружено конструктивное поведение, усиление самоконтроля, адекватное отцовское отношение к ребенку у мужчин-отцов по сравнению с мужчинами, не имеющими детей. Целесообразным представляется дальнейшая разработка вопросов и проблем, связанных с феноменом отцовства, как теоретического, так и прикладного характера.

Факторы развития субъектности личности родителей

Синицына Ольга Николаевна

ассистент кафедры социальной работы

Бобылева Надежда Игоревна

старший преподаватель, кандидат биологических наук

Поморский государственный университет им. М.В.Ломоносова, Архангельск, Россия

Психологические знания являются одним из факторов развития субъектности родителей. В учебно-воспитательном процессе взаимодействуют три субъекта – родитель, ре-

бенок и школа. Поэтому для достижения эффективности учебно-воспитательного процесса мы должны работать со всеми тремя субъектами данного процесса параллельно.

Проблема развития субъектности является бесспорно актуальной. В центре анализа последних исследований, рассмотренных нами, в качестве субъектов выступали учителя (взрослые), подростки, младшие школьники, дошкольники. Нам неизвестны исследования непосредственно субъектности родителей.

В системе детско-родительских отношений ведущим звеном является родитель, а ребенок часто выступает только как объект. Зачастую родители, недовольные своими отношениями с детьми, не видят причины неудач в ошибочном отношении к ребенку. Этим самым они автоматически перекалывают ответственность за отношения на ребенка и при этом, занимая пассивную, асубъектную позицию, ожидают, в первую очередь, изменений в ребенке. В основе такого противоречивого отношения к ребенку (с одной стороны ребенок лишь объект воздействия, с другой стороны родитель ждет от ребенка проявления субъектности), неадекватных требований родителей лежит, на наш взгляд, недостаточно развитый уровень сформированности их субъектности и недостаточный уровень психологических знаний, в частности, о психологических особенностях ребенка, особенностях взаимодействия с ним и о себе как субъекте детско-родительских отношений. Поэтому в нашем исследовании мы акцентировали внимание на родителе как субъекте.

Признание в ребенке субъекта предполагает признание его автономности и уникальности, для чего необходимо повышать психологическую компетенцию родителей путем психолого-педагогического образования и самообразования.

В нашем исследовании мы попытались выявить взаимосвязь между психологическими знаниями и субъектностью родителей (Постникова М.И., Сеницына О.Н., 2004). Мы предположили, что повышение уровня психологических знаний о ребенке, особенностях взаимодействия с ним, о себе как субъекте детско-родительских отношений, повышает уровень развития субъектности родителей. Исследование было проведено на базе эколого-биологического лицея; детской школы искусств; дошкольного образовательного учреждения. Все респонденты были уравнены по половому признаку (в исследовании принимали участие только мамы). Экспериментальная группа была сформирована из трех подгрупп, отличавшихся по количеству участников, по возрастному признаку детей (дети-дошкольники 4–5 лет, подростки 7–8 классов), по месту проживания – недалеко от центра города и в пригороде г. Архангельска. Тренинговые занятия в первой экспериментальной подгруппе проходили регулярно 1 раз в неделю по 2 часа, во второй – 1 раз в неделю по 1–2 часа (время по возможности родителей), в третьей – 2–3 раза в неделю (график по возможности родителей), по 1 часу.

Нам не удалось уравнять экспериментальную и контрольную группы по показателям, исходя из ограничений базы практики, а также реальной ситуацией отношения родителей к посещению психологических мероприятий. Статистически значимые различия по таким показателям как самооцененность-малоцененность, самокритичность, самонесо-гласие, самостоятельность остаются и после формирующего эксперимента, но мы наблюдаем другое соотношение по показателю самооцененность-малоцененность (он становится выше в экспериментальной группе, чем в контрольной) и исчезает статистически значимое различие в показателе самоуверенности. Возможно, это объясняется активным использованием метода поддержки и развития со стороны ведущего и всех членов группы, а также практикой позитивного мышления на будущие отношения с ребенком.

Показатели самокритичности, самонесо-гласия остаются выше в экспериментальной группе; показатель самостоятельности остается ниже в экспериментальной группе. Этот факт затрудняет интерпретацию психологического влияния наших тренингов, отсылая нас к анализу дополнительных факторов влияния, таких как мотивация родителей, психологический климат в группе участвующих, особенности их личности, практический опыт работы ведущего, доверие к ведущему как к жизненно опытному человеку и специалисту и т.д. Также, возможно, за этим стоят такие глубокие психические структуры, которые настолько закрепились, что в течение наших тренинговых занятий изменить существенно (как показатель самооцененности-малоцененности) данные характеристики субъекта нам не удалось. Возможно, требуется расширить тематический план тре-

нинговых занятий, а также обратить внимание на мотивационные аспекты занятий (особенно это касается первого занятия). Сопоставительный анализ экспериментальной группы до и после формирующего эксперимента показал нам статистически значимое изменение по показателям шкал: повысились активность, автономность, целостность, креативность, самооценочность; повысились внутренняя честность, самоуверенность, самопринятие, самокритичность, самоинтерес, самопонимание, снизилось самонесогаение; уровни показателей моделирования, программирования, гибкости, общего уровня саморегуляции повысились.

На основе полученных результатов мы можем констатировать эффективность тренинговых программ по развитию субъектности личности родителей. Таким образом, можно предполагать, что повышение психологических знаний действительно влияет на развитие субъектности родителей.

Отношение современной молодежи к проблемам семьи и брака²⁸

Степанищева Анастасия Евгеньевна²⁹

студентка

Хачатурова Милана Радионовна

студентка

Государственный университет – Высшая школа экономики, Москва, Россия

E-mail: emikhaylova@hse.ru

Проблема изучения отношения современной молодежи к вопросам семьи и брака в настоящее время является очень актуальной. Исследования в области социальной психологии и социологии показали, что в представлениях современной молодежи семья, к сожалению, уже не имеет той значимости, которая определялась исторической, культурологической и общественной системой ценностей, нравственными и религиозными канонами.

В современной ситуации экономических и социальных проблем молодые люди, желающие создать семью, должны решать порою чрезвычайно сложные проблемы, определяющие саму возможность существования этой семьи. В свете проблем современного общества, смены системы ценностей большое распространение получило такое явление как гражданский брак. Следовательно, очень актуальным является вопрос, не вытесняет ли гражданский брак институт брака как таковой.

Целью проведенного исследования было изучение отношения современной молодежи к проблемам семьи и брака.

В связи с поставленной целью в работе поставлены следующие **задачи**:

Исследовать отношение современных девушек и юношей к проблемам семьи и брака в целом.

Исследовать отношение современной молодежи к гражданскому браку.

Исследовать отношение современной молодежи к проблеме соотношения семьи и карьеры (учебы).

Объект исследования: студенты московских ВУЗов в возрасте от 19 до 23 лет.

Предмет исследования – отношение современной молодежи к проблемам семьи и брака.

Для решения поставленных задач была разработана **анкета**, направленная на выявление отношения современной молодежи к проблемам семьи и брака (Приложение 1). После анализа литературы по данной теме было выделено три фактора, выявляющих это отношение:

1. Гражданский брак.
2. Церковный и законный брак.
3. Учеба и карьера.

²⁸ Настоящая статья подготовлена по результатам исследований, проведенных на кафедре организационной психологии факультета психологии ГУ-ВШЭ

²⁹ Авторы выражают признательность доценту, к.п.н. Михайловой Е.В. за помощь в подготовке тезисов.

Также в анкете предусмотрены демографический блок и шкала лжи.

В анкетировании приняли участие 50 студентов московских ВУЗов в возрасте от 19 до 23, из них 35 – девушки, а 15 – юноши.

Подавляющее большинство молодых людей в возрасте от 19 до 23 лет (92%) ответили, что не собираются вообще вступать в брак, в то время как девушки (85%) считают наиболее приемлемым для себя законный брак. Возможно, в связи с этим молодые люди на данный момент выделяют наиболее важным для себя карьеру (100% опрошенных), а из девушек только 52% согласны с этим мнением, а почти половина (48%) ставят для себя наивысшей по значимости семью.

Возможно, такое видимое расхождение во мнениях женского и мужского пола относительно брака связано с тем, что мужчины воспринимают себя как кормильца семьи, то есть их желание вступить в брак во многом зависит от их материального положения, от того имеются ли у них собственная квартира, стабильная зарплата и т.д. Однако экономическое положение в России не дает уверенности в том, что возможность приобретения собственного жилья и стабильного высокого дохода будет получена каждым молодым человеком. Поэтому мужчины выбирают позицию не вступления в брак вообще. В то время как женщины могут в какой-то степени сбросить с себя необходимость зарабатывания денег и посвятить себя семье. Именно поэтому многие девушки считают приемлемым для себя законный брак.

Тем не менее в исследовании была выявлена еще одна тенденция – половина женщин (52%) отдают предпочтение карьере, а не семье. Это может быть связано опять же с положением российской экономики, в которой для нормального достатка в семье должны работать и мужчина, и женщина, а также с тем, что опрошенные девушки – студентки 2–5 курсов элитных высших учебных заведений Москвы, предоставляющих им немало возможностей для развития их карьеры.

Были проанализированы ответы юношей и девушек на вопросы, относящиеся к гражданскому и законному браку.

Итак, 25% опрошенных считают гражданский брак наиболее приемлемой для себя формой отношений. При этом 12% не видят себя ни в каком другом браке, кроме гражданского.

Около 77% опрошенных положительно относятся к гражданскому браку, 8% отрицательно и 15% не определились в своем выборе.

Около 60% опрошенных считают, что гражданский брак способствует более крепким отношениям партнеров в будущей семье, 25% не уверены в этом, и лишь 15% считают, что гражданский брак не укрепит отношения партнеров.

Около 69% юношей и девушек считают, что дети, рожденные в гражданском браке ни в чем не ущемлены, и им не наносит травму сознание того, что их родители «не муж и жена».

Были получены следующие результаты, выявляющие их отношение к законному браку:

47% опрошенных считают законный брак наиболее приемлемой для себя формой отношений. При этом 8% юношей и девушек принимают для себя как законный, так и гражданский брак.

52% опрошенных объясняют причину вступления в брак любовью и необходимостью продолжения рода.

24% опрошенных выделяют в качестве причины только любовь.

5% опрошенных говорят о браке как о способе решения жилищных проблем (в число этих респондентов входят только девушки).

6% опрошенных не видят вообще причин для вступления в брак (в число этих респондентов входят только молодые люди).

Отдельно необходимо сказать о результатах исследования отношения современной молодежи к церковному браку. Было выявлено, что только 11% опрошенных считают такую форму брака приемлемой для себя. И определяющей причиной вступления считают веру в Бога, а также приверженность к традиции. Церковный брак не имеет популярности среди современной молодежи, возможно из-за того, что многие (около 25%

опрошенных) не знают, можно ли расторгать его, и более 70% опрошенных не уверены, что верят в Бога.

После анализа ответов опрошенных на вопросы, касающиеся семьи и карьеры (учебы), были получены следующие результаты.

Около 68% опрошенных развитие карьеры считают на данный момент приоритетнее для себя, чем создание семьи. При этом около 78% опрошенных считают, что брак и карьера вещи совместимые. 38% опрошенных считают, что брак негативно сказывается на учебе. 31% опрошенных считают, что все зависит от самого человека, и 22% опрошенных считают, что брак никак не сказывается на процессе обучения.

Также следует отметить, что многие из опрошенных говорят о негативном влиянии брака на карьеру и учебу.

К вопросу об установках родителей в период поступления ребенка в школу.

Черепанова Ульяна Геннадьевна

ассистент

Самарский государственный университет, Самара, Россия

E-mail: shirley@ssu.samara.ru

Период поступления ребенка в школу является важным этапом жизни ребенка и его семьи. При работе с родителями по формированию у них личностной готовности к поступлению ребенка в школу мы затрагиваем вопрос об установках родителей в связи с началом обучения ребенка, с воспитательной позицией родителей. Работа ведется с установками, с реальным поведением участников в процессе тренинга, обращается их внимание на авторство установок, т.е. на то, кто «на самом деле» принимает решения и управляет их поведением.

Одним из этапов работы является актуализация установок, которая возможна в ситуации ведения тренинга, а также в специально созданных для этого условиях типа ролевой игры.

Ролевая игра представляет собой набор ролей и правил, соблюдение которых позволяет отследить основные тенденции в поведении участников.

Что касается применения ролевой игры в целях работы с установками, то в данном случае работа возможна по следующим этапам:

Выявление когнитивного компонента установки: формулирования установки в виде высказывания типа «Я должен...», «Я всегда...» или «Я никогда...» и т.д.

Выявление эмоционального компонента установки, работа с чувствами, возникающими при актуализации установки.

Выявление поведенческого компонента установки: работа с ситуацией, актуализирующей установку, и формой ее реализации.

Результатом интегративной работы со всеми 3 компонентами является выход на жизненный сценарий, типичные психологические игры и манипуляции. Очевидно, что иррациональные установки формулируются в виде долженствования, приказов. Говоря в терминах транзактного анализа, такие установки являются функциями «Родителя». Таким образом, важно перевести эти установки из эго-состояния «Родителя» в эго-состояние «Взрослого». Это возможно посредством «Незаконченных предложений» типа «Все дети такие, потому что...» и т.д. Действительно, продолжая предложения, объясняя что – либо себе, участник переходит из «родительского» во «взрослое» состояние, являющегося критичным и аналитичным по своей функции. Важно закрепить, зафиксировать состояние критичности, а также отработать с чувствами, которые появились у родителей в процессе работы.

Другим вариантом работы с установками является работа по переводу формулировок установок из иррациональной в рациональную посредством изменения долженствования на обладание правом. Например, установка «Мой ребенок должен всегда слушаться меня» после преобразования может звучать следующим образом: «Ребенок имеет право на собственное мнение».

Сессия заканчивается с помощью вопроса: «Какие мне задачи стоит решить на данном жизненном этапе?» Таким образом, озвучивая эти задачи, участники определяют свои «проблемы», понимают их значимость, ставят их для себя в качестве «задач», которые можно решить, а не проблем, которые просто существуют как напрягающее начало.

Таким образом, в процесс формирования личностной готовности родителей к поступлению ребенка в школу включена работа с установками родителей будущих первоклассников.

Анализ возрастной динамики социализации детей старшего дошкольного и младшего дошкольного возраста³⁰

Шинина Татьяна Валерьевна³¹

аспирантка

Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

E-mail: schinina@mail.ru

В последние годы научный интерес к проблеме социализации существенно возрос. При рассмотрении различных подходов к термину «социализация» в отечественной и зарубежной социологии и психологии, отмечается, что данный термин не имеет однозначного толкования. (М.Мид, Н.Смелзер, У.Бронфенбреннер, И.С.Кон).

Мы опираемся на то понимание процесса социализации, которое наиболее распространено в отечественной социальной психологии (Г.М.Андреева).

Для большинства современных концепций социализации (за исключением биогенетических теорий) тезис о ведущей роли социальной детерминации процесса становления и развития личности является бесспорным. Различные теории социализации могут быть классифицированы, в том числе с точки зрения акцентирования определенных механизмов социализации: социального научения (бихевиористские модели), идентификации (психоаналитические концепции), социального сравнения (интеракционистские точки зрения) и социальной категоризации (когнитивистские теории).

В настоящее время проблема социализации продолжает исследоваться под руководством Т.Д.Марцинковской. Выявлен ряд существенных закономерностей в процессе социализации. (Т.В.Костяк 2000., Ю.А.Кобазева 2000., О.В.Брекина., 2003)

Обоснование проблемы повлияло на выбор методов исследования. Для изучения индивидуальных особенностей и качеств личности нами использовались методика «Десять отличий», детский опросник Айзенка, проективный рисуночный тест «Рисунок несуществующего животного», восьмицветовой тест «Люшера». Для исследования уровня сформированности социальных переживаний использовался рисуночный тест «Самое красивое – самое некрасивое». Для исследования субъективного и объективного видения себя в группе использовалась социометрия и методика «Маски». Референтометрия осуществлялась посредством рисуночной методики «Твой друг» и с помощью проведения беседы на выявление значимого сверстника в группе детского сада (классе). Идентичность детей исследовалась с помощью модифицированного теста М.Куна и Т.МакПартлэнда «Кто я?», а также проективных рисуночных тестов «Я в прошлом», «Я в настоящем» и «Я в будущем». Исследование особенностей социализации проводилось при помощи теста детской апперцепции (САТ).

Анализ данных, полученных при изучении особенностей процесса социализации детей, позволил выделить **четыре формы социализации**.

Первая форма социализации характерна для детей, которые эмоционально принимают и выполняют нормы и правила социальной группы, но при этом групповые нормы и ценности ими практически не осознаны и пассивно реализуются в поведении. Они занимают низкие статусные места в группе, которая их и не отторгает, но и не принимает полностью.

---

³⁰ Настоящая статья подготовлена по результатам исследований, проведенных в рамках научного эксперимента на базе ГОУ № 1633 г.Москвы.

³¹ Автор выражает признательность профессору, д.п.н. Марцинковской Т.Д. за помощь в подготовке тезисов.

Вторая форма социализации свойственна детям, которые не удовлетворены своим местом в группе. Они занимают статусное место, которое их не устраивает, то есть они претендуют на более высокое место в группе либо стремятся к общению с кем-то из тех ребят, которые входят в другую группировку. При этом они имеют очень четкие представления об установленных нормах и правилах, но не принимают их и, как правило, не выполняют, что приводит к активному отвержению их членами группы.

Третья форма социализации характерна для детей, которых принимает группа. Они занимают высокие статусные места в группе, осознают групповые нормы и положительно к ним относятся, главным образом потому, что группа их принимает и высоко оценивает. Осознанность норм и правил подтверждается и тем, что они достаточно хорошо умеют манипулировать правилами, демонстрировать необходимую модель поведения в зависимости от социальной ситуации, получая при этом положительную оценку со стороны окружающих.

Четвертая форма социализации проявляется у детей, которые эмоционально удовлетворены своим статусным местом, хотя и не занимают высоких мест в групповой иерархии. Их эмоциональное благополучие основывается на взаимном принятии членами группы, пусть и не всегда полностью осознанном групповых правил и ценностей.

Надо отметить, что особую роль в формировании образа мира в детском саду и школе играют группы сверстников. Группа сверстников — это первая свободно избранная ребенком группа, в отличие от семьи и группы взрослых. Ее особая ценность для ребенка в том, что он обретает независимость от контроля взрослых, порой даже возможность противодействия ему.

Анализ возрастной динамики социализации

Возраст	Особенности социализации			
	1 форма	2 форма	3 форма	4 форма
5–6 лет	35,7%	37,5%	24%	19%
6–7 лет	7%	25%	24%	26,4%
7–8 лет	35,7%	12,5%	27,5%	13,2%
8–9 лет	21,4%	19%	13,7%	15%
9–10 лет	–	6,2%	10,3%	26,4%

Из таблицы видно, что с возрастом у детей возрастает четвертая форма от 19% в 5–6 лет до 26,4% в 9–10 лет. Это свидетельствует о том, что с возрастом дети эмоционально принимают правила группы и находят свое статусное место в ней, что влияет на процесс социализации. При этом третья форма социализации снижается от 24% в 5–6 лет до 10,3% в 9–10 лет.

Снижение наблюдается также во второй форме социализации от 37,5% в 5–6 лет до 6,2% в 9–10 лет и в первой форме социализации от — 35,7% в 5–6 лет и до полного исчезновения в 9–10 лет.

Важным показателем успешной социализации, наряду с усвоением норм и ценностей общества, является положительное эмоциональное отношение к этим нормам, и, прежде всего к нормам и ценностям конкретной группы, с которой идентифицируется ребенок.

ПОДСЕКЦИЯ «НЕЙРОПСИХОЛОГИЯ»

Индивидуальные особенности адаптированности подростков и латеральные признаки

Баранова Марина Александровна

студентка

Белова Алла Николаевна

студентка

Белгородский государственный университет, Белгород, Россия

Одним из интереснейших в психологическом плане периодов жизни является подростковый период, который является одним из самых сложных и насыщенных периодов

жизни, В работе представлена попытка рассмотрения проблем этого возраста с точки зрения такого направления, как нейропсихология индивидуальных различий (Е.Д. Хомская с соавт., 1997; Москвин В.А., 1988, 2002).

Нарушение адаптации при акцентуациях подростков может иметь своим следствием психопатические или невротические проявления. Теоретически доказано, что психопатическим проявлениям чаще соответствуют гиперстенические эмоции (эйфория, мания, гнев, тревога), а невротическим – астенические (печаль, тоска, апатия, страх). Физиологическим субстратом первых является преобладание левополушарных мозговых структур, а вторых – правополушарных.

Предполагалось, что у подростков с правым показателем пробы «перекрест рук» можно проследить психопатические, а с левым – соответственно – невротические синдромы. В качестве испытуемых были исследованы учащиеся 8-х классов средней школы ($n=80$). В числе методик использовались: показатели пробы «перекрест рук» (ПППР) по А.Р. Лурия, которые отражают парциальное доминирование лобных отделов мозга (N.Sakano, 1982), методика УНП («Уровень невротизации и психопатизации») и методика «ПДО» А.Е. Личко. Таким образом, исследовались особенности межполушарной асимметрии и адаптации на подростковом этапе развития.

Усредненные данные примененных методик позволяют говорить о некоторых тенденциях характерологических особенностей в подростковом возрасте. Как по шкале «невротизации», так и по шкале «психопатизации» можно было наблюдать более высокие цифры у испытуемых с левым показателем пробы «перекрест рук» (по сравнению с испытуемыми с правым показателем той же пробы). Уровень «психопатизации» у лиц с правым ПППР составил – (-1,7); с левым ПППР – (-5,6); Уровень «невротизации» у испытуемых с правым ПППР – 21; с левым ПППР – 20,3).

Было выявлено, что показатели по шкалам невротизации и психопатизации имели более высокие значения среди подростков-мальчиков, чем среди девочек (как по шкале «невротизация», так и по шкале «психопатизация»). Исследование акцентуаций характера по А.Е. Личко позволяет говорить о некоторых гендерных особенностях в характере подростков.

Уровень невротизации и психопатизации у испытуемых с левыми показателями пробы «перекрест рук» в целом выше, чем у испытуемых с правыми ПППР. По В.А. Москвину (1988, 2002), эта проба отражает такой параметр индивидуальности как «эмоциональность» (является индикатором преобладания лобно-лимбического комплекса по В.Д. Небылицину). Таким образом, у лиц, с относительным доминированием правого полушария, можно наблюдать более высокие показатели как по шкале «психопатизация», так и по шкале «невротизация». Подростки данного типа реагируют на стрессовые воздействия более эмоционально и симптоматично, чем возможно и вызвано повышение показателей по шкалам невротизации и психопатизации. Более высокие уровни невротизации и психопатизации у подростков-мальчиков, по сравнению с девочками можно объяснить тем, что в этом возрасте более высокие требования и социальные ожидания предъявляются именно к мальчикам.

Результаты исследования могут быть использованы в целях разработки индивидуального подхода к обучаемому в педагогической и воспитательной деятельности.

Исследование взаимосвязи интеллекта и креативности у юношей и девушек с разным психофизиологическим профилем

Ефимушкина Наталья Викторовна

аспирантка

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

E-mail: avgust-let@mail.ru

Интеллекту и креативности как одним из важнейших аспектов индивидуальных различий посвящено большое число научных исследований в области психофизиологии, когнитивной психологии. Исследование взаимосвязи креативности и интеллекта у юношей и девушек является актуальной задачей, как в теоретическом, так и в практическом

плане. Целью нашего исследования является анализ и оценка характера взаимосвязи между уровнем развития вербальной, невербальной креативности и уровнем развития интеллекта у юношей и девушек. Мы исходили из гипотезы, что существует взаимосвязь между уровнем развития интеллекта, креативностью, и степенью выраженности межполушарной асимметрии и стилем мышления. Для подтверждения гипотезы в работе были поставлены следующие задачи: исследовать особенности взаимосвязи между уровнем развития креативности, интеллекта и стилем мышления; выявить связь между уровнем развития креативности, интеллекта и функциональной межполушарной асимметрией мозга у юношей и девушек. В качестве объекта исследования выступили юноши и девушки в возрасте от 17 до 25 лет. Всего в исследовании участвовало 137 человек из них 35 юношей и 102 девушки. Для решения поставленных задач и проверки гипотезы был использован комплекс методов: для определения индивидуального профиля функциональной межполушарной асимметрии мозга человека были использованы методики, описанные Н.Н.Брагиной, Т.А.Доброхотовой, для диагностики невербальной креативности использовался краткий вариант теста Торренса. Для диагностики вербальной креативности в исследовании использовался адаптированный тест Медника. Стиль мышления испытуемых изучался при помощи методики Е.Торренса «Выбор стороны». Для оценки уровня интеллектуального уровня развития использовался тест «Прогрессивные матрицы» Равена. В результате отбора в первую группу испытуемых с высокими интеллектуальными способностями IQ от 120 до 130 вошли 68 человек; во вторую группу вошли 59 испытуемых с интеллектуальными способностями выше среднего IQ от 120 до 100 единиц; в третью группу со средними интеллектуальными способностями IQ ниже 100 единиц вошли 10 человек. Анализ взаимосвязи уровня развития интеллекта и уровня развития креативности у юношей и девушек показал, что высокий уровень развития невербальной, вербальной креативности выявлен у 30,65% испытуемых с высоким уровнем развития интеллекта и у 20,44% испытуемых с уровнем развития интеллекта выше среднего. У 1,46% испытуемых со средним уровнем развития интеллекта обнаружен высокий уровень развития невербальной креативности, а вербальная креативность не обнаружена. Корреляционный анализ, показал наличие достоверной связи между показателями вербальной креативности и интеллектом ($r = 0,15$, $r = 0,18$, при $p < 0,01$), и невербальной креативностью ($r = 0,19$, $r = 0,18$, при $p < 0,01$). Полученные показатели по некоторым сериям «прогрессивных матриц Равена» подтверждают наши предположения о своеобразной взаимосвязи интеллекта и креативности. Показатели серии E, в которой действует принцип анализа и синтеза, коррелируют с вербальной креативностью ($r = 0,18$, $r = 0,19$, при $p < 0,01$), показатели серии A, в которой доминирует воображение и уровень визуального различия, коррелирует с невербальной креативностью ($r = 0,32$, $r = 0,22$, при $p < 0,01$). Однако не выявлены статистически значимые различия между показателями вербальной и невербальной креативности. Дальнейший анализ экспериментальных данных касался сопоставления профиля латеральной организации ФМАС и уровня развития интеллекта, а также уровня развития вербальной и невербальной креативности. В группе испытуемых с высоким уровнем развития интеллекта и высоким уровнем развития вербальной креативности выявлен у 90% – праволатеральный тип, и у 10% выявлен неравнораспределенный и равнораспределенный тип латеральности. Эти данные подтверждаются результатами корреляционного анализа в целом по всей выборке, показавшие наличие отрицательной корреляции вербальной креативности по параметрам уникальности и оригинальности с леволатеральной стратегией мышления ($r = -0,19$, $r = -0,31$) при статистической значимости $p < 0,05$ и положительная корреляция с праволатеральной стратегией мышления ($r = 0,17$, при $p < 0,05$). Для этой же выборки наблюдается положительная корреляция правого глаза с показателем вербальной оригинальности ($r = 0,20$, при $p < 0,05$). Данные показатели корреляции свидетельствуют о полушарных различиях при обработке вербального и невербального материала, наиболее выражены вербальные способности у испытуемых с доминирующим правым глазом и праволатеральной стратегией мышления. Установлено, что для выборки испытуемых с высокими показателями интеллекта характерна положительная корреляция между показателем IQ и правым глазом ($r = 0,24$, при $p < 0,05$) и отрицательная корреляция между показателем IQ и степенью выраженности леволатеральной стратегией мышления ($r = -$

0,26, при $p < 0,05$). Для выборки испытуемых с уровнем развития интеллекта выше среднего выявлена положительная корреляция вербальной уникальности со смешанной стратегией мышления ($r = 0,33$, при $p < 0,05$) и отрицательная корреляция с леволатеральной стратегией мышления ($r = -0,26$, при $p < 0,05$). Выявлены отрицательные корреляции праволатеральной стратегии мышления с показателями серии В теста «прогрессивные матрицы Равена» в которой раскрывается способность к умозаключению ($r = -0,26$, при $p < 0,05$) и корреляция правого уха с показателями серии С теста «прогрессивные матрицы Равена» ($r = -0,32$, при $p < 0,05$). При рассмотрении корреляционных связей в группах различающихся уровнем развития интеллекта, у испытуемых с высоким уровнем развития интеллекта вербальная креативность положительно коррелировала с праволатеральной стратегией мышления. В группе испытуемых с уровнем развития интеллекта выше среднего вербальная креативность коррелировала со смешанной стратегией мышления. Эта разница в характере корреляционных связей, свидетельствует, еще раз о полушарных различиях при обработке вербального материала у испытуемых с высоким и выше среднего уровнем развития интеллекта. Выявились существенные различия в решении вербальных задач у юношей и девушек. Этот факт подтверждается результатами корреляционного анализа, показавшего наличие у девушек с уровнем развития креативности выше среднего значимые корреляционные связи со смешанной стратегией мышления, а у юношей, была обнаружена значимая корреляционная связь вербальной креативности с праволатеральной стратегией мышления. В группах девушек и юношей с высоким уровнем развития интеллекта выявлены различия в корреляционных связях вербальной креативности и стратегией мышления. Обнаружены высокозначимые корреляционные связи у девушек, показатели правого глаза коррелируют с вербальной креативностью, а у юношей показатели правого глаза коррелируют с интеллектом. Анализ распределения латеральных признаков в сенсорно моторной системе показал различия в организации межполушарных отношений. Следует отметить тот факт, что у испытуемых с высоким уровнем развития интеллекта выявлено преобладание вербальной креативности и праволатеральных признаков сенсорно-моторной асимметрии.

Установленные связи между уровнем развития интеллекта и функциональной организацией мозга, позволяют говорить о значительных отличиях между испытуемыми с разным уровнем развития интеллекта.

Нейрокогнитивные механизмы заикания: интеграция данных психофизиологии, нейропсихологии, биомеханики и клинической психологии³²

Кисельников Андрей Александрович

аспирант

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: kiselnikov@mail.ru

Феномен заикания является одним из наиболее загадочных и интересных в современных когнитивных нейронауках, его изучением занимаются все большее и большее число научных лабораторий по всему миру. Этот дефект речи представляет собой очень сложное, многостороннее, системное нарушение. Имея в своей основе, по-видимому, первичный генетически детерминированный дефект, связанный с фактором речевой готовности, заикание в виде сформировавшегося патологического явления у взрослых людей системно нарушает когнитивные, эмоциональные и поведенческие аспекты психической деятельности. Очень важной как в научном, так и в прикладном (перспективы создания принципиально новых методик лечения) плане является задача выявления и изучения механизмов формирования, функционирования и излечения заикания. Одним из классов таких механизмов являются мозговые механизмы заикания. Изучение мозговых механизмов такого многоаспектного феномена должно вестись в русле интеграции подходов и ме-

---

³² Настоящая статья подготовлена по результатам исследований, проведенных в рамках гранта Российского Фонда Фундаментальных Исследований (грант № 04-06-80194).

тодов когнитивных нейронаук, таких как психофизиология и нейропсихология. Реализованный в нашем экспериментальном исследовании метод изучения мозговых механизмов заикания и представляет собой такой мульти- и междисциплинарный интегральный подход. Особый интерес в системном изучении заикания заключается в том, что оно представляет собой специфическое нарушение, вскрывающее работу очень тонких, внутренних звеньев функциональной системы речи. Это подтверждается большой сложностью феноменологии заикания, его нестабильностью, плохой прогнозируемостью его «включения» и «выключения», тесной, интимной связью со многими психологическими переменными. Фундаментальные нейронные механизмы заикания до сих пор неясны, тем не менее, в последние годы появилась возможность изучения патологии этих тонких звеньев функциональной системы речи с помощью объективных методов.

В междисциплинарном исследовании нейрокогнитивных механизмов заикания очень продуктивным является лонгитюдное изучение этого феномена в процессе его успешной коррекции (системы Л.З. Арутюнян, 1993; Ю.Б. Некрасовой, 1992). В нашей реализации этого подхода мы делали три среза – до основного курса коррекции, после и спустя определенное время поддерживающей терапии. Такой подход позволяет выявлять динамические, связанные с обратным развитием и компенсацией заикания звенья и компоненты внутри психологических и нейронных механизмов этого нарушения речи и уточнить пути их перестроек в ходе логопедической и психологической коррекции.

В эмпирическом исследовании были использованы следующие методы, комплексное применение которых в рамках единой экспериментальной парадигмы позволило провести мозговую локализацию дефектных компонентов речевой деятельности и выявить их динамику в процессе коррекции заикания: 1) метод регистрации ССП – связанных с событиями потенциалов (включая: зрительные вызванные потенциалы, слуховые вызванные потенциалы и потенциалы мозга, связанные с движением); 2) метод факторного анализа ЭЭГ и ССП (Вартанов, 2002); 3) метод локализации источников электрической активности мозга с помощью эквивалентных электрических диполей (программный комплекс BrainLock); 4) метод комплексной нейропсихологической диагностики испытуемых по схеме А.Р. Лурия с качественной и количественной оценкой полученных данных по Ж.М. Глозман (1999); 5) методика исследования реактивной и личностной тревожности (опросник Спилбергера), экспериментально-психологическая методика изучения фрустрационных реакций (модификация методики С.Розенцвейга, разработанная в НИИ им. В.М. Бехтерева) и «Опросник критических ситуаций» (ОКС), позволяющий дифференцировать психологические особенности коммуникативных ситуаций, критических для заикающихся людей; 6) специальная аппаратная методика изучения движений (ходьбы) у заикающихся (система «Биомеханика-2»). Важно заметить, что предлагаемая комплексная система изучения механизмов заикания позволяет объективно сопоставлять результаты различных методик лечения заикания. В исследовании приняли участие 12 заикающихся испытуемых, проходящих речевую и личностно-психологическую коррекцию по методике устойчивой нормализации речи (6 чел. – система Л.З. Арутюнян) и по методике групповой логопсихотерапии (6 чел. – система Ю.Б. Некрасовой), а также 12 человек с плавной речью (норма).

Изучение особенностей реагирования в критических коммуникативных ситуациях у заикающихся показало, что наиболее критическими для них являются типы ситуаций «Публичное общение с большой аудиторией» и «Коммуникация с просьбой/выполнением помощи», и по этим же двум типам наблюдается максимальная положительная динамика в ходе коррекции. Изучение особенностей поведенческого реагирования заикающихся в ситуациях фрустрации по методике С. Розенцвейга показало преобладание экстрапунитивных реакций в форме вербальной агрессии, снятия с себя ответственности за преодоление ситуации и низкочастотность интропунитивных реакций (характеризующих направленность реакций субъекта на самого себя, в том числе стремление взять ответственность за самостоятельное разрешение ситуации). После коррекции снизилось количество экстрапунитивных реакций и возросло число реакций с фиксацией на удовлетворении потребности, характеризующих интенцию к активному, «действенному» разрешению ситуации. Изучение тревожности показывает, что как личностная, так и реактивная компонента тревожности повышены при заикании и редуцируются в ходе терапии.

Результаты анализа ССП всех исследованных типов показывают, что волновая форма ССП (в т.ч. амплитуды и латентности компонентов) отличается у заикающихся по сравнению с нормой, причем возможно выделить тенденции изменения этих параметров в динамике коррекции. Выявляются различия в дипольной локализации ССП в объеме нервной ткани как при сравнении групп нормы и заикания, так и между фазами коррекции в группе заикания. Результаты анализа движений у заикающихся показывают, что многие моторные параметры походки и постуральной устойчивости нарушаются при заикании, и прежде всего возникают проблемы в динамическом распределении и переключении компонентов действия, в частности, увеличивается относительный период переноса движения на двойную опору. Этот компонент действия можно интерпретировать как отражающий готовность к движению (шагу). Это позволяет нам говорить о единстве мозговых механизмов моторной и когнитивной готовности в психическом функционировании человека. Результаты анализа нейропсихологического исследования показывают, что больше всего при заикании нарушаются мнестическая, нейродинамическая и двигательная сферы, а больше всего нейропсихологических симптомов порождаются нарушениями в работе глубинных и заднелобных структур мозга. При коррекции наибольшую положительную динамику показывают нейродинамическая и мнестическая сферы.

Таким образом, проведенное исследование позволило объективно рассмотреть нейрокогнитивные механизмы заикания и его коррекции.

Проба А.Р. Лурия «перекрест рук» и особенности волевой регуляции

Измельцева Ольга Александровна, Комарова Евгения Геннадьевна,

Соболев Роман Витальевич

студенты

Белгородский государственный университет, Белгород, Россия

В последние десятилетия на стыке дифференциальной психологии и нейропсихологии успешно развивается такое новое направление как нейропсихологический подход к проблеме индивидуальных различий (Е.Д. Хомская с соавт., 1997; Москвин В.А., 1988, 2002). В настоящей работе рассматривается вопрос о возможных связях особенностей процессов волевой регуляции у лиц с разными признаками латеральности.

Согласно воззрениям А.Р. Лурия (1973) за функции контроля, планирования и регуляции деятельности отвечает третий блок мозга (лобные его отделы). Очевидно, что это имеет самое непосредственное отношение и к процессам волевой регуляции. В качестве испытуемых нами были взяты студенты 1–4 курсов факультета физического воспитания (юноши 17–20 лет, $n = 50$). В числе методик использовались: показатели пробы «перекрест рук» (ПППР) по А.Р. Лурия (1969), которые по данным ЭЭГ отражают парциальное доминирование контрлатеральных лобных отделов мозга (по N. Sakano, 1982), методика «Самооценка волевых качеств студентов – спортсменов» по Н.Е. Стамбуловой. Методика включает такие шкалы как «целеустремленность», «смелость и решительность», «настойчивость и упорство», «инициативность и самостоятельность», «самообладание и выдержка» (Ильин Е.П., 2000). Дополнительно использовалась методика САН (включающей шкалы «самочувствие», «активность», «настроение»). В выборке 25 испытуемых было с правым ПППР и 25 – с левым. Предполагалось, что у испытуемых с разными показателями пробы «перекрест рук» можно будет проследить и разные особенности волевой регуляции. Для статистической обработки данных применялся критерий Фишера (использовалась система Stadia).

Сравнение усредненных данных показало, что испытуемые с правыми ПППР (по сравнению с испытуемыми с левыми ПППР) обнаруживают более высокие показатели по шкале «целеустремленность» (23,2 б. и 21,7 б. соответственно, $p < 0,05$). В методике САН испытуемые с правыми ПППР (по сравнению с испытуемыми с левыми ПППР) также обнаружили более высокие показатели по шкалам «самочувствие» (4,4 б. и 4,1 б. соответственно, $p < 0,05$) и «активность» (4,9 б. и 4,2 соответственно, $p < 0,05$).

Полученные данные показывают, что испытуемые с правыми и левыми показателями ПППР по А.Р. Лурия обнаруживают достоверные различия по ряду шкал приме-

ненных методик. Это позволяет говорить о наличии индивидуальных особенностей волевой регуляции человека, связанных, в свою очередь, с индивидуальными профилями латеральности (Москвин В.А., 1988, 2002). Полученные данные подтверждают положение Е.Д. Хомской о наличии асимметрии блоков мозга по А.Р. Лурия, в том числе, и третьего блока. Она отмечала, что «регуляторные аспекты эмоционального реагирования также по преимуществу обеспечиваются структурами лобных отделов левого полушария» (Хомская Е.Д., 1995, с.24),

Эти положения подтверждаются данными проведенных психодиагностических исследований лиц с разными латеральными особенностями. Это говорит также о том, что парциальное доминирование левой лобной доли у лиц мужского пола связано с более высокими показателями сформированности жизненных целей (целеобразования) и «временной перспективы» (Москвин В.А., 1988, 2002). Полученные данные могут быть полезны для развития нейропсихологии индивидуальных различий, а также практически использованы для диагностики индивидуальных особенностей волевой регуляции.

Латеральные признаки и особенности смысложизненных ориентаций (на примере студентов – психологов)

*Корнеева Светлана Анатольевна*³³

аспирантка

Белгородский государственный университет, Белгород, Россия

Методика исследования смысложизненных ориентаций (СЖО) является адаптированной версией теста "Цель в жизни" (Purpose-in-Life Test) Дж. Крамбо и Леонгарда Махолика. Методика была разработана на основе теории стремления к смыслу и логотерапии Виктора Франкла. Русифицированный вариант методики был предложен Д.А. Леонтьевым (1992). Представляет интерес вопрос о возможных связях особенностей смысложизненных ориентаций у лиц с разными профилями функциональных асимметрий в рамках нейропсихологического подхода к проблеме индивидуальных различий (Е.Д. Хомская с соавт., 1997; Москвин В.А., 1988, 2002).

Согласно концепции А.Р. Лурия (1973) за функции контроля, планирования и регуляции деятельности отвечает третий блок мозга (лобные его отделы). Эти функции имеют самое непосредственное отношение и к процессам формирования смысложизненных ориентаций. В качестве испытуемых были взяты студенты 2-го курса факультета психологии (n = 35). В числе методик использовались: показатели пробы «перекрест рук» (ПППР) по А.Р. Лурия (1969), которые отражают парциальное доминирование контрлатеральных лобных отделов мозга (по N. Sakano, 1982) и методика СЖО по Д.А. Леонтьеву (1992). В выборке 20 испытуемых было с правым ПППР и 15 – с левым. Предполагалось, что у испытуемых с разными (правыми или левыми) показателями пробы «перекрест рук» можно будет проследить и разные особенности смысложизненных ориентаций. При статистической обработке данных применялся критерий Фишера (использовалась система Stadia).

Сравнение усредненных данных показало, что испытуемые с правыми ПППР (по сравнению с испытуемыми с левыми ПППР) обнаруживают более высокие показатели по шкале «цели» (36,3 б. и 33,93 б. соответственно, $p < 0,05$). Высокие баллы по этой шкале характеризуют наличие в жизни испытуемого целей в будущем, которые придают жизни осмысленность, направленность и тесно связаны с таким понятием как «временная перспектива». Также испытуемые с правыми ПППР (по сравнению с испытуемыми с левыми ПППР) обнаружили более высокие показатели и по шкале «локус-контроль Я» (Я – хозяин жизни) – 23,46 б. и 21,26 б. соответственно ($p < 0,05$). Высокие баллы данной шкалы соответствуют представлению о себе как о сильной личности, обладающей достаточной свободой выбора, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими це-

---

³³ Автор выражает признательность профессору, д.псих.н. Москвину В.А. за помощь в подготовке тезисов.

лями и представлениями о ее смысле. Низкие баллы означают неспособность контролировать события собственной жизни.

Полученные данные показывают, что испытуемые с правыми и левыми показателями ПППР по А.Р. Лурия обнаруживают достоверные различия по ряду шкал методики СЖО, что позволяет говорить о наличии индивидуальных стилей СЖО, связанных, в свою очередь, с индивидуальными профилями латеральности (Москвин В.А., 1988, 2002). Полученные данные также подтверждают наличие асимметрии третьего блока мозга, а также то, что парциальное доминирование левой лобной доли у лиц мужского пола связано с более высокими показателями сформированности жизненных целей, «временной перспективы» и показателями «локус-контроля Я». Полученные данные расширяют наши познания в общей психологии и нейропсихологии индивидуальных различий (с учетом индивидуальных особенностей формирования смысложизненных ориентаций), могут быть практически использованы с педагогической и возрастной психологии.

Признаки асимметрии и особенности временной перцепции у наркозависимых

*Лапина Анна Сергеевна, Голощапов Игорь Владимирович*³⁴

студент

Белгородский государственный университет, Белгород, Россия

Проблема исследования особенностей восприятия времени актуальна для общей психологии, инженерной и организационной психологии, а также для клинической психологии. В данной работе рассмотрены особенности временной перцепции у лиц с проявлениями наркозависимости и с разными признаками асимметрии (латеральной организации) в рамках нейропсихологического подхода к проблеме индивидуальных различий (Е.Д. Хомская с соавт., 1997; В.А. Москвин, 1988, 2002).

В качестве испытуемых были взяты мужчины молодого возраста со средним и высшим образованием (23–33 лет, $n = 30$), страдающие героиновой зависимостью. В контрольную группу вошли также 30 мужчин с аналогичным возрастным и социальным статусом. В числе методик использовались: показатели пробы «перекрест рук» по А.Р. Лурия (1969), которые отражают парциальное доминирование контрлатеральных лобных отделов мозга (по N.Sakano, 1982), и шкалы временной направленности и временной семантический дифференциал (Е.И. Головаха, А.А. Кроник, 1984). При статобработке данных применялся критерий Фишера (использовалась система Stadia).

Усредненные данные шкал временных ориентаций показывают, что показатели по шкале «прошлое» выше у наркозависимых – 7,5 балла (у здоровых – 4,6 б., $p < 0,001$). Показатели по шкале «настоящее» у наркозависимых составили 9,3 б., у здоровых – 10,27 б. ($p < 0,029$). По шкале «будущее» – у наркозависимых – 6,9 б., у здоровых – 8,93 б. ($p < 0,002$). По шкалам методики «временной семантический дифференциал» значимых различий не обнаружено. Данные шкалы «дискретность – континуальность» у наркозависимых составили 16,5 б., у здоровых – 16,1 б. ($p > 0,05$). По шкале «напряженность психологического времени»: у наркозависимых – 16,4 б., у здоровых – 16,0 б. ($p > 0,05$). По шкале «эмоциональное отношение ко времени»: у наркозависимых – 15,8 б., у здоровых – 16,0 б. ($p > 0,05$). Сравнение усредненных данных шкал временных ориентаций в выборке наркозависимых с учетом разных показателей пробы «перекрест рук» показало, что группа с правым показателем пробы «перекрест рук» (ПППР; $n = 11$) обнаруживает меньшую направленность в прошлое, у них этот показатель составил 5,0 б., а в группе с левым показателем пробы «перекрест рук» – 9,0 б. ($p < 0,001$). Группа с правыми ПППР больше направлена на настоящее (10,8 б.), чем группа с левыми ПППР – 8,7 б. (однако полученные данные статистически не достоверны, $p > 0,5$). Группа с правыми ПППР об-

---

³⁴ Авторы выражают признательность профессору, д.псих.н. Москвину В.А. за помощь в подготовке тезисов.

наруживает более высокие показатели направленности в будущее – 9,1 б., в группе с левыми ПППР этот показатель составил 6,2 б. ($p < 0,01$).

Результаты исследования свидетельствуют о статистически значимом снижении показателей направленности в будущее у наркозависимых, а также об их большей ориентации в прошлое (по сравнению со здоровыми лицами). Полученные данные также подтверждают результаты В.А. Москвина (2002) о более высоких показателях направленности в будущее и о более высоком уровне прогностических способностей у лиц с парциальным доминированием левых лобных отделов. Как известно, лобные доли составляют основу третьего блока мозга по А.Р. Лурия (1973) и отвечают за функции контроля, планирования и регуляции функций. Говоря об асимметрии блоков мозга, Е.Д. Хомская (1995) также отмечала большую роль в этих процессах именно левой лобной доли. Полученные данные могут быть использованы в нейропсихологии индивидуальных различий и в клинической психологии.

Нейропсихологические особенности подростков, совершивших преступления

Мельник Серафима Николаевна

студентка

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

E-mail: msima@yandex.ru

Проблема преступности и причин, порождающих преступное поведение, во все времена занимала умы многих ученых. За последние десять лет в России существенно увеличилось количество преступлений, совершаемое несовершеннолетними.

Нам представляется важным вопрос учета нейропсихологического фактора при изучении подростковой преступности. Особенности функционирования нервной системы несовершеннолетнего и мозговая организация психических процессов оказывают существенное влияние на психологические черты, а, следовательно, и на их проявлении в общественно опасном поведении, составляя нейрофизиологическую основу криминального поведения. Следует отметить, что речь идет не о биологизации некоторых причин преступности, а о влиянии мозговой организации на специфику функционирования и проявления некоторых аспектов преступного поведения.

По мнению многих авторов, органический фактор является обязательным этиопатогенетическим звеном в механизме формирования девиаций поведения и основное патологическое воздействие приходится именно на тот этап онтогенеза, когда еще не закончено биологическое созревание, как морфологических структур, так и механизмов функционирования мозга. Характер этих нарушений, преломляя весь ход церебрального развития, не может не находить своего отражения в актуальном состоянии психических процессов и специфике их мозговой организации. Их выявление и анализ должны иметь решающее значение для изучения патогенетических механизмов формирования и регуляции антисоциального поведения.

Исследования нейропсихологических особенностей правонарушителей весьма многочисленны, однако, анализ литературы по интересующей проблеме позволяет предполагать, что незрелость или дисфункции определенных областей мозга, могут составлять нейрофизиологическую основу асоциального поведения. Чаще всего речь идет о незрелости или дисфункциях лобных и лобно-височных отделов коры головного мозга, составляющих морфологическую основу третьего функционального блока мозга, который обеспечивает контроль, регуляцию и программирование своей деятельности.

В проведенном нами исследовании были изучены нейропсихологические особенности подростков-правонарушителей, отбывающих наказание в одной из воспитательных колоний Иркутской области. Для изучения исследуемого нами явления была использована батарея нейропсихологических тестов, основанная на схеме нейропсихологического исследования Е.Д. Хомской.

В исследовании принимали участие 26 воспитанников в возрасте от 14 до 18 лет, большую часть (15 человек) составляют воспитанники в возрасте семнадцати лет. До

поступления в исправительное учреждение 16 испытуемых обучались в школе, 6 окончили начальную школу и работали, 4 испытуемых не работали и не учились.

Большую часть воспитанников 20 человек (77%) составили выходцы из неполных семей со средним и низким материальным достатком, процент судимостей в семьях составил 79%.

В исследуемой группе на первый план выступают нарушения внимания и мыслительной деятельности.

Внимание отличается низкой степенью концентрации и переключаемости у 12 воспитанников (45,8%).

Успешность выполнения заданий на опосредованное запоминание составляет 43,5% что может объясняться несколько сниженной способностью к абстрагированию.

Операции анализа и синтеза несколько затруднены. Процессы установления логических связей и отношений доступны, однако продуктивность выполнения такого рода заданий составляет 55%.

Ошибочные решения при выполнении экспериментальных заданий на счетные операции составили 43,4%, что в большинстве наблюдений связано с упрощением программы действий, неспособностью составить внутренний план действий, наличием perseverаторных ошибок и колебанием внимания.

Следует обратить внимание на ряд интегративных параметров, одним из которых является оценка состояния нейродинамической составляющей психических процессов. Ее недостаточность различной степени имела место в 62,5% случаев и наиболее часто выражалась в колебаниях внимания, активности и работоспособности, феноменах нарушения избирательности психических процессов.

Таким образом, на основании проведенного исследования мы можем говорить о заинтересованности лобных зон коры головного мозга, которые входят в структуру третьего функционального блока мозга, обеспечивающего программирование, регуляцию и контроль деятельности и составляющего нейрофизиологическую основу социально приемлемых форм поведения.

Исследования в данной области могут использоваться в психологическом консультировании по проблемам преступности в подростковой среде, дадут материал для проведения комплексных судебно-психиатрических экспертиз, позволит более продуктивно проводить коррекцию данного типа девиантного поведения.

Особенности межполушарного взаимодействия у леворуких при выполнении различных видов когнитивной деятельности

Саакян Оксана Сааковна

студентка

Ростовский государственный университет, Ростов, Россия

E-mail: Oksana_Saakyan@mail.ru

Проблема леворукости является одной из наиболее спорных в различных областях науки о человеке, таких как медицина, нейробиология, психология и т. д. Трудность изучения данного феномена заключается в его противоречивости. За последние десятилетия накопилось огромное количество теорий объясняющих феномен леворукости, её происхождение, клинических исследований межполушарной организации мозга левшей и правшей, но даже они не в состоянии дать ответы на многие нерешенные вопросы. Это говорит о необходимости дальнейшей разработке данной проблемы. Многие исследования говорят о более высоких способностях леворуких к творческим решениям проблем. Несмотря на противоположное понимание феномена левшества со стороны многих исследователей, одни считают их неполноценными и видят возникновение леворукости в родовой травме (П.Бэкон), патологии развития мозга; другие одаренными и уникальными по сравнению с правшами. Последние данные исследований показывают, что леворукие люди представляют специфическую группу в плане их онтогенеза, развития и закономерности протекания ВПФ, поэтому многие из приписываемых им «патологиче-

ских» черт (неврозы, иммунные расстройства, алкоголизм и т.д.) связаны с недостатком знаний и внимания к их процессу развития и воспитания.

Цель исследования. Целью стало изучение специфики межполушарного взаимодействия леворуких людей с помощью анализа ЭЭГ, в частности изучение специфики схемы межцентральных связей на основе функции кросс-корреляции (к-к), функции когерентности (ког), выявление активных зон мозга, путем оценки абсолютных значений мощностей (АЗМ) в диапазонах тета, альфа, бета-1 и бета-2 в симметричных отделах обоих полушарий. В эксперименте принимали участие 10 правшей и 10 левшей в возрасте от 18–21 года женского пола. Отбор в контрольную и экспериментальную групп проводился следующим образом: у всех испытуемых нами был определен профиль ФМА (функциональной межполушарной асимметрии по методике Брагиной Н.Н.– Доброхотовой Т.А.). Были выявлены следующие группы: 1 – испытуемые с правым парциальным профилем асимметрии (ведущей правой рукой), которые составили контрольную группу, 2 – испытуемые с парциальным левым профилем асимметрии (ведущей левой рукой), они составили экспериментальную группу.

Методика. ЭЭГ регистрировалось с помощью 21 отведения, расположенных по системе 10/20 в симметричных точках правого и левого полушария. Также были установлены основные полиграфические каналы: ЭКГ, ЭОГ, ФПГ, с целью подавления артефактов для чистоты полученных данных. В качестве когнитивного задания использовались следующие стимулы: 1 – различение звуковых тонов (значимого-незначимого), 2 – творческое задание (придумать рассказ с использованием заданных слов), 3 – счет (последовательное возведение двойки в квадрат), 4 – логическая задача, 5 – восприятие зрительного образа (узнавание изображения). Далее сравнивались данные фоновой активности мозга с ЭЭГ функциональных проб между выбранными группами по выше указанным параметрам.

Результаты исследований. При различении звуковых тонов: у праворуких, также как и у леворуких, в тех же диапазонах активность выше в парийтальных и фронтальных отделах мозга, однако характер межполушарных связей по к-к и по ког. меняется. При анализе к-к у праворуких связи локализованы в лобных и центральных зонах, у леворуких – в лобных, центральных и парийтальных отделах; по ког – высокая когерентность между фронтальными, центральными, парийтальными отделами мозга обоих полушарий в диапазоне 2–13гц, 50–70гц – лобные доли обоих полушарий. У леворуких по функции ког. обнаруживается большая вариативность, если выделить общее, то высокая ког. между фронтальными, центральными, парийтальными отделами мозга обоих полушарий в диапазоне 8–13гц, выше 25–35гц когерентные связи локализованы в пределах каждого из полушарий (разобщенность), 50–70гц – преимущественно фронтальные отдела обоих полушарий.

2 задание – творческая задача: у праворуких по АЗМ в диапазонах тета – ритма, альфа, бета-1 и бета-2 активна фронтальные и окципитальные зоны мозга, у леворуких фронтальные, парийтальные и окципитальные зоны. По функции к-к и по ког. при анализе специфики межполушарного взаимодействия не было выявлено существенных различий. По к-к связи локализованы в лобных, центральных и парийтальных отделах, по ког – высокая ког. между фронтальными, центральными, парийтальными отделами мозга обоих полушарий в диапазоне 8–13гц, 50–70 гц лобные доли обоих полушарий.

3 – счетная задача: у праворуких по АЗМ большая активность проявлялась в отведениях FP1,FP2, P4,O2.O1, T6, у леворуких во фронтальных и парийтальных отделах. По к-к – праворукие показывают ту же картину (центральные и лобные отделы), по ког – высокая между фронтальными, центральными, парийтальными отделами мозга обоих полушарий в диапазоне 8–13гц, 50–70 гц лобные доли обоих полушарий. У леворуких по к-к – задействованы лобные, центральные, парийтальные и затылочные зоны мозга, по ког – высокая между фронтальными, центральными, парийтальными отделами мозга обоих полушарий в диапазоне 8–13гц, в более высоких диапазонах (бета-2), когерентные связи локализованы в каждом из полушарий (разобщенность).

4 – логическая задача: по АЗМ у праворуких и леворуких наиболее активны фронтальные, парийтальные, окципитальные зоны мозга. По к-к у праворуких связи локализованы в лобных и центральных зонах, у леворуких лобные, центральные, парийтальные,

темпоральные и затылочные зоны. По ког – праворукие обнаруживают ту же картину (между фронтальными, центральными, парийтальными отделами мозга обоих полушарий в диапазоне 8–13гц, 50–70гц лобными долями), у леворуких по ког иная картина высокая когерентность между фронтальными, центральными, парейтальными отделами мозга обоих полушарий в диапазоне 0.5–13гц, выше разобщенность полушарий, 50–70гц лобные отведения обоих полушарий.

5 задача – зрительное восприятие: по АЗМ в узнавании зрительного образа у праворуких и леворуких активны парейтальные и окципитальные зоны мозга. По функции к-к специфика межцентральных связей у праворуких выражена в центральных, лобных и парейтальных отделах, у леворуких затылочные, парийтальные и фронтальные отделы. По ког – высокая ког между фронтальными, центральными, парийтальными, темпоральными и окципитальными отделами в диапазоне 8–13гц, выше между центральными и фронтальными отделами мозга – у правшей; у левшей высокая ког между фронтальными, центральными, парийтальными, темпоральными и окципитальными зонами в диапазоне 0.5–13гц, концентрация когерентных связей в одном из полушарий, 50–70гц лобные доли обоих полушарий.

Вывод: полученные нами данные анализа АЗМ, к-к, ког, в диапазонах тета - ритма, альфа, бета-1 и бета-2 на группах людей с правым парциальным и левым парциальным профилем асимметрии говорят, что у людей с ведущей левой рукой или леворуких специфика межполушарных связей отличается большей пластичностью, чем у праворуких. Особенно это видно при анализе когерентности соответствующих проб у двух групп, так когерентные связи у леворуких более вариативны, охватывают фронтальные, центральные, парийтальные, окципитальные зоны мозга, как в процессе межполушарного взаимодействия, так и внутримушарного. То выполнение ими любой новой для них деятельности приводит к появлению новых межполушарных связей, что способствует лучшей адаптации к новой для них ситуации.

Индивидуальные стили реагирования на стрессовые ситуации у лиц с разными латеральными особенностями

Стрекозова Ирина Николаевна, Белова Алла Николаевна

студентки

Белгородский государственный университет, Белгород, Россия

Понятие «стресс» в современной психологии и психофизиологии (базирующийся на клинических исследованиях Г. Селье) включает в себя представления о связях стресса с нагрузкой на сложные системы (биологические, психологические, социально-психологические) и с сопротивлением этой нагрузке. В соответствии с этим представляет интерес рассмотрение индивидуальных особенностей реагирования на стрессовые ситуации у лиц с разными профилями латеральной организации в рамках нейропсихологического подхода к проблеме индивидуальных различий (Е.Д. Хомская с соавт., 1997; Москвин В.А., 1988, 2002).

Предполагалось, что у испытуемых с разными (правыми или левыми) показателями пробы «перекрест рук» (ПППР) можно будет проследить и разные стили реагирования на стрессовые ситуации. В качестве испытуемых были взяты студенты вуза (девушки, 1-й курс, n = 64). Из них 34 испытуемых было с правым ПППР и 30 – с левым. В числе методик использовались: показатели пробы «перекрест рук» по А.Р. Лурия (1969), которые отражают парциальное доминирование контрлатеральных лобных отделов мозга (по N.Sakano, 1982), и шкалы реактивной и личностной тревожности Спилбергера-Ханина (ШРЛТ). Испытуемым дважды проводились замеры артериального давления (АД), частоты пульса и показателей ШРЛТ в период сдачи первой в их жизни сессии – первый раз в относительно нейтральной ситуации (на консультациях) и второй раз в стрессовой ситуации (непосредственно перед сдачей экзамена). При статобработке данных применялся критерий Фишера (использовалась система Stadia).

Сравнение усредненных данных показало, что испытуемые с левыми ПППР (по сравнению с испытуемыми с правыми ПППР) обнаруживают более низкие показатели

систолического АД как на консультациях (114,9 и 120,4), так и в ситуации сдачи экзамена (121,1 и 129,8, $p < 0,01$). Вместе с тем, испытуемые с левыми ПППР (по сравнению с испытуемыми с правыми ПППР) обнаружили более высокие показатели реактивной тревожности как в ситуации консультаций (51,4 б. и 47,6 б.), так и перед сдачей экзамена (48,8 б. и 48,1 б., $p < 0,05$).

Полученные данные позволяют говорить о том, что испытуемые с правыми и левыми показателями ПППР обнаруживают разные типы реагирования на стрессовые ситуации. Испытуемые с левыми ПППР по объективным физиологическим показателям (систолическое АД) обнаруживают достоверно более низкие данные по сравнению с испытуемыми с правыми ПППР. Вместе с тем, они обнаруживают более высокие показатели реактивной тревожности, что можно трактовать как несовпадение объективной и субъективной оценок переживания стрессового состояния. Таким образом, «правополушарные» индивиды объективно более устойчивы к воздействию стрессовых ситуаций, чем «правополушарные» (что совпадает с точкой зрения таких авторов, как, например, Хаснулин В.И., 1997), однако субъективно они оценивают себя более «вовлеченными» в стрессовую ситуацию, более интенсивно ее переживают (по сравнению с испытуемыми с правыми ПППР), что совпадает с данными о большей эмоциональности «правополушарных» индивидов (Москвин В.А., 1988, 2002).

Таким образом, результаты исследования выявили несовпадение объективных и субъективных показателей переживания стрессовых ситуаций у лиц с признаками правополушарного доминирования, что позволяет говорить о наличии индивидуальных стилей реагирования на стресс. Полученные данные могут быть использованы на практике в педагогической и в клинической психологии.

ПОДСЕКЦИЯ «ПСИХОЛОГИЯ ПОДРОСТКОВОГО И ЮНОШЕСКОГО ВОЗРАСТА»

Влияние семьи на формирование системы ценностных ориентаций в юношеском возрасте

Агафонова Наталья Валерьевна

студентка

Белгородский государственный университет, Белгород, Россия.

E-mail: natysiky@mail.ru

В юности особо остро стоит вопрос выбора своего индивидуального пути, вопрос собственной системы ценностей. Построение и переоценка системы ценностей – основной процесс личностного развития в юношеском возрасте. По мере взросления юношей, их взгляды и интересы, под влиянием общества, меняются, часто расходясь с родительскими. Ценностные ориентации родителей не могут не оказывать влияния на ценностно-смысловое пространство и психологический микроклимат семьи. В юношеском возрасте ярче, чем в предшествующие периоды проявляется расхождение во взглядах родителей и ребенка. Во внутрисемейных отношениях наблюдается сочетание устойчивых и изменчивых периодов. Все члены семьи пытаются сохранить эмоциональные связи, перестраивая характер взаимодействия, друг с другом. Важно было выяснить, насколько эта перестройка влияет на систему ценностных ориентаций у родителей и детей т. к. общность ценностей позволяет определить степень сплоченности в семье и родство взглядов разных поколений. Различие в системе ценностей позволяет, в случае необходимости, предотвратить конфликты внутри семьи и повысить шансы для успешного общения. Сохранение сплоченности семьи играет большую роль в процессе формирования личностной идентичности юноши, это важно как для личности ребенка, так и для семьи в целом. Семьи лучше всего адаптируются к уходу выросших детей в тех случаях, когда дети и родители способны пойти друг другу навстречу, учитывая личные ценности, интересы.

При проведении исследования мы использовали методику «ценностных ориентаций» М.Рокича. Исследование проводилось по типу корреляционного исследования в апреле 2005 года, в нем принимали участие студенты Белгородского государственного университета 1 и 2 курса факультета психологии и их родители. Выборку составили 48 человек, из них юноши – 24 человека, родителей юношей – 24 человека.

В результате проведенного эмпирического исследования мы пришли к выводу, что существует тесная взаимосвязь между системой ценностных ориентаций родителей и детей. Система ценностных ориентаций родителей более устойчива, удельный вес отдельных ценностей выше, чем у детей. У родителей система ценностей выражена в более определенных, значимых оценках, что придает ей рельефный характер. Корреляционный анализ позволил выявить сильную положительную связь между системами ценностей родителей и детей. Коэффициент корреляции по терминальным ценностям равен 0,74, по инструментальным 0,72.

Можно сделать следующие выводы:

- мировидение юношей в значительной мере определяется ценностными ориентациями, на которые, несомненно, повлияли ценности взрослых;
- доминирующие ценности-средства у взрослых: ответственность, честность, трудолюбие. Эти главные качества способствуют достижению таких ценностей-целей, как: здоровье, счастливая семейная жизнь, спокойствие в стране и мире;
- для юношей значимыми ценностями-целями являются: любовь, духовная связь с человеком, здоровье и материально обеспеченная жизнь. Пути достижения этих целей (ценности-средства) они видят в преобладании ответственности, честности.
- негативное отношение юношей проявляется к таким ценностям-средствам, как терпимость по отношению к другим людям, к их недостаткам, а так же к людям с высокими требованиями к жизни. Не ценятся жизненная мудрость и красота природы и искусства, как ценности-цели.
- для взрослых характерно отрицательное отношение к таким ценностям-средствам как: высокие запросы, непримиримость к недостаткам. Незначимыми ценностями-целями являются: творческая деятельность, получение удовольствий, красота природы.

Сходство в терминальных ценностях родителей и детей – высокая значимость здорового образа жизни. Для родителей высока значимость спокойствия в стране и мире, что может быть следствием повышения вероятности возникновения террористических актов. Красота природы и искусства – ценность – аутсайдер, как у взрослых, так и у детей-юношей. Это можно объяснить как воспитанием, принятыми культурными нормами в данной семье, а точнее их отсутствием, либо общим низким уровнем культуры в нашей стране. Как взрослые, так и юноши довольствуются лишь теми знаниями культуры, эстетики, которые они получили в школе, институте.

Сходство в инструментальных ценностях – ответственность, честность занимают ведущие позиции и у детей и у родителей, а высокие запросы и непримиримость к недостаткам – самые низкие. Трудолюбие – ценность, которая стоит гораздо выше в рейтинге у родителей, чем у детей. Взрослые люди, которые знают цену своего времени, считают, что поставленных целей, скорее всего можно добиться честным трудом и полной самоотдачей.

Предположение о влиянии семьи на систему ценностей ребенка подтвердилось. Выявленная тесная взаимосвязь в системах ценностных ориентаций может быть следствием личностного инфантилизма у юношей, что может, выражается в высокой зависимости от мнений, взглядов, установок родителей. Так же, данная взаимосвязь, может говорить о значимости детско-родительских отношений со стороны юношей, как вполне сформировавшихся личностей. Данные предположения могут быть положены в основу дальнейших исследований.

Исследование психологических причин одиночества в подростковом возрасте

Алексеева Эмма Михайловна

студентка

Якутский государственный университет им. М.К. Амосова, Якутск, Республика Саха (Якутия), Россия

В последнее время среди проблем, все сильнее привлекающих внимание исследователей, одно из первых мест стала занимать проблема одиночества. Кризисность современного времени особенно сильно повлияла на психические особенности людей, вызывая у некоторых отчуждение от своего человеческого окружения. Все это способствует актуализации темы одиночества, отражающей сущность, механизмы и закономерности социализации личности в современном мире.

Цель исследования: раскрыть социально-психологические особенности проявления феномена одиночества в подростковом возрасте.

Объектом исследования выступили учащиеся седьмых и восьмых классов средней общеобразовательной школы №5 г. Якутска, количеством 50 человек.

Гипотеза: социально-психологические особенности проявления феномена одиночества в подростковом возрасте отражают недостаточный уровень потребности в общении и личностную направленность на себя.

Таблица 1.

Результаты изучения уровня потребности в общении у подростков экспериментальной группы

Контингент	Степень сформированности потребности общения			
	I	II	III	IV
Девочки	17	2	4	2
Мальчики	13	3	5	4

Наличие тенденции подростка к изоляции в группе сверстников связано с недостаточной потребностью в общении, что может свидетельствовать о плохой личностной приспособленности подростка к тем или иным социальным ситуациям. Подведение итогов диагностики по экспериментальной группе в первой серии исследования показало, что подростков с высоким уровнем потребности в общении — 60 %, со средним уровнем — 10 %; с недостаточным уровнем — 18 %, с критическим уровнем — 12 %. № них девочек с недостаточным и критическим уровнем потребности в общении — 4 %, мальчиков — 8 %.

Таблица 2

Результаты исследования направленности личности у подростков

Контингент	Тип направленности личности		
	Направлен на себя	Направлен на общение	Направлен на задание
Девочки	6	13	6
Мальчики	9	10	6

При подведении итогов обследования подростков экспериментальной группы по методике «Направленность личности» получены следующие общие результаты:

- «направленность на себя» — 15 подростков — 30%;
- «направленность на общение» — 23 подростка — 46 %;
- «направленность на задание» — 12 подростков — 24 %.

Как показывает таблица 2, и мальчикам и девочкам экспериментальной группы больше свойственна направленность на общение, ведущие позиции занимает именно этот тип направленности личности. По остальным типам направленности личности («на себя» и «на задание») позиции почти одинаковые, что у мальчиков, что у девочек.

Анализ результатов анкеты позволяет сделать заключение о том, что количественное соотношение обследованных подростков по характеру направленности личности, различно, что дает основание судить об отличиях отношения к общению у испытуемых. Так, большая часть девочек имеет личностную направленность на общение – 52 %, в то время как у мальчиков этот показатель гораздо ниже – 40 %.

Также гораздо выше число склонных к одиночеству подростков среди мальчиков, чем среди девочек: мальчики – 9 человек – 36 %; девочки 6 человек – 24 %.

Таким образом, можно заключить, что девочки передают в целом большее значение общению, чем мальчики. Качественный анализ результатов исследования позволяет получить психологическую информацию о направленности личности подростков, склонных к одиночеству. Таким образом, наличие тенденции подростка к изоляции в группе сверстников связано с тем, что им также свойственна личностная направленность на себя, связанная с игнорированием потребностей других людей, с погружением в свой внутренний мир и несформированными коммуникативными потребностями.

Влияние психологического упражнения «Путешествие к Шахерезаде» на внутренний мир подростка

Гиниятуллина Алина Робертовна

студентка

Казанский государственный университет, Казань, Республика Татарстан, Россия

E-mail: ladyangel20052002@yahoo.com

В связи с опасностью возникновения негативного образа арабов, из-за их участия в международном терроризме, возникает проблема научного обоснования и реализации программы эффективной корректировки реально существующего отношения людей, особенно современных российских подростков к арабскому миру, давшему человечеству признанные во всём мире культурные ценности с помощью упражнений, влияющих на бессознательное.

Объектом исследования является внешнее проявление восприятия арабского мира, фиксированного в визуализации образа араба.

Предметом исследования являются изменения, происходящие в восприятии образа за счёт архетипических процессов, возникающих во время воздействия на визуальное, аудиальное, кинестетическое и логическое восприятие в «Путешествии к Шахерезаде». «Путешествие к Шахерезаде» включает танец, сказку и медитацию.

Цель исследования доказать возможность влияния на субъективное восприятие образа араба с помощью активизации архетипа, задействованного в упражнении «Путешествие к Шахерезаде», включающего танец, сказку и медитацию. В танце живота были задействованы основные техники (движения головой, руками, грудью, животом и бёдрами). Сказка была о путешествии участницы из современного мира в сказочный город Багдад, в гости к Шахерезаде, через пустыню в сопровождении благородных разбойников. Медитация состояла в визуализации сюжета сказки и подарка, полученного от Шахерезады в конце путешествия.

В исследовании использовались методики: диагностика Я-концепции по Р.Бёрнсу с последующим анализом самоописаний с позиции их совпадения с характеристиками, приписываемыми арабу, «Шкала самооценки» Ч.Д. Спилберга и Ю.Л. Ханина, психологическая интерпретация цвета рисунка по Дж.Буку.

В целом, авторское психологическое упражнение «Путешествие к Шахерезаде» активизирует архетипы, что с позиции К.Г. Юнга свидетельствует о глубинной сущностной психологической трансформации человека.

Исследовались учащиеся специализированной языковой школы, где преподавателями являются иностранцы. Возраст исследуемых девочек – 12–16 лет.

В ходе исследования было выявлено, что:

Комплексное воздействие на визуальное, аудиальное, кинестетическое и логическое восприятие испытуемых через танец, сказку и медитацию вызывает различные изменения в визуальном образе араба (меняется цветовое изображение, пол изображаемого персонажа, появляются новые части тела – ноги, руки – или меняется их расположение, уменьшилось количество дополнительных элементов) и отношении к нему в зависимости от изначального уровня их личностной тревожности (увеличивается положительное отношение к арабу). Наиболее чувствительными к воздействию оказались испытуемые со средним уровнем личностной тревожности, диагностируемой по «Шкале самооценки» Ч.Д. Спилберга и Ю.Л. Ханина.

Психологическое упражнение «Путешествие к Шахерезаде» активизирует архетипы, связанные с женственностью; восстанавливает связь с матерью; повышает сексуализацию испытуемых.

Эксперимент зафиксировал:

- а. удовлетворение базальных потребностей;
- б. повышение уровня внушаемости.

Отрицательные или положительные чувства к арабу зависят от того, какие собственные характеристики Я-концепции проецирует на образ араба испытуемый и от того, как он относится сам к себе.

Благодаря воздействию на восприятие подростков визуальной, аудиальной, кинестетической и логической информации через упражнение «Путешествие к Шахерезаде», визуальный образ Я – реального к образу Я- идеального.

Поскольку Я-концепция человека предопределяет меру и качество его представленности в мире, то экспериментально зафиксированное положительное изменение в Я-концепции подростка за счёт архетипического путешествия к Шахерезаде, позволяет рекомендовать авторскую методику в качестве тренингового психологического упражнения.

Принятие и уважение подростков родителями как факторы, влияющие на личностные особенности подростков.

Дудина Татьяна Николаевна

аспирантка

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

В нашей работе мы рассматриваем семейную атмосферу как совокупность трех параметров: степень принятия подростка родителями, степень уважения подростка родителями и поведенческая степень автономии, предоставляемая родителями подростку. Подобное разделение параметров родительского отношения к подростку имеет в своей основе положение теории самодетерминации Деси-Райана о существовании трех базовых психологических потребностей: в связанности с другими людьми (стремление иметь надежные и удовлетворяющие связи с другими людьми), в компетентности (стремление быть эффективным в какой-либо деятельности) и в самодетерминации (стремление самостоятельно контролировать свои действия и поведение, быть их инициатором), к удовлетворению которых человек стремится всю свою жизнь. Соответственно, для оптимального развития ребенка, родители должны удовлетворять эти его базовые психологические потребности.

Методика исследования. В нашем исследовании изучалось влияние на подростка восприятия им родительского отношения, при этом анализ проводился по следующим основным направлениям (блокам): межличностные отношения подростка, показатели мотивации достижения подростка, эмоциональные состояния и переживания подростка.

Характеристика выборки испытуемых. В исследовании участвовало 233 человека, среднее по возрасту 12,45, стандартное отклонение 0,7; мальчики 46% выборки, девочки 54% соответственно.

Используемые методики. В нашем исследовании использовались следующие методики: опросник «Подростки о родителях», сокращенный вариант методики личностной тревожности Кондаш-Прихожан методика настойчивости и самодисциплины, методика общей

самоэффективности, методика «Незаконченные предложения», шкала оценки депрессии как черты, шкала одиночества 1965, сокращенный вариант опросника агрессии Басса-Дарки.

Методы обработки и анализа данных. Для сравнения средних арифметических по измерившимся показателям использовался Т-тест (t-критерий Стьюдента). Для подтверждения и уточнения результатов использовался также коэффициент корреляции Спирмена, при анализе результатов мы рассматривали только те корреляции, значения коэффициентов которых больше, либо равно 0,3, поскольку меньшая корреляция не позволяет сделать выводов относительно наличия зависимости между переменными. Для обработки данных использовались статистический пакет Stadia и электронные таблицы Excel.

Полученные результаты.

В целом, можно сказать, что полученные результаты подтвердили наши гипотезы.

1. Выделенные нами параметры родительского отношения действительно оказывают различное влияние на разные сферы личности подростка. Иными словами, наши данные подтверждают продуктивность выделения уважения и принятия как базовых параметров отношения родителей к ребенку.

2. Как мы и предполагали, принятие подростка родителями положительно связано с его эмоциональным благополучием. В частности, уровень депрессии и самооценочной тревожности выше у подростков, воспринимающих своих родителей как менее принимающих, чем у подростков, воспринимающих своих родителей как более принимающих. Иными словами, существует связь между эмоциональным параметром отношения родителей и эмоциональным благополучием их детей, что согласуется с данными различных исследований, подчеркивающих роль принятия ребенка родителями, их теплое отношение к нему, в становлении эмоциональной сферы ребенка.

Кроме того, по нашим данным также существует положительная связь эмоционального благополучия подростка с его эмоциональным отношением к своей семье, что также представляется нам логичным, т.к. отношение подростка к родителям также является своеобразной составляющей его общего эмоционального благополучия.

Тот факт, что эмоциональное благополучие подростка связано как с принятием его родителями, так и с его собственным к ним позитивным отношением, не кажется нам противоречащим нашим гипотезам, поскольку оба параметра отражают эмоциональные отношения в семье и связаны между собой (коэффициент корреляции 0,3). Можно предположить, что подобные связи говорят о том, что семье в целом, и подростку, воспитывающемуся в ней, в частности, присущ определенный уровень эмоционального благополучия.

3. Как мы и предполагали, уважение подростка родителями положительно связано с его мотивацией достижения: у подростков, более позитивно оценивающих степень уважения их родителями, уровень настойчивости и самоэффективности выше, чем у подростков, оценивающих своих родителей по этим параметрам менее позитивно. Возможно, что удовлетворение родителями потребности ребенка в компетентности способствует его уверенности в себе и желанию все делать как можно лучше и эффективней. Также нами были получены данные, что кроме связи мотивации достижения подростка с параметром уважения его родителями, существует также связь между мотивацией достижения и принятием подростка родителями. Эти данные также не противоречат нашим представлениям о влиянии отношения родителей на ребенка, поскольку принятие удовлетворяет потребность ребенка в связанности с другими людьми, удовлетворение которой, согласно Деси, подготавливает удовлетворение потребностей в компетентности и самодетерминации, которые, в свою очередь оказывают влияние на мотивацию достижения. Таким образом, принятие подростка родителями, на наш взгляд, является необходимым, но не достаточным условием для развития у него высокой мотивации достижения.

4. В соответствии с нашими предположениями, подростки, положительно эмоционально относящиеся к своей семье, демонстрируют большее благополучие в межличностных отношениях и меньшую агрессивность, чем подростки, отрицательно эмоционально относящиеся к своей семье. Здесь возможна зависимость двоякого рода: подростки, ладящие со своими родителями и положительно относящиеся к ним могут, во-первых, быть успешными в сфере межличностных отношений в своей семье, что может переноситься и на другие группы; во-вторых, они могут обладать развитыми коммуни-

кативными навыками, что может положительно сказываться как на их общении в кругу сверстников, так и в кругу семьи.

5. В соответствии с нашими данными, на уровень депрессивности и агрессивности подростков оказывают влияние все рассматриваемые параметры восприятия подростком своей семьи: подростки, воспринимающие отношение к ним родителей как принимающих и уважающих и сами позитивно относящиеся к своей семье, менее депрессивны и агрессивны, чем подростки, оценивающие своих родителей как менее принимающих и уважающих и сами негативно относящиеся к своей семье. Этот результат кажется нам закономерным, поскольку он согласуется с литературными данными, свидетельствующими, в целом, о том, что фактически любая дисфункция детско-родительских отношений, а в особенности холодность родителей и их неуважение интересов своих детей, может привести к развитию у ребенка негативных личностных характеристик, какими являются депрессивность и агрессивность.

Особенности иерархии ценностных ориентаций старшеклассников экспериментальных и обычных классов

Дьячкова Юлия Петровна

студентка

Белгородский государственный университет, Белгород, Россия

Юношеский возраст характеризуется становлением ценностных ориентаций личности. Система ценностных ориентаций определяет содержательную сторону направленности личности и составляет основу ее взглядов на окружающий мир, к другим людям, к самому себе, основу мировоззрения.

Изменения в политической, экономической, духовной сферах нашего общества влекут за собой изменения в ценностных ориентациях. При размытой системе ценностей, старшекласснику сложно сориентироваться и выстроить свою систему ценностей. Особую остроту сегодня приобретают изучение изменений, происходящих в сознании современных юношей и девушек. Это обуславливает актуальность нашего исследования.

Предметом исследования являются ценностные ориентации старшеклассников.

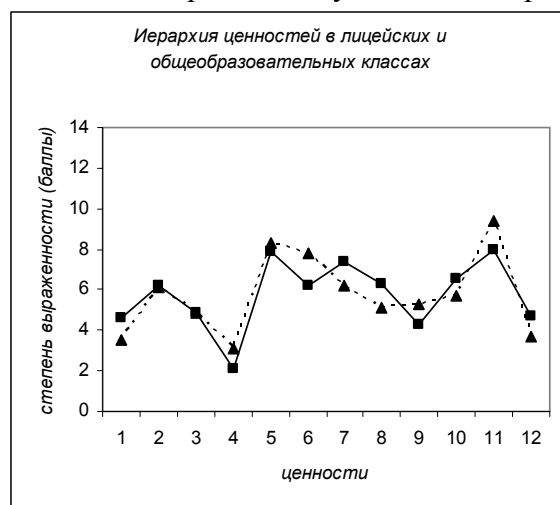
Целью нашего исследования стало выявление иерархии ценностей представленную в сознании старшего школьника и расхождение между “ценным” и “доступным” в основных жизненных сферах.

Исследование проходило на базе МОУ лицей №10 г. Белгорода. Лицей является федеральной экспериментальной площадкой по проблеме “Личность школьника в образовательном пространстве лицея: развитие, образованность, здоровье и культура”. В исследовании принимали участие экспериментальные классы и обычные классы, обучающиеся по традиционной системе обучения.

Обследовано 146 старшеклассников, из них 76 девушек и 70 юношей.

Исследование проводилось с помощью методики Фанталовой Е. Б., с целью выявления иерархии ценностей и расхождение между “ценным” и “доступным”. Индекс расхождения является индикатором внутренних конфликтов в мотивационной сфере личности школьника.

Исследование особенностей ценностных ориентаций позволило выявить, что в целом учащиеся старших классов, независимо от того, обучаются ли они в лицейских или общеобразовательных классах, имеют схожую иерархию ценностей. Доминирующими являются следующие ценности: счастливая семейная жизнь, любовь, наличие хороших и верных друзей.

Ценности.

1. Активная, деятельная жизнь.
2. Здоровье (физическое и психическое).
3. Интересная работа.
4. Красота природы и искусства.
5. Любовь (духовная и физическая близость с любимым человеком).
6. Материально-обеспеченная жизнь (отсутствие материальных проблем).
7. Наличие хороших и верных друзей.
8. Уверенность в себе (свобода от внутренних противоречий, сомнений).
9. Познание (возможность расширения своего образования, кругозора, общей культуры).
10. Свобода как независимость в поступках и действиях.
11. Счастливая семейная жизнь.
12. Творчество (возможность творческой деятельности).

Ценностные ориентации старшеклассников различаются в зависимости от пола. Для юношей наибольшую ценность представляют счастливая семейная жизнь, любовь и наличие хороших и верных друзей. Девушки также высоко ценят счастливую семейную жизнь и любовь. Однако, значительное место в иерархии ценностей занимают ценность свободы и независимости в поступках и действиях и материально-обеспеченная жизнь. Таким образом, мы еще раз убедились, что в юношеском возрасте эти ценности остаются главными в настоящее время.

В ценностных ориентациях у учащихся с низким, средним и высоким уровнем материальной обеспеченности существенных различий не выявлено.

Об интенсивном формировании ценностных ориентаций в данном возрасте свидетельствует динамика иерархии ценностей в 9-х, 10-х и 11-х классах. В 9-х и 10-х классах важными остаются ценности: счастливая семейная жизнь, любовь, наличие хороших и верных друзей. В 11-х классах ценность любви уступает место ценности материально-обеспеченной жизни.

Не выявлены существенные различия в иерархии ценностей у учащихся с разными уровнями академической успеваемости.

В целом старшеклассники считают для себя более доступными любовь, наличие хороших и верных друзей, здоровье. Однако «ценность» этих показателей превышает «доступность», что вызывает внутреннее напряжение, которое может способствовать становлению активной жизненной позиции.

Юноши считают для себя более доступными любовь, наличие хороших и верных друзей, здоровье. Наибольшее расхождение между «ценным» и «доступным» по такой ценности как счастливая семейная жизнь, но это расхождение не вызывает внутреннего конфликта. Таким образом, у юношей важные для них ценности в значительной степени удовлетворены и не вызывают внутреннего конфликта.

Девушки считают для себя доступными любовь, наличие хороших и верных друзей, здоровье. В отличие от юношей, у девушек вызывают состояние внутреннего конфликта такие ценности как счастливая семейная жизнь и материально-обеспеченная жизнь. Таким образом, у девушек выявлены жизненные сферы, вызывающие состояние внутреннего конфликта, т.е. у них больше неудовлетворенности, нереализованных желаний. Все это может привести их либо к невротизации, либо к более активной жизненной позиции.

В группах с разным уровнем академической успеваемости существенных различий в системе «ценности» и «доступности» не выявлено.

У учащихся с высоким уровнем материального обеспечения такой показатель как счастливая семейная жизнь имеет наибольшее расхождение между «ценным!» и «доступным» и вызывает состояние внутреннего конфликта. Расхождение между «ценным» и «доступным» по показателю материально-обеспеченная жизнь обнаружены в группах с высоким и низким уровнем материального обеспечения старшеклассников. Это отражает господствующее мнение в нашем обществе о первостепенной значимости достижения хорошего материального достатка, даже если пострадает духовное развитие личности.

В группе с низким уровнем материального обеспечения внутреннее напряжение связано с малодоступностью, по мнению учащихся, познания и счастливой семейной жизни.

Следует отметить, что для старшеклассников интеллектуальное и культурное развитие не представляет особой ценности. Тревог по поводу доступности этих ценностей они также не испытывают.

Изучение психологических особенностей подростков (на примере агрессивности и мотивации к успеху)

Ивкина Елена Петровна

студентка

Государственный университет – Высшая школа экономики, Москва, Россия

E-mail: ivkinaelena@mail.ru

В настоящее время проблема повышенной агрессивности является достаточно актуальной (Жданов И.А., 1999), особенно среди детей и подростков. Проблемой является поиск предикторов агрессивности, а также ее связь с мотивацией к успеху, что в совокупности или затрудняет, или повышает эффективность обучения (Степанова М., 2001).

Цель исследования: изучение различных видов агрессии и ее связи с мотивацией к успеху у подростков, имеющих хорошую успеваемость в средней общеобразовательной школе (средний балл – 4,5) и у подростков, имеющих плохую успеваемость в средней общеобразовательной школе (средний балл – 3,0).

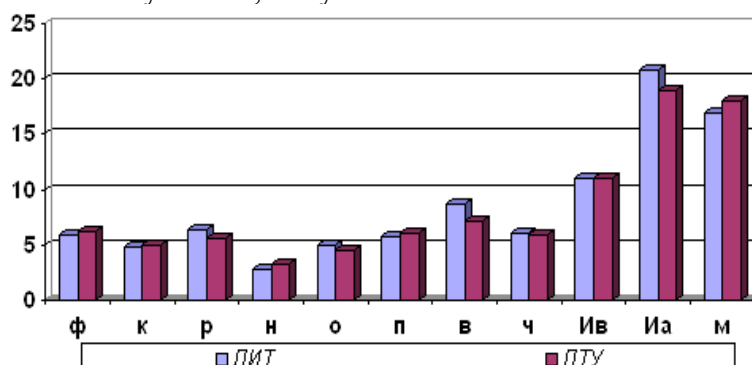
Объект исследования: подростки 15 – 16 лет из образовательных учреждений: лица информационных технологий №1537 г. Москвы (ЛИТ) – 20 человек (10 девушек, 10 юношей) и профессионального технического училища № 2 г. Мытищи (ПТУ) – 20 человек (10 девушек, 10 юношей).

Предмет исследования: агрессивность и ее связь с мотивацией к успеху.

Методы исследования: 1) анализ учебной документации; 2) психологическое тестирование (опросник агрессивности Басса – Дарки, методика диагностики личности на мотивацию к успеху Т. Элерса) (Столяренко Л.Д., 1999); 3) методы математической статистики: корреляционный анализ; определение средних величин с доверительным интервалом ($p < 0,05$); метод сравнения различных показателей (критерий Манна-Уитни).

Результаты исследования и их интерпретация. Мы установили, что у принятых на конкурсной основе в ЛИТ средний балл свидетельства об окончании 9 класса общеобразовательной школы – 4,5, у принятых в ПТУ (без конкурсной основы) – средний балл свидетельства гораздо ниже и равен 3,0. Таким образом, уже на основе сравнения среднего балла свидетельства об окончании 9 класса общеобразовательной школы можно констатировать определенные различия у двух групп испытуемых. Результаты, полученные после статистической обработки данных, представлены на диаграмме № 1.

Диаграмма № 1. Результаты, полученные после статистической обработки тестов

Где Ф – физическая агрессия; К – косвенная агрессия; Р – раздражение; Н – негативизм; О – обида; П – подозрительность; В – вербальная агрессия; Ч – чувство вины; Ив – индекс враждебности; Иа – индекс агрессивности; М – мотивация к успеху.

Итак, индекс агрессивности у подростков ЛИТа ($20,80 \pm 1,20$) выше индекса агрессивности подростков ПТУ ($18,95 \pm 2,18$). При этом уровень физической агрессии у подростков ПТУ ($6,20 \pm 0,85$) выше, чем у подростков ЛИТа ($5,95 \pm 0,88$). У подростков

ЛИТа выше вербальная агрессия ($8,70 \pm 0,79$) и раздражительность, чем у подростков ПТУ ($7,15 \pm 0,90$). То есть, повышение агрессивности подростков ЛИТа обусловлено в основном повышением вербальной агрессии и раздражительности. По остальным видам агрессии существенных различий мы не выявили.

При сравнении индекса агрессивности у юношей и девушек в ЛИТе и ПТУ мы выявили, что в обоих учебных заведениях у юношей индекс агрессивности выше, чем у девушек. В ЛИТе у юношей индекс агрессивности равен $21,60 \pm 2,18$, а у девушек равен $20,00 \pm 3,36$, а в ПТУ соответственно равен $19,20 \pm 3,42$ и $18,70 \pm 2,89$. Однако индекс агрессивности у девушек ЛИТа больше, чем у юношей ПТУ.

У подростков из ЛИТа, несмотря на повышенный индекс агрессивности, все-таки физическая агрессия меньше, чем у подростков из ПТУ, а вербальная агрессия и раздражительность у подростков ЛИТа больше, чем у подростков из ПТУ. Таким образом, агрессивность подростков из ЛИТа менее опасна для общества, чем агрессивность подростков из ПТУ, так как вербальная агрессия и раздражительность менее деструктивны для общества, чем физическая агрессия.

У подростков ПТУ уровень мотивации к успеху ($17,90 \pm 1,33$) выше, чем у подростков ЛИТа ($16,60 \pm 1,43$). Согласно нашим предположениям, преподаватели училища перед подростками ставят вполне реальные задачи и стараются, чтобы у учащихся возник и сохранялся интерес к учебе, всячески поддерживая любые старания и помогая в возникающих сложностях. У подростков из ЛИТа ниже уровень мотивации к успеху, чем у подростков из ПТУ. Подростки из ЛИТа хорошо учатся, несмотря на сложную программу, они успешны, поэтому у них удовлетворена потребность в достижении и в престиже. Не исключено, что снижение мотивации к успеху связано с уровнем легкости учебного материала, с постановкой слишком простых задач, что само по себе является негативным моментом и требует усиления критериев сложности учебных задач. Необходимо ставить более сложные задачи для усиления мотивации к успеху. Более того, мы можем предположить наличие внешних факторов, в частности, влияния на хорошую учебу подростков из лицей их родителей, которые достаточно активно участвуют в педагогическом процессе.

Далее, у всех подростков выявлена прямая корреляция (коэффициент корреляции равен $0,61$) между мотивацией к успеху и чувством вины, как одного из видов агрессии. Корреляции между другими видами агрессии и мотивацией к успеху мы не выявили.

Выводы. 1. У подростков, имевших хорошую успеваемость в средней общеобразовательной школе (средний балл – $4,5$), индекс агрессивности выше, чем у подростков, имевших плохую успеваемость (средний балл – $3,0$). У подростков, имевших хорошую успеваемость, и у подростков, имевших плохую успеваемость, соотношение разных видов агрессии различно. У хорошо успевающих подростков преобладает вербальная агрессия и раздражительность, у плохо успевающих подростков преобладает физическая агрессия. 2. У плохо успевающих подростков мотивация к успеху выше, чем у хорошо успевающих подростков. 3. Независимо от успеваемости подростка существует прямая связь между мотивацией к успеху и чувством вины, как одного из видов агрессии.

Практическая значимость исследования. Наше исследование продемонстрировало актуальность диагностической, консультационной и коррекционной деятельности практического психолога, в функциональные обязанности которого входит непосредственная работа с агрессивными подростками.

Освоение философских категорий как одно из средств формирования картины мира в подростковом возрасте

Кабак Алеся Витальевна

студентка

Сургутский государственный университет, Сургут, Россия

E-mail: ulis@stsland.ru

На сегодняшний день мы можем наблюдать разрыв связи между Человеком и Миром. Тому свидетельством являются такие кризисы как:

- перенаселение Земли;
- экологический;
- религиозный и национальный;
- кризис дегуманизации человека, утрата нравственных основ жизни и развитие агрессии всех против всех;
- всеобщий социальный кризис: социальные системы, которые существуют на Земле, при всем их отличии друг от друга, все оказываются одинаково плохи, так как неблагоприятны для развития личности.

В условиях глобального кризиса человек оказался «потерянным» в многообразии смыслов, предлагаемых современной жизнью, поэтому чрезвычайно актуальным представляется формирование ориентировки в Мире. Особенно важен данный процесс в подростковом возрасте, когда вопросы «кто я?» и «как жить?» являются для становящейся личности основополагающими. Для выполнения поставленной задачи мы провели исследование в области мышления.

Человек и мир изначально включены друг в друга, и той средой, в которой они объединяются, является язык. Личность – это всегда носитель определенной картины мира, за которой закреплена интерпретация смыслов, выраженных с помощью слова. Слово обладает значением и смыслом. И если значение – это то, что исторически лежит за словом, обобщенное отражение действительности, то смысл каждый открывает для себя сам в процессе жизнедеятельности. Исходя из социальной ситуации развития, у каждого человека складывается свое идеальное представление о мире. В зависимости от того, какими смыслами человек наполняет свою жизнь, какие он расставляет приоритеты, такова и будет его жизнь.

Таким образом, наша задача – посредством семантического анализа определить глубину представлений подрастающего человека о Мире и самом себе. С помощью метода семантического дифференциала мы исследовали семантическое поле некоторых понятий, составляющих основу категориального аппарата в философии. В эксперименте участвовали две группы подростков: экспериментальная и контрольная, по 15 человек в каждой. Экспериментальная группа на протяжении 6 месяцев посещала занятия по дисциплине «Философия».

Семантический дифференциал – это метод количественного и качественного индексирования с помощью подобных двухполюсных шкал, задаваемых парой антонимичных прилагательных, между которыми даны градации степени вхождения того или иного слова в данное качество. Метод семантического дифференциала дает возможность исследовать субъективную семантику слов, а, следовательно, сознание субъекта, так как семантическое пространство представлено индивидуальной, субъективной системой значений. Под семантическим пространством понимается определенным образом структурированная система признаков, описаний действительности. «Оценка», «организация», «активность» – факторы, образующие семантическое пространство.

Наиболее полно сформированный категориальный аппарат представлен в философии. Поэтому для нашего исследования мы выбрали следующие философские категории: «идеальное» – «материальное», «содержание» – «форма», «Человек» – «Мир». Их же использовали в методике неоконченных предложений. Были предложены именно эти категории, поскольку они являются базовыми в представлении о мире.

Согласно Платону идея предшествует вещи, но относительно социальной ситуации развития только после ее освоения складывается идеальный образ, как вещи, так и Мира в целом. Эти позиции задают тенденцию к размышлению о соотношении идеального и материального. Представления о Мире, формирующиеся только посредством эмпирии, открывают вещи лишь относительно быта, но не позволяют раскрыть самой их сути, их бытийности, что задает вопрос о соотношении содержания и формы. Каждый подросток непременно пытается «обозначить» себя в Мире, и в зависимости от того, какими смыслами этот Мир будет наполнен, в такой полноте он и будет представлять перед ним.

Результаты исследования показали, что предложенные понятия не активны в языке испытуемых контрольной группы. Наблюдается выбор приоритета в отношении «формы» (то есть внешнего), и определение «формы» носит явный материалистический характер. Экспериментальная группа в целом представила более широкие взгляды в пони-

мании предложенных понятий. Важно отметить расхождения в определении понятия «Человек» между группами. Если контрольная группа в своем большинстве описывала его как «существо с руками, ногами и головой» или даже не использовала имени существительного в определении, то экспериментальная группа выходила на более общий план, определяя его как «сущность», «личность». Здесь чаще использовались такие понятия как «дух», «душа», «сознание». «Мир» в описании контрольной группы носит скорее техногенный характер, тогда как в экспериментальной группе наблюдается тенденция определять его как органическую систему. Также отмечена меньшая позиция антропоцентризма.

В целом проведенное исследование дало возможность предположить, что «незрелая», «однобокая», недостаточно сформированная картина мира приводит к проблемам как в личной, так и профессиональной деятельности. Поскольку у всех разные представления о мире, это приводит к сложности взаимопонимания. Освоение философского категориального аппарата способствует формированию более «содержательного» взгляда на мир, самоопределению в нем. Утрата жизненных смыслов приводит к отчужденности Человека от своей природы, а невозможность сопричастности – к трагедии неосознанности своего бытия.

Личностные особенности подростков в зависимости от пола и стажа увлеченности компьютерными играми

Клеткина Ольга Сергеевна

студентка

Казанский государственный университет, Казань, Россия

E-mail: okolbaska@mail.ru

В современном мире все более актуальным становится вопрос о структурных и функциональных изменениях в психике человека при взаимодействии с компьютером. Различные аспекты этой проблемной области рассматриваются О.К. Тихомировым и его учениками О.Н. Арестовой, Л.Н. Бабаниным, Ю.Д. Бабаевой, А.Е. Войскунским. В связи с массовым увлечением компьютерными играми весьма актуальной стала проблема изучения особенностей личности, подталкивающих к развитию компьютерной аддикции. Некоторые данные о личностной обусловленности компьютерной аддикции представлены А.Г. Макалатия, утверждающим, что выбор компьютерной игры происходит на основании соответствия предпочитаемым «аспектам удовольствия», а возникновение увлеченности определяет качество опыта [2], а так же Д.В. Ивановым, показывающим, что высокая тревожность у аддиктов – это и причина, и следствие аддикции [1]. Как для профилактики, так и для избавления от этой зависимости важно учитывать личностные особенности в связи с половыми различиями аддиктов, что до сих пор является малоизученной темой.

Мы предполагаем, что существуют различия личностных особенностей мальчиков и девочек с разным стажем увлеченности компьютерными играми. Для сбора материала об особенностях личности использовались 5 методик: «Шкала проявления тревоги», «Шкала поиска острых ощущений», «Шкала оценки потребности в достижении», опросник «Способность к самоуправлению», и опросник «Мотивации аффилиации». Экспериментальные группы были сформированы на основе разработанного нами опросника, который определяет стаж и глубину увлеченности компьютерными играми. Испытуемыми стали 64 ученика 9–10 классов разделенные на экспериментальные группы: 1 группа – 16 неиграющих в компьютерные игры девочек, 2 группа – 10 девочек зависимых от компьютерных игр, 3 группат – 14 девочек с небольшим стажем увлеченности компьютерными играми, 4 группа – 14 мальчиков зависимых от компьютерных игр, 5 группа – 10 мальчиков с небольшим стажем увлеченности компьютерными играми. Для обработки данных использовались: анализ средних значений, статистическое сравнение по t-критерию Стьюдента, корреляционный анализ по формуле Пирсона, дивергентное сравнение корреляционных матриц.

Выявились значимые различия в структуре взаимосвязей показателей системы способности к самоуправлению между всеми группами. В структуре составляющих способ-

ности к самоуправлению в группе неиграющих девочек каждый элемент структуры связан не только с общей способностью самоуправления, но и со всеми другими элементами. В группе девочек с малым стажем увлечения компьютерными играми гораздо меньше взаимосвязей между отдельными составляющими частями способности к самоуправлению, что свидетельствует о меньшей целостности всей системы самоуправления. В группе девочек с большим стажем увлечения компьютерными играми наблюдается еще большая раздробленность элементов самоуправления. У мальчиков более сильная по сравнению с девочками раздробленность структуры самоуправления проявляется в группе и с малым и с большим стажем увлеченности компьютерными играми. То есть, у девочек формирование системы самоуправления взаимосвязано со стажем увлеченности компьютерными играми, а у мальчиков эта взаимосвязь отсутствует. Однако остается вопрос о природе и следствиях такой раздробленности элементов: является ли это проявлением процесса развития дифференциации и перестройки структуры способности самоуправления в следствие увлечения компьютерными играми, или же это проявление ее деструкции.

У мальчиков и девочек с малым стажем игры выявлены различия по показателям тревожности и страха отвержения. У мальчиков с малым стажем увлеченности эти показатели жестко связаны, а в группе девочек эта связь отсутствует. Это говорит о том, что у девочек с малым стажем игры высокий уровень тревожности не влечет за собой такой мотив как страх отвержения, тогда как у мальчиков возникновение одного, скорее всего, будет порождать второе.

В отличие от группы девочек мало играющих у неиграющих девочек есть жесткие прямые взаимосвязи между показателями прогнозирования, критерий оценки, общая способность самоуправления и поиск острых ощущений. Тогда как у играющих эти взаимосвязи обратные. Значит, неиграющие девочки стремятся к острым ощущениям тогда, когда они четко знают, как оценить свою деятельность и хорошо прогнозируют ситуацию на данный момент, а играющие – стремятся к острым ощущениям в ситуации неопределенности.

Выявлены различия в личностных особенностях у подростков в зависимости от стажа игры. И мальчикам, и девочкам, увлеченным компьютерными играми, более свойственна потребность принятия, нежели страх отвержения. У неиграющих же девочек и мальчиков более выражен страх отвержения по сравнению с потребностью принятия. Причем данная закономерность более ярко выражена у девочек, чем у мальчиков. Это показывает, что у подростков, особенно у девочек, компьютерная игра может являться средством включения в подростковую группу, обеспечивая более гармоничную мотивацию общения, где потребность принятия и страх отвержения уравнивают друг друга. Следовательно, возникновение компьютерной аддикции в подростковом возрасте основано на актуальных для этого возраста мотивах включения в группу ровесников.

В структуре взаимосвязей мальчиков и девочек есть одинаковые взаимосвязи, характер которых зависит только от стажа игры. Во-первых, это взаимосвязь показателей «Анализ противоречий» (составляющая структуры способности к самоуправлению) и поиск острых ощущений: у неиграющих мальчиков и девочек она качественно отличается от характера взаимосвязей у играющих подростков. У неиграющих подростков независимо от пола эта связь является обратной, а у мало играющих – прямой. Это значит, чем больше подростки, не увлеченные компьютерными играми, пытаются собрать информацию о ситуации, тем меньше они жаждут новых ощущений. Во-вторых, взаимосвязь показателей самокоррекции и общей способностью к самоуправлению: в выборках мальчиков и девочек с большим стажем увлеченности компьютерными играми взаимосвязь самокоррекции с общей способностью самоуправления является жесткой. Тогда как, у мало играющих подростков независимо от пола эта связь вообще не обнаруживается. По-видимому, это опять связано с природой дифференциации элементов способности самоуправления.

Таким образом, выявлены различия в личностных особенностях мальчиков и девочек: это система способности к самоуправлению, тревожность и поиск острых ощущений, которые проявляют зависимость и от пола, и от стажа увлеченности. Так же выявлены различия в личностных особенностях, касающиеся мотивации общения, которые связаны только со стажем увлеченности компьютерными играми и не зависят от пола.

Склонность к риску в системе личности подростка

Дарья Колмогорова

студентка

Поморский государственный университет им. Ломоносова, Архангельск, Россия

E-mail: serafim1@atnet.ru

Тема актуальна и востребована не только в социальном, но и индивидуальном плане, т.к. риск – это один из способов обозначить себя в этом мире. Он связан как с саморазвитием и продуктивной активностью, так и с деструктивной направленностью личности. Встает вопрос о том, от чего зависит выбор формы риска.

Предметом данного исследования³⁵ является *склонность к риску как личностная особенность, объектом* – личность подростка. **Цель** исследования: выявление содержательных и структурных особенностей склонности к риску у подростков с асоциальным и просоциальным поведением. **Гипотеза такова:** *склонность к риску жизнью ярче выражена у подростков с асоциальным поведением, чем у подростков с просоциальным поведением.*

В результате теоретического анализа были сделаны следующие выводы: во-первых, склонность к риску в подростковом возрасте может выступать как обострившаяся потребность во впечатлениях, как форма проявления чувства «взрослости», а также как ценность и как способ самоутверждения.

Во-вторых, у более зрелых подростков, ответственных, самостоятельных, способных к саморегуляции, склонность к риску может контролироваться и приобретать форму готовности к риску – готовность делать выбор в пользу рискованного действия в ситуации неопределенности. Безудержному и бездумному проявлению склонности к риску будут способствовать инфантильность, импульсивность, агрессивность, безответственность личности.

В исследовании участвовали 77 подростков в возрасте от 12 до 15 лет, из них 29 асоциальных подростков и 48 просоциальных. Использовались следующие методики: личностный опросник Айзенка, ценностные ориентации Шварца, Опросник «Личностные факторы принятия решений» (ЛФР-25), разработка Т.В. Корниловой и ее коллегами. Использовалась программа «Статистика» для обработки данных. Применялся факторный анализ, описательная статистика.

В результате эмпирического исследования были сделаны следующие выводы. Во-первых, гипотеза о том, что склонность к риску жизнью ярче выражена у подростков с асоциальным поведением, чем у подростков с просоциальным поведением, была нами опровергнута в ходе анализа полученных данных. Таким образом, склонность к риску скорее является чертой в целом присущей подростковому возрасту, а не специфическим признаком асоциального поведения.

Во-вторых, в группе просоциальных подростков образуется достаточно стройная подсистема, отвечающая за проявления склонности к риску в поведении подростка, в которой ценности риска связаны с качествами рискованной личности. Выделяется фактор – «**лидерская рискованность**». Следовательно, данные подростки разными путями воплощают склонность к риску, они способны на личностный риск: риск несоответствия и выбора.

В группе асоциальных подростков склонность к острому ощущением как внешнее проявление склонность к риску является составляющей «**сильной**» личности, а именно – догматичной, агрессивной, доминирующей; при этом воплощает ценность не столько риска, сколько власти. Также склонность к острому ощущением вошла в фактор – «**склонность к крайностям**». Таким образом, склонность к риску, с одной стороны, дает возможность самоутверждения, но с другой стороны, как и всякая крайность, приводит к негативным последствиям.

В-третьих, для асоциальных подростков впечатления имеют большое значение, поэтому выделился фактор «**стремление к впечатлениям**». Однако асоциальные подрост-

---

³⁵ Доклад подготовлен по материалам одноименной курсовой работы, выполненной в 2005 г.

ки в большей степени склонны получать впечатления от внешних раздражителей, чем от саморазвития.

В-четвертых, склонность к риску выражена у всех подростков данной выборки, но она наполнена разным содержанием, которое существенным образом влияет на воплощение склонности в реальном поведении. Для асоциальных подростков склонность к риску – способ противопоставления себя окружающему миру, а для просоциальных подростков склонность к риску – способ поиска себя в этом мире.

Представления об образе жизни будущего мира у современных подростков

Ноговицына Надежда Михайловна

студентка

Якутский государственный университет им. М.К. Амосова, Якутск, Республика Саха (Якутия), Россия

В наше время все вокруг меняется с большой скоростью и вместе с тем и общество. Все эти изменения в различных сферах жизни отражаются в развитии, становлении человека. А все это в свою очередь отражается в представлениях человека о будущем мира. Представления же главнейшим образом влияют на наши ценности, установки и т. п. Поэтому проблема представлений о будущем мира и в частности проблема о том, что представляет ребенок о будущем мире, что он от него ожидает сегодня приобретает наибольшую актуальность.

Целью нашего проекта является исследование представлений об образе будущей жизни у современных подростков.

Для достижения данной цели нами поставлены следующие задачи:

- Выявить гендерные различия в представлениях об образе будущей жизни у современных подростков.
- Выявить представления о будущем мира у современных подростков.

Предметом исследования является социальное представление.

Гипотеза: Существуют гендерные различия в представлениях об образе будущей жизни у современных подростков.

В исследовании приняли участие учащиеся VIII-го класса школы №2 г. Якутска. Всего было 50 подростков.

В данном исследовании использовали следующие методики:

1. Методика незавершенных предложений, где мы выделили четыре параметра, которые, по-нашему мнению, являются наиболее отражающими образ жизни: свободное время, учебно-профессиональная деятельность, взаимоотношения с друзьями, отношения к различным сферам деятельности.

2. Графические методики, где подростки должны были нарисовать будущий мир.

По полученным результатам первого параметра образа жизни «свободное время», можно сказать, что подростки в будущем мире проведение свободного времени видят более реально в соответствии со своими возможностями и способностями. Здесь при выборе рода занятий большую роль играют интересы подростков. Девочки более ориентированы на искусство, а мальчики на компьютерные технологии, технику.

Из анализа второго параметра образа жизни – «учебно-профессиональная деятельность», можно сказать, что существуют различия в представлении учебно-профессиональной деятельности между девочками и мальчиками. Это объясняется интересами, способностями и возможностями подростков.

Проанализировав третий блок образа жизни – «взаимоотношения с друзьями», можно сказать, что девочки более реально представляют свое близкое окружение, чем мальчики. Мальчики же под влиянием СМИ, представляют свое близкое окружение в фантастическом, планетарном плане.

Теперь дадим характеристику последнему блоку образа жизни – «отношения к различным сферам жизни». Политическим лидером, по мнению подростков, будет наш нынешний президент Путин В.В., кроме этого участники исследования приводят своих примеры, в качестве которых выступают звезды кино, друзья и одноклассники. В пред-

ставлениях подростков в будущем мире телевидение будет показывать ту же программу, что и сейчас, но будут преобладать количество каналов и шоу-передачи. По мнению девочек, мода на одежду будет как в 80-е и даже 20–30-е годы, а также радуется то, что дети считают, что в будущем мире модно будет вести здоровый образ жизни. Вдвойне радуется то, что современные подростки надеются в будущем на мир, согласие на Земле. Хотя некоторые испытуемые считают, что будут войны. Мальчики указали на наличие летающих тарелок.

В своих рисунках мальчики изобразили много фантастического, чем девочки, что соответствует результатам предыдущей методики. В рисунках девочек интерес призывает одушевление предметов, а в рисунках мальчиков – разрыв земного шара на две части. Это наверняка связано с влиянием СМИ: ведь в последнее время мы наблюдаем рост количества фантастических фильмов, где обычно встречаются подобные эпизоды с акцентом на мир будущего. В рисунках подростков также изображены глобальные проблемы человечества: терроризм и экология.

Особенности смысловой сферы школьников

Савченко Наталья Алексеевна

студентка

Таганрогский институт управления и экономики, Таганрог, Россия

E-mail: papiklesha@list.ru

Смысловая сфера личности направляет не только поведение, но и определяет развитие личности, ее интересы, эмоциональные предпочтения, способ познания действительности; обуславливает выбор жизненного пути, самоопределение человека, определяет удовлетворенность и осмысленность жизни в настоящем. Смысловая сфера показывает направление самоопределения человека, определяет его потенциал в будущем. Исследование особенностей смысловой сферы позволит найти способы ее коррекции.

Целью нашего исследования являлось определение особенностей смысловой сферы школьников.

В качестве объекта исследования были выбраны школьники 10–11 классов. Предметом исследования явилась смысловая сфера личности.

Выборка составила 31 человек.

Нами были применены: методика «Смыслжизненные ориентации» Д.А. Леонтьева (СЖО), методика исследования уровня субъективного контроля (УСК), методика «Самоактуализация личности» Н.Ф. Калины (САМОАЛ), методика М. Рокича.

Для оценки различий между группами испытуемых применялся U-критерий Манна-Уитни.

По результатам исследования были выявлены следующие различия между школьниками 10 и 11 класса. По шкале «процесс жизни или интерес и эмоциональная насыщенность жизни» методики СЖО были обнаружены значимые различия ($\alpha = 0,05$). Десятиклассники воспринимают свою жизнь более интересной и наполненной смыслом, чем одиннадцатиклассники. Это может быть связано с тем, что одиннадцатиклассники подошли вплотную к новому этапу своей жизни, где им предстоит принимать решение о дальнейшем жизненном пути. В то время как для 10 класса эта проблема еще не актуальна, и они могут отложить ее решение, по крайней мере, еще на год.

Также между школьниками 10 и 11 класса были выявлены значимые различия по шкале «общей интенсивности» (ИО) методики УСК ($\alpha = 0,05$). Десятиклассники демонстрируют большую интернальность, чем школьники 11 класса. С этим может быть связано ощущение причастности к жизни и ее полноты. С другой стороны, десятиклассники принадлежат к знакомой среде, а одиннадцатиклассники начинают испытывать на себе влияния все множущихся посторонних факторов, что может снижать ощущение контроля над своей жизнью.

По методике САМОАЛ были получены значимые различия по шкалам «ценности» ($\alpha = 0,05$), «взгляд на природу человека» ($\alpha = 0,01$), «стремление к творчеству или креативность» ($\alpha = 0,01$), «контактность» ($\alpha = 0,05$), «самопонимание» ($\alpha = 0,05$). Как оказа-

лось, школьники 10 класса ориентированы на реализацию гуманистических ценностей, больше доверяют людям, проявляют большее стремление творчески подходить к жизни, более склонны к установлению прочных контактов, чем одиннадцатиклассники. Различия, полученные по этим шкалам, могут быть связаны с результатом шкалы «насыщенность жизни» методики СЖО. Десятиклассники воспринимают свою жизнь более интересной, они более удовлетворены своей настоящей жизнью, поэтому отношение к ней более позитивное. Десятиклассники знают себя больше, чем одиннадцатиклассники. Это может быть связано с тем, что в 10 классе еще не надо отвечать на те вопросы, которые поставлены перед жизнью перед выпускниками. Они ведут еще привычный образ жизни, в то время как 11 выходит на новый этап жизни. Приходит осознание того, что прежние мечты и надежды могут не осуществиться, возникают сомнения по поводу своих сил и способностей. В целом, показатели по общему стремлению к самоактуализации у десятиклассников выражены больше, чем у одиннадцатиклассников.

Главными терминальными ценностями для учеников 10 класса являются здоровье и друзья, а 11 класса – любовь и здоровье. Средними по значимости для десятиклассников являются интересная работа и развитие, а для одиннадцатиклассников – свобода, жизненная мудрость и счастливая семейная жизнь. Самыми незначимыми ценностями являются творчество и красота природы и искусства.

Главные инструментальными ценностями у учеников 10 класса – образованность и честность, а у 11 класса – жизнерадостность и образованность. Средними по значимости для десятиклассников являются воспитанность, ответственность и жизнерадостность, а для одиннадцатиклассников – воспитанность, смелость в отстаивании своего мнения и честность. Самыми незначимыми ценностями являются непримиримость к недостаткам и высокие запросы.

Часть ценностей у школьников 11 класса переходит в ранг средних по значимости, ряд перестает иметь значение вообще. Выпускники хотят гармонии и свободы, то, чего им, видимо, не хватает. А десятиклассник, которого радует настоящий момент, думает о совершенствовании. Из этого видно, как важна удовлетворенность данным моментом жизни, чтобы личность могла думать о самосовершенствовании. Одиннадцатиклассники начинают интенсивно работать на свое будущее, вследствие чего резко обрывается связь с настоящим. Помимо этого они испытывают давление окружающих и хотят освободиться от него.

Десятиклассники находятся в большей гармонии с окружающими, чем одиннадцатиклассники. Десятиклассники более беззаботны и радуются своей жизни, более контактны, доверяют другим людям, больше верят в свои силы. Это один из ключей к гармоничному взаимодействию со средой и возможности самореализации. Но, когда приходит время принимать серьезные решения, они оказываются неготовыми к ним, что показывают нам одиннадцатиклассники. Школьники редко задумываются о своем будущем, что демонстрирует тенденция жить сегодняшним днем у десятиклассников. На пороге выпуска одиннадцатиклассники начинают задумываться о дальнейших планах потому, что к этому подталкивают события жизни.

Таким образом, можно выделить следующие особенности смысловой сферы школьников. Отсутствие у выпускников достаточно осмысленных целей в будущем, что приводит к неверию в свои силы, сомнению по поводу своих способностей, отсутствия культуры размышления о своем будущем, что приводит к тому, что о будущем думают только перед самым выпуском. Неудовлетворенность жизнью в настоящем, вызванная неопределенностью, особенно если это заботит ближайшее окружение, озлобляет, приводит к сомнению по поводу доброжелательности других людей. Такая ситуация вызывает дисгармонию в отношениях с собой и другими людьми, стремление освободиться и бросить все заботы, что, конечно, не способствует развитию личности.

Исследование смысловой сферы личности открывает возможность находить пути и средства для ее коррекции и развития.

**Проективно-интерпретативная методика выявления
полоролевых стилей мышления старшеклассников**

Семеркина Анна Юрьевна³⁶

студентка

Муромский институт (филиал) Владимирского Государственного Университета, Муром, Россия

E-mail: kitrey@mail.ru

Одним из важнейших факторов индивидуальности является полоролевая принадлежность школьников и соответствующий ей стиль мышления. Воспитание с учетом половой принадлежности предполагает знание специфических интересов и склонностей; особенностей полоролевых стилей мышления. Утрата чувства пола порождает глубокие изменения личности: происходит «деперсонализация», потеря своего «Я», своего места среди людей. Исчезает привязанность к близким людям, к самой жизни, что вызывает различные формы асоциального поведения, возникает озлобленность, эмоциональная неустойчивость, нарушение мыслительной деятельности.

К сожалению, психология полоролевых различий стала серьезно изучаться лишь в последние годы. Одним из первых в нашей стране этой проблемой стал заниматься И.С. Кон. В своей работе «Психология половых различий» он подчеркивает и раскрывает необходимость знаний, связанных с психологическими особенностями личности ребенка. В работах Тимощенко Л.Н. подчеркивается, что чувство и осознание половой принадлежности формируется только через общение с другими людьми, под влиянием воспитания, социальных условий и подготовки к будущей жизни, что непосредственно связано со стилем мышления. Предполагается, что полоролевая принадлежность в системе обучения и воспитания напрямую связана и определяет приоритетный стиль мышления среди учащихся. На наш взгляд таким стилем мышления является дифференциально-идеалистический, свойственный большинству девушек и юношей в связи с возрастными характеристиками и полоролевыми психологическими особенностями, что необходимо проверить с помощью используемой в нашем исследовании проективно-интерпретативной методикой тестирования учащихся.

Исследование проводилось в рамках муниципального образовательного учреждения – средней школы, в котором приняли участие учащиеся 8–11 классов в возрасте 14–17 лет, общее число принявших участие в исследовании составляет 179 человек, из них 84 это юноши и 95 – девушки. Возрастная группа была избрана с учетом того, что в обозначенном возрастном периоде происходит перестройка деятельности всех систем организма, меняются психика, поведение и социально-бытовые ориентации подростков. Этапы исследования были следующими:

- была подобрана проективно-интерпретативная методика для выявления полоролевых особенностей стилового мышления подростков, основанная теоретически на тесте «дифференциальность-интегральность» Г.А. Берулавы;
- проведена диагностика и сбор данных об учащихся, задействованных в процесс исследования;
- статистическая обработка полученных данных, выводы и итоги результатов исследования.

К проективно-интерпретативной методике, используемой в нашем исследовании, относится заимствованный нами тест «дифференциальность-интегральность» Берулавы, предполагающий истолкование какого-либо события. Тест Берулавы фиксирует когнитивные ориентации, но в данном случае его использовали как средство выявления полоролевых стилей. Он состоит из 20 сюжетных картин, которые последовательно предлагались испытуемым с вопросом: «Что изображено на картине?». Данная методика позволила диагностировать дифференциально-идеалистический (абстрактный), дифферен-

---

³⁶ Автор выражает признательность доценту, к.ф.н. Мекке О.А. за помощь в подготовке тезисов.

циально-реалистический (конкретный) и дифференциально-эмоциональный (чувственный) стили мышления. Испытуемые записывали все 20 ответов, используя для описания слова, пунктуационные обозначения, ассоциирующиеся с увиденной картиной. Выполняя предлагаемое задание, учащиеся становились в ситуацию необходимости определения личного отношения к предъявленному изображению, и, не осознавая цели исследования, достоверно раскрывали свои полоролевые особенности.

В результате сбора и обработки полученных данных нами были получены следующие статистические данные и на их основе выделены стили мышления:

1) Дифференциально-идеалистический (абстрактный) стиль: определяет сущность мыслительной деятельности у 68% опрошенных; он свойственен более девушкам (65% протестированных). Для такого стиля характерна ориентация на целостное восприятие объекта познания, на понятийные отвлеченные абстракции, обобщенный «образ мира»; девушки превосходят юношей в скорости восприятия и многообразии воспринимаемых деталей, оттенков реальности, что позволяет им лучше разбираться в людях. В их сознании знания, чувства и отношения слиты, поэтому девушка понимает любой процесс в связи с личностными смыслами более широко.

2) Дифференциально-реалистический (конкретный) стиль: определяет сущность мыслительной деятельности у 20% опрошенных. Характерен более для юношей (84%), которым свойственны конкретность, рациональность, формализм и эмпиричность мышления, фрагментарность «образа мира». Юноши прямо и непосредственно концентрируют свое внимание на поставленной задаче, в мужском мышлении знания, чувства и отношения существуют раздельно в процессе познавательной и поведенческой деятельности, им свойственно преувеличение роли мыслительного, рассудочного компонента при игнорировании эмоциональных, составляющих анализа.

3) Дифференциально-эмоциональный (чувственный) стиль мышления: определяет сущность мыслительной деятельности у 12% опрошенных; характерен главным образом для девушек (93%). При таком стиле мышления ситуации придается эмоциональная насыщенность, одной из важнейших составляющих которой является тревожность, обуславливающая неопределенность предмета переживаний; направленность в будущее. Тревожность выражается в опасении, что будет, этот стиль предполагает разнообразие эмоциональных переживаний, чувств, образа мыслей.

На основании полученных результатов было выявлено, что у девушек преобладает дифференциально-эмоциональный стиль мышления, тогда как у юношей – дифференциально-реалистический стиль мышления. Нами была доказана гипотеза о том, что практически в равной степени девушкам и юношам свойственен дифференциально-идеалистический стиль мышления, что связано с обозначенным возрастным периодом, когда недостаточно четки и верны представления о реальности и окружающей действительности, когда мир кажется практически идеальным.

По результатам исследования педагогам и психологам в школе можно рекомендовать учитывать индивидуальные особенности полоролевой структуры учащихся и стилевые особенности мышления при разработке программ, учебных материалов, контрольных заданий, наглядных пособий. Изучение психологических особенностей полоролевых стилей мышления юношей и девушек является важным научным и практическим вопросом. Их знание поможет адекватно воспитать личность ребенка, делая акцент на формировании именно тех качеств, которые помогут ему в дальнейшей жизни.

**Мотивация поступления гражданской молодёжи
в высшие военные учебные заведения пограничного профиля**

Солманов Максим Викторович

курсант

Голицынский пограничный институт ФСБ России, Голицыно, Россия

E-mail: gvifps@jues.ru

Одним из важных этапов в жизни каждого является выбор профессии. В условиях коренных изменений, реструктуризации и реформирования силовых органов, ведомств и

пограничной службы, в частности, наблюдается тенденция увеличения количества поступлений гражданской молодёжи в высшие военные учебные заведения. Данная тенденция, наблюдается наряду с участвовавшими случаями проявления неуставных взаимоотношений в воинских коллективах и в попытках любыми способами избежать прохождения срочной службы по призыву большей части молодых людей [3]. Указанные противоречия и обусловили выбор темы исследования.

На основе пилотажного исследования 25 человек был разработан опросник для выявления мотивов поступления гражданской молодёжи в высшее военное учебное заведение.

В исследовании приняли участие 105 курсантов первого курса, в возрасте 17–19 лет. Образование среднее. Из семей военнослужащих, госслужащих и рабочих.

Были использованы следующие методы исследования:

1. Опросник Т.И. Ильиной «Мотивы поступления в ВУЗ». Опросник включал 50 вопросов, которые разделены на три группы шкал мотиваций: приобретение знаний, овладение профессией, получение диплом [1]. 2. Специально разработанный опросник, по выявлению ведущих мотивов, поступления курсантов в военный институт.

Основные результаты исследования.

Мотивы поступления были условно разделены на три группы:

- «основной мотив» (движитель);
- «второстепенный мотив»;
- «не основной мотив».

Полученные результаты были обработаны с помощью методов математической обработка полученных данных электронной программой EXCEL.

Шкала основных мотивов: 1. Получения диплома о высшем образовании. 2. Получение офицерского звания для дальнейшего прохождения службы и работы в различных органах и подразделениях силовых структур. 3. Работа в пограничной службе является третьим по значимости мотивом.

Шкала второстепенных мотивов: 1. Получение среднего военного образования. 2. Защита интересы своего государства. 3. Получение возможности уехать в «горячую точку».

Шкала не основных мотивов: 1. Уклониться от срочной службы в армии. 2. Посоветовали родители. 3. Романтика военной службы.

Основные выводы:

1. Основным мотивом поступления в военный вуз является, получение диплома о высшем гражданском образовании. Это даёт возможность предполагать то, что большая часть поступивших курсантов преследовали цель использования института как источника получения лишь диплома.

2. Мотив на получение офицерского звания свидетельствует о том, что учеба в институте это «стартовая площадка» для формирования профессиональной карьеры офицера в будущем.

3. Прохождение службы в войсках и структурных подразделениях пограничной службы, как мотив поступления, занимает третью позицию. Это говорит о том, что среди поступивших, есть те, кто хочет связать свою жизнь и судьбу с охраной государственной границы. Большинство гражданских абитуриентов в этой категории – дети из семей, которые имеют прямое или косвенное отношение к пограничной службе.

4. Мотивация уклонения от срочной службы попала в шкалу незначимости, что даёт основание констатировать наличие сознательности и стойких целевых установок, поступающих в высшие военные учебные заведения.

**К вопросу о содержательных характеристиках
мотивационно-потребностной сферы современного юноши призывного возраста**

Шишлакова Мира Александровна

студентка

Белгородский государственный университет, Белгород, Россия

E-mail: mirinda@ctline.ru

Говоря о будущем России, нельзя оставаться равнодушным, задумываясь о положении солдат в армии. Вопросов много, а вот литературы, с ответом на них, практически не найти. Это и стало основным стимулом при выполнении нами данного исследования.

Исследование проводилось на базе Военного комиссариата Западного округа г.Белгорода. Испытуемыми – люди призывного возраста (1987 года) окончившие школу, или лицей выборка состояла из 174 человек. При проведении исследования мы использовали следующие методики: Цветовой тест Люшера, модифицированную нами методику неоконченных предложений, а также произвели качественный анализ личных дел юношей призывного возраста с целью изучения характера семейной ситуации и академической успеваемости.

На основании проведенного исследования, мы смогли выделить несколько групп юношей призывного возраста, имеющих различия мотивационно-потребностной сферы.

В первую группу вошли юноши призывного возраста с преобладанием внешнего мотива. Для этой группы испытуемых, 50 человек, (28%), армия не значит ничего, считается убитыми годами жизни. У большинства таких испытуемых проявляются такие черты характера как беспокойство, они движимы собственными желаниями и надеждами. Испытывают потребность улучшить представление о себе у других людей, хотят сами свободно распоряжаться своей судьбой. В основном так думают лица со средней академической успеваемостью, но неблагоприятной семейной ситуацией, а именно: ребенка воспитывает один родитель, или же родители находятся в затрудненном материальном, или социальном положении. Доминирование внешнего мотива в мотивационно – потребностной сфере мы не можем считать положительным явлением. Это так называемая «пластилиновая группа», поэтому впоследствии не исключено также, что такие люди становятся, под воздействием манипуляции, своеобразным «оружием дедовщины».

Во второй группе доминирующим является мотив долга. Юноши призывного возраста – 38 человек, (22%), считают, что армия для них, это способ защитить свою Родину. Такие испытуемые хотят следовать своим импульсам, готовы идти на риск. Хотят преодолеть все трудности, которые встают перед ними. Пытаются улучшить свое положение и повысить престиж. Среди призывников преобладают лица со средней академической успеваемостью и неблагоприятной семейной ситуацией. На вопрос о возникновении дедовщины считают, что «дедовщина» возникла из-за того, что люди, которые не имели власти ранее, получают ее именно здесь, когда им дают в руки оружие. Для того, чтобы избавиться от нее, необходимо убрать «дубину» из рук старшины и ввести момент поощрения первогодок. Мы полагаем, что на эту группу солдат офицер может опереться, восстанавливая дисциплину в армии.

В третью группу входят юноши призывного возраста с преобладанием социального мотива. В данной группе, 32 человека (18%) , считают, что армия для них, это способ стать мужчиной, проявление мужских качеств. Такие испытуемые относятся в большинстве к лицам, которые хотят наверстать то, что, как им кажется, они упустили, живя насыщенной жизнью; по их мнению, они смогут освободиться от всего, что их угнетает. Пытаются создать твердое основание, на котором воздвигнут надежное, спокойное и свободное от проблем будущее. В основном это призывники со средней академической успеваемостью, и благоприятной семейной ситуацией. На вопрос о причинах появлении «дедовщины» отвечают, что она необходима, для воспитания вновь прибывших, если только это не несет за собой наказания физического плана, и только в этом случае от

«дедовщины» необходимо избавиться. В отношении юношей призывного возраста, составляющих группу с наличием социального мотива, для нормального прохождения службы, необходимо приучать к дисциплине и не позволять им проявлять неуважительное отношение к товарищам по службе.

У четвертой группы лиц призывного возраста преобладает познавательный мотив, но также присутствует и социальный мотив. Это юноши, которые считают, что это дальнейшая их жизнь, или же способ самореализоваться (18 человек – 10%). В основном такие испытуемые жаждут успеха, жизни полной впечатлений. Хотят развиваться свободно, сбросить с себя оковы неуверенности, жить насыщенной жизнью. У таких испытуемых много интересов и они хотят расширять сферы деятельности. Эти юноши имеют среднюю и высокую академическую успеваемость и благоприятную ситуацию развития в семье. Интересно так же заметить, что в основном так рассуждают дети бывших военных. В большинстве своем, таким детям родители не советуют идти в армию, т.к. «там тебе будет плохо», но ребенок, глядя, чего добился его отец, хочет быть похожим на своего родителя. На вопросы о причинах возникновения «дедовщины», в основном отвечают, что родители говорили: «что так принято», и необходимо принимать это как обычное явление. Именно среди этой группы юношей призывного возраста старший по званию найдет поддержку по борьбе с «дедовщиной».

В пятую группу испытуемых входят юноши с доминирующим личностным мотивом, имеющий романтический оттенок, игровую ориентацию. Группа из 18 призывников (10%), считают, что армия – это обязанность гражданина РФ по обороне от террора, причем при ответе на вопрос, а не является ли это аналогом защиты Родины, четко отвечали, что между понятиями обороны, и защиты Родины сходства они не видят. Большинство таких испытуемых ищут успеха. Хотят преодолеть преграды сопротивления и принимать решения самостоятельно. Стремятся к тому, что себе наметили и проявляют инициативу. У таких испытуемых средняя академическая успеваемость и благоприятная семейная ситуация. Это так называемая группа риска, т.к. это юноши со сложившимися взглядами на необходимость присутствия «дедовщины». Эта группа призывников обычно транслирует необходимость сохранения дедовщины придя в армию и являясь ее ядерным компонентом.

В шестую входят призывники с преобладанием личностного мотива, опосредованного профессиональным выбором. Считаю своеобразной школой жизни, своеобразным военным институтом жизни 20 испытуемых (12%). Большинство таких испытуемых испытывают потребность освободиться от стресса. Жаждут чувства покоя и удовлетворенности. Хотят свободно следовать своим убеждениям и принципам, хотят добиться уважения к себе как личности, называющейся так по праву. Среди этих юношей большинство со средней академической успеваемостью и благоприятной ситуацией развития в семье. Такие призывники в ответах на вопрос возникновения «дедовщины» считают, что возникла она из-за того, что отправляли служить осужденных людей и именно они ввели ее. Призывники, входящие в эту группу, не совсем адаптировались в гражданской ситуации, и поэтому идут в армию, надеясь на то, что там будет порядок. Испытуемые данной группы будут присматриваться к окружающему коллективу, и возможно будут противостоять предыдущей группе, из-за чего возможны частые конфликты, которые и будут служить тому, что «дедовщина» будет сохраняться.

Современный юноша призывного возраста – люди, имеющие свои мотивы и потребности. Этим юношам можно разбить на несколько групп при рассмотрении мотивационно-потребностной сферы. Первая группа – это юноши, которые хотят самореализоваться через военную службу, но четко не понимая, как это сделать. Другая группа – это люди, которые не могут приспособиться на гражданке, виду неблагоприятных факторов, что напрямую связано с семейной ситуацией. Или же это группа юношей, закомплексованных в гражданской жизни и полагают, что только так смогут стать мужчиной.

ПОДСЕКЦИЯ «ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ В ШКОЛЕ И ВУЗЕ»

Мотивация учебной деятельности и успешность в обучении

Григорьева Вера Алексеевна

студентка

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: ame_mag@list.ru

Изучение мотивации учебной деятельности является одним из наиболее актуальных направлений в психологии образования. Очевидно, что без желания, без хоть каких-то стимулов человек не сможет полноценно учиться. В то же время важно знать, какие именно мотивы и другие составляющие мотивационной сферы помогают достичь наибольшей успешности в обучении. Это необходимо для возможности целенаправленного формирования мотивации учения.

Как правило, среди мотивов учения выделяются внешние и внутренние. К внутренним чаще всего относят познавательный мотив: человек учиться, потому что ему это интересно, доставляет удовольствие процесс открытия и освоения нового. Однако С.Л. Рубинштейн и Т.В. Габай указывают на то, что учебная деятельность по сути своей является подготовкой к будущей трудовой деятельности, поэтому к внутренним приближается также «деловой» мотив: учиться, чтобы потом легче было работать. Особенно актуально такое понимание учебной деятельности при изучении мотивационной сферы студентов, которые действительно, как правило, учатся, чтобы потом пойти работать. К внешним мотивам относят, во-первых, мотивы, внешние по отношению к деятельности учения (чаще всего в работах отечественных психологов), во-вторых, мотивы, внешние по отношению к субъекту деятельности, навязываемые извне (экстрисивная мотивация в теории Деси-Райана). Считается, что внутренняя, познавательная мотивация имеет определенное преимущество перед внешней, что она лучше влияет на успешность в обучении. Очевидно, что если человеку хочется знать, то не нужно особых внешних стимулов, чтобы он учился. Однако так ли это на практике? В недавнем исследовании, проведенное Т. Уоллсом и Т. Литтлом, показано, что внутренняя мотивация связывается скорее с положительными эмоциями, а вот осознание важности учения связано с его успешностью.

Очевидно, что данные, полученные в совершенно иной культурной среде и других социальных условиях, нельзя прямо переносить на наших соотечественников. Поэтому мы решили провести исследование, которое помогло бы понять, что влияет в наших условиях на успешность в обучении.

Исследование проводилось в Брянском государственном университете на естественно-географическом факультете. Испытуемыми являются студенты 3–4 курсов, 73 человека.

Мы не будем говорить о том, что изучаем именно мотивы учения, т.к. они далеко не всегда осознаются, но изучаем мотивировки, т.е. то, как студенты сами объясняют причины своего поведения.

На первом этапе было принято решение изучать не столь сложный феномен, как учебная деятельность вообще, а деятельность по освоению отдельных предметов: «анатомия и физиология человека» и «теория и методика обучения биологии». Рассматривались только те мотивы, которые осознаются студентами, о которых они могут дать отчет.

На втором этапе мы попросили студентов ответить на вопрос, почему они изучают данные предметы. Таким образом мы получили множество различных мотивировок. Из них удалось при помощи качественного анализа и некоторых обобщений (например, «мои дети» заменялись на «родные и близкие») выделить 43 мотивировки, на основе которых и был создан опросник. Мы попросили оценить по шкале от 1 до 7, насколько то или иное высказывание может являться причиной изучения данных предметов. Затем с помощью факторного анализа было выделено 12 групп мотивировок учения для одного предмета и 11 – для другого.

Преподавателям, ведущим эти предметы, были выданы анкеты со списками студентов и инструкцией по оценке каждого учащегося, от 1 до 7. Эта оценка дает определенное преимущество перед академической успеваемостью, т.к. имеет больший диапазон значений, и студенты оцениваются в целом за всю работу, а не за конкретный ответ на экзамене.

В настоящий момент данные находятся на стадии обработки, предполагается выяснить, какова выраженность каждого фактора у каждого испытуемого и есть ли корреляция между определенными группами мотивировок и успешностью в обучении.

На данном этапе обработки уже можно сказать, что хотя есть факторы, схожие для двух предметов, есть и определенные различия. Так, например, освоение творческого подхода и любовь к творчеству в одном случае включаются в один фактор, в другом – в разные. Это показывает, что мотивационная сфера человека зависит от конкретных обстоятельств формирования и функционирования, и трудно разделить внешнюю и внутреннюю мотивацию.

Психологический анализ содержания школьных страхов современных детей 7–9 лет

Гузанова Татьяна Вячеславовна

аспирантка

Московский городской психолого-педагогический университет, Москва, Россия

E-mail: tania_v@bk.ru

В последнее десятилетие все чаще говорят о негативном влиянии школы на здоровье учащихся, как физическое, так и психическое. Концепция модернизации современного российского образования предполагает создание психолого-педагогических условий оптимизации учебно-воспитательного процесса в образовательных учреждениях. Предполагается принять комплексные меры по сохранению и улучшению не только качества образования, но и здоровья учащихся. Важную роль в сохранении и улучшении психического здоровья учащихся играет психологическая служба в образовательном учреждении.

Одной из проблем, с которой сталкивается психолог в начальной школе, является проблема детских страхов. Страх – аффективное отражение в сознании конкретной угрозы для жизни и благополучия человека. Необходимо детально рассмотреть группу понятий, связанных с понятием «страх»: тревога, боязнь, тревожность, фобия (навязчивое состояние страха) для определения предмета изучения, поскольку в психологической литературе понятия «страх» и «фобия» часто расцениваются как синонимичные по отношению к психическим явлениям.

Существует множество оснований для классификации страхов. Захаров А.В. выделяет два вида страха: 1.– эгоцентрический; 2.– социально-опосредованный страх. Младший школьный возраст уникален в отношении проблемы страхов. При поступлении ребенка в школу происходит изменение его социального статуса. Для детей 7–11 лет характерно снижение эгоцентрических страхов и увеличение социоцентрических страхов.

Ведущий страх в младшем школьном возрасте – страх не соответствовать социальным требованиям ближайшего окружения, будь то школа, сверстники или семья. Школа, в свою очередь, также вносит коррективы в проблему страха у детей. Появляются так называемые школьные страхи. Нахождение ребенка в коллективе сверстников, с которыми он связан не только личными, но и социальными отношениями, может способствовать как возникновению школьных страхов, так и преодолению некоторых из них. Есть страхи, причина которых не связана напрямую со школой, но оказывает негативное влияние на процесс учения.

Мы предполагаем, что в большинстве случаев школьные страхи оказывают негативное влияние на учебно-воспитательный процесс и психологическое развитие ученика. Особо хочется выделить страх отметки. С одной стороны, этот страх негативно сказывается на развитии познавательной активности ученика, на его отношении к изучаемому предмету. С другой стороны, в современной школе он часто является ведущим мо-

тивом обучения. Во многом это связано с отношением СМИ и родителей к школе, с понижением статуса учителя в современном обществе.

Особенности образовательного учреждения, по нашему предположению, также должны влиять на качество и характер страхов. Так, от уровня требований – гимназия, обычная школа – возможно, будет зависеть степень выраженности тех или иных страхов. Современное состояние общества, сопутствующее ему изменение ценностей, внесло некоторые коррективы в изложенные выше положения. В дальнейшей работе мы попытаемся изучить содержание страхов, присущих современным младшим школьникам.

Проблема базовых характеристик личности в концепции смыслового подхода к образованию

Егоров Дмитрий Викторович

аспирант

Ростовский государственный университет, Ростов-на-Дону, Россия

degorov2003@mail.ru

В настоящее время, когда происходит быстрое развитие информационных систем и науки, появляются большие массивы информации, новых знаний, которые необходимы для обучения профессионально подготовленных кадров. Данная ситуация влечет за собой необходимость разработки новых обучающих программ, позволяющих в короткие сроки обучения предоставить будущим специалистам всю необходимую информацию. Создание таких программ является сложной многоуровневой задачей, для решения которой процесс обучения необходимо рассмотреть с различных позиций. Смысловой подход в обучении призван интенсифицировать процесс усвоения знаний студентами, за счет их внутренней заинтересованности в изучаемом материале.

По мнению ряда психологов (И.В.Абакумова, А.Г.Асмолов, Б.С.Батрусь, С.Л.Братченко, В.П.Зинченко, Д.А.Леонтьев, В.А.Петровский, В.И.Слободчиков, А.Б.Орлов, Д.И.Фельдштейн, И.С.Якиманская), изменение в технологиях обучения связано с заменой общего образовательного вектора со знаниевых целей на личностно-смысловые, с переходом от субъект-объектных к субъект-субъектным образовательным методам, ориентированным на инициации самого обучающегося, на признание его права проявления индивидуальных смысловых стратегий в процессе познания [4].

В рамках концепции смыслового подхода к образованию И.В.Абакумова говорит о том, что исходной единицей образовательного пространства является учебный процесс, который рассматривается в динамике, включающей порождение разнообразной палитры личностных смыслов, их несовпадение, взаимоисключение или взаимное сближение. При этом смысловое ядро поликультурного пространства приобретает характер смысловой оси, вокруг которой группируется все пространство образования [2].

Процесс смыслообразования наиболее интенсивно протекает в юношеском возрасте, когда проверяются на практике уже усвоенные нормы, ценности, проявляются сформировавшиеся смыслы и конструируются новые. Таким образом, образовательную среду ВУЗа можно рассматривать как наиболее продуктивную среду взаимодействия личности и общества, приобщения к общемировым ценностям культуры и формирования личных ценностей, порождения личностных и общественных смыслов, определяющих дальнейшую перспективу принятия жизненно-важных решений.

Образовательное пространство, представленное базовыми ценностями, поддерживает развитие личности, однако, высшее образование должно быть не только разносторонним, но и личностно-ориентированным, поскольку современное технологическое обеспечение учебного процесса возможно лишь при условии его практического выведения на личностно-смысловой уровень, разработки тех компонентов, которые непосредственно будут влиять на ценностно-смысловые установки студентов, их смысловые образования.

Базовые ценности культуры, транслируемые образовательным процессом, вступая во взаимодействие с субъектным опытом каждого студента, ведут себя по-разному: од-

ни, транслируясь во внутренний индивидуально-личностный план, приобретают личностный характер, другие же остаются психологически индифферентными.

Как пишет М.М.Бахтин, «культурный смысл связан с высвечиванием в содержании образования высших ценностей, идеалов, духовности через смыслы личностные, рождающиеся в процессах “вживания” в изучаемое» [3].

Основными характеристиками личности, которые непосредственно организуют ее деятельность в образовательном процессе, являются мотивация и направленность личности. Остановимся на них подробнее.

Проблема мотивов и мотивации поведения – одна из стержневых и наиболее сложных в психологии. В качестве мотива назывались самые различные психологические феномены – намерения, представления, идеи, чувства, переживания (Л.И.Божович); потребности, влечения, побуждения, склонности (Х.Хекхаузен); желания, хотения, привычки, мысли, чувство долга (П.А.Рудик); морально-политические установки и помыслы (Г.А.Ковалёв); психические процессы, состояния с свойства личности (К.К.Платонов); предметы внешнего мира (А.Н.Леонтьев); условия существования (В.К.Виллюнас).

По нашему мнению, в рамках образовательного процесса мотивы личности могут быть внутренними: намерения, представления, идеи, чувства, переживания (Л.И.Божович) и внешними, опредмеченными (А.Н.Леонтьев). В первом случае мы говорим о мотивах развития личности – внутреннем побуждении личности расширить свой кругозор, повысить эрудицию и общекультурный уровень. Во втором же случае мы имеем в виду познавательные мотивы – мотивы учения, обусловленные содержанием или самим процессом обучения.

Направленность личности выделяется в качестве её ведущей характеристики в различных концепциях, но раскрывается она по-разному: как «динамическая тенденция» (С.Л.Рубинштейн), «смыслообразующий мотив» (А.Н.Леонтьев), «доминирующее отношение» (В.Н.Мясищев), «основная жизненная направленность» (Б.Г.Ананьев), «динамическая организация сущностных сил человека» (А.С.Прангишвили). Направленность, таким образом, выступает как системообразующее свойство личности, определяющее ее психологический склад.

Применительно к практике образовательного процесса, направленность личности не просто является центральным компонентом личностной структуры, но еще играет ведущую роль в функционировании личности в образовательной среде. Она формирует и организует вокруг себя потребностно-мотивационную сферу человека, его личностные свойства таким образом, чтобы максимизировать возможности реализации в учебном процессе личностно-смысловых отношений.

Таким образом, при смысловом подходе к образованию главной базовой характеристикой личности, обеспечивающей ее функционирование и развитие в рамках образовательного пространства, является направленность личности. По нашему мнению, именно вокруг направленности как оси и вектора развития личности организуется учебная деятельность, реализуются мотивы и цели обучения, усваиваются и трансформируются в интрапсихическом, личностно-смысловом плане базовые культурные ценности, транслируемые в ходе образовательного процесса.

Умственное развитие младших школьников с разной успеваемостью

Имшенецкая Анастасия Николаевна

студентка

Белгородский государственный университет, Белгород, Россия

E-mail: sunbeam07@mail.ru

Достаточный уровень умственного развития младшего школьника, дает ему шанс добиться успеха в учебе, стимулирует развитие его личности. Об уровне умственного развития учащегося должен знать педагог. Учитель нуждается в содержательной информации об индивидуальных особенностях познавательной деятельности, уровне умственного развития младшего школьника. Эта информация необходима учителю, для того чтобы осуществить индивидуальный подход, подобрать задания, наиболее эффективно

влияющие на умственную деятельность конкретного ученика, воздействовать на личность ученика через индивидуализированную оценочную деятельность, правильно оценить результат своего педагогического труда.

Зачастую в начальной школе особенности умственного развития школьника педагогом и родителями не берется во внимание, считая важным поведение ребенка на уроке, его послушание и пр. Но как показали исследования, следует обращать внимание не только на личностные качества ученика, но и на особенности его познавательной деятельности, и сопоставлять уровень умственного развития школьника с его академической успешностью.

В нашем исследовании решались следующие задачи: выявления особенностей умственного развития младших школьников при переходе в среднее звено; выявления наличия и характера связи между уровнем умственного развития ученика младших классов и его успеваемостью; анализа различий в умственном развитии учеников в зависимости от пола.

Использовался комплекс методик, апробированный Л.Ф.Тихомировой и А.В.Басовым (2003), который позволяет определить уровень интеллектуального развития младших школьников при переходе в среднее звено.

Исследование проводилось на базе средней школы №2 поселка Северный, Белгородского района, Белгородской области. В состав выборки вошли дети четвертого класса, 19 человек. Из них 11 мальчиков и 8 девочек, возраст которых 10–11 лет. Среди учащихся 4 слабоуспевающих ученика (2 девочки и 2 мальчика). 6 учеников относятся к среднеуспевающим детям (3 девочки и 3 мальчика). Хорошо успевающих учеников – 9 человек (3 девочки и 6 мальчиков). Успеваемость определялась по среднему баллу успешности в обучении.

Результаты исследования подтверждают факт сильной положительной связи успеваемости и умственного развития младшего школьника ($r = 0,58$).

Выявились следующие особенности умственного развития учащихся. Большинство детей справляются с математическими заданиями, и легко переключаются на новые способы действия. В сфере математических навыков детей, можно говорить, о неумении следовать инструкции мальчиками при решении определенного рода задач. У некоторых детей недостаточно сформировано умение устного счета.

Характерна достаточно высокая переключаемость внимания у детей, при переходе от одного задания к другому; сформирована функция контроля.

У большинства детей достаточно развит важнейший компонент познавательной деятельности – память. В основном это характерно для среднеуспевающих и хорошо успевающих учеников. Различия в этой сфере между мальчиками и девочками отсутствуют. Однако есть слабоуспевающие ученики, которые воспроизводят, зачитанный им материал, не полностью, со значительным искажением.

Операция мышления, направленная на построение, составление целого из отдельных элементов – синтез, развита у большинства детей, как у мальчиков, так и у девочек. Также у многих детей, имеется способность к анализу. Т.е. эти дети способны расчленивать целостную систему на взаимосвязанные подсистемы, каждая из которых является отдельным, определенным целым, а также установить связи, отношения между ними.

Нужно отметить, что почти все дети способны объединять в одну общность предметы и явления по основным свойствам, за исключением одной среднеуспевающей девочки и четырех мальчиков. Эти дети недостаточно хорошо владеют операцией мышления – обобщением.

Таким образом, по нашим данным, лучшие оценки по школьным дисциплинам получают дети с более высоким уровнем умственного развития. В целом, у 4-х хорошо успевающих учеников, 4-х среднеуспевающих и 2-х слабоуспевающих учеников результаты соответствуют возрастной норме. У 5-и хорошо успевающих, 1-го среднеуспевающего и 1-го слабоуспевающего учеников результаты статистически выше возрастной нормы. Есть дети, чьи результаты ниже возрастной нормы. Это два мальчика, один из которых относится к среднеуспевающим ученикам, другой к слабоуспевающим ученикам.

Также было определено, что имеются небольшие различия в умственном развитии учеников в зависимости от пола. Так девочки немного превосходят в умственном развитии мальчиков. Однако между успешностью учеников нет различия. В группе два мальчика и две девочки – слабоуспевающие; три мальчика и три девочки – среднеуспе-

вающие ученики; и шесть мальчиков и три девочки относятся к хорошо успевающим в обучении детям.

В целом, в результате проведенного нами исследования можно говорить о готовности в сфере умственных способностей большинства учеников IV-го класса к переходу в среднее звено.

Некоторые проблемы исследования подходов к учению

Камаева Дарья Дмитриевна

аспирантка

E-mail: camay@pochta.ru

Овчаренко Екатерина Валентиновна

аспирантка

E-mail: kate555@mail.ru

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Одним из направлений изучения проблемы индивидуальных различий в обучении является стилевой подход.

Начиная с 70-х годов в Швеции и Великобритании начинается интенсивное развитие нового направления исследований индивидуальных различий в учебной деятельности – изучение «подходов к учению» (approaches to studying, learning approaches). В рамках данного подхода индивидуальные различия в учебной деятельности касаются уровня действий, – совокупности целевых установок учащихся по отношению к задачам усвоения учебного материала (F. Marton, N. Entwistle, J. Biggs, G. Gibbs).

Понятие «Подход к учению» фактически включает различные уровни психологической регуляции учебной деятельности:

- уровень мотивационно-целевой регуляции – основные мотивы учебной деятельности и целевые установки учащихся по отношению к усвоению учебного материала, который выступает как ведущий при определении различных подходов к учению;
- операциональный уровень – предпочитаемые учащимися способы работы с учебным материалом;

В результате многочисленных исследований, проводимых как методом интервью, так и с помощью специально разработанных опросников, было выделено три различных подхода к учению. *Первоначально исследователями были выявлены 2 основных подхода к учению: «глубокий» и «поверхностный», затем к ним добавился и третий – «стратегический».*

Учащегося с глубоким подходом характеризует связь внутренней мотивации и глубокой переработки информации на высоком когнитивном уровне, который предполагает активную включенность в изучение учебного материала, поиск глубокого смысла, интерес учебного материала сам по себе, установление связей между новой информацией и ранее усвоенным материалом; учащиеся с глубоким подходом интегрированы, структурированы, интерпретируют информацию в большей степени, чем повторяют ее, что ведет к более длительному запоминая этой информации, они, как правило, более вероятно успешно проходят курс обучения.

Учащегося с поверхностным подходом характеризует слабая саморегуляция, ориентация на точное воспроизведение фактов, внешняя мотивация (часто отсутствует внутренний интерес), отсутствие поиска связей в материале и связей с ранее полученной информацией; учащиеся с таким подходом в основном движимы страхом неудачи, типичной стратегией в учебной деятельности является механическое заучивание, они склонны пересказывать фрагменты текста, при чем часто в случайном порядке. Установлены корреляционные связи данного подхода с установкой на выполнение учащимися заданий, удовлетворяющих педагогов (фиксированные задачи)

Стратегический подход, с одной стороны, объединяет в себе мотив достижения, сфокусированный на результат учения (как при поверхностном подходе), учащиеся, обладающие таким подходом придерживаются стратегии максимизации получения хороших оце-

нок; с другой стороны – этому подходу свойственны настойчивость, усилия для достижения учебных целей и самоорганизация учения, что характерно для глубокого подхода.

Как подчеркивает Н. Энтвистл, достаточно часто учащихся нельзя категорично отнести к тому или иному подходу. Многие демонстрируют различные подходы в разных учебных ситуациях. Результаты исследований позволили выделить и описать промежуточные подходы к учению (Biggs, J. В.)

Хотя данное направление активно исследуется, тем не менее, до сих пор остается множество нерешенных проблем, которые мы хотели бы назвать в нашем докладе.

Во-первых, остаются проблемы чисто теоретического характера. Так как подходы были выделены эмпирически, а не в виде теоретических конструктов, до сих пор существует проблемы определения статуса стратегического подхода и его связей с остальными подходами. Та же проблема остается со всеми промежуточными, выделенными позже.

Кроме того, в отличие от традиционно изучаемых в психологии стилевых предпочтений учащихся, подход к учению выступает интегральной характеристикой индивидуальных различий в учебной деятельности. Между особенностями учебных мотивов и целевых установок учащихся и реализуемыми ими способами усвоения материала, в основе которых могут лежать стилевые предпочтения, предполагается тесная связь. Но эта связь и реализующие ее механизмы не изучены в полной мере.

Далее, существует проблема **факторов, определяющих формирование подхода к учению**. Н. Энтвистл считает основным фактором развитие мышления учащихся – переход от «дуалистического» мышления, которому свойственно представление всего лишь об одной возможной истине к «релятивистскому». Другой фактор развития «глубокого» подхода – имплицитная концепция учения, которой руководствуются сами учащиеся: переход от «репродуктивной» концепции учения к «трансформационной» или «конструктивистской», согласно которой знания в учении не просто воспроизводятся, но активно преобразуются учащимися. В нашем исследовании мы в частности намереваемся уточнить факторы, влияющие на формирование подхода к учению у школьников. Кроме того, мы планируем исследовать возрастную динамику подходов, предпосылки и условия их возникновения.

В связи с этим возникает *методическая* проблема. До сих пор испытуемыми в исследованиях преимущественно являлись учащиеся высших учебных заведений, а основным методом, которым пользовались, были опросники (Entwistle, Biggs). Даже если опустить общие проблемы, связанные с использованием опросников, этот метод очень ограничивает возраст испытуемых. Методик для определения подходов к учению у школьников пока не существует. Мы планируем создание соответствующих методик.

Проблема метода исследования формирования и развития Образа-Я у школьников

Каминская Татьяна

соискатель

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Теоретические предпосылки: Данное исследование было выполнено в рамках ценностно-деятельностной концепции Г.Е.Залесского. В качестве предмета здесь выступают ценностно-смысловые образования личности, а метод их исследования реализует основные принципы деятельностной теории. В основе ценностно-деятельностной концепции лежит понятие об особой роли характера ценностно-смысловой ориентировки (ЦСО) в формировании и функционировании личностно-смысловых образований (мотивов, убеждений, ориентаций, установок).

В исследованиях Г.Е.Залесского и его учеников показано, что усваиваемые значения и осознание их личностного смысла, связано с условием, что усваиваемые учеником значения используются в структуре Ц.С.О.(при оценке ситуации, выбора целей и поведения в них). Для реализации предложенного подхода при изучении Образа-Я недостаточно ограничиться обычными широко применяемыми методиками (опросники, парные сравнения и т.д.). Требуется построение специального, достаточно общего и строгого метода выделения содержания личностных качеств и оценки уровня их развития, кото-

рый открыл возможность для выделения учащимися личностно-значимых качеств, в связи с конкретными типами деятельности, в которой осознается их значимость. А так же удастся выяснить мотивационный момент этих качеств (рассматриваются ли они учащимися как личностные ценности, мотивы, способны ли выполнять роль критериев при оценке ситуации и выборе поведения в них).

А из данных положений вытекают следующие принципы построения нашего исследования:

О необходимости изучения становления Образа-Я в единстве когнитивного и мотивационного компонентов.

О необходимости реализации в диагностике принципа связи между представлениями учащихся о своих качествах, и конкретными видами деятельности, в которых эти качества были замечены и выделены как личностно значимые.

Выбор испытуемых и методики: Для реализации целей и задач данного исследования нам необходимо было проследить развитие Образа-Я, его когнитивного и мотивационного компонентов. Для этого было проведено исследование методом поперечных срезов на детях школьного возраста. Исследование проводилось в Лицее №1 им. Г.С.Титова М.О., а так же в общеобразовательной школе № 9 г. Рузаевки, в качестве испытуемых привлекались около 350 учащихся 2–11 классов.

В качестве конкретных диагностических методик использовались: специально разработанные опросники, направленные на выявление уровней сформированности когнитивного компонента Образа-Я; структурированное интервью, основанное на составленном предварительно опроснике; новый вариант Ц.Н.М. (ценностно-нормативная методика), позволяющий оценить мотивационную значимость выделяемых качеств Я, а так же позволяющий сформулировать критерии выделения уровней сформированности Образа-Я в единстве взаимодействия когнитивного и мотивационного компонентов.

Приведем полученные экспериментальные данные.

Выявились преимущества авторского подхода в выделении критериев уровней развития Образа-Я на основе взаимодействия двух компонентов. Даже учащиеся с высоким уровнем когнитивного понимания значимости выделяемых личностных качеств (способные объяснить, где они применяют называемые качества или намерены применять, т.е. видят целевую функцию) не всегда способны осознать их в качестве регуляторов, мотивов выбора поведения в конкретных ситуациях. Выяснилось, что приблизительно 26% учащихся не только называют, но и объясняют свои качества, следовательно, из опросника можно сделать вывод, что у них сформировался Образ-Я, однако лишь 6% учащихся 2–11 классов достигли высшего развития Образа-Я, если использовать Ц.Н.М.

С данной точки зрения получены данные о возрастных особенностях развития Образа-Я во взаимодействии его когнитивного и мотивационного компонентов.

Доказана необходимость, для выделения учащимся значимых качеств, использования не только и не столько «абстрактного» подхода, а предлагать выполнить такую задачу в условиях определенной конкретной деятельности (в нашем случае учащимся было предложено выделить качества помогающие и мешающие в К.С.). В результате исследования было выявлено различие между ответами на вопросы о выборе качеств, вне какой либо деятельности и в связи с конкретной деятельностью.

Вместе с тем, целесообразно отличать понятие об уровне сформированности Я (его структуре) от понятия уровня развития Я: при наличии двух оснований для выделения уровней удаётся выяснить, когда при сформированной структуре личностные качества ориентируют на выбор конструктивного и когда деструктивного поведения. В литературе хотя и различают качества положительные и отрицательные с точки зрения социальных ожиданий, но с направленностью выбора поведения в большинстве случаев не связывают; к тому же, полученные при таком подходе данные удаётся оценить не только с точки зрения их действенности как мотивационных побудителей, но также, и это особенно важно, прояснить вопрос их принятия в качестве личностных ценностей, участвующих в Ц.С.О.

Полученный экспериментальный материал подтверждает возможность и целесообразность распространения ценностно-нормативного метода диагностики (Г.Е.Залесский)

для изучения особенностей формирования Образа-Я, не только его когнитивного компонента, но так же и мотивационного, их взаимодействия.

Заключение.

Полученные данные указывают на важность изучения не только внутренних факторов, но и внешних – как разработки моделей обучения, так и становления и особенностей функционирования, групповых ориентаций, насколько они соответствуют целям обучения. Настала необходимость расширения понятий не только внутренних факторов формирования Образа-Я, в скрещении которых формируются как групповые, так и индивидуальные ориентации.

Психологическая служба образования: опыт сравнительного исследования³⁷

Кислова Вера Сергеевна³⁸

аспирант

Ростовский государственный университет, Ростов–на–Дону, Россия

E-mail: vk15@inbox.ru

Психологические службы в системе образования имеют более чем вековую историю. Однако научное обоснование и организация психологической службы в каждой стране реализуется по-своему. Остановимся подробнее на опыте развития психологической службы образования в США, Франции, Великобритании и России.

Психологическая служба в Соединенных штатах Америки ведет свою историю с 1896г., когда в университете Пенсильвании на базе первой в США психологической клиники Л. Уитмером были организованы специальные курсы для педагогов и психологов, работавших с детьми, к которым неприменимы стандартные методы обучения. Распространение тестов на определение коэффициента умственной одаренности (IQ) в американских школах способствовала возникновению и развитию службы Guidance (Hodgson, Mattison, Phillips, Pollack, 2001). Сегодня главной целью психологической службы образования США является содействие психическому здоровью и образовательным интересам учащихся (Reynolds, 1984). Оценка качества работы современной службы Guidance в США осуществляется через изучение представлений потребителей. В результате именно потребители определяют то, что является качественной психологической помощью службы Guidance.

В 1970 г. во Франции основной организационной формой деятельности психологической службы образования стали группы психолого-педагогической помощи, в состав которых входили три специалиста (по школьной психологии, по психологии обучения и по психомоторному развитию). И лишь в 1980-х гг. во Франции для оказания помощи отдельным индивидам, группам и целым учреждениям была создана единая система школьной психологической службы (Guillemard, 1989).

Целью психологической службы образования в Великобритании является использование психологических знаний, принципов и навыков, чтобы способствовать эффективному обучению и хорошему самочувствию учащихся.

Графства Великобритании разделены на образовательные округа, в каждом из которых есть психологические службы образования (education psychology service). В функционал этих служб входит психологическое сопровождение учебных заведений в одном или нескольких образовательных округах графства, обучение навыкам психологии, проведение тренингов и научные исследования. К примеру, на территории графства Buckinghamshire, находится 252 учебных заведения различных ступеней от учреждений дошкольного образования до университетов (Christie, Hetherington, Parkes, Munro, 2000). Существует три подхо-

---

³⁷ Настоящая статья подготовлена по результатам исследований проведенных в рамках гранта Федерального агентства по образованию РФ по программе «Развитие научного потенциала высшей школы» (РОСТ-НИЧ-660).

³⁸ Автор выражает признательность профессору, члену-корреспонденту Российской Академии Образования, доктору биологических наук Ермакову П.Н. и профессору, доктору психологических наук Абакумовой И.В. за помощь в подготовке данного исследования.

да к содержанию работы education psychology service Великобритании: как к консультации только по проблемам в учебном процессе профессионального образования, как к дополнительной помощи к семейному воспитанию и, наконец, как системе развития психологических навыков преподавателей (Watkins, Hill, 2000). В работе education psychology service учитываются интересы и пожелания не только учебных заведений, но и родителей учащихся, что делает работу психологической службы более эффективной.

Обобщая представленный опыт, следует отметить, что в США, во Франции и Великобритании психологические службы работают по единым схемам в образовательных учреждениях различных ступеней, их деятельность строго регламентирована, регулируется законодательством и различными нормативными документами, разработанными профессиональными сообществами психологов.

В нашей стране становление психологической службы в системе образования происходит с начала 80-х годов. С распадом Советского Союза, началом масштабных социально-экономических реформ перед психологической службой встали новые задачи: усиление работы с детьми «групп риска», профилактика детской преступности, помощь детям, находящимся в безвыходной ситуации, разработка системы экстренной дистанционной психологической помощи (телефон доверия) и др.

Создание отечественной психологической службы образования связано с именами таких выдающихся ученых, как А.Г. Асмолов, Ю.К. Бабанский, А.А. Бодалев, Б.А. Вяткин, В.В. Давыдов, И.В. Дубровина, Ю.М. Забродин, Н.В. Кузьмина, В.С. Мухина, Н.Н. Обозов, А.М. Прихожан, В.В. Рубцов, Н.Г. Салмина, Ю.Л. Сызд, Н.Ф. Талызина, Д.Б. Эльконин и др.

Современная система психологической службы образования, сформированная решением Коллегии Министерства образования РФ по вопросу «О состоянии и перспективах развития службы практической психологии образования в Российской Федерации» от 30 марта 1995 г. продолжает находиться в стадии становления.

В конце 1980-х – начале 1990-х годов постепенно начали свое формирование психологические службы в вузах России, это носило эпизодический, не систематизированный характер. Однако за последние двадцать лет психологами был накоплен значительный опыт по организации работы в данной сфере. Психологические службы большинства вузов, хотя и имеют, по сути, сходные задачи, однако реализуют их по-разному.

Пока единой психологической службы образования в России нет. На уровне учреждений общего образования, хотя и разная в регионах России, имеется достаточно четкая иерархизация психологов, нормативно-правовая база. Что же касается системы высшего профессионального образования, то здесь наблюдается многообразие организационных форм и относительное единообразие методов работы психологических служб. Это подтверждает А.Л. Венгер (2003 г.), по мнению которого, в настоящее время в России отдано предпочтение децентрализованному варианту организации и контроля психологических служб, при котором психологи рассредоточены по отдельным учебным заведениям. Недостатками такого варианта являются: возможность давления со стороны администрации учебных заведений, недостаток профессионального общения и сложности в организации постоянного контроля для начинающих психологов.

При совершенствовании отечественной психологической службы образования необходимо учитывать опыт организации психологической службы за рубежом.

Современное состояние проблемы взаимосвязи учебной мотивации и творческих способностей в младшем школьном возрасте.

Корягина Наталья Александровна

соискатель

Московский государственный университет им. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: koryagina_n@mail.ru

Актуальность выбранной нами темы выражается в современном состоянии образования.

Известно, что к концу младшего школьного возраста отмечается отчетливое снижение учебной мотивации (Эльконин Д. Б., 1981). Такое обстоятельство препятствует

дальнейшему освоению полноценной учебной деятельности и, кроме того, противоречит естественному ходу развития познавательных потребностей и интересов в детском возрасте. Это отражает реально сложившуюся в начальной школе практику обучения, когда познавательная мотивация не находит в школе достаточного удовлетворения (Дубровина И. В., Данилова Е. Е., Прихожан А. М., 1999).

Учебно-познавательные мотивы, связанные с внутренним содержанием и процессом учения, формируются только в ходе активного усвоения учебной деятельности, а не вне ее. Поэтому именно организация полноценной учебной деятельности является главным условием, обеспечивающим развитие наиболее действенных учебно-познавательных мотивов, заложенных в самой учебной деятельности.

Этим требованиям отвечает метод развивающего обучения, разработанный Элькинским Д. Б. и Давыдовым В. В. Также начинают использоваться новые специальные программы по креативности и социализации ребенка (А. В. Хуторской (2000), О. В. Хухлаева (2001), Л. Е. Курнешова (2002), Ю. Б. Гатанов (1999)). В результате этого у младших школьников наблюдается положительная динамика учебной мотивации и успеваемости в целом.

На основании исследований выше представленных авторов мы предполагаем взаимосвязь учебной мотивации и творческих способностей детей младшего школьного возраста.

Мы считаем, что обозначенную проблему можно и нужно решать не только с помощью специальных развивающих систем и программ, но и при помощи создания оптимальных окружающих условий, развивающей среды для младшего школьника.

Исследования по проблеме проводились на базе школы № 1967 г. Москвы в течение 2000 – 2002 года, где и проходило внедрение программы «Развивающая среда начальной школы». Задачей своего исследования мы ставили выявление современного состояния проблемы *взаимосвязи учебной мотивации и творческих способностей детей младшего школьного возраста* (младшие школьники составили предмет нашего исследования). Для реализации поставленной задачи нами была разработана специальная программа развития творческих способностей детей младшего школьного возраста. Цели эксперимента:

- диагностика психического развития детей 1–3 классов,
- внедрение экспериментальной программы по развитию творческих способностей детей этого возраста,
- выявление изменений в развитии учебной мотивации и творческих способностей детей контрольной и экспериментальной групп,
- доказательство взаимосвязи творческих способностей и учебной мотивации в младшем школьном возрасте.

В ходе проведенного нами исследования мы выявили:

1. с помощью специальных условий обучения в обеих группах показатели низкого уровня творческих способностей почти не увеличились (2000 – 2001: контр. гр – 34%, эксп. гр – 32%; 2001 – 2002: контр. гр – 36%, эксп. гр – 21%), а показатели высокого уровня творческих способностей существенно возросли (2000 – 2001: контр. гр – 16%, эксп. гр – 11%; 2001 – 2002: контр. гр – 30%, эксп. гр – 27%);

2. используя экспериментальную программу по развитию творческих способностей детей младшего школьного возраста, можно способствовать не только поддержанию, но и развитию креативности. В контрольной группе это увеличение (2000 – 2001: 16%; 2001 – 2002: 30%) произошло в основном за счет снижения показателей среднего уровня (дети, показавшие в начале исследования средний уровень творческих способностей (2000 – 2001: 50%; 2001 – 2002: 34%) в конце исследования перешли на высокий уровень, при этом показатели низкого уровня развития творческих способностей в контрольной группе остались практически без изменений (2000 – 2001: 34%; 2001 – 2002: 36%)). В экспериментальной группе увеличение показателей высокого уровня творческих способностей (2000 – 2001: 11%; 2001 – 2002: 27%) произошло за счет перехода детей со слабым уровнем развития творчества в начале исследования (2000 – 2001: 32%; 2001 – 2002: 21%) на средний в конце, а также детей, имевших в начале средний уровень креативности (2000 – 2001: 57%; 2001 – 2002: 52%) на высокий уровень развития творческих способностей);

3. в учебной мотивации младших школьников не наблюдается значительного спада. В случае контрольной группы, когда были созданы условия для проявления творчества детей, мы не наблюдаем этого спада, заметна небольшая положительная динамика ее развития (изменение уровня учебной мотивации (2000–2001 и 2001–2002 гг): высокий: 14,8% – 32%; средний: 40,2% – 25%; низкий: 45% – 43%). В экспериментальной группе, когда не только были созданы условия, но и проходило специальное развитие творческих способностей, мы наблюдаем хорошую положительную динамику в развитии учебной мотивации младших школьников (изменение уровня учебной мотивации (2000–2001 и 2001–2002 гг): высокий: 16% – 30%; средний: 36% – 36%; низкий: 48% – 43%). Соотнося данные развития творческих способностей и учебной мотивации младших школьников, мы наблюдаем их параллельное развитие.

Таким образом, мы можем сделать предположение о существовании связи *учебной мотивации и творческих способностей детей младшего школьного возраста*.

Особенности проявления творческой у учащихся с разным интеллектуальным развитием

Кузнецова Ольга Валерьевна

студент

Белгородский государственный университет, Белгород, Россия

E-mail: kuol84@bk.ru

Особый интерес к проявлению творческой у учащихся вызван тем, что в современном обучении предпринимается попытка развития интеллектуального и творческого потенциала каждого ребенка. Основная цель образования заключается в том, чтобы готовить подрастающее поколение к будущему, к осознанию своих возможностей, которые предоставляет жизнь. Способностью, которая позволяет эффективно реализовать эту цель, является творчество.

В связи с динамичностью развития общества человек должен реагировать на постоянно происходящие в нем изменения. Чтобы адекватно реагировать на эти изменения, человек должен активизировать свой творческий потенциал, развить в себе творчество.

Исследование проводилось с учащимися 7, 8, 10 и 11 классов лицея № 10 г. Белгорода, на базе которого существует федеральная экспериментальная площадка по проблеме «Личность школьника в образовательном пространстве: развитие, образованность, здоровье и культура». В нем принимало участие 88 человек. Количество мальчиков и девочек было одинаковым.

Для выявления интеллектуального развития нами использовался тест структуры интеллекта Амтхауэра, а для творчества – тест Торренса.

Цель нашего исследования – выявление творчества у учащихся с разным интеллектуальным развитием.

По результатам исследования мы получили следующие данные: в нашей выборке успешность в учебной деятельности снижается с каждым годом. Динамика интеллектуального развития положительная с 7 по 11 класс. Выявляются гендерные различия в проявлении интеллекта. Наблюдается снижение практически по всем показателям (у девочек), а у мальчиков спада в интеллектуальном развитии не происходит. Этот факт находит свое подтверждение в других исследованиях (Холодная М. А., Дружинин В. Н.).

В исследовании принимали участие учащиеся и с низким уровнем интеллектуального развития. Мы сознательно пошли на этот шаг, хотя, сам Торренс говорил, что «креативность обязательно предполагает интеллектуальное развитие человека выше среднего уровня, поскольку лишь такой уровень может обеспечить основу для творческой продуктивности».

Анализ сформированности структуры интеллекта проводился по взаимосвязи с академической успешностью, полом и возрастом учащегося.

По результатам проведения нашего исследования было установлено, что у учащихся с высокими показателями по академической успешности развиты оперативная логическая

память и интуитивное понятийное мышление, которое позволяет им выделять объективные закономерности, видеть внутреннюю логику в последовательности событий.

Сформированность понятийного логического мышления и понятийной категоризации зависит от пола и академической успешности.

Понятийное логическое мышление в 7, 8, 10 классах находится в начальной стадии своего формирования. Данный уровень развития позволяет понимать общий смысл при объяснении материала, сформировать представление о соответствующей области знаний, но может оказаться недостаточным для самостоятельного или углубленного изучения предмета. В 11 классе мы видим, что у мальчиков, которые успешны в учебе, понятийное логическое мышление сформировано, его функционирование устойчиво, что обеспечивает успешное освоение деятельностью, а также данный уровень развития достаточен для углубленного изучения предмета и получения высшего образования. Для 11 класса это немало важный момент.

Понятийная категоризация в 7, 8, 10 классах, также как и понятийное логическое мышление находится в начальной стадии своего формирования. Только в 11 классе у мальчиков, успешных в учебной деятельности она сформирована. Это говорит о том, что мышление многомерно, комплексно. Это позволяет легко видеть и усваивать систему правил, которые действуют в определенной сфере знаний.

Мы наблюдаем зависимость математической интуиции и формально-логического мышления от пола. Но в тоже время эти интеллектуальные операции не зависят от академической успешности.

Математическая интуиция, т. е. способность к усвоению и «автоматическому» использованию стандартных математических алгоритмов, и формально-логическое мышление сформированы у мальчиков 7, 8, 10 и 11 классов независимо от успешности обучения. 10 класс составил исключение: здесь и мальчики, и девочки имеют высокий уровень развития этих операций.

От возраста учащегося зависит развитие пространственного мышления и образного синтеза.

Образный синтез формируется к 10 классу. Только учащиеся 10 и 11 класса имеют способность к формированию целостных представлений на основе последовательно поступающей, несистематизированной и разрозненной информации.

Пространственное мышление сформировано в 10 и 11 классах, независимо от успеваемости в учебе. Это говорит о том, что только в старшем подростковом возрасте формируется способность к вычленению пространственной структуры объектов и оперированию внутренними структурными зависимостями и отношениями.

Из нашего исследования видно, что независимо от возраста (7 по 11 класс) и успешности учебной деятельности, практический интеллект: здравый смысл, рассудительность, умение выделять в информации значимую сторону, а также общая осведомленность и способность создавать собственные методы для систематизации информации находятся в начальной стадии своего формирования, либо то, что все это есть, но функционирование еще не устойчиво.

Если говорить о проявлении творческой у учащихся с разным уровнем интеллектуального развития то можно сказать следующее, что у учащихся с высоким показателем по тесту Амтхауэра вербальная креативность находится на высоком уровне развития, независимо от возраста и пола. На низком уровне у учеников с низким интеллектуальным развитием. Высокие показатели образной креативности у учащихся с высоким и средним уровнем (у девочек) интеллектуального развития. Аналогичные данные есть у Торренса.

Подводя итог важно отметить, что даже при ориентированности обучения в лицейских классах на интеллектуальное развитие, интеллект у учащихся средний. Это может зависеть от содержания учебных предметов, а также методов обучения. Для развития творческих способностей учащихся обучение создает недостаточно условий для их развития. Психологическая служба школы должна разрабатывать программы работы, как с детьми, так и с педагогическим коллективом.

Когнитивные стили и успешность обучения**Кукаркин Борис Александрович***аспирант**Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия**E-mail: bakuris@mail.ru*

Одним из основных вопросов при рассмотрении когнитивных стилей в контексте педагогической психологии является вопрос о связи стилевых характеристик с успешностью обучения. В литературе представлено достаточно большое количество исследований, где эту связь пытаются проследить на различных категориях учащихся. Изучались различные стилевые характеристики, но наиболее подробно рассматривались полезависимость / полнезависимость и импульсивность / рефлексивность. Обозревая достаточно большой массив полученных данных, можно заключить, что результаты этих исследований не позволяют сделать однозначных выводов о влиянии стилей на успешность обучения. В большинстве работ не удалось обнаружить прямую связь между стилевыми характеристиками интеллектуальной деятельности и успешностью обучения. При этом достаточно распространена точка зрения, что, например, успеваемость полнезависимых и рефлексивных учащихся в целом выше, чем полезависимых и импульсивных (хотя фактов, подтверждающих это убеждение, очень немного). Так, утверждается, что полнезависимые испытуемые демонстрируют превосходство при обучении чтению, при зрительном распознавании букв, слов, геометрических фигур, при различении на слух слогов, слов, фонем, и частей фразы (см., например, Клаус, 1987).

Противоречивость проблемы стилей и эффективности обучения подчеркивается многими авторами (Холодная, 2002). Предлагается ряд объяснений данного феномена. Так, М.А. Холодная говорит о т.н. «расщеплении» стилевых полюсов. Альтернативная интерпретация связана с анализом методик изучения когнитивных стилей. Отмечается несоответствие классических методик изучения когнитивных стилей основным постулатам стилевого подхода (например, положению о процессуальном, а не продуктивном характере стилей). Классические методики по исследованию когнитивных стилей являются достаточно «объективными» и надежными, они многократно верифицированы, но при этом основаны на измерении продуктивных характеристик, что противоречит стилевому подходу. Большинство инструментов, созданных для измерения когнитивных стилей, могут быть отнесены к классу тестов способностей (Tiedemann, 1989). Связи с успешностью обучения получены в первую очередь там, где методика исследования измеряла продуктивные характеристики. И наоборот, в методиках, где преобладает процессуальный аспект, связей с общей успешностью в основном не обнаружено. Одно из возможных решений данной проблемы – при исследовании когнитивных стилей, и в том числе взаимосвязей с успеваемостью, испытуемых необходимо уравнивать по продуктивным характеристикам (например, по уровню способностей). Примером может служить исследование Alevriadou A. et al. (2004), где испытуемые были предварительно уравнены по уровню познавательного развития (использовался тест Равена).

Применительно к процессу обучения когнитивные стили часто изучаются в контексте проблемы соответствия стилей учащегося стилю преподавания³⁹. Общеизвестным здесь является факт, что при соответствии стилей учения и преподавания успеваемость в целом выше. В связи с этим предлагается ряд программ психологической дифференциации обучения для снятия проблемы несоответствия стилей. При этом менее изученным остается следующий вопрос: каков вклад в успешность обучения стилевых характеристик в сравнении с другими когнитивными образованиями? Согласно имеющимся в литературе данным, можно заключить, что этот вклад неодинаков для учащихся с разным уровнем познавательного развития. Можно также предположить, что проблема соответствия стилей обучения и стилей преподавания стоит наиболее остро именно там,

---

³⁹ Под стилями преподавания понимаются как когнитивные стили преподавателя (узкое понимание), так и стилевые характеристики той или иной образовательной системы (широкое понимание).

где несоответствие стилей не может быть компенсировано другими образованиями, к которым также относится уровень познавательного развития.

В связи с перечисленными соображениями были выдвинуты три основные гипотезы для эмпирического исследования, которое проводится в настоящий момент:

1. Успешные ученики в учебных заведениях с определенным стилем преподавания обладают разными когнитивными стилями.

2. Влияние когнитивных стилей на успешность учения выше у учащихся с более низкими показателями по тестам познавательного развития.

3. У успешных учеников когнитивные стили менее выражены, чем у неуспешных.

Исследование проводится в настоящий момент на студентах нескольких московских ВУЗов. Изучаемые показатели: полезависимость / полenezависимость; импульсивность / рефлексивность, уровень познавательного развития, объективные и субъективные показатели успешности обучения. Полученные данные позволят приблизиться к решению важного практического вопроса: насколько необходимо учитывать стилевые характеристики учащихся при планировании процесса обучения.

Специфика работы психолога со страхами в младшем школьном возрасте

Кулешова Елена Владимировна

студентка

Белгородский государственный университет, Белгород, Россия

E-mail: Aksenova@bsu.edu.ru

Проблема школьной тревожности и страхов является наиболее актуальной для детей младшего школьного возраста. В настоящее время более 30–35% первоклассников имеют различные формы школьной тревожности и страхов, связанных со школой.

На наш взгляд, по отношению к младшим школьникам целесообразно использовать понятие школьных страхов, а не школьной тревожности, так как маленькие дети почти не говорят о неопределенном, расплывчатом переживании тревоги, а их страхи сопровождаются переживанием конкретного угрожающего и эмоционально насыщенного образа (А.И. Захаров).

Первостепенную роль для первоклассника играет учитель. Учитель оказывается наиболее значимой и вместе с тем наиболее травмирующей фигурой, поскольку именно от него исходит отрицательная оценка. Вместе с тем, в исследованиях А.И. Захарова, Е. В. Новиковой, Б. Филлипса и др. было показано, что решающая роль в возникновении школьных страхов принадлежит семье, так как на успешность вхождения в школьную жизнь существенное влияние оказывает характер эмоциональных отношений, сложившихся у детей с близкими взрослыми, особенно с матерью.

Результаты проведенной нами диагностики школьных страхов у первоклассников показали, что у 70% обследованных детей имеются ярко выраженные страхи взаимодействия с учителем (поставит плохую оценку, будет ругать и т.д.). В то же время 85% детей из выборки испытывают эмоциональное неблагополучие в семье, что, в свою очередь, выступает детерминирующим фактором возникновения таких школьных страхов, как страх «несоответствия престижным устремлениям родителей» (по Б. Филлипсу). У 16% первоклассников были выявлены проблемы в общении со сверстниками. Таким образом, полученные нами результаты свидетельствуют о широком распространении школьных страхов у первоклассников. В то же время школьные психологи, учителя и родители не придают особого значения данным страхам, и работа по их устранению в школах не ведется.

Основываясь на своей консультационной практике, А.М. Прихожан считает, что школьные страхи являются одним из предвестников невроза, и что работа по их преодолению крайне необходима. По мнению А.И. Захарова, при длительном воздействии на ребенка, школьные страхи препятствуют интеллектуальному и личностному развитию, успешности в межличностных отношениях, актуальному и ближайшему развитию первоклассника, что неблагоприятно сказывается на дееспособности и учебной успешности.

В связи с этим представляется необходимым организация работы школьного психолога с целью коррекции школьных страхов у первоклассников.

В настоящее время доказана неэффективность и недостаточность сугубо симптоматического подхода. Коррекция страхов у детей младшего школьного возраста, заключающаяся в отреагировании психотравмирующих ситуаций, неэффективна, так как влияние причин, детерминирующих возникновение этих страхов, остаётся неизменным.

Анализ содержания выявленных в нашем исследовании страхов, связанных со школой, позволяет выделить три основных фактора, способствующих их формированию: отношения в семье; отношения с учителем; отношения со сверстниками.

Данные факторы составляют основу модели коррекционной работы школьного психолога, включающей в себя объединение каузального и симптоматического подходов. На наш взгляд, для повышения эффективности коррекции школьных страхов помимо работы с детьми требуется «терапия среды» – как семейной, так и школьной. В связи с этим модель планируемой нами коррекционной работы включает в себя три блока:

- Коррекция проявлений страхов у первоклассников.
- Психологическое просвещение педагогов.
- Коррекция детско-родительских отношений (тренинг родительской компетентности).

К вопросу о возможности формирования социального интеллекта посредством развития коммуникативных навыков

Левенченко Анна Васильевна

студентка

Уральская государственная юридическая академия, Екатеринбург, Россия

E-mail: anna_levenchenko@mail.ru

В настоящее время в отечественной психологии появилось много работ, посвященных проблеме исследования социального интеллекта. В них раскрывается содержание этого феномена, внутренняя структура, взаимосвязь с другими подструктурами личности (Ю.Н. Емельянов, Т.А. Ратанова, Н.Ф. Шляхта, А.Л. Южанинова, Е.В. Беляева и др.). Несмотря на значительное разнообразие мнений в указанных областях, в отношении формирования социального интеллекта большинство авторов придерживается относительно сходной позиции: предлагаемые психотехники ориентированы на усвоение различного рода коммуникативных (ассертивных) навыков, способов эмпатийного общения, рефлексии, сенситивности и т.п.

На наш взгляд⁴⁰, с концептуальной точки зрения данный подход не вполне корректен, поскольку противоречит самому понятию «социальный интеллект». Например, Дж. Гилфорд трактует его, прежде всего, как систему интеллектуальных способностей, связанных с познанием поведенческой информации (Южанинова А.Л., 1984). Ю.Н.Емельянов – как сферу возможностей субъектного познания индивида; устойчивую, основанную на специфике мыслительных процессов, эффективного реагирования и социального опыта, способность понимать самого себя, а также других людей, их взаимоотношения и прогнозировать межличностные события» [Емельянов Ю.Н., 1985.с. 67]. То есть подчеркивается не столько операциональная сторона коммуникации, сколько глубина и адекватность их когнитивной составляющей.

Чтобы проверить нашу гипотезу о неправомочности редукции формирования социального интеллекта до приобретения коммуникативных навыков, мы сравнили две группы людей, сходных по социально-образовательным характеристикам, но различающиеся по степени прохождения коммуникативных тренингов.

Наиболее адекватной выборкой для этого стали группы студентов первого (48 человек) и четвертого курсов (34 человека) Факультета права и психологии Уральской государственной юридической академии (УрГЮА). Это обусловлено тем, что в программу подготовки студентов УрГЮА с первого по четвертый курс включено прохождение 8

---

⁴⁰ Выражаю благодарность научному руководителю – канд. психол.н. А.И. Колобковой

длительных (семестровых) психологических тренингов, направленных, в частности, на развитие вербальных и невербальных коммуникативных способностей, эмпатийного общения, рефлексии, сенситивности, регуляции агрессивности т.д. Специальные задачи каждого из тренингов реализуются, в среднем, достаточно успешно, т.е. большинство студентов не только усваивают необходимые психологические приемы, но и применяют их впоследствии в реальной жизни. Поэтому, согласно приведенным выше устоявшимся теоретическим воззрениям на формирование социального интеллекта, можно было бы ожидать, что студенты четвертого курса покажут более высокий уровень социального интеллекта, чем студенты первого.

Данные, полученные с помощью методики «Тест социального интеллекта» Дж. Гилфорда и М. Салливена (авторы адаптации – Ратанова Т.А., Шляхта Н.Ф), подвергались статистической обработке по методу Т-критерия Стьюдента.

Достоверных отличий в уровне социального интеллекта студентов первого и четвертого курса обнаружено не было ($t = -0,1$; t критическое = 1,7; $p < 0,05$). Причем, эти результаты нельзя отнести на недостатки процедуры или недостаточную дифференциальную валидность методики, поскольку и на том, и на другом курсе встречались обследуемые, у которых уровень социального интеллекта превышал среднегрупповой (в обеих исследуемых группах распределение близко к нормальному, с незначительным отрицательным эксцессом).

Поэтому мы склонны интерпретировать полученные результаты как подтверждение высказанной гипотезы о том, что, поскольку социальный интеллект не сводим к коммуникативной сфере, то и его формирование должно включать в себя иные элементы, апеллирующие, скорее, к развитию интеллектуальных (хотя и не общих) способностей, чем к получению эффективных навыков социального взаимодействия. Впрочем, возможно и более узкое толкование результатов: вполне вероятно, что именно тренинговые формы не способны в достаточной мере инициировать формирование данной способности.

Мы считаем, что необходимо продолжить исследование в данной области, переведя его, однако, в рамки экспериментального дизайна. В этом случае, варьируя формы и цели тренинговых занятий, можно будет с высокой степенью уверенности назвать истинные детерминанты (в нашем случае – конкретные психотехнические приемы и методы) целенаправленного формирования социального интеллекта. Необходимость такого рода исследований умножается еще и тем, что данная способность является профессионально важным качеством многих профессий, в частности – юристов и юридических психологов (например, при выяснении обстоятельств уголовного дела, когда важно выяснить, способен ли участник преступления полностью и правильно понимать намерения и действия других людей, насколько верно он их интерпретирует). Таким образом, углубленные знания о формировании социального интеллекта найдут немедленное применение в практике психологического сопровождения профессионального становления будущих специалистов, подготавливаемых в рамках нашей академии.

Влияние экзаменационного стресса на потребность в самореализации у студентов

Назаренко Светлана Евгеньевна

студентка

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

E-mail: kassandra_85@mail.ru

Проблема стресса в современном обществе имеет первостепенное значение. В связи с этим в последнее время появилось множество работ, в которых анализируется влияние личностных качеств, в том числе особенностей мотивационной структуры на стрессоустойчивость. Однако изучение обратных влияний только начинается [1]. Хотя изучение влияния стрессов на динамику мотивационной сферы может позволить прогнозировать и контролировать развитие личности.

Целью нашей работы являлось изучение влияния экзаменационного стресса на развитие высших мотивов поведения, а также влияния стресса на психофизиологические характеристики.

В исследовании принимали участие 64 первокурсника дневного отделения ФСН ННГУ. На первом срезе проводился одновременный замер фоновых мотивационных, психофизиологических и некоторых личностных характеристик студентов, через месяц был проведен второй замер мотивационных и психофизиологических характеристик во время экзамена, через 3 месяца был проведен замер мотивационных и психофизиологических характеристик в спокойном состоянии (для анализа устойчивости изменений). Использовались следующие методики: компьютерная латерометрия [3], УСК Дж. Роттера, шкала тревоги и тревожности Спилбергера, диагностика копинг-стратегий Т. А. Крюковой, «изучение защитных реакций» Плучика, «методика изучения мотивов учебной деятельности студентов» А. А. Реана, МЦМ И. Л. Соломина (оценка неосознанных мотивов)[2]. На основе экспертного оценивания две последние методики были дополнены шкалами, отражающими уровень выраженности потребностей различных уровней по пирамиде А. Маслоу [1].

Группы для сопоставления формировались на основании факторов, которые включали в себя основные показатели с 1-ого среза. Под воздействием экзаменационного стресса у студентов были выявлены изменения в выраженности потребности в самореализации, однако эти изменения были разнонаправлены. Мы провели сравнение личностных характеристик между студентами с повысившейся и с понизившейся потребностью в самореализации. У группы с повысившейся потребностью в самореализации значимо больше оказался средний показатель самооценки (13,42) и ориентации на копинг решения задач (56,42 с уровнем достоверности для обоих показателей $p < 0,05$)

У студентов с высокими показателями по шкале интернальности на втором срезе наблюдалось повышение показателя ($p < 0,05$) базовых потребностей высшего уровня. Причем у группы с очень высокой интернальностью (40–62) высокий уровень потребности в самореализации, появившийся на экзамене, остался и в спокойном состоянии.

У группы студентов с превалирующим механизмом психической защиты проекцией (7,05) на экзамене наблюдалось снижение уровня выраженности потребности в самореализации.

На экзамене значимо начинают выделяться психофизиологические характеристики ($p < 0,05$) и появляется корреляция показателей активности правого полушария мозга и базовых потребностей высшего уровня (коэф. коррел Спирмена 0,675, $p < 0,05$).

Значимых различий между группами по уровню тревожности и осознаваемым мотивам учебной деятельности не было выявлено.

Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы:

- Мотивационная структура изменяется под воздействием экзаменационного стресса.
- Направленность и стойкость изменений зависит от некоторых личностных характеристик: интернальности, самооценки, копинг-реакций и психологических защит.

Развитие восприятия аудиовизуального медиатекста у старшеклассников

Сальний Роман Викторович

аспирант

Таганрогский государственный педагогический институт, Таганрог, Россия

E-mail: roman_tag82@mail.ru

Используя приемы манипулирования сознанием, создатели медиатекстов пытаются внушить зрителю ту или иную информацию. Суггестивный эффект средств, на основе которых происходит воздействие на сознание зрителя является залогом успешного восприятия информации в соответствии с целью авторов. Создатели рекламы и авторы фильмов используют средства выразительности в качестве воздействующих элементов на сознание зрителя. К сожалению, авторы высокохудожественных произведений не всегда добиваются массового успеха. Это в первую очередь связано с низким уровнем медиавосприятия зрителей.

Как раз восприятие фильмов, которые относятся к разряду артхауса, и есть предмет нашего исследования. Произведения высокого художественного уровня – это фильмы, которые оказывают эффективное положительное воздействие на нравственное, эстетическое и духовное развитие человека. Как показывают социологические исследования (С.Б. Цымбаленко, А.В. Шариков, С.Н. Щеглова), большая часть подростковой аудитории значительную часть нужных им сведений черпают с экранов телевизоров и в большинстве своем это происходит стихийно. Выдающиеся произведения экранных искусств, которые, действительно, могли бы оказать благотворное влияние, просто не воспринимаются ими на том уровне, на котором они смогли бы понять идею автора во всей ее сложности. Куда легче воспринимать некачественную аудиовизуальную продукцию. Но чтобы более полно понять окружающий нас мир, свое место в нем, самого себя, необходимо научиться воспринимать высокохудожественные произведения экранных искусств.

Чтобы научить подростков воспринимать аудиовизуальный медиатекст на достаточно высоком уровне нами реализуется методика, разработанная на основе идеи Ю.Н. Усова: «Если первая группа зрителей, опираясь на абстрактно-логический тип мышления, остается на уровне сопереживания герою, (...) то вторая группа следует за авторами фильма, понимает логику развития их мысли в художественной структуре фильма только потому, что опирается на образно-пространственное мышление» (Усов, 1980).

В соответствии с этой идеей наша задача состоит в повышении уровня медиавосприятия через развитие образно-пространственного мышления.

Наша методика состоит из использования творческих заданий и организации различных диспутов и дискуссий по следующим темам: «Жанры экранных искусств и средства выразительности», «Эмоциональный маятник в экранном медиатексте», «Уровни восприятия экранных медиатекстов», «Установка на медиавосприятие», «Манипуляционное воздействие экранных медиатекстов», «Идея автора в экранном медиатексте». Темы занятий, как и творческие задания, расположены от более простых к более сложным.

Для успешной реализации поставленной цели в нашей методике использованы принцип коллективно-творческой работы и принципы личностно-ориентированного обучения (Бондаревская, 2000):

- коллективное творчество учеников, которое проявляется в дискуссиях по поводу выполненного ими задания является основной рабочей обстановкой на занятиях. Критическое осмысление позиций своих сверстников и оценивание критики в свой адрес является стимулом к достижению адекватного вывода.
- субъект-субъектные отношения. Отношения педагога и учеников строятся на межличностных отношениях, педагог не навязывает идею, а пытается сделать ее понятной для ученика, помогая ему двигаться к необходимому выводу. Прежде всего ученики должны сами найти ответ на вопрос.
- жизненный опыт учащихся. «Нанизывание» новых знаний о предмете обсуждения на уже имеющиеся, является залогом их прочного усвоения. Пониманию механизма восприятия аудиовизуального медиатекста способствует развитие ассоциативных связей с образом на экране. Ассоциации являются стимулом для активизации жизненного опыта учеников.
- опора на индивидуальные способности учеников. Если задание сложное или непонятное для ученика необходимо либо помочь ему в его выполнении, либо облегчить его, чтобы он смог его выполнить.

Необходимые приемы, которые педагог должен использовать во время проведения занятий: установка на восприятие перед просмотром фильма, чтобы ученики не просто извлекали необходимую информацию, а настроили себя на эмоциональное сопереживание основных эпизодов фильма в соответствии с идеей автора; дополнительные вопросы педагога, помогающие выявить многозначность аудиовизуального медиатекста; столкновение разных мнений учеников, чтобы в споре они попытались критически осмыслить идею оппонента и собственную.

Проблема взаимосвязи умения учиться и познавательного развития.**Сиднева Анастасия Николаевна***аспирант**Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия.**E-mail: asidneva@yandex.ru*

Вот уже больше тридцати лет в отечественной психологии и педагогике продолжает оставаться актуальной проблема формирования умения учиться (Ильясов, 1986, Мальская, 1981, 1983, Фридман, Кулагина, 1995, Сухов и др., 1990, Бардин, 1973, Чирова, 1977, Цукерман, 2000). Выделяются различные группы общеучебных умений, исследуется их влияние на успешность учебной деятельности, пути их формирования. Близкая к проблеме умения учиться проблема обсуждается в педагогике как проблема самостоятельности (Пидкасистый, 1980). В зарубежной психологии сходные вопросы поднимаются в рамках исследований метапознания (Flavell, 1979, Veenman, Spaans, 2004). Наряду с этим на теоретическом уровне отсутствует единое четкое понимание содержания умения учиться и его места в учебной деятельности. К примеру, Н.Ф. Талызина определяет умение учиться как владение учащимся действиями-средствами усвоения (Талызина, 2001), И.И. Ильясов и О.Е. Мальская говорят об умении учиться как владении учащимся специфической деятельностью учения (Ильясов, 1986, Мальская, 1981), А.К. Маркова связывает умение учиться с владением учебной деятельностью в понимании теории развивающего обучения (Маркова и др., 1990), Г.А. Цукерман отождествляет умение учиться и учебную самостоятельность (Цукерман, 2000). Другой не менее важной проблемой является проблема соотношения умения учиться и познавательного развития, которая в отечественной психологии также детально не исследовалась. На наш взгляд, эти два вопроса тесно взаимосвязаны, и определенное решение вопроса о содержании умения учиться предполагает тот или иной ответ на вопрос о соотношении развития умения учиться и познавательного развития.

На эмпирическом уровне умение учиться проявляется как в совместной учебной деятельности учащегося с обучающим, так и на уровне самостоятельного учения. В первом случае авторы отмечают зависимость содержания умения учиться от метода обучения, умение учиться понимается как «внутренний компонент метода обучения» (Божович, 2000). Тем не менее с гораздо большей очевидностью умение учиться проявляется в самостоятельной учебной деятельности. Именно поэтому на теоретическом уровне умение учиться часто связывают с активностью учения. Согласно И.И. Ильясову, говорить об умении учиться в той или иной теории учения имеет смысл только если учение в данной теории понимается как активное и осуществляемое на уровне субъекта (Ильясов, 1986, с. 126).

То, как понимается умение учиться, определяется тем, как трактуется активность учения в каждой из теорий. Опираясь на основные положения теории деятельности (Леонтьев, 1983) и деятельностный подход к учению (Талызина, 2001), мы рассматриваем учение как специфическую деятельность, а умение учиться – как умение осуществлять эту деятельность. Исходя из этого, все теории учения (и, соответственно, теории умения учиться) мы расклассифицировали на три более общих подхода по критерию того, как понимается в каждом специфика учения как деятельности. Данный критерий был взят исходя из результатов анализа теорий учения И.И. Ильясовым; в качестве главного недостатка в описании учения как деятельности И.И. Ильясов называет как раз отсутствие специфичности учения в отличие от других деятельностей. Если проанализировать критику И.И. Ильясовым данных теорий, то несложно увидеть, что эта специфичность прежде всего задается тем, какие процессы выступают в качестве регулирующих учение, средств этой деятельности⁴¹. В соответствии с этим мы выделили три возможных ответа на этот вопрос и три подхода к учению и умению учиться. В каждом из этих подходов предполагается и свое понимание связи умения учиться и познавательного развития:

---

⁴¹ На наш взгляд, И.И. Ильясов правомерно поставил вопрос о том, что необходимо выделять и анализировать специфику учения, но проблема того, что именно считать спецификой учения, по-прежнему остается мало исследованной.

Учение как неспецифическая деятельность (учение описывается в терминах психических процессов) (Ж. Пиаже, Дж. Брунер, Н.А. Менчинская, С.Л. Рубенштейн и др.). Умение учиться может быть представлено определенными свойствами мышления и др. психических процессов. Умение учиться формируется стихийно в традиционном обучении. Предполагаемая связь с познавательным развитием – стихийно развивается эмпирическое мышление.

Учение как специфическая деятельность, ее специфика в содержании действий, входящих в эту деятельность – их формальной обобщенности (учение – метадеятельность, применимая к любым ситуациям усвоения) (И.И. Ильясков, Ю.В. Громько, когнитивный подход). Умение учиться представлено владением специфическими для учения действиями, например, знанием общей структуры деятельности учения и на основе ее специфическими действиями уяснения и отработки (Граф, Ильясков, Ляудис, 1981). Обобщенная структура деятельности учения применима к любому содержанию (и эмпирическому и теоретическому). Формировать умение учиться необходимо целенаправленно, отдельным предметом (курсом) или в рамках предмета дополнительно к предметным знаниям. Предполагаемая связь с познавательным развитием – формирование умения учиться способствует более быстрому и управляемому развитию эмпирического мышления, но не способствует развитию теоретического.

Учение как специфическая деятельность, ее специфика – в содержательной обобщенности действий (учение – квазиисследовательская деятельность) (В.В. Давыдов, Г.А. Цукерман, А.К. Маркова). Умение учиться представлено умением искать обобщенные способы действия в данной конкретной предметной ситуации, действия отличаются не тем, что они максимально обобщены и направлены на приобретение любого знания, а тем, что направлены на анализ данной предметной ситуации и приобретение обобщенного, теоретического знания. Предполагаемая связь с интеллектом и мышлением – развитие теоретического мышления предполагает развитие умения учиться и наоборот.

Таким образом, мы выделяем два типа умения учиться: 1) соответствующий эмпирическому мышлению (охватывается первыми двумя подходами; в первом из них предполагается стихийная сформированность эмпирического мышления, во втором – управляемая); 2) соответствующий теоретическому мышлению (охватывается третьим подходом). Эти два типа умения учиться подразумевают два типа деятельности учения и два типа деятельности обучающего. Можно предположить, что различие этих типов деятельности заключается прежде всего в содержании предмета, продукта и средств деятельности. В концепции И.И. Ильяскова предмет учения – собственный опыт и ученик его целенаправленно меняет, используя в качестве средства свое знание о том, как нужно учиться и те предметные знания, которые он усваивает. Само предметное знание, его характеристики (обобщенность, полнота и пр.) не имеют значения. В концепции В.В. Давыдова, напротив, предмет деятельности ученика – знание об объектах действительности. Ученик преобразует ситуацию и находит обобщенный способ действия с этими объектами. Само усваиваемое знание здесь играет принципиальную роль. Конечно, в определенном смысле здесь ученик тоже работает со своим опытом. Но если провести деятельностьный анализ, то изменение данного опыта – лишь средство учения, его истинный предмет – вынесенный вовне обобщенный способ действия. Т.е., грубо говоря, идеальному ученику-эмпирику не важно, что именно он усваивает, но важно как усвоил. Ученику-теоретику всегда важно что, и далеко не всегда важно как. Проверка данной гипотезы, т.е. выяснение особенностей деятельности учения у детей, обучающихся по разным образовательным системам и специфики их мышления является актуальной задачей для дальнейших исследований.

Современные методы обработки результатов образовательного процесса средствами новых информационных технологий

Сотникова Светлана Викторовна

аспирант

Ставропольский государственный аграрный университет, Ставрополь, Россия

E-mail: svetvika@mail.ru

Современный уровень развития микропроцессорной техники позволяет более качественно осуществлять мониторинговые процедуры: автоматизировать обработку результатов педагогического воздействия, представлять итоги анализа не только в табличной, но и в форме графиков или диаграмм, отслеживать динамику процесса и прогнозировать его развитие. В организации мониторинга педагогических систем новые информационные технологии позволяют создавать базу данных по всем элементам системы, а это создает основу информационного обеспечения управления качеством образования.

Слушателей, имеющих опыт работы со стандартным программным обеспечением, мы подробно знакомим и обучаем современным методам обработки результатов образовательного процесса средствами НИТ. Например.

Рассмотрим возможность проведения многомерного анализа результатов педагогического процесса на основе использования табличного процессора Excel. Технология работы с электронными таблицами, создаваемыми в среде табличного процессора, в настоящее время столь же популярна, как и технология создания текстовых документов. Электронная таблица позволяет производить расчеты по формулам, представлять данные в виде диаграмм, осуществлять структурирование данных, делать выборку из больших таблиц, создавать консолидированные таблицы и др. Использование возможностей современных информационных технологий позволяет педагогу автоматизировать процесс обработки результатов рубежных, тематических, итоговых проверочных работ, отслеживать их динамику. Это, в свою очередь, создает условия для своевременной корректировки содержания и методики обучения, целенаправленного достижения образовательного стандарта.

Для качественной оценки знаний и умений по результатам проверочных работ целесообразно использовать таблицу многомерную анализа учебных достижений (табл. 1).

Многомерный анализ заключается в том, что в таблице подсчитывается общая сумма баллов, набранных каждым испытуемым по всей группе выполненных проверочных заданий, затем, набранные баллы сравниваются с максимальным количеством баллов, и рассчитывается коэффициент усвоения учебного материала каждым испытуемым. Современная научная дидактика утверждает, что процесс обучения можно считать завершенным, если коэффициент усвоения K больше или равен 0,7 [1]. Коэффициент усвоения определяется по

формуле: $K = \frac{n}{N}$, где n – количество баллов, набранных испытуемым, а N – максимальное количество баллов. Для большей наглядности эти данные переводятся в общепринятую пятибалльную оценочную шкалу с учетом величины коэффициента усвоения и уровня тестовых заданий. Для разных предметных областей соотношение между коэффициентом усвоения и балльной оценкой различно. Обычно принято следующее распределение оценок: коэффициент усвоения от 1 до 0,9 соответствует оценке «5», до 0,8 – оценке «4», до 0,7 – «3», ниже 0,7 – «2» (при расчете коэффициента усвоения необходимо учитывать и уровни усвоения учебного материала). По результатам выполнения каждого задания всей группой испытуемых определяется уровень затруднений. Принято выделять пять уровней затруднений: 0, 1, 2, 3, 4. Если суммарное количество баллов, набранных всей группой испытуемых совпадает с максимально возможным по данному заданию, то отмечается 0 уровень затруднений, т.е. коэффициент усвоения (для группы) близок к 1. При коэффициенте усвоения до 0,95 – 1 (низкий) уровень затруднений, если коэффициент усвоения до 0,8, то отмечается 2 (средний) уровень затруднений, до 0,7 – 3 (высокий) уровень затруднений, меньше 0,7 – 4 (высший) уровень затруднений. Уровень затруднений соответствующий третьему и четвер-

тому требует корректировки знаний обучающихся по данному разделу уже на последующих занятиях.

Также в таблице целесообразно представить степень обученности группы, это повысит информативность анализа результатов контрольных заданий. Существует несколько подходов для определения степени обученности групп. Рассмотрим их. Наиболее распространенным является определение степени обученности как средней арифметической всех оценок, полученных обучающимися, по пятибалльной шкале. Таким же способом можно подсчитать степень обученности, которую формирует тот или иной педагог.

Второй вариант подсчета основан на определении академика Б.П. Смирнова, что оценка «5» соответствует 100% обученности, «4» – 64%, «3» – 36%, «2» – 16%. Средний уровень обученности (СО) выражается не в баллах, а в процентах и определяется по формуле:

$$CO = \frac{n_5 \cdot 100\% + n_4 \cdot 64\% + n_3 \cdot 36\% + n_2 \cdot 16\%}{N}$$

где: N – количество испытуемых, n₅– количество пятерок, n₄– количество четверок и т. д. [2].

Обработку и анализ результатов контрольных заданий удобно проводить в табличном процессоре Excel и представлять в виде таблицы 1.

Таблица 1. Результаты учебных достижений

№	Фамилия, имя	№ контрольного задания / количество баллов																	Кол-во бал.	max бал.	Коэфф. усвоения	Оценка							
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17											
1																													
2																													
3																													
...																													
25																													
Суммарное кол-во баллов по каждому заданию																													
Максимальное кол-во баллов																													
Коэффициент усвоения																													
Уровень затруднений																													
																			Средняя обученность группы										

Таким образом, использование возможностей электронных таблиц позволяет автоматизировать процесс обработки результатов контроля, представлять их в виде таблиц, диаграмм или графиков.

Педагогические условия использования алгоритмов в курсе математики начальной школы

Христова Иванна Ивановна

аспирантка

Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

E-mail: lioc@yandex.ru

Общественно-экономические изменения, происходящие в России, ставят новые задачи перед образовательными учреждениями. Динамизм развития общества тесно связан с обновлением всей системы образования, переосмыслением задач, содержания и технологии

процесса обучения, разработкой новых подходов к его организации. Развитие личности, её творческой индивидуальности, раскрытие задатков и склонностей школьника являются стратегической задачей учебного процесса, поскольку только творчески мыслящие, эрудированные и образованные люди могут достаточно полно самореализовываться. Решение этой задачи предполагает создание условий, которые способствуют формированию устойчивых познавательных интересов, умений и навыков, активной мыслительной деятельности детей, их творческой инициативы и самостоятельности в поисках решения различных задач.

Общее образование человека нельзя представить без осмысленного изучения математики. Начальная школа изначально рассматривается как отдельная ступень в овладении школьным курсом математики в целом. В начальном курсе математики логически объединены основы арифметики, элементы геометрии, начала алгебры. Глубокие, прочные математические знания усваиваются в процессе поисковой деятельности учащихся. Для этого нужен педагог, способный организовать, активно влиять на процесс овладения младшими школьниками математическим материалом и формировать умения применять эти знания на практике. Только на основе развития творчества детей, основанного на гуманном отношении, на знании и реальном учёте возможностей и способностей учащихся, умении прогнозировать их дальнейшее становление, возможно решение проблем, стоящих перед начальной школой.

Для того чтобы дать учащимся возможность самостоятельно находить решение различных задач, необходимо предварительно познакомить их детей с принципами, порядком решения тех или иных задач. Другими словами, научить их алгоритму действия в определённой ситуации. Тогда, вооружённые этими знаниями, учащиеся смогут справиться с более сложным математическим материалом. Разработке этой проблемы много внимания уделили известные педагоги С.П.Баранов, А.Е.Дмитриев, психологи Ш.А.Амонашвили, И.Я.Лернер, А.М.Матюшкин, методисты В.А.Гусев, Н.Б.Истомина, Б.А.Кардемский, В.Ф.Шаталов.

Мы предполагаем особо важным выяснить, какие педагогические условия помогут наиболее эффективно использовать алгоритмы в начальной школе. Для этого мы выбираем объектом исследования систему использования алгоритмов в начальном курсе математики. Следует выяснить, каковы педагогические условия использования алгоритмов в курсе математики начальной школы.

В истории методики преподавания математики были разработаны различные подходы к вопросу использования алгоритмов, однако эти критерии не в полной мере соответствуют требованиям современной школы. Необходимо изучить современное состояние проблемы в теории и на практике; определить содержание, структуру, критерии педагогических условий использования алгоритмов в курсе математики начальной школы; раскрыть и экспериментально обосновать педагогические условия, обеспечивающие наиболее эффективное использование алгоритмов при изучении математики в начальной школе; разработать научно-практические рекомендации по использованию алгоритмов в курсе математики начальной школы.

Развитие социального интеллекта подростка в условиях школьного обучения

Чернов Максим Александрович

студент

Белгородский государственный университет, Белгород, Россия

Для успешной адаптации личности в социуме желательно её всестороннее развитие, в том числе и развитие социального интеллекта. Интенсивное его развитие приходится на подростковый возраст, ведущей деятельностью которого является общение. Этим и продиктован выбор испытуемых нашего исследования.

Настоящее исследование проводилось с целью определения взаимосвязи уровня развития социального интеллекта и уровня развития общего интеллекта.

Вслед за Р. Амтхауэром под интеллектом мы понимаем сложившуюся прижизненно систему умственных операций.

Сущность социального интеллекта раскрывается в определении Дж. Гилфорда. В его понимании, социальный интеллект – интегральная способность, определяющая успешность общения и социальной адаптации. Социальный интеллект включает в себя четыре способности:

- способность предвидеть последствия поведения персонажей в определенной ситуации, предсказывать то, что произойдет в дальнейшем;
- способность к логическому обобщению, выделению общих существенных признаков в различии невербальных реакциях человека;
- способность понимать изменение значения сходных вербальных реакций человека в зависимости от контекста вызвавшей их ситуации;
- способность понимать логику развития ситуаций взаимодействия, значение поведения людей в этих ситуациях.

В исследовании принимали участие учащиеся 6, 7, 8 и 9-го классов лицея № 10 г. Белгорода, в количестве 101 человека (54 мальчика и 47 девочек). Лицей является федеральной экспериментальной площадкой по проблеме «Личность школьника в образовательном пространстве лицея: развитие, образованность, здоровье, культура».

В исследовании были использованы следующие методики: тест структуры интеллекта Р. Амтхауэра и методика для изучения социального интеллекта Дж. Гилфорда, М. Салливана.

Гипотезой нашего исследования являлось предположение о том, что развитие социального интеллекта связано с развитием общего интеллекта. Частной гипотезой является утверждение, что условия, создаваемые личностно-ориентированным обучением, способствуют развитию социального интеллекта.

Анализ результатов проводился с учетом академической успешности учащихся и с учетом их пола.

В ходе анализа результатов было установлено, что средний показатель коэффициента общего интеллекта составляет 78 баллов и является уровнем ниже среднего.

Композитная оценка уровня социального интеллекта учащихся в среднем составляет 24,4 балла у мальчиков и 24 балла у девочек, что свидетельствует о среднеслабом уровне социального интеллекта. В данной выборке у 68% испытуемых среднеслабый уровень социального интеллекта, у 32% – средний. Это связано с тем, что у большинства испытуемых (как у мальчиков, так и у девочек) преобладающей является какая-то одна из выделенных выше четырех способностей, включенных в структуру социального интеллекта.

Наибольшее количество баллов большинство испытуемых набрало по субтесту «Истории с завершением». Это свидетельствует о том, что в этом возрасте, ввиду развития воображения, дети уже способны предвосхищать дальнейшие поступки людей на основе реальных жизненных ситуаций общения (семейного, дружеского); предсказывать события, основываясь на понимании мыслей, чувств, намерений участников коммуникации. Но, поскольку подростки еще не обладают всей полнотой знаний о вариантах поведения людей, то возможны ошибки в предсказании их дальнейших поступков.

Результативность по субтесту «Вербальная экспрессия» выше у девочек, чем у мальчиков. Это может быть связано с тем, что девочки более направлены на характер и оттенки человеческих взаимоотношений, а также с большей развитостью эмпатии.

Общим для всех классов является низкая результативность по субтесту «Истории с дополнением». Это говорит о том, что у подростков, принимавших участие в исследовании, недостаточно развита способность понимать логику развития ситуаций взаимодействия, значение поведения людей в этих ситуациях. С этим связаны трудности подростков в построении собственной модели поведения.

Наблюдается тенденция развития общего интеллекта от 6-го к 9-му классу. В 6-м классе коэффициент интеллекта в среднем составляет 69 баллов; в 7-м – 72 балла; в 8-м – 84 балла; в 9-м – 88 баллов.

Та же тенденция наблюдается и в развитии социального интеллекта. Так, средняя композитная оценка у учащихся 6-го класса составляет 21,8 балла; у учащихся 7-го класса – 24,7 балла; у учащихся 8-го класса – 25,1 балла; у учащихся 9-го класса – 25,6 балла.

Не обнаружено значимых различий по уровню развития социального интеллекта в выделенных группах с различной академической успешностью.

В ходе анализа полученных результатов выяснилось, что у учащихся с высоким коэффициентом общего интеллекта, уровень развития социального интеллекта выше, чем у испытуемых со средним и низким коэффициентом общего интеллекта.

В результате мы пришли к следующим выводам:

- Развитие социального интеллекта у учащихся связано с развитием общего интеллекта: уровень развития социального интеллекта у учащихся с высоким уровнем развития общего интеллекта выше, чем у учащихся, уровень развития общего интеллекта которых, является средним и ниже среднего.
- Не обнаружено связи между уровнем социального интеллекта и академической успешностью учащихся.
- Учащиеся в подростковом возрасте, имея низкий социальный интеллект, испытывают трудности в межличностном взаимодействии, что может быть причиной трудностей адаптации к различным системам взаимодействия со сверстниками и взрослыми (учителя, родители).
- Ситуация личностно-ориентированного обучения не в полной мере обеспечивает развитие социального интеллекта у учащихся.

Особенности гендерных различий в академической и социальной самоэффективности у подростков

Шепелева Елена Андреевна

аспирантка

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: e_shep@rambler.ru

Достижение успеха в различных областях жизни – одно из самых важных и интересных человеческих стремлений. Современный мир предоставляет самые разнообразные возможности для самореализации, но и предъявляет высокие требования к эффективности деятельности. В современной западной психологии исследование личностных когнитивных конструктов, влияющих на успешность поведения, занимает очень важное место. Наше исследование посвящено изучению двух таких конструктов – самоэффективности и копинг-стратегий, их особенностям, взаимосвязи, а также их роли в формировании успешного поведения. Мы исследовали самоэффективность у подростков в двух сферах – в учебе и общении со сверстниками.

Большой интерес в психологии подростков представляют гендерные различия, которые начинают наиболее сильно проявляться к окончанию средней школы. Многие отечественные и зарубежные психологи обращали внимание на тот факт, что социум предъявляет различные требования к девушкам и юношам. Следствием этого и является снижение учебной мотивации у девочек в последних классах школы, несмотря на более высокую успеваемость в течение всего обучения. В нашей работе мы постарались проанализировать различия в когнитивных и эмоциональных особенностях мальчиков и девочек.

В исследовании приняли участие 156 учеников 10-х и 11-х классов двух средних общеобразовательных школ г. Москвы. Использовались два вопросника в русскоязычной адаптации Т.О.Гордеевой: MULTI-CAM (Multi-dimensional Control, Agency & Means-Ends) и BISC (Behavioral Inventory of Strategic Control). Для статистической обработки данных применялся коэффициент корреляции Спирмена и сравнение средних значений по Т-критерию Стьюдента.

Полученные результаты:

В академической сфере высокий уровень самоэффективности положительно связан с использованием копинг-стратегий «Активная деятельность» и «Косвенная деятельность». В свою очередь, стратегия «Активная деятельность» приводит к высокой, а «Косвенная деятельность» – к низкой школьной успеваемости.

В ходе исследования обнаружили качественные различия между мальчиками и девочками. У девочек применение копинг-стратегии «Активная деятельность» связана с высокой успеваемостью, а использование стратегии «Косвенная деятельность» на успе-

ваемость не влияет. У мальчиков копинг-стратегия «Активная деятельность» никак не связана с успеваемостью, в то время как «Косвенная деятельность» отрицательно влияет на результаты в учебе (см. *Таблицу 1*).

В социальной сфере самооффективность связана с копинг-стратегиями «Нет проблем», «Активная деятельность», «Косвенная деятельность» и «Просоциальное поведение». Стратегии «Активная деятельность» и «Просоциальное поведение» влияют на лидерские качества, отзывчивость и эмпатию подростков и по субъективным, и по объективным (социометрическим) оценкам (см. *Таблицы 2, 3*).

Обнаружены некоторые различия между мальчиками и девочками в реакциях на стрессовые ситуации. Девочкам, в отличие от мальчиков, при возникновении трудностей в общении со сверстниками не свойственно переключаться на другую деятельность. Также у девочек не выявляются связи между субъективными и объективными (социометрическими) оценками таких качеств, как лидерство, эмпатия и отзывчивость.

Таблица 1

Корреляционная взаимосвязь академической самооффективности, копинг-стратегий и успеваемости

Пол испытуемых	Копинг-стратегия	Самооффективность	Русский язык	Математика	Суммарный балл успеваемости	Школьное благополучие
Мальчики	Активная деятельность	0,68	–	–	–	–0,25
Девочки		0,42	0,26	0,3	0,3	0,12
Мальчики	Косвенная деятельность	–	–0,23	–0,29	–0,3	–
Девочки		0,28	–	–	–	–

Таблица 2

Корреляционная взаимосвязь социальной самооффективности, копинг-стратегий и субъективных оценок поведения

Пол испытуемых	Копинг-стратегия	Самооффективность	Лидерство	Отзывчивость	Эмпатия
Мальчики	Активная деятельность	0,48	0,39	–	–
Девочки		0,43	–	0,37	0,27
Мальчики	Косвенная деятельность	0,42	–	–	–
Девочки		–	–	–	–
Мальчики	Просоциальное поведение	0,36	–	–	–
Девочки		0,3	0,33	–	–

Таблица 3

Корреляционная взаимосвязь самооценочных личностных характеристик и социометрических оценок поведения

Социометрия \ Самооценка	Популярность (в классе)	Непопулярность (в классе)	Внимание к другим	Наличие интересных идей	«Козел отпущения» класса
Лидерство	0,25	–0,25	0,25	0,22	–
Отзывчивость	0,2	–	0,22	–	–0,27
Эмпатия	0,2	–0,27	0,22	0,2	–0,19

* В таблицах представлены только статистически значимые коэффициенты корреляции

Взаимосвязь самооценки и успешности подростков в учении

Шитикова Светлана

молодой специалист

Средняя школа № 33, Гомель, Беларусь

E-mail: shweta@tut.by

Проблема взаимосвязи самооценки и успеваемости является актуальной на любом этапе обучения ребенка в школе. Ее изучением занимались многие психологи, такие как Р. Бернс, Реан А.А., Божович Л.И. и другие.

В течение одного дня, проведенного в школе, ребенок подвергается непрерывной и систематической оценке. Здесь он сразу же становится объектом оценки с точки зрения интеллектуальных, социальных и физических возможностей. Именно в школе его достижения и неудачи приобретают официальный характер, постоянно регистрируются и провозглашаются публично. Различия в успеваемости школьников связаны с различиями в их Я-концепциях, и в том числе самооценок, как одной из составляющих Я-концепции. Дети, представления которых о своих учебных способностях не допускают высоких достижений, обычно реализуют эти представления и учатся плохо. И наоборот, дети, обладающие более высокой самооценкой и позитивными представлениями о своих учебных способностях, обычно учатся гораздо лучше.

Я-концепция является лишь одним из факторов, влияющих на успеваемость, но фактором, настолько важным, что он должен по праву занять место рядом с такими переменными, как показатель интеллекта, принадлежность к социальному классу, заинтересованность родителей в ребенке, каждая из которых вносит существенный вклад в общую картину вариации успеваемости школьников.

Максимальное значение успеваемости имеет для развития самооценки в раннем подростковом периоде. Позитивные представления школьника о том, как оценивают его учебные способности значимые другие, являются необходимым и достаточным условием роста позитивной самооценки в этом плане, однако сама эта самооценка является необходимым, но недостаточным условием высокой успеваемости.

Представления школьника о своих учебных способностях, складываются на основе обратной связи, которую ребенок получает через оценки и реакции учителей, одноклассников и родителей на результаты его учебы. Успехи в учебе способствуют росту самооценки, а самооценка, в свою очередь, воздействует на уровень учебных успехов через механизмы ожидания, притязаний, стандартов, мотивации и уверенности в своих силах.

Цель исследования – выявление взаимосвязи психологических явлений, т. е. выявление взаимосвязи между уровнем самооценки и уровнем успеваемости, анализ самооценки подростка.

Объект исследования: самооценка подростков.

Предмет исследования: взаимосвязь между самооценкой и успеваемостью.

Гипотеза состоит в том, что существует связь между уровнем самооценки и успеваемостью подростков.

Для доказательства гипотезы применялись следующие методики: методика исследования самооценки личности (Будасси), методика определения самооценки Дембо-Рубинштейн.

Выборка состоит из 72 учащихся 5, 6, 7, классов СШ № 69 г. Гомеля.

Для выявления различий в распределении признака использовался такой статистический критерий, как угловое преобразование Фишера.

В процессе исследования были получены следующие результаты:

По результатам диагностики самооценки личности (Будасси) можно судить о постепенном снижении самооценки школьников при переходе их из 5-го в 7-й класс. Если в 5-м классе между средней самооценкой девочек и мальчиков существует разрыв (в 5-м классе самооценка девочек выше), то к 7-му классу эти различия сглаживаются. С 5-го по 7-й класс увеличивается число учеников с адекватной самооценкой, уменьшается с завышенной, а также выделяются ученики с заниженной самооценкой. Это говорит о

том, что в процессе обучения самооценка школьников изменяется в сторону её большей адекватности и проявляет тенденцию к постепенному снижению.

При проведении методики Дембо-Рубинштейн было введено 6 шкал, обозначающих счастье, здоровье, умственное развитие, характер, успеваемость и внешность. По полученным данным можно сделать выводы о характере самооценки. Отмечается тенденция снижения у подростков самооценки по шкале счастья. К седьмому классу у девушек также снижается и самоощущение состояния здоровья. По данным шкалы самооценки характера можно сделать вывод, что у подростков повышается критичность к себе, своим качествам. Самооценка внешности с пятого по седьмой класс у юношей меняется в сторону завышения, у девушек же, наоборот, снижается. Это говорит о большом значении самооценки внешнего вида в структуре целостной самооценки подростка. Парни в шестом и седьмом классах ставят более высокие оценки по шкале успеваемости, девушки – более низкие.

С доверительной вероятностью 95% можно говорить о том, что в группе слабоуспевающих школьников процент подростков с низкой самооценкой существенно выше. Типичным проявлением заниженной самооценки школьника является повышенная тревожность. Чувство неполноценности, переживаемое детьми с заниженной самооценкой, может способствовать образованию реакций психологической защиты в виде агрессии, отказа от общения и избегание лиц, от которых исходит «угроза», «уход» в мир фантазий и т. д. Дети с заниженной самооценкой не реализуют своих потенциалов, то есть неадекватная самооценка становится фактором, тормозящим развитие личности ребенка.

На уровне значимости 1%, доля слабоуспевающих подростков с неадекватно завышенной самооценкой достоверно больше, чем среди сверстников, успешно справляющихся со школьными задачами. Такая самооценка представляет собой преувеличение школьником не только своих реальных, но и потенциальных возможностей, переоценивание себя.

Необходимо отметить, что при проведении двух методик изучения самооценки нами было выявлено, что 68.9% (данные методики Дембо-Рубинштейн), или 64.4% слабоуспевающих подростков (по результатам методики определения самооценки Будасси) имеют неадекватную самооценку, что встречается достоверно чаще, чем у их успевающих сверстников (около 30% подростков по обоим методикам).

Сходство в распределении признака, на изучение которого направлены данные методики, а именно – определение уровня самооценки, позволяет говорить о их высокой конвергентной валидности.

На основании полученных данных была подтверждена гипотеза о взаимосвязи самооценки и успеваемости.

Р. Бернс пишет, что «учитель учит, прежде всего, кого-то, и только во вторую очередь чему-то». Учитель может и должен обеспечить ребенку такой путь к усвоению преподаваемых в школе формальных знаний, который не наносил бы вреда его самооценке. А по отношению к ребенку, обладающему негативными представлениями о себе, цель учителя заключается в том, чтобы, используя возможности предметного обучения и различные социальные ситуации, возникающие в школе, трансформировать эти представления, привить ребенку ощущение собственной ценности, компетентности и значимости.

ПОДСЕКЦИЯ «ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА: ЧЕЛОВЕК, ПРОФЕССИЯ, КОЛЛЕКТИВ»

Синдром «эмоционального выгорания» и механизмы психологической защиты у врачей общесоматической клиники

Блюм Анна Ивановна

студентка

Курский государственный медицинский университет, Курск, Россия

E-mail: medps@yandex.ru

Синдром «эмоционального выгорания» представляет собой непосредственное клиническое проявление всевозрастающих проблем, связанных с самочувствием специалистов «помогающих профессий», в том числе медицинского персонала, эффективностью их труда и стабильностью жизни профессионального коллектива – этим и обусловлен интенсивный научный и практический интерес к вопросам диагностики, профилактики и коррекции данного синдрома (Безносков С.П., 2004), (Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С., 2005).

Целью нашей работы было проведение сравнительного анализа степени выраженности синдрома «эмоционального выгорания» (опросник «Эмоциональное выгорание», Бойко В.В., 2004) и механизмов психологической защиты (опросник «Индекс жизненного стиля», Вассерман Л.И., 1999) у 60 врачей общесоматической клиники в зависимости от таких социально-психологических характеристик как пол, врачебная специализация (терапия – хирургия), особенности профессиональной деятельности (стационар-поликлиника), уровень профессионального статуса (наличие-отсутствие ученой степени) и стаж работы по специальности.

В результате исследования были обнаружены следующие особенности проявлений синдрома «эмоционального выгорания» у врачей общесоматической клиники в зависимости от выбранных социально-психологических характеристик.

У врачей поликлиники установлены, по сравнению с врачами стационара, статистически более высокие значения выраженности симптома «неудовлетворенности собой» ($9,50 \pm 1,76$ и $4,87 \pm 0,89$, соответственно, $P < 0,05$).

Мы обнаружили достоверно бóльшую степень выраженности симптома «эмоционального дефицита» у врачей стационара, не имеющих ученой степени, по сравнению с их коллегами, имеющими ученую степень ($8,87 \pm 1,71$ и $3,7 \pm 1,77$, соответственно, $P < 0,05$).

В процессе нашего исследования испытуемые были разделены на 3 группы в зависимости от стажа профессиональной деятельности: 1-я группа – имеющие стаж профессиональной деятельности в пределах 10 лет, 2-я группа – стаж работы от 11 до 20 лет, 3-я – более 20 лет профессиональной деятельности.

Врачи 1-ой группы имеют достоверно более высокие показатели фазы «истощения» по сравнению с коллегами 2-ой группы ($34,67 \pm 2,79$ и $25,09 \pm 3,30$, соответственно, $P < 0,05$). В свою очередь, врачи 2-ой группы отличаются достоверно более высокими показателями симптомов «тревоги и депрессии» по сравнению с коллегами из 1-ой ($17,13 \pm 1,30$ и $12,87 \pm 1,57$, соответственно, $P < 0,01$) и 3-ей групп ($17,13 \pm 1,30$ и $9,29 \pm 1,57$, соответственно, $P < 0,01$). Кроме того, врачи 2-ой группы имеют также достоверно более высокие показатели симптомов «загнанности в клетку» по сравнению с коллегами из 1-ой группы ($9,31 \pm 0,81$ и $4,33 \pm 1,28$, соответственно, $P < 0,01$) и симптомов «эмоционально-нравственной дезориентации» по сравнению с коллегами из 3-ей группы ($13,63 \pm 1,92$ и $8,24 \pm 1,77$, соответственно, $P < 0,05$).

Врачи 3-ей группы демонстрируют достоверно бóльшие показатели симптома «неадекватного избирательного эмоционального реагирования», по сравнению с коллегами 1-ой ($17,19 \pm 2,05$ и $9,70 \pm 1,47$, соответственно, $P < 0,01$) и 2-ой групп ($17,19 \pm 2,05$ и $8,38 \pm 1,76$, соответственно, $P < 0,01$). Также испытуемые 3-ей группы имели достоверно

бóльшие показатели симптома «психосоматических и психовегетативных нарушений» по сравнению с коллегами 2-ой группы ($10,44 \pm 1,33$ и $6,83 \pm 0,96$, соответственно, $P < 0,05$).

Согласно данным сравнительного анализа степеней выраженности механизмов психологической защиты в зависимости от стажа работы было выявлено, что у врачей 3-ей группы достоверно выше показатели «проекции» относительно показателей 1-ой ($9,13 \pm 0,35$ и $7,76 \pm 0,56$, соответственно, $P < 0,05$) и 2-ой ($9,13 \pm 0,35$ и $7,57 \pm 0,54$, соответственно, $P < 0,05$) групп испытуемых, и «реактивных образований», относительно коллег 2-ой группы ($4,31 \pm 0,63$ и $2,83 \pm 0,40$, соответственно, $P < 0,05$).

Установлено, что мужчины-врачи по сравнению с коллегами-женщинами демонстрируют бóльшую степень выраженности таких защитных механизмов как «вытеснение» ($4,33 \pm 0,35$ и $2,90 \pm 0,34$, соответственно, $P < 0,01$) и «интеллектуализация» ($6,87 \pm 0,44$ и $5,67 \pm 0,38$, соответственно, $P < 0,05$), а женщины-врачи имеют достоверно более высокие показатели такого защитного механизма, как «реактивные образования» ($3,73 \pm 0,40$ и $2,40 \pm 0,34$, соответственно, $P < 0,05$).

Для хирургов продемонстрирована бóльшая степень выраженности, по сравнению с терапевтами, «отрицания» ($6,10 \pm 0,43$ и $5,50 \pm 0,34$, соответственно, $P < 0,01$) и «вытеснения» ($4,07 \pm 0,33$ и $3,17 \pm 0,37$, соответственно, $P < 0,01$), а для терапевтов – «реактивных образований» ($3,53 \pm 0,42$ и $2,80 \pm 0,34$, соответственно, $P < 0,05$).

У врачей стационара, по сравнению с врачами поликлиники, установлены статистически более высокие значения степени выраженности «отрицания» ($6,42 \pm 0,41$ и $5,05 \pm 0,41$, соответственно, $P < 0,05$).

В результате анализа взаимосвязей показателей синдрома «эмоционального выгорания» и механизмов психологической защиты были получены следующие данные. Показатель симптома «эмоционального дефицита» у врачей стационара не имеющих учёной степени находится в статистически значимой корреляционной связи с «проекцией» ($r = 0,55$, $P < 0,05$) и «замещением» ($r = 0,74$, $P < 0,01$).

У врачей в зависимости от стажа работы были обнаружены следующие особенности взаимосвязей: у врачей 1-ой группы – достоверная связь степени выраженности фазы «истощения» с «компенсацией» ($r = 0,45$, $P < 0,01$); у испытуемых 2-ой группы – симптома «загнанности в клетку» с «отрицанием» ($r = -0,54$, $P < 0,05$), «замещением» ($r = 0,47$, $P < 0,05$) и «регрессией» ($r = 0,67$, $P < 0,01$); у врачей 3-ей группы – симптома «неадекватного избирательного эмоционального реагирования» с «вытеснением» ($r = 0,53$, $P < 0,05$).

Таким образом, в результате проведенного нами исследования были установлены особенности взаимосвязей показателей степени выраженности синдрома «эмоционального выгорания» и механизмов психологической защиты у врачей общесоматической клиники в зависимости от социально-психологических характеристик: пол, особенности профессиональной деятельности (стационар-поликлиника), уровень профессионального статуса (наличие-отсутствие ученой степени), врачебная специализация (терапия-хирургия) и стаж работы по специальности.

Влияние стиля межличностных отношений на выбор стратегии поведения в конфликтной ситуации в курсантском коллективе

Богданов Константин Викторович

курсант

Голицынский пограничный институт ФСБ России, Голицыно, Россия

E-mail: gvifps@oues.ru

Любая коллективная деятельность человека подразумевает наличие межличностных отношений. Результаты деятельности напрямую зависят от построения межличностных отношений в том или ином коллективе.

Курсантский коллектив отличается тесным взаимодействием и сотрудничеством между его членами в процессе решения учебных, служебных и повседневных задач. Эффективность решения этих задач напрямую зависит от того, какой социально-психологический климат создается в воинском коллективе, как складываются взаимоотношения между курсантами в подразделении. Выбор стратегии поведения в конфликт-

ной ситуации является важным фактором влияющим на межличностные отношения в курсантских коллективах, что и определило выбор темы исследования.

Задачи исследования: выявить зависимость между стилем межличностных отношений и выбором стратегии поведения в конфликтной ситуации в курсантском коллективе.

Гипотезы: H₀ – (экспериментальная), Стиль межличностных отношений в курсантском коллективе не влияет на выбор стратегии поведения в конфликтной ситуации.

H₁ – (контргипотеза). Стиль межличностных отношений в курсантском коллективе влияет на выбор стратегии поведения в конфликтной ситуации.

Методы: «Методика диагностики межличностных отношений Т. Лири», «Методика диагностики и предрасположенности личности к конфликтному поведению К. Томаса».

В исследовании приняли участие 48 курсантов, в возрасте 20–21 год, обучающиеся на 4 курсе.

Основные результаты исследования.

В группах преобладает властно-лидирующий (36,8%) и сотрудничающе-конвенциональный (21,5%) типы межличностных отношений. Наиболее предпочтительными стратегиями поведения в конфликтной ситуации являются соперничество (25%) и компромисс (25%). Полученные результаты были проверены на нормальность распределения с помощью критерия χ^2 Пирсона. Подтверждение получила контргипотеза.

Выводы:

1. Преобладающие в курсантских коллективах стили поведения оказывают влияние на выбор стратегии поведения в конфликтной ситуации. Властно-лидирующий стиль отношений способствует возникновению здорового соперничества среди курсантов, а сотрудничающе-конвенциональный стиль межличностных – нахождению компромисса при разрешении конфликтных ситуаций.

2. Предпочитаемые курсантами стратегии поведения в конфликтных ситуациях, свидетельствуют о том, что характер воинской деятельности откладывает отпечаток на выбор стратегии поведения, поскольку доминантный, энергичный компетентный авторитетный лидер, склонный к сотрудничеству, кооперации, гибкий и компромиссный при решениях проблем и в конфликтных ситуациях будет способствовать достижению поставленных целей курсантского коллектива, проявлять дружелюбие в отношениях.

Исследование ценности как регулятора трудового поведения

Будылина Наталья Владимировна

студентка

Якутский государственный университет им. М.К. Амосова, Якутск, Республика Саха (Якутия), Россия

Актуальность избранной темы обусловлена тем, что поведение людей в обществе несет некие ограничения, которые задают различные рамки поведения человека в обществе. В качестве таких рамок выступают некие регуляторы, такие как образы, представления, которые воздействуют на регуляторы активности.

Помимо образов в обществе выделяют морально-правовые регуляторы, т.е. это множество обязательных правил и норм поведения, устанавливаемых государством. В свою очередь положения права – это отображения нравственных норм – морали общества, которые в свою очередь закреплены в обычаях, традициях в образах и речениях религии и т.п. И член общества должен вести себя сообразно принятым обществом законам, правил, норм, но, что, помимо морально-правовых актов, участвует в регуляции поведения трудового человека. В качестве такого регулятора мы выбрали ценности. Изучение ценностных ориентаций было основано на широком спектре исследования личности и ее жизненного пути.

Большое внимание понятию ценностей было уделено в работах (Э. Дюркгейма, Т. Парсенса, Г. Рискерта, М. Рокичи и др.).

Целью данного исследования выступило изучение ценностных регуляторов трудового поведения.

Была выдвинута следующая гипотеза: ценность как регулятор трудового поведения зависит от возрастных и половых различий.

Объектом исследования выступили работники организации ФЗАО «АПРОСА», гостиницы «Полярная Звезда» количеством 41 человек. Из них 21 женщина и 20 мужчин в возрасте от 18 до 49 лет, работающие в сфере обслуживания.

Предметом явились регуляторы трудового поведения.

Для достижения поставленной цели была использована методика Т.О. Кабаченко «Ценностные регуляторы организационного поведения». Материал методики связанный со стимулами, содержит 210 пар высказываний. Работа испытуемых с ним осуществляется по методу полных парных сравнений.

Выборка была разделена на четыре группы по возрастам (от 18 до 30 и от 31 до 49) и по половым различиям (мужчины и женщины).

Таким образом, получилось четыре группы: в I группу вошли 20 мужчин, во II группу 20 женщин, в III – вошли лица в возрасте 18 до 30 лет (20 чел.) и в IV группу вошли лица с 31 года до 49 лет (20 чел.).

По итогам проведения методики, направленной на изучение ценностей как регулятора трудового поведения, были получены следующие данные:

- у мужчин, на первом месте фигурирует ценность «минимизация усилий», т.е. стремление к комфорту, удобству при желании добиться карьерного роста и быть ближе к команде руководителя, заботясь о собственной безопасности и своих принципах;
- у женщин, также на первом месте находится ценность «минимизация усилия», но при желании добиваться в своей деятельности новых перспектив и возможностей, через властные полномочия, управления людьми и перекладыванием своих обязанностей на других, а также наблюдается стремление к стабильности трудовой нагрузки.

Такие данные могут свидетельствовать о некой сложившейся трудовой установки или даже стереотипности поведения на труд.

Результаты по возрастным группам показали, что также наблюдаются следующие различия:

- в группе от 18 до 30 лет доминирующей ценностью является «поддержка друзей в неформальной группе», «выполнение обязательств другими», «стремление к управлению людьми», а также «стабильность трудовой нагрузки». Менее важная ценность в данной группе, как показало исследование, – «материальный интерес»;
- в группе от 31 до 49 лет доминирующей ценностью является «причастность к власти», «материальный интерес и дальнейшие перспективы», а также «стабильность организации».

Итак, мы пришли к выводу о том, что ценностная ориентация – это, прежде всего, предпочтение или отвержение определенных ценностей, как жизнеорганизующих начал и готовность или неготовность индивида вести себя в соответствии с ними, т.е. ценность выступает в виде некоего регулятора активности поведения.

Специфика организации времени жизни специалистов, работающих в режиме сменного графика

Гаранина Оксана Алексеевна

старший преподаватель

Северный международный университет, Магадан, Россия

E-mail: aloksa@mail.ru

За последние десятилетия произошло значительное увеличение объема сменной работы, что связано с дальнейшим научно-техническим прогрессом, увеличением количества предприятий, требующих непрерывности производственного процесса, повышением качества социального обслуживания и запросов населения [4].

Особые временные условия трудовой деятельности специалистов, работающих в режиме сменного графика, оказывают значительное влияние не только на физиологическое состояние специалиста, но и на возможность организации и осуществления полноценного взаимодействия специалистов с личностно значимым социальным окружением. Правомерно говорить о явлении рассогласования личного времени субъекта с временем социального окружения – социальном десинхронозе.

В сознании человека формируется система обобщенных временных представлений (на основе закономерностей, проявляющихся при возникновении и смене непосредственных форм переживания времени человеком), которая является своеобразной временной концепцией личности [3]. Данная временная концепция включает время профессиональной деятельности человека. Изменение графика времени профессиональной деятельности влечет изменение временной концепции личности. Специалисты, работающие в режиме сменного графика, обладают временной концепцией, отличной от временной концепции специалистов, работающих в обычном графике. Организуя время жизни, специалисты исходят из временной локализации своей профессиональной деятельности и опираются на собственную временную концепцию, интериоризованную в процессе профессиональной деятельности.

Изначально специалист владеет временной концепцией, приобретенной им в процессе социализации. Эта концепция времени строится на основе организации времени жизнедеятельности согласно биологическим (циркадианным) ритмам человека и является общепринятой (общесоциальной). Основным времязадателем периодов активности и покоя организма выступает смена дня и ночи в течение суток. В нормальных условиях циркадианные ритмы физиологических и психических функций человека соответствуют циклическим изменениям внешней среды. Суточный стереотип человеческого организма характеризуется высокой интенсивностью его функционирования в дневное время и низкой – в ночное время суток [1]. Следовательно, общепринятая временная концепция предполагает активную деятельность субъекта днем и отдых ночью.

Работая в режиме сменного графика, специалист находится в ситуации, когда общепринятая временная концепция оказывается несостоятельной (ночью – работа, днем – отдых). Требования профессиональной деятельности обуславливают необходимость создания новой временной концепции. Эта концепция отличается от общепринятой, но интериоризируется по мере профессионализации, как необходимая для нормальной жизнедеятельности специалиста. Таким образом, специалист, работающий в режиме сменного графика, обладает двумя интериоризованными временными концепциями – общесоциальной и индивидуальной, обусловленной спецификой рабочего графика.

Образуется диссонанс между двумя обозначенными концепциями. В качестве приоритетной концепции выступает общесоциальная, так как она была усвоена еще с не критичного возраста и связана с естественными биологическими ритмами. Индивидуальная временная концепция принимается как необходимая, вынужденная, но второстепенная и «не на всю жизнь».

Осознавая свой рабочий график как неестественный, «неправильный» и навязанный [2], специалисты, работающие в режиме сменного графика, подстраивают свое время под организацию времени жизни значимых других, работающих, как правило, в обычном режиме, и использующих общесоциальную временную концепцию в качестве актуальной для организации деятельности и взаимодействия с другими. Это приводит к тому, что специалисты, работающие в режиме сменного графика, не берут на себя роль «хозяев» собственного времени, не подходят к его организации с позиции личной ответственности, а предпочитают действовать по ситуации, что находит свое выражение в доминировании экстернального типа локуса контроля у этих специалистов над интернальным.

Социальный десинхроноз не только переживается специалистами, работающими в режиме сменного графика, как несовпадение общесоциальной временной концепции с индивидуальной, обусловленной особенностями рабочего графика («внутренний» десинхроноз), но и проявляется в рассогласовании времени жизни самого специалиста с временем жизни других людей (значимых других), работающих в обычном графике («внешний» десинхроноз).

Специалисты, работающие в режиме сменного графика, описывают собственное время как «стихийное», «раздробленное», «напряженное». Время близких людей определяется как «запланированное» и «цельное». Время самих специалистов характеризуется сокращенным циклом «работа-отдых», более дробным ритмом (по сравнению со специалистами, работающими в обычном графике). Смены «дробят» время, и цикл «работа-отдых» исчисляется не неделями, а тремя сутками: рабочие сутки – двое выходных суток. Для этой категории специалистов также характерно выраженное преобладание кратковременного планирования над долговременным. Планирование времени, включающее учет планов других людей, в ситуации сменного графика затруднено. Кратковременность планирования можно рассматривать как одно из условий успешного взаимодействия специалиста с ближайшим социальным окружением, как возможность быть мобильным и способным быстро перестраиваться в случае изменения обстоятельств.

Из выделенных нами способов совладания с ситуацией социального десинхронизма наиболее распространенным (среди специалистов, работающих в режиме сменного графика), является «стихийно-ситуативный» способ, предполагающий ориентацию на личную ситуацию и действия по обстоятельствам. Следующий, «лично-преобразующий» способ, является вторым по частоте использования данной категорией специалистов и характеризуется планированием предстоящих встреч, прогнозированием возможных ситуаций и готовностью к активному преодолению возникающих препятствий. Наконец, реже всего используется «совместно-преобразующий» способ, предполагающий реализацию совместных действий специалиста и членов его ближайшего социального окружения по преодолению ситуации социального десинхронизма.

Исследование факторов, влияющих на удовлетворенность трудом

Головкова Ольга Олеговна

студентка

Якутский государственный университет им. М.К. Аммосова, Якутск, Республика Саха (Якутия), Россия

Удовлетворенность трудом является особым психическим состоянием уравновешенности, отражающим оптимальное согласование потребностей и ожиданий человека относительно работы с конкретными условиями деятельности. Удовлетворенность трудом является субъективным показателем положительного отношения индивида к производственной среде, к данной трудовой ситуации, но может быть и результатом его равнодушия, отсутствия творческого отношения к процессу труда. С другой стороны, признаком положительного отношения к труду может быть также неудовлетворенность существующими условиями деятельности, обусловленная, например, критическим отношением человека к устаревшим формам производства, стремлением его к инновациям, к творчеству, к широким масштабам оценки результатов и условий труда. Удовлетворенность трудом в значительной степени зависит от материального вознаграждения. В условиях товарно-денежного производства трудовая деятельность, являясь источником доходов, обеспечивает человека средствами для удовлетворения его личных естественных и культурных потребностей. Поэтому установка на высокую заработную плату занимает особое место в структуре трудовых мотивов, в проявлениях удовлетворенности трудом, а следовательно, и в отношении человека к выполняемой работе.

Значительным социально-психологическим фактором, определяющим удовлетворенность или неудовлетворенность человека трудом, является социально-психологический климат организации. Этот термин, ныне широко употребляемый, часто принято ставить в один ряд с понятиями духовной атмосферы, духа коллектива и преобладающего настроения.

Цель исследования: Исследование удовлетворенности трудом работников бюджетной сферы.

Объект: Работники «Региональной энергетической комиссии, государственного комитета по ценовой политике». Данная организация занимается регулированием цен по всей республике. Основными профессиями в данной организации являются профессии

экономиста и бухгалтера, а также профессия юриста, кроме этого присутствует обслуживающий персонал. Количество мужчин – 11, женщин – 34. Полный количественный состав организации – 45 человек. Гипотеза: Чем позитивнее воспринимается социально-психологический климат, тем в большей степени человек удовлетворен своим трудом.

В результате проведенного исследования были получены следующие данные.

При помощи опросника Т.Л. Бадоева «Удовлетворенность трудом» выявлено, что работники «Региональной энергетической комиссии, государственного комитета по ценовой политике» удовлетворены своим трудом (о чем свидетельствует общегрупповой результат – 65,7 балла). Работники более всего удовлетворены таким фактором, как санитарно-гигиенические условия (6,5 балла); на втором месте (5,6 балла) находится размер заработной платы и взаимоотношениями с коллегами, а также значимость своей профессии; на третьем месте (5,4 балла) находится организация труда; и на четвертом (5,1 балла) – вид трудовой деятельности. Сотрудники довольны своими взаимоотношениями с коллегами, что является важным для благоприятного социально-психологического климата. А также они удовлетворены престижностью своей профессии. Анализ гендерных различий по фактору удовлетворенности трудом можно показывает, что, с небольшим перевесом, более удовлетворены работой женщины, чем мужчины, но при этом удовлетворенность мужчин выше по таким факторам как: размер заработной платы (вероятно это объясняется тем, что оплата труда мужчин в данной организации более высокая) и удовлетворенность работой в данной организации.

При помощи методики «Оценка социально-психологического климата в трудовом коллективе» А.С. Михалюк, Л.Ю. Шалыто получили следующие результаты: эмоциональный компонент составляет 0,57 балла, поведенческий компонент – 0,44, эти показатели являются положительными. Данный факт свидетельствует о том, что существует связь между удовлетворенностью трудом и социально-психологическим климатом. При сравнении результатов мужчин и женщин по фактору социально-психологического климата, выявилось, что мужчины оценили его более положительно, чем женщины.

Итак, подводя итог, мы пришли к выводу, что поставленная нами гипотеза: чем позитивнее воспринимается социально-психологический климат, тем в большей степени человек удовлетворен своим трудом, подтверждается.

Психолог-консультант: ресурсность личности и образование

Дмитриенко Елена Владимировна

студентка

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль, Россия

E-mail: Lelena.justbeliv@gmail.com

Подготовка психологов и, в частности, психологов-консультантов, – тема дискуссионная для психологического сообщества. Вопросы, которые обсуждаются, с одной стороны носят теоретический характер, с другой стороны без их решения, представляется затруднительным выстроить научно обоснованную систему подготовки психолога-консультанта.

Вопросы, которые стали предметом обсуждения для нас, авторов этой статьи: «Какие требования предъявляются к студенту, принявшему решение специализироваться в консультировании, каковы процедуры отбора на эту специализацию». Каково соотношение теоретической и практической подготовки психолога-консультанта? Какие методы являются наиболее эффективными при подготовке будущих консультантов? Кто имеет право преподавать на этой специализации, носителем каких компетенций должен быть преподаватель? Что есть непрерывная подготовка и сопровождение психолога-консультанта на разных этапах профессионализации и многие другие.

На наш взгляд назрела необходимость систематизации подходов к подготовке психолога-консультанта, научное обоснование непрерывной системы профессиональной подготовки психолога-консультанта, дифференциация методов подготовки с учётом этапов профессионализации психолога-консультанта.

В ходе проводимых нами исследований нами была сформулирована авторская концепция «ресурсности» психолога-консультанта и выделены следующие его основные характеристики:

- Склонность воспринимать других людей скорее как способных, чем не способных;
- Видение людей как обладающих соответствующими возможностями справляться с проблемами;
- Открытость в принятии своих чувств и переживаний;
- Осознают самого себя;
- Осознают свои ценности и убеждения;
- Работа в соответствии со своими ценностями и базовыми установками;
- Принимает ответственность за свое поведение;
- ресурсность консультанта определяется, прежде всего, возможностью трансформировать свою личность под задачи клиентов и работой в соответствии со своей организацией;
- ресурсный консультант является носителем установки «быть для клиента и быть с клиентом».

В работе проанализированы существующие подходы и программы подготовки психолога-консультанта. Особое внимание уделяется возможностям инновационного подхода в подготовке – обучение через исследование и развитие себя.

В работе рассмотрены экзистенциальные основы профессионализации психолога-консультанта и выделены следующие этапы: (в основе выделенных этапов лежит подход, предложенный К. Ясперсом)

- уровень эмпирического «Я»;
- уровень «сознания вообще»;
- уровень духа;
- уровень экзистенции.

В связи с этим особое значение приобретает не только взаимосвязь методов преподавания и этапа профессионализации, но и опора в обучении на ценностно-смысловую сферу личности. Проведенное нами исследование (использовалась методика «Предельных смыслов») позволяет проследить эту динамику. В исследовании участвовали студенты 1, 3 и 5 курсов Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова и практикующие психологи консультанты с разным опытом работы.

В работе также проведен анализ одного из инновационных проектов реализуемых на факультете психологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова – «Программа тренинговой подготовки студентов факультета психологии» – направленного на повышение эффективности подготовки студентов и реализующем базовые принципы инновационного обучения.

Психологическая совместимость – основной фактор комплектования малой группы

Карелин Алексей Николаевич

курсант

Голицынский пограничный институт ФСБ России, Голицыно, Россия

E-mail: gvifps@oues.ru

Современная войсковая практика, возрастающая сложность и напряженность воинской деятельности, требуют всестороннего учета психологических закономерностей в работе органов военного управления. Одним из направлений повышения эффективности различных видов деятельности военнослужащих является использование не реализованных в настоящее время достижений социальной психологии, а, именно, комплектование пограничных нарядов (экипажей, расчетов, смены), с учетом психологической совместимости военнослужащих [1].

Психологическая совместимость в отечественной военной психологии определяется как одна из составляющих сплоченности воинского коллектива, наряду с единством и

сработанностью. Психологическая совместимость влияет на взаимоотношения и, в конечном итоге, на успешность выполнения поставленных наряду задач.

Психологическая совместимость – с одной стороны, свойство личности военнослужащего, определяющее предрасположенность к наиболее эффективному взаимодействию с конкретными военнослужащими и подразделениями, основанное на его устойчивых личностных особенностях. С другой стороны – это предрасположенность подразделения (наряда, экипажа, расчета, смены) наиболее эффективно ассимилировать в свой состав конкретных военнослужащих, основанная на совокупности устойчивых личностных черт членов данных военнослужащих [2].

Воинская деятельность, являясь коллективной, сегодня существенно изменилась. Зачастую утрачены основные компоненты совместной деятельности, позволявшие ранее эффективно организовывать взаимодействие между военнослужащими. Ослаблено воздействие некоторых факторов: наличие единой цели и общей мотивации; разделение деятельности на функционально связанные составляющие и распределение обязанностей между участниками; объединение индивидуальной деятельности и согласованное ее выполнение; наличие устойчивого управления и самоуправления, общих конечных результатов. Снижена объединяющая роль морально-политического (идеологического, мировоззренческого) единства как наиболее значимого элемента сплоченности войск. Анализ состояния дисциплины и правопорядка в войсках показывает, насколько актуально решение задачи обеспечения психологической совместимости. Отмечается высокий уровень и постоянный рост правонарушений на почве межличностных конфликтов. Проблема психологической несовместимости в пограничном наряде между несколькими военнослужащими часто превращается в трагедию (расстрел сослуживцев, уход с боевого поста с оружием в руках), становится серьезным происшествием в рамках не только отдельной воинской части, соединения, но и зачастую и всей страны [2].

Особую остроту проблема обеспечения психологической совместимости приобретает в ходе действий подразделений и частей в экстремальных условиях: ведения боевых действий. По опыту исследования боевых действий в Чеченской республике в ходе кампании 1996–97 г.г. отмечен высокий процент потерь и низкая эффективность боевой деятельности в подразделениях, укомплектованных военнослужащими непосредственно перед началом ведения ими активных боев без предварительного обеспечения слаженности, боевой сработанности [4].

Выделим существенные признаки психологической совместимости.

Во-первых, в ходе совместной деятельности, психологическая совместимость проявляется в основном в рамках непрофессиональной, внеслужебной, сфер. При этом она в значительной мере влияет и на эффективность совместной профессиональной деятельности.

Во-вторых, структура психологической совместимости включает в себя ряд взаимосвязанных уровней: социальный, социально-психологический, личностный и психофизиологический. Из указанных уровней, наиболее значимым, с точки зрения комплектования пограничного наряда (экипажа, расчета, смены), является личностный уровень. Психологическую совместимость относительно задачи комплектования наряда целесообразно рассматривать как результат сочетания устойчивых, личностных характеристик одного субъекта взаимодействия с другим. При этом в качестве «другого» может быть рассмотрен как отдельный член наряда, так и наряд (экипаж, расчет, смена) в целом.

В-третьих: психологическая совместимость базируется на устойчивых личностных характеристиках, взаимодействии, и переносится на все, или большинство сфер совместной жизнедеятельности.

В-четвертых, критерием психологической совместимости является эмоциональная удовлетворенность военнослужащего взаимодействием с каждым из сослуживцев [3].

Исследование проводилось в 2 этапа:

1. Социометрическая процедура проводилась в варианте, предложенном Бахарева и названной ею – «шкала межличностной приемлемости». Этот вариант, с одной стороны, предполагает наиболее широкий социометрический критерий, что делает его приемлемым не только для любого воинского подразделения в различных видах деятельности, но, что более важно, и в случае отсутствия полноценной совместной деятельности в

рамках «совместности», «совместной жизнедеятельности» или «совместной деятельности с неполной структурой».

2. После проведенной социометрической процедуры и дифференциации военнослужащих по группам психологической совместимости был проведен корреляционный анализ первичных личностных факторов определяемых по методике 16-PF Р. Кеттелла.

Были получены следующие результаты:

- Важным фактором, оказывающим влияние на формирование психологической совместимости, является сближение военнослужащих первого года в процессе совместного несения службы в пограничных нарядах.
- К концу первого года службы психологическая совместимость военнослужащих выравнивается, чему способствует совместная воинская деятельность.
- Психологическая совместимость военнослужащих контрактной службы выше, психологической совместимости военнослужащих по призыву.

Сессия организационного развития в системе методов корпоративного строительства

Кирилюк Елена Ярославна

аспирантка

Северо-Кавказский научный центр высшей школы, Ростов-на-Дону, Россия

E-mail: Lenucia2@yandex.ru

Актуальность разработки технологий организационных изменений в контексте динамичных процессов развития бизнес-структур, нарастания конкурентности среды оформившихся рынков и необходимости внедрения инноваций мало у кого вызывает сомнения. Особенно они востребованы руководителями растущего бизнеса, которые осознают необходимость перемен, по опыту знают, насколько болезненно это для коллектива (изменения порождают маргинальные состояния, затрагивая профессиональную идентичность работников). Особенно сложными являются проблемы инкорпорирования новых сотрудников и одновременного сохранения организационной гибкости, способности интегрировать инновации.

Как показывают проведенные исследования, в отличие от руководителей, для большинства сотрудников смысловые коннотации «старого» и «нового» существенно разнятся. Руководителями организаций, проектирующих организационное развитие, движение к новому рассматривается позитивно – как модернизация, направленная на накопление потенциала конкурентных преимуществ. Для исполнителей это движение связано с психологическими затратами на интериоризацию чуждого, извне навязанного им порядка, они относятся к организационным новациям негативно, переживая адаптационный стресс, вызванный необходимостью отказа от «проверенного» и «надежного» в пользу «неизвестного» и «сомнительного». Адаптация к изменяющимся условиям коллективного взаимодействия нередко требует переучивания, следовательно, затраты дополнительных и неоправданных с точки зрения работника усилий; она осложнена неизбежностью формальной оценки его текущих личных достижений и зачастую переживается как экстремальное испытание профессионального статуса.

Новое всегда несет в себе определенный риск и неизвестность, создает напряжение у всех участников организационных изменений, но у исполнителей в силу своей внешней навязанности оно чаще вызывает психологические травмы и рассматривается как «ненужное», поскольку объективно представляет собой, как правило, не просто риск, а риск без вознаграждения.

Таким образом, интериоризация организационного принуждения представляет собой основную социально-психологическую проблему динамики внутриорганизационных перемен. В этих условиях эффективная работа компании возможна только при решении основных задач социальной и производственной интеграции, к числу которых относятся: *согласование целей* организации и сотрудников, при которой сотрудники осознают, что, реализуя цели организации, они достигают и собственных целей; *четкое понимание смысла* деятельности; *знание технологий* – профессиональная способность выполнять работу; *знание процессов*; наличие *обратной связи* – постоянной компетент-

ной оценки качества выполнения работы сотрудниками, помощи им в затруднительных ситуациях; создание *доверительной атмосферы*.

Эта базовая совокупность принципов выступает своего рода «контрактом» между сотрудниками и организацией. Перемены часто означают изменение этого негласного контракта в одностороннем порядке. Современные работники ожидают, что изменение условий производственных взаимодействий, установленных «по умолчанию», произойдет на основе переговоров, а не будет им навязано. В противном случае организационные изменения воспринимаются ими как угроза сложившемуся порядку.

Инструментом, обеспечивающим эффективность легитимации организационных изменений в коллективе, поскольку он моделирует управляемый процесс «переговоров», является *сессия организационного развития*. В сессии принимают участие представители всех функциональных сегментов организации, включая менеджеров разных уровней управления, собственников, рядовых сотрудников, представленных «лидерами мнений», т.е. людьми, авторитетными для большинства работников организации с исполнительским статусом.

Одной из задач сессии организационного развития, как правило, выступает формирование корпоративной культуры и ее смыслового ядра – комплекса убеждений, разделяемых сотрудниками организации в отношении преобладающих в компании ценностей. Технологии селекции корпоративной культуры в организации опирается на интериоризацию соответствующих ценностей и целей, иначе убеждения не воспринимаются как собственные и, следовательно, не регулируют поведение в коллективе и отношение сотрудников к работе.

С помощью сессии организационного развития можно решить такие задачи, как:

- осознание положения компании на рынке и ее состояния в настоящий период;
- осознание сотрудниками своих собственных целей и своего места в компании;
- осознание и разработка целей организации;
- осознание сотрудниками своих возможностей и ограничений для достижения целей организации («сшивку» целей сотрудников с целями организации);
- осознание существующих принципов и стандартов взаимодействия сотрудников;
- разработка миссии и видения организации;
- разработка ценностей и стандартов организации;
- формирование командного духа;
- выявление, осознание и начальная проработка проблемных зон компании;
- приобретение навыков анализа ситуации;
- овладение технологиями поиска возможностей;
- определение организационных форм и согласование зон ответственности;
- приобретение навыков принятия группового решения и делегирования ответственности;
- формирование клиент-ориентированного подхода у сотрудников организации.

Анализируя этот список возможностей, легко прийти к выводу, что за одну сессию организационного развития все их решить не представляется возможным. Поэтому сначала определяются приоритеты, выделяются важнейшие, требующие немедленного решения, задачи, а менее важные и дополнительные прорабатываются в последующих сессиях. Диагностика по завершении конкретной сессии организационного развития может выявить изменение степени важности решения последующих и появление новых задач.

Для многих действующих руководителей и собственников перечисленные требования представляются недостижимыми, взаимоисключающими, парадоксальными. Однако, если компания не является стабильным монополистом, если она подотчетна акционерам, вынуждена подчиняться периодически меняющемуся законодательству и зависит от технологического прогресса, то просто нет альтернативы необходимости сделать ее адаптирующейся, саморазвивающейся организацией, в том числе посредством использования современных апробированных профессионалами психо- и социотехнологий.

Авторитаризм и совместное творчество: возможности и ограничения**Козлова Мария Павловна**

студентка

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: yes-day@mail.ru

Совместное творчество как вид совместной деятельности пронизывает сферы практики, где от команды требуется высокая степень активности, гибкости и транспрофессионализма. Совместное творчество предполагает поддержку и развитие любой идеи, результат совместного творчества – создание уникального, нового продукта, невозможного в рамках существующих правил и технологий (Базаров, 2006)⁴². Продуктом совместно-творческой деятельности может быть уникальное событие, сравнимое с матчем в футболе, действием в театре, совместной импровизацией в джазе, операциях в спецназе, деятельности проектных команд и т.д.

Среди видов совместного творчества можно выделить спонтанную и спланированную импровизацию. Условиями спонтанной импровизации являются готовность команды к риску, доверие членов команды друг к другу, «минимальная структура» – необходимый минимум правил совместной деятельности, домашних заготовок и общеизвестных клише, на которые участники команды могут опереться при развертывании импровизации. Помимо перечисленных условий основной характеристикой спланированной импровизации можно считать наличие этапа предварительного сценирования совместного будущего. Именно на этом этапе, на наш взгляд, происходит сценирование множества возможных вариантов совместных действий. Таким образом, «минимальная структура» в спланированной импровизации включает как навыки и умения каждого из участников, так и *этап* совместного сценирования будущего.

При совместном творчестве от членов команды требуются совершенно особые качества и тип поведения: работа в разных ролевых и профессиональных позициях, ориентация не только на собственное профессиональное развитие, но и на развитие всех членов команды при соблюдении равенства статусов всех участников совместной деятельности. Следует отметить, что согласно имеющимся в современной литературе данным, отмеченные характеристики и ценности совместно-творческой команды в значительной степени противоречат таким чертам авторитарной личности как конвенционализм и конформизм, подчинение лидеру и авторитетам, нетерпимость по отношению к индивидам, отклоняющимся от норм группы.

Именно поэтому представляется интересным найти ответы на следующие вопросы: «Является ли авторитаризм личности барьером для совместного творчества? Существуют ли условия и факторы, повышающие эффективность совместного творчества для авторитарной личности?». Ответам на эти вопросы было посвящено специальное эмпирическое исследование, в ходе которого проверялась гипотеза о взаимосвязи уровня авторитаризма и эффективности совместного творчества в двух ситуациях – спонтанная и спланированная импровизация. *Эффективность совместного творчества* оценивалась по основным критериям, основанным на критериях Ekvall's климата креативности (Dimensions Climate Creativity)⁴³: вовлеченность, свобода в выражении идей, доверие/открытость, время идеи, юмор, конфликтность, разнообразие идей и точек зрения, готовность к риску в команде. Для оценки уровня авторитаризма использовалась шкала авторитаризма правого толка Б. Альтемейера (RWA), переведенная и адаптированная на русский язык (Дьяконова, 2001)⁴⁴.

---

⁴² Т.Ю. Базаров, Б.Л. Еремин Управление персоналом, М: ЮНИТИ, 2006.

⁴³ Ekvall, G., Arvoen&Waldenstrom, I. (1983) Creativity organizational climate: Construction and validation measure instrument

⁴⁴ Дьяконова Н. А. Особенности авторитаризма и его взаимосвязь с ценностными ориентациями и локусом контроля у российских и американских студентов : Дис. канд. психол. наук М., 2001

Гипотезы исследования. Гипотеза 1 В условии спонтанной импровизации группы, состоящие из низко авторитарных индивидов («высоко авторитарные команды») более эффективны по сравнению с группами, состоящими из высоко авторитарных индивидов («низко авторитарные команды»). *Гипотеза 2* Высоко авторитарные испытуемые более эффективны в ситуации спланированной импровизации, чем при условии спонтанной импровизации.

Кроме того, в исследовании проверялись дополнительные гипотезы о влиянии условия навязанных групповых ролей и дополнительных экспериментальных эффектов взаимодействия экспериментальных условий и состава групп.

Процедура. Для проверки гипотез были проведены серии экспериментов.

По результатам методики авторитаризма испытуемые предварительно были разделены на две группы – «низко авторитарные» и «высоко авторитарные» команды. Независимой переменной в эксперименте выступали три условия совместного творчества: условие спонтанной импровизации (совместное решение творческой задачи), навязанных ролей (совместное решение творческой задачи в рамках ролей), спланированной импровизации (совместное решение творческой задачи с предварительным обсуждением групповых правил и ролей). Таким образом, как высоко авторитарные команды, так и низко авторитарные команды проходили через три экспериментальных процедуры.

Результаты В результате проведенного эксперимента оцениваемой уровень эффективности совместного творчества в низко авторитарных командах был выше, чем в высоко авторитарных командах по перечисленным выше критериям эффективности совместного творчества. Значимые различия наблюдались по критериям доверия, юмора и разнообразия идей в команде ($p < 0,05$, тест Манна-Уитни) и по общей результирующей оценок эффективности совместного творчества.

При спланированной импровизации в высоко авторитарных командах эффективность совместного творчества по сравнению с условием спонтанной импровизации возросла по всем критериям. Значимо возросли оценки по критериям готовность к риску, разнообразие идей, юмор ($p < 0,05$, тест Манна-Уитни). Кроме того, при условии «спланированной импровизации» отсутствовали значимые различия между группами низко и высоко авторитарных индивидуумов, кроме случаев, где, наоборот, у высоко авторитарных команд наблюдалась более высокая эффективность совместного творчества по сравнению с низко авторитарными группами (по критериям – разнообразие идей в команде, готовность к риску, вовлеченность).

По результатам исследования можно зафиксировать, что эффективность совместного творчества действительно ниже в высоко авторитарных группах. Однако не всегда авторитаризм личности является препятствием для совместного творчества. Сценирование вариантов совместного будущего существенно снижает степень неопределенности для авторитарных членов группы (или авторитарных групп) и одновременно выступает в качестве фактора, способствующего повышению эффективности совместного творчества.

Некоторые особенности исследования взаимоотношений в системе «менеджер-клиент» в сфере продажи банковских услуг

Мясищева Юлия Николаевна⁴⁵

аспирантка

Белгородский государственный университет, Белгород, Россия

E-mail: mysis@yandex.ru

Для многих организаций, в том числе банков, в которых приоритетным направлением организационной политики является использование клиентцентрированного подхода в организации обслуживания клиентов, индивидуальные характеристики, профессиональные и деловые качества менеджера, непосредственно занимающегося обслуживанием клиентов, являются определяющими в возникновении и нейтрализации кон-

---

⁴⁵ Автор выражает признательность к.психол.н. Тарабаевой В.Б. за помощь в подготовке тезисов.

фликтных ситуаций, увеличении или снижении уровня продаж, установлении долгосрочных отношений между банком и клиентом.

Любое межличностное взаимодействие всегда несет в себе потенциальную возможность возникновения конфликта. А.Я. Анцупов, С.Л. Прошанов (1997) отмечают, что возникновение конфликта в организации, поведение в конфликтной ситуации определяются социально-психологическими, организационными, объективными и личностными факторами. Важной характеристикой общения менеджера и клиента является восприятие менеджера как представителя конкретной организации. Поэтому возникающие противоречия также могут быть обусловлены непринятием клиентом норм, требований, порядка, т.е. элементов организационной культуры. Таким образом, задействованы механизмы восприятия личностью организации как целой группы. Данный тип восприятия основывается на межгрупповом сравнении: восприятии организации как некоторой целостности; видении различий между «своей» организацией, т.е. той к которой себя относят, и другой; оценочных характеристиках межгруппового сравнения (Андреева, 1999).

С другой стороны менеджер выступает как представитель определенного трудового коллектива. Поэтому противоречия и возникающие конфликтные ситуации могут быть обусловлены системой межличностных отношений в коллективе, социально-психологическим климатом, особенностями межличностных отношений в организационной структуре.

По мнению И.В. Грошева, подобные факторы, влияя на субъективную реальность, в частности на определение ситуации как конфликтной, на привычный способ поведения в конфликтной ситуации, степень внутренней конфликтности, индивидуальный порог эмоциональной сензитивности – толерантности к воздействию фрустраторов создают условия для возникновения реального конфликта. (Грошев, 2005) Нельзя не отметить тот факт, что банковские услуги относятся к разряду высокотехнологичных, предполагающих тщательный отбор клиентом продавцов, сложные переговоры перед принятием решения о покупке и дальнейшее общение клиента и продавца. Поэтому актуальным является вопрос о профессиональных требованиях, предъявляемых к кандидатам на должность менеджера непосредственно работающего с клиентами.

Анализ литературы по конфликтологии показал, что исследованию межличностных конфликтов посвящено большое количество работ, но формы разногласий, противоречий и возможных конфликтов в рамках делового общения менеджера и клиента исследованы недостаточно полно. Основной акцент в исследованиях делается на особенности делового общения внутри организации, на исследование того или иного фактора вызывающего конфликт в организации: либо личностной составляющей конфликта, либо организационной или социально-психологической (Соколов, 2003).

Комплексный, системный подход к исследованию взаимоотношений в системе «клиент-менеджер» позволит выявить возможные причины конфликтов и противоречий в сфере продажи банковских услуг, а так же позволит разработать систему управления конфликтами, основанную на квалифицированном подборе и обучении персонала, что является целью наших дальнейших исследований.

Гендерные установки в воинских коллективах (на примере вузов ФСБ России)

Овчинникова Виктория Владимировна

адъюнкт

Голицынский пограничный институт ФСБ России, Голицыно, Россия

E-mail: gvifps@oues.ru

В последнее десятилетие, начиная с середины 90-х годов, в силу влияния социально-экономических и иных факторов наиболее отчетливо обозначилась тенденция освоения женщинами военных специальностей. Если до 1985 года доля военнослужащих-женщин в нашей стране не превышала 0,5%, то за последующие 10 лет она увеличилась в 10 раз. В Пограничных войсках ФСБ России количество военнослужащих-женщин превысило 12 тысяч. Из них 625 офицеров (5,2%) и 5480 прапорщиков (45,7%)[1]. Иными словами, процесс феминизации Пограничной службы произошел динамично, однако,

адекватных изменений в общественном сознании, связанных с коррекцией взглядов на роль женщины в военной организации не произошло. Данное обстоятельство является одной из психологических предпосылок возникновения напряженности во взаимоотношениях в гетерогенных воинских коллективах.

Проведенные исследования в армиях зарубежных стран, перешедших на смешанный тип комплектования воинских коллективов значительно раньше, чем в России, позволяют прогнозировать сходные процессы формирования гендерных установок в военно-профессиональной среде и их влияние на взаимоотношения в коллективе. Так, в исследовании, проведенном Дж. Адамсом в Военной академии США, военнослужащие-мужчины и военнослужащие-женщины в зависимости от гендерных установок были разделены на представителей эгалитарных и традиционных взглядов. Военнослужащие-женщины в большинстве своем придерживались эгалитарных гендерных установок, военнослужащие-мужчины примерно в равной степени придерживались как традиционных, так и эгалитарных гендерных установок, однако, военнослужащие-мужчины с традиционными гендерными установками более стереотипно воспринимали военнослужащих-женщин [2].

Применительно к данному исследованию под гендерной установкой понимается представление о возможностях военнослужащих-женщин осуществлять профессиональную роль, и, сформированное на этой основе позитивное или негативное отношение к присутствию их в воинском коллективе.

Гипотезы исследования: 1. Военнослужащие-женщины с эгалитарными гендерными установками более маскулинны, чем военнослужащие-женщины с традиционными гендерными установками. 2. Военнослужащие-мужчины с эгалитарными гендерными установками более феминны, чем военнослужащие-мужчины с традиционными гендерными установками.

Методики исследования: модифицированная методика В.Ф.Петренко и методика диагностики феминности-маскулинности С. Бем. Выборку составили 133 военнослужащих Голицынского пограничного института ФСБ России, среди них 98 мужчин (из них: 97 – офицеров и 1 прапорщик) и 35 женщин (из них: 10 – офицеров и 25 – прапорщиков).

По результатам исследования все испытуемые в зависимости от гендерных установок были поделены на три основных типа (см. рис. 1 и 2). Опишем характерные черты выделенных типов: эгалитарный положительный – воспринимает женщин-военнослужащих как полноправных сотрудников, имеет положительное отношение к присутствию женщин-военнослужащих в воинском коллективе; традиционный положительный – роль и место женщин видит, прежде всего, в семье, либо является противниками службы женщин в армии, либо допускает службу женщин только на должностях не связанных с руководством, однако, в целом, доволен тем, что женщины присутствуют в коллективе, так как это повышает их эмоциональное состояние; традиционный отрицательный – в отличие от 2 типа, имеет негативное эмоциональное отношение к женщинам-военнослужащим в коллективе. Потенциально возможных испытуемых эгалитарного отрицательного типа по результатам исследования не оказалось, поэтому данный тип исследован не был.

Рис. 1. Представленность трех типов в мужской выборке

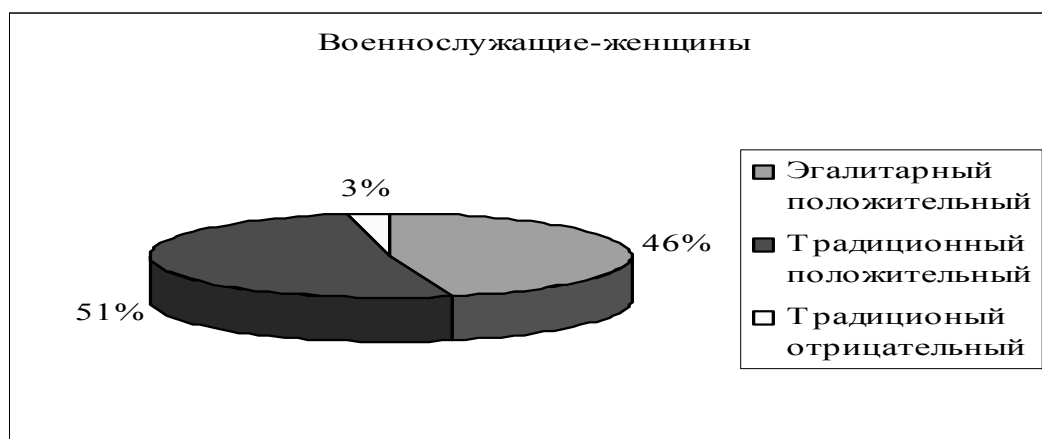

Рис. 2. Представленность трех типов в женской выборке

Корреляционный анализ с использованием коэффициента Пирсона позволил установить взаимосвязь между гендерными установками и гендерной идентичностью. Так, у военнослужащих-мужчин наблюдается отрицательная корреляция между результатами, полученными по в ходе использования модифицированной методики В.Ф.Петренко и результатами по опроснику С.Бем ($r_{xy} = -0,241$, $p = 0,05$), а у военнослужащих-женщин – положительная корреляция ($r_{xy} = 0,468$, $p = 0,01$). Следовательно, военнослужащие-мужчины с эгалитарным типом установки более феминны по сравнению с военнослужащими-мужчинами традиционного типа, тогда как у военнослужащих-женщин наблюдается обратная картина: военнослужащие-женщины с эгалитарными гендерными установками более маскулинны, а военнослужащие-женщины с традиционными гендерными установками более феминны.

Промежуточные результаты проведенного исследования позволяют утверждать, что военнослужащие-мужчины преимущественно придерживаются традиционных положительных установок на роль военнослужащих-женщин в военной организации, тогда как военнослужащие-женщины примерно одинаково придерживаются как эгалитарных, так и традиционных гендерных установок. Кроме того, существует значимая взаимосвязь между гендерными установками и гендерной идентичностью.

Изучение стрессоустойчивости и тревожности работников в инновационном процессе в организации

Парникова Дария Таммивна

студентка

*Якутский государственный университет им. М.К. Аммосова, Якутск, Республика Саха
(Якутия), Россия*

Проблема изучения психологических особенностей поведения личности в условиях инновационной деятельности той или организации является чрезвычайно актуальной на современном этапе. В данное время есть необходимость коренных изменений в организационных системах, требующих новых подходов и теорий. Результаты исследования проблемы организационного поведения в условиях инноваций могут быть использованы в любой системе, связанной с межличностными отношениями, позволят выработать его эффективные формы, направленные на достижение успеха.

Объект исследования: работники Якутского научного центра СО РАН и Сельскохозяйственного промышленного предприятия «Эрэл».

Предмет исследования: уровень стрессоустойчивости и тревожности, связанный с инновационным процессом в организации.

Цель исследования: изучить и выявить уровень стрессоустойчивости и тревожности у работников организации, где внедрены инновации и у работников, где не внедрены инновации.

Гипотеза: Существуют различия в уровне стрессоустойчивости и тревожности между работниками организаций, где внедрены инновации и где не внедрены инновации.

Методики:

1. Тест для оценки мотивационной направленности личности Куля, предназначенный для выявления общей мотивационной направленности человека в различных жизненных ситуациях и прогнозирования эффективности поведенческих стратегий в ситуациях успеха, неуспеха и планировании деятельности. Тест имеет три шкалы – контроля за деятельностью в ситуации неуспеха (КДН), контроля за деятельностью при успехе (КДУ) и контроля за деятельностью при планировании (КДП). К каждой из них относятся 20 утверждений, имеющих общую часть.

2. Тест на стрессоустойчивость. Данный тест на оценку стрессоустойчивости был разработан ученым-психологом Медицинского центра Университета Бостона. Тест состоит из 20 утверждений.

3. Шкала реактивной (ситуативной) и личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера – Ю.Л. Ханина Шкала самооценки состоит из 2-х частей, отдельно оценивающих реактивную (РТ) и личностную (ЛТ) тревожность.

Данное исследование – лонгитюдное. В прошлом году нами была изучена психологическая готовность к инновационным процессам. Готовность к инновациям, как обобщенная, так и конкретная связана с общепсихическими свойствами и непосредственно на нее влияет психические состояния медработников.

Психологическая готовность к инновациям является целостным образованием с относительно неустойчивыми ее составляющими: обобщенная инновационная диспозиция, оценочные характеристики отношения к нововведениям по сферам жизнедеятельности, конкретные инновационные установки.

Итак, поставленная в ходе исследования, гипотеза, не подтвердилась: нет различий в уровне стрессоустойчивости и тревожности между работниками организаций, где внедрены инновации и где не внедрены инновации. Эта проблема требует дальнейшей разработки.

Таким образом, можно сказать, что у работников ЯНЦ СО РАН при КДН и КДУ проявляется акциональная ориентация, то есть они лучше справляются с заданиями в стрессогенных условиях (при индуцировании неуспеха), чем ситуативно ориентированные, также они оптимально принимают решения, при этом руководствуются правилом экономии. И при неуспехе работоспособность АО-испытуемых остается на прежнем уровне, у них отсутствует симптом беспомощности. А при КДП проявляется ситуационная ориентация.

У 28 работников ЯНЦ СО РАН уровень стрессоустойчивости средний. Составляет 93 %. Это говорит о том, что у них хорошая устойчивость к стрессовым ситуациям и воздействию стресса на организм. А на 7 % стрессовые ситуации оказывают немалое влияние и они не очень сильно сопротивляются стрессам.

У работников СХПК «Эрэл» средний уровень стрессоустойчивости составляет 90 %. Это тоже говорит о том, что у них хорошая устойчивость к стрессовым ситуациям. И 10 % не очень сильно сопротивляются стрессам, т.е. стрессовые ситуации оказывают немалое влияние.

В группе испытуемых преобладает низкая реактивная тревожность и высокая личностная тревожность. Низкая реактивная тревожность требует повышения внимания к мотивам деятельности и повышение чувства ответственности. Высокая личностная тревожность предполагает склонность к появлению состояния тревоги у человека в ситуациях оценки его компетентности.

Особенности стилей поведения руководителей предприятия в зависимости от уровня развития эмпатических способностей

Попова Ольга Ивановна

студентка

Якутский государственный университет им. М.К. Аммосова, Якутск, Республика Саха (Якутия), Россия

В современном мире происходят множество изменений в политической и экономической жизни общества. Эти изменения открыли перспективу в деловой сфере. Предпринима-

тельство и управление организациями в новых условиях требуют огромного числа определенных руководителей. Многоаспектный характер представленности руководства позволяет заложить основу адекватного отражения сложной структуры управления человеческой группой. Такие требования вызывают интерес к изучению этой проблемы.

Цель курсовой работы: исследовать особенности стили управления руководителей предприятия в зависимости от уровня развития эмпатических способностей.

Предметом изучения является: взаимосвязь стилей управления (индивидуально-типические особенности целостной, относительно устойчивой системы приоритетов, а также способов, методов, приемов управленческого взаимодействия в структуре реализации функций управления) и эмпатии (эмоциональное сопереживание другому человеку).

Гипотеза исследования: стили управления зависят от уровня развития эмпатических способностей.

Объектом исследования выступили руководители предприятия г.Якутска (в том числе 15 мужчин, 15 женщин в возрасте от 27 до 68 лет), которые представляют средний управленческий состав.

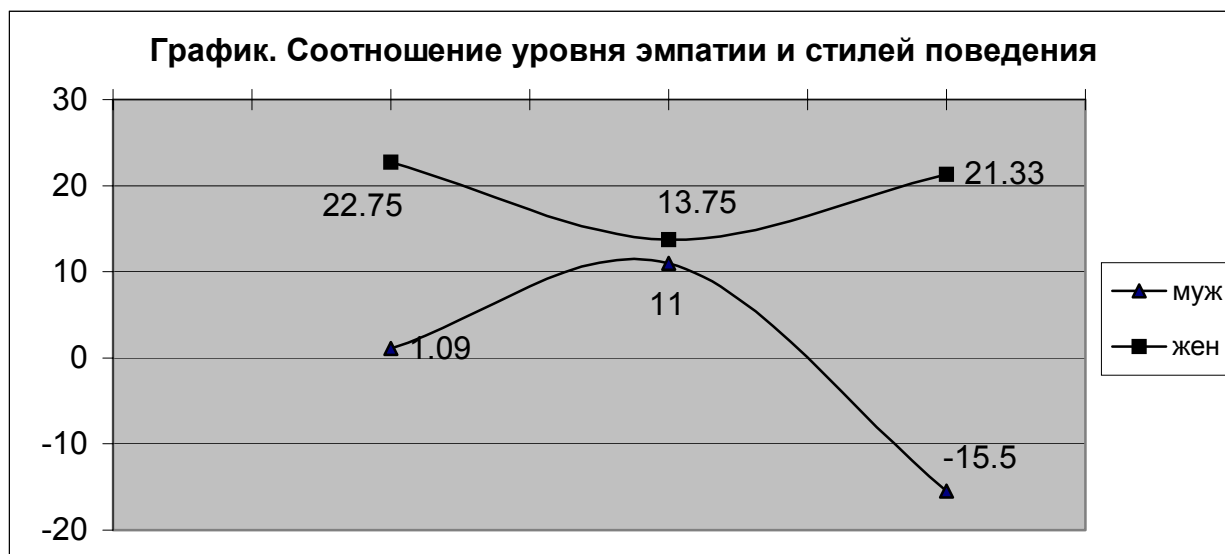
В исследовании были использованы 2 методики: методика Меграбяна по изучению эмпатии (заключается в количественном измерении эмпатии) и методика «стиль поведения» Р. Блейка и Дж. Маутона (выделяются 7 стилей поведения по степени заинтересованности в работе и по заинтересованности в взаимодействии с другими людьми).

После исследования были выявлены:

1. Что для руководителей предприятия характерны такие стили поведения ориентированные на отношение, так и на работу.

2. Существуют различия в эмпатических способностях по гендерным различиям: у женщин более развиты, чем у мужчин.

3. Существует зависимость между эмпатией и стилями поведения у руководителей,

т.е. определенные стили поведения руководителей требуют определенного уровня развития эмпатических способностей:

Стиль	Мужчины	Женщины
Стиль, характеризующийся максимальным использованием ресурсов состава, результативностью, доверием, уважением, объективностью и т.д.	Низкий уровень развития (1,09)	Высокий уровень развития (22,75)
Стиль «патернализм». Характеризуется сочетанием руководства и контроля с поощрением за подчинение (авторитетность + хорошие отношения)	Не наблюдается (-15,5)	Высокий уровень развития (21,33)
Стиль, ориентированный на средний результат и на хорошие отношения	Средний уровень развития (11)	Средний уровень развития (13,75)

Таким образом, выявленная тенденция к развитию, позволяет сделать вывод о том, что стили управления зависят от уровня развития эмпатических способностей.

Аспекты исследования профессиональной психологической пригодности кандидатов в военнослужащие, поступающих на военную службу по контракту

*Хазова Галина Сергеевна*⁴⁶

студентка

Астраханская государственная медицинская академия Росздрава, Астрахань, Россия

E-mail: glo86@rambler.ru

В настоящее время, во время перехода Вооруженных Сил РФ на новый принцип комплектования военнослужащими по контракту, становятся актуальными исследования, направленные на изучение профессиональной психологической пригодности кандидатов в военнослужащие, поступающих на военную службу по контракту. Мероприятия по профессиональному психологическому отбору граждан, поступающих на военную службу по контракту, проводятся в целях определения их профессиональной пригодности к военной службе на конкретных воинских должностях, установленных психологической классификацией, замещаемых сержантами, старшинами, солдатами и матросами. Данная классификация приведена в Руководстве по профессиональному психологическому отбору в Вооруженных Силах Российской Федерации, введенном в действие приказом Министра обороны РФ от 2000 г. №50.

Цель нашей работы – оценить уровень профессиональной психологической пригодности кандидатов в военнослужащие, поступающих на военную службу по контракту.

Исследование проводилось на базе временного учебного центра 42 гвардейской мотострелковой дивизии, дислоцирующейся в Чеченской Республике. Нами анализировались результаты, характеризующие нервно-психическую устойчивость (НПУ) кандидатов в военнослужащие. Установлено, что для изучения НПУ психологами центра использовался многоуровневый личностный опросник «Адаптивность». Данная методика включает в себя 165 вопросов и оценивает способность тестируемого к социально-психологической адаптации.

Эффективность адаптации в значительной степени зависит от того, насколько адекватно индивид воспринимает себя и свои социальные связи, точно соизмеряет свои потребности с имеющимися возможностями и осознает мотивы. Например, искаженное или недостаточно развитое представление о себе ведет к нарушению адаптации, что может привести к повышенной конфликтности, снижению работоспособности, антисоциальным поступкам, срыву профессиональной деятельности. Поэтому определение уровня НПУ кандидатов в военнослужащие является важной составляющей определения их профессиональной психологической пригодности к военной службе.

При оценке возрастного состава кандидатов в военнослужащие была выявлена следующая картина. Более половины опрошенных составляла группа лиц в возрасте от 20 до 25 лет, около четверти – от 25 до 30 лет. Одинаковое количество, по 9,3% от числа всех кандидатов, было в возрасте от 18 до 20 и от 30 до 35 лет. Более 4% были лица старше тридцатипятилетнего возраста.

Используемая в исследовании методика позволяет разделить анкетируемых военнослужащих на следующие группы по уровню НПУ:

Первая категория – военнослужащие, рекомендуемые в первую очередь. НПУ составляет 8–10 баллов.

Вторая категория – военнослужащие, рекомендуемые во вторую очередь. НПУ у этой категории – 5–7 баллов.

Третья категория – военнослужащие, рекомендуемые условно, с НПУ – 3–5 баллов.

---

⁴⁶ Автор выражает признательность майору медицинской службы Крупнову П.А. за помощь в подготовке тезисов.

Четвертая категория – военнослужащие, не рекомендуемые для военной службы. НПУ у этой категории ниже 3-х баллов.

К признакам нервно-психической неустойчивости относятся: преобладание подавленного или беспричинно приподнятого настроения, частые резкие колебания настроения, многочисленные жалобы на состояние здоровья, расстройства сна, частые головные боли, обмороки, повышенная раздражительность, вспыльчивость, навязчивые неприятные мысли, сомнения, тревоги.

По результатам опроса кандидатов в военнослужащие к первой категории профессиональной психологической пригодности относилось 73,1% респондентов, ко второй – 25,3% и к третьей – 1,6%, что свидетельствует о высокой степени профессиональной психологической пригодности кандидатов.

Представляет интерес изучение зависимости уровня НПУ от возраста кандидатов в военнослужащие, поступающих на военную службу по контракту.

При анализе зависимости уровня НПУ от возраста опрошенных военнослужащих были получены следующие результаты. Так, доля лиц, относящихся к первой категории, достоверно выше среди 18–20-летних и 35–40-летних (82,1% и 83% соответственно). Тогда как доля этой категории в других возрастных группах существенно не изменяется и в среднем составляет 73,4%. Отмечается достоверно большее количество кандидатов, относящихся ко второй категории НПУ в группе 25–30 лет. В группах 18–20 и 35–40-летних количество лиц данной категории составило в среднем по 17%. Наибольшая доля лиц третьей категории была выявлена в группе от 20 до 30 лет, тогда как в группе от 18 до 20 и от 30 до 40 лет кандидатов, относящихся к данной категории, не выявлено.

Полученные данные свидетельствуют о наличии зависимости НПУ от возраста кандидатов в военнослужащие, поступающих на военную службу по контракту. Это может быть объяснено целым рядом факторов, таких как образовательный уровень, наличие жизненного опыта, профессиональных навыков и т.д. Следует отметить, что у самых молодых кандидатов жизненный опыт не велик, и они во многом способны легче воспринимать жизнь и адаптироваться к переменам, а для самых старших возрастных групп более характерно накопление опыта и навыков, что позволяет им с пониманием относиться к жизни, что и объясняет их высокий уровень НПУ.

Проведенный анализ НПУ кандидатов в военнослужащие, поступающих на военную службу по контракту позволил выявить некоторые особенности распределения их по уровням НПУ, что является актуальным при определении профессиональной пригодности кандидатов к военной службе на конкретных воинских должностях, разработке комплекса мероприятий по обеспечению благоприятного психологического микроклимата для военнослужащих, формирования высокопрофессиональной армии. Выявление индивидуальных личностных характеристик кандидатов делает возможным создание более гибкой и доступной системы обучения военнослужащих, что, по-нашему мнению, значительно повысит его качество и эффективность и положительно отразится на развитии Вооруженных Сил Российской Федерации.

Стили общения космонавтов и Центров управления полётами

Юсупова Анна Камилловна

аспирант

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Введение.

Для получения информации о состоянии людей в космосе в настоящее время используются методы, разработанные в ГНЦ ИМБП (Институт Медико-Биологических Проблем) – подсчёт времени, потраченного на переговоры по рабочей и нерабочей тематике, а также шкалирование по ряду показателей, проводящееся на основании субъективной оценки психологом наличного состояния каждого члена экипажа. Основное внимание всегда уделялось медицинским показателям [1].

Мы продолжаем линию исследований ИМБП по долговременному анализу переговоров космонавтов с наземным персоналом и используем метод контент-анализа для получения данных о специфике употребления высказываний каждым из членов экипажа.

Методика.

Апробация методики контент-анализа предполагала фиксирование времени переговоров на рабочие и нерабочие темы в секундах. Также мы подсчитывали количество употреблений высказываний, объединённых нами в три группы соответственно функциям общения по Б.Ф. Ломову [2]: 1) информационно-коммуникативная функция, 2) регуляционно-коммуникативная функция, 3) аффективно-коммуникативная функция. Кроме того, мы подсчитывали упоминания по имени и употребление местоимений “Я”, “Мы” (отдельно об экипаже и Центрах управления полётами (ЦУП)), “Они” (отдельно об экипаже и ЦУП).

После отработки таблицы на экспериментальном материале [3] методика использовалась в ходе трёх экспедиций Международной космической станции (МКС). Таким образом, мы получили возможность сопоставить стили общения космонавтов с Центрами управления полётами.

Результаты.

Долговременный анализ большого объема данных коммуникации нескольких экипажей МКС с ЦУП позволил нам выявить типовые коммуникативные стили космонавтов. Стиль речевого поведения мы предлагаем рассматривать, прежде всего, через соотношение в общении выделенных Б.Ф. Ломовым функций.

Наиболее характерной чертой первого из выявленных нами стилей является доминирование в общении социально-регуляционной компоненты, проявляемое в большом количестве рациональных согласий с мнением ЦУП. Преимуществом этого стиля является эмоциональное спокойствие, неконфликтность переговоров, отсутствие стрессогенности общения. В то же время, согласие между коммуникантами зачастую носят формальный характер, и при крайнем проявлении данного стиля за иллюзией полного согласия могут скрываться реальные проблемы, замалчивание которых может привести к возникновению экстренных ситуаций.

Для второго из выявленных стилей общения членов экипажей с ЦУП было типичным преобладание аффективной компоненты общения негативного характера. При данном стиле происходит выход коммуникантов за рамки рабочего обмена фактами, идет накопление личных обид и претензии, мешающих профессиональной деятельности. В результате отмечается рост времени, затрачиваемого на решения операциональных проблем.

Для третьего стиля общения было характерно явное доминирование информационно-коммуникативной функции, баланс аффективно-коммуникативной и регуляционно-коммуникативной функций при общей позитивной эмоциональной окраске общения, которое в данном случае сводится к конструктивным, доброжелательным ответам на поставленные вопросы и твёрдостью в решении возникающих проблем. В результате не возникает недопонимания, мало уточняющих данные высказываний. Стиль речевого поведения, проявленный в третьей экспедиции, представляется нам наиболее подходящим для формирования конструктивного взаимодействия между космонавтом и ЦУП.

Все полученные результаты рассматриваются нами как предварительные. Для получения статистически обоснованных данных необходимы продолжение исследований и сбор дополнительных данных.

Исследование было проведено при поддержке гранта РГНФ №05-06-06198а, а также контракта №02.467.11.3005 от 11.04.2005 г.

ПОДСЕКЦИЯ «ПСИХОЛОГИЯ СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ»**Тревога, тревожность, страх****Бахчеева Эмилия Петровна***старший преподаватель**Санкт-Петербургская акмеологическая академия, Санкт-Петербург, Россия**E-mail: emilia-b35@yandex.ru***Ватолина Юлия Владимировна***доцент, к. с. н.**Санкт-Петербургский институт управления и права, Санкт-Петербург, Россия*

Тревожность представляет собой проблему, довольно давно и широко исследуемую как отечественными, так и зарубежными авторами (напр., 1,5,6). Обращают на себя внимание некоторые особенности, характерные для описаний этого явления. К ним относится, в частности, обозначение термином «тревожность» разных феноменов психики. Другой специфической чертой тревожности в качестве предмета психологического исследования можно считать ее соположение как особого эмоционального переживания с другой эмоцией – страхом. Кроме того, до конца не выясненным в психологической науке остается вопрос о месте тревожности в структуре личности и ее роли в жизни человека, также как и связанная с этим проблема коррекции повышенного уровня тревожности. Прежде всего, предстоит прояснить смысл термина «тревожность», то, какова природа тревожности (в отличие от страха), и какую роль она (тревожность) играет в психической жизни человека.

Термин «тревожность» в научно-психологическом дискурсе, как правило, используют в двух основных значениях: для описания неприятного по своей эмоциональной окраске состояния, которое характеризуется субъективными ощущениями напряжения, беспокойства, угрозы, трагичных предчувствий, и для обозначения личностного свойства – показателя склонности к переживанию описанного состояния. Состояния психики и устойчивые свойства, содержательно соответствующие им, в русском языке не всегда можно «развести» на уровне понятий: таковы, например, уверенность, сосредоточенность, расслабленность и т. п. Вместе с тем, именно для обозначения состояния, характеризующегося переживанием надвигающейся опасности, угрозы, существует вполне адекватный термин «тревога», также как индивидуальную предрасположенность человека испытывать состояние тревоги можно определить как «тревожность». Терминологическая путаница по вопросу тревожности, по всей видимости, связана с переводом на русский язык авторских концептов некоторых зарубежных исследователей: «невротическая тревога» К. Хорни – склонность невротической личности к переживанию как угрожающих ситуаций, объективно не несущих опасности (характеристика личности) (6) и «ситуативная тревожность» Спилбергера – психическое состояние, внутренняя реакция на угрозу (5).

Остановимся на тревоге как этимологически более раннем обозначении эмоциональных явлений описываемого ряда. Тревога как психическое состояние – это «целостная характеристика психической деятельности за определенный период времени, показывающая своеобразие протекания психических процессов в зависимости от отражаемых предметов и явлений действительности, предшествующего состояния и психических свойств личности» (Н.Д. Левитов). Спецификой тревоги как состояния принято считать именно неприятное эмоциональное переживание беспокойства, дискомфорта, обусловленное восприятием ситуации как угрожающей. Опираясь на положение П. В. Симонова (4) о том, что «эмоция есть отражение мозгом человека и животных какой-либо актуальной потребности (ее качества и величины) и вероятности (возможности) ее удовлетворения, которую мозг оценивает на основе генетического и ранее приобретен-

ного индивидуального опыта», тревога может рассматриваться как невозможность удовлетворения потребности в безопасности.

Тревога не принадлежит к числу первичных эмоций; по мнению К. Изарда, она относится к разряду комплексных эмоциональных состояний и складывается из соединения фундаментальных эмоций – страха, гнева, вины, интереса (2). Такое представление о тревоге позволяет дифференцировать отдельные виды тревоги и тревожности в зависимости от преобладающего компонента и ситуаций, ее вызывающих. В частности, тревога перед экзаменом акцентирует компоненты вины и страха; тревога исследователя-первооткрывателя – интереса и страха и т.д.

Осуществляя попытки различения понятий тревоги и страха, большинство исследователей базируются на критерии, введенном К. Ясперсом: тревога ощущается индивидуумом вне связи с каким-либо конкретным стимулом («свободно плавающая тревога»), тогда как страх связан с совершенно определенным раздражителем. Удачной иллюстрацией этого различия может служить пример, приводимый К.Хорни: если мать боится смерти собственного ребенка, обнаружив у него прыщик или повышение температуры – это проявление тревоги, тогда как беспокойство, вызванное серьезным заболеванием – уже проявление страха. Позднее К.Хорни вносит более тонкий различительный признак для тревоги и страха, а именно, субъективность / объективность переживаемой угрозы: страх соотносится с «очевидной» и «объективной» опасностью; переживание тревоги, будучи в той же степени адекватным ситуации, возникает в случае наличия субъективной угрозы (6). Следовательно, в качестве специфических черт тревоги, позволяющих дифференцировать ее от страха, можно обозначить неопределенность переживаемой угрозы, ее непропорциональность наличной опасности, а также присутствие субъективной личностной оценки значимости «тревожащей» ситуации.

Ф. Б. Березин, осуществляя поиск различий между тревогой, страхом и их патологическими проявлениями, предполагает, что проявления тревоги закономерно изменяются в зависимости от интенсивности и особенностей формирования, и феноменологические различия между тревогой и страхом, между нормальной и патологической тревогой могут быть выражением этих изменений. Такое предположение позволило сформулировать гипотезу о существовании так называемого тревожного ряда (1), включающего следующие аффективные расстройства (по степени нарастания их интенсивности): ощущение внутренней напряженности; гиперестезические реакции; собственно тревога; страх; ощущение неотвратимости надвигающейся катастрофы; тревожно-боязливое возбуждение. Таким образом, тревога и страх представляют собой состояния, имеющие одинаковую природу, и относятся к одному классу психических явлений, названному Ф.Б. Березиным «расстройствами тревожного ряда»; при этом основным параметром отличия тревоги от страха является, по мнению данного автора, интенсивность воздействия ситуации, их вызывающей (1).

Если тревога проявляется в связи с ситуациями, не несущими потенциальной угрозы человеку или по отношению к широкому спектру стимулов, если частота и интенсивность тревоги неадекватно высоки, можно говорить о выраженности у данного субъекта тревожности как устойчивой индивидуальной характеристики. По мнению В.К. Вилюнаса, тревожность – один из основных параметров индивидуальных различий, который проявляется как «склонность индивида к переживанию тревоги» и характеризуется «низким порогом возникновения реакции тревоги» (2, с.68).

Литература

1. Березин Ф.Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека. Л., 1988.
2. Вилюнас В.К. Психология эмоциональных явлений. М., 1976.
3. Изард К. Эмоции человека. М., 1980.
4. Симонов П.В. Эмоциональный мозг. М., 1981.
5. Спилбергер Ч. Концептуальные и методологические проблемы тревоги // Стресс и тревога в спорте / Сост. Ю.Ханин. М., 1983.
6. Хорни К. Тревожность // Хорни К. Собр. соч. в 3 т. М., 1997. Т.2.

Ситуационные факторы копинг-поведения**Битюцкая Екатерина Владиславовна**

аспирантка

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия**E-mail: bityutskaya_ew@mail.ru*

Проблема копинг –поведения в современной психологии относится к интенсивно разрабатываемым. Однако некоторые ее аспекты остаются недостаточно хорошо изученными и спорными. Среди них – вопрос о детерминантах копинг –стратегий. Существует несколько подходов к его разрешению. Ряд ученых утверждает зависимость копинга от *ситуационного* контекста (С. Dweck, С. Wortman, J. Wellborn, J. Weisz). Другие исследователи (Р. Kosta, R. McCrae, Т.Л. Крюкова, Н.А. Сирота) подчеркивают ведущую роль *личностных* диспозиций, детерминирующих выбор индивидом тех или иных стратегий совладания.

Имеются попытки совместить эти 2 подхода. Например, интерактивная модель копинга рассматривает его как производную и от ситуационных характеристик, и от личностных диспозиций (Lazarus R., Folkman S., 1984). Согласно гипотезе В. Мишела (Mischel W., 1984) о «сильных и слабых ситуациях», «сильные» ситуации ограничивают способы действия человека, при этом главную роль играют ситуационные факторы. Личностные диспозиции имеют наибольшее влияние в «слабых» ситуациях, допускающих высокую вариативность поведения.

Особенно остро вопрос о детерминации копинга стоит при обсуждении проблемы адаптивности поведения. При этом, в западной психологии принято оценивать её в связи с ситуационными факторами: типом событий, их подконтрольностью человеку, степенью стрессогенности ситуации, уровнем её объективной трудности и др. (Lazarus R., Folkman S., Dweck C., Wortman C., Skinner E., Wellborn J., Weisz J., Dennig M.). В отечественной науке адаптивность совладающего поведения связывается с преобладанием активных стратегий, направленностью на преобразование ситуации и поиск социальной поддержки. Неконструктивными стратегиями считаются пассивные, защитные формы поведения, целью которых является самоуспокоение, уход от стрессогенных событий (А.В. Либин, А.В. Либина, Т.Л. Крюкова, Н.А. Сирота, В.М. Ялтонский, М.В. Сапорова и др.). При этом контекст ситуации не оговаривается.

Таким образом, ситуационные факторы, определяющие выбор копинг –стратегий, остаются недостаточно хорошо изученными в отечественной психологии. На наш взгляд, это в большой мере связано с неразработанностью методической базы. Поэтому целью нашего исследования стало изучение влияния типов ситуации на выбор стратегии совладания и создание методической базы, адекватной задачам работы.

В основном исследовании принимали участие студенты 2 – 5 курсов (25 мужского и 25 женского пола в возрасте от 18 до 22 лет).

На основании проведенных нами предварительных исследований были выявлены трудные жизненные ситуации и составлена их классификация. Классификация основывалась на критерии содержания событий и включала в себя несколько сфер: учебной и профессиональной деятельности, межличностных отношений, материальных обстоятельств, внутренних конфликтов и др. Для каждого типа событий был составлен перечень актуальных для студенческого возраста трудных ситуаций. Процедура эксперимента состояла в выборе из предложенного перечня по одной – актуальной для респондента – ситуации из каждой сферы и анализе частоты использования копинг-стратегий. Каждая ситуация анализировалась по отдельности. В качестве методики изучения копинг-стратегий использовался модифицированный и адаптированный нами на русской выборке тест Фолькман С., Лазаруса Р. Ways of Coping Questionnaire (1988).

Анализ полученных данных выявил особенности использования копинг-стратегий в зависимости от содержания ситуации. Так, при совладании с ситуациями учебной сферы значимо преобладают активные поведенческие и когнитивные стратегии: чаще всего респонденты концентрируют усилия на том, чтобы преодолеть ситуацию, обдумывают способы решения, используют социальные связи. Для решения ситуаций, связанных с

нехваткой времени и перегрузками, наряду с активными стратегиями («составлять план действий» и «предпринимать действия») используется отвлечение и самообвинение. Важно отметить, что для ситуаций данной сферы очень типичен так называемый «пассивный копинг».

Выявлены ситуации, в которых копинг-поведение существенно отличается в зависимости от половой принадлежности. Особенно сильно эта тенденция проявилась относительно ситуации напряженных взаимоотношений с противоположным полом. Так, юноши предпочтительнее используют риск, конфронтативное поведение, отвлечение, откладывание решения проблемы, самообвинение; девушки – фантазирование, положительную переоценку ситуации. Характерной для мужской части выборки стратегией (у девушек почти не используемой) является подавление собственных эмоций и самоконтроль. Специфичными для женской части выборки оказались стратегии, направленные на поиск эмоциональной поддержки и связанные с повышением внимания к своей внешности. Нужно отметить, что набор стратегий, используемых для преодоления ситуаций данной сферы, чрезвычайно широк и включает как активные, так и защитные формы поведения.

При анализе ситуаций материальных затруднений респонденты в большинстве указали на использование активных совладающих стратегий. Стратегия самоконтроля как предпочитаемая юношами в данном случае так же проявилась значимо. Для девушек более часто используемыми (чем для мужского пола) стали положительная переоценка и фантазирование.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что на выбор копинг – стратегий существенное влияние оказывает содержание ситуации.

Выбор стратегии поведения в критических жизненных ситуациях

Бородина Ольга Николаевна

студентка

Якутский государственный университет им. М.К. Аммосова, Якутск, Республика Саха (Якутия), Россия

Современные реалии привели к тому, что одним из основных условий выживания стало умение адаптироваться к быстро меняющимся условиям существования. В психологии это получило название критические жизненные ситуации. Критическая жизненная ситуация – это ситуация, в которой субъект сталкивается с невозможностью реализации внутренних потребностей в изменяющихся условиях.

Проблемой критических жизненных ситуаций занимался Ф. Василюк. Он выделил 4 типа критических ситуаций: стресс, фрустрация, кризис и конфликт. В данной работе мы рассмотрели ситуацию конфликта, а именно – какую стратегию поведения человек выбирает в этой ситуации.

Поведение человека в конфликтных ситуациях исследовали К. Томас и Р. Килменн. Они определили пять стратегий поведения в конфликтных ситуациях: сотрудничество, соперничество, компромисс, избегание и приспособление. Согласно проведенным исследованиям было установлено, что индивидуально-психологические особенности человека определяют выбор стратегии поведения в критических жизненных ситуациях (ситуациях конфликта).

Целью исследования явилось исследование стратегий поведения человека в критических жизненных ситуациях (ситуация конфликта).

Объектом выступили жители г. Якутска. Выборка составила 35 человек. Из них – 10 мужчин и 25 женщин, в возрасте от 20 до 45 лет. 10 студентов, 8 преподавателей, 7 милиционеров и 10 работников сферы услуг.

Гипотеза: на поведение человека в конфликтных ситуациях влияют индивидуально-психологические особенности (локус контроля).

1.1. Интерналы выбирают такой тип стратегии, как сотрудничество или приспособление.

1.2. Экстерналы выбирают такой тип стратегии, как компромисс или избегание.

Для решения поставленных задач были использованы методики:

1) Тест-опросник Дж. Роттера «Исследование уровня субъективного контроля (УСК)»;

2) Тест-опросник К. Томаса «Определение стратегии поведения в предконфликтных и конфликтных ситуациях».

Выявлено, что из 35 испытуемых у 19 преобладает интернальность, т.е. у испытуемых наблюдается внутренняя саморегуляция, при которой им свойственна тенденция приписывать причины большинства жизненных событий собственной личности; а у остальных 16 – экстернальность, т.е. – внешняя саморегуляция, при которой им свойственна тенденция перекладывать свою ответственность на других, а не на себя.

При выявлении стратегий поведения в конфликтных ситуациях, обнаружено, что наибольшее количество испытуемых – 16 человек, выбрали такую стратегию, как компромисс, 8 человек – сотрудничество, 7 человек – избегание, а наименьшее количество испытуемых – 4 человека, выбрали приспособление, стратегию соперничества не выбрал никто.

При рассмотрении влияния интернальности-экстернальности на выбор стратегии поведения в конфликтных ситуациях, подсчитывалась ранговая корреляция и сравнивалась с критическим значением выборочного коэффициента корреляции рангов. Таким образом, выяснилось, что гипотеза исследования (на поведение человека в критических жизненных ситуациях (ситуациях конфликта) влияют индивидуально-психологические особенности (локус контроля)) подтвердилась. А гипотезы о том, что интерналы выбирают стратегию сотрудничества или приспособления, а экстерналы – компромисс или избегание, подтвердились частично.

При обработке данных мы определили, что каждая из рассмотренных стратегий эффективна только в определённых условиях, и ни одна из них не может быть выделена как самая лучшая. Каждый человек должен уметь эффективно использовать любую из них, и сознательно делать тот или иной выбор, учитывая конкретные обстоятельства. Наилучший подход будет определяться конкретной ситуацией, а также индивидуально-психологическими особенностями конкретного партнёра по взаимодействию. Предпочитать одни стратегии другим – естественно, но жёсткое предпочтение может ограничить возможности человека. Таким образом, важно определить для себя свои приоритеты, а также возможные альтернативные варианты. Это позволит быть более свободным в выборе при столкновении с конкретными конфликтными ситуациями.

Восприятие жизненных ситуаций в зависимости от уровня эмоционального выгорания

Буракова Валентина Валентиновна

преподаватель

Зеленодольский филиал Института Экономики, управления и права, Зеленодольск, Республика Татарстан, Россия

Жизнь без стрессов невозможна. Каждый день мы сталкиваемся с тем или иным проявлением стрессовых ситуаций. С некоторыми из них нам удастся справиться без видимых потерь, другие надолго выбивают из седла, заставляя нас долго и мучительно переживать его последствия.

Эмоциональное выгорание — это синдром, развивающийся на фоне хронического стресса и ведущий к истощению эмоционально – энергических и личностных ресурсов работающего человека. Эмоциональное выгорание возникает в результате внутреннего накапливания отрицательных эмоций без соответствующей «разрядки» или «освобождения» от них. Опасность выгорания состоит в том, что это не кратковременный преходящий эпизод, а долговременный процесс «сгорания дотла». Выгорающий человек начинает испытывать чувство неуверенности в себе и неудовлетворенность личной жизнью.

Последствия синдрома выгорания могут проявлять себя в различных аспектах бытия человека. Негативные переживания людей с высокой степенью выгорания связаны с утратой смысла своей деятельности: отчаяние из-за отсутствия результата или равноду-

шения и непонимания окружающих ведут к обесцениванию стараний и усилий и потере смысла жизни. Подобные переживания бессмысленности существования, бессцельности всего происходящего окрашивают и определяют всю жизненную ситуацию человека, влияя на все аспекты бытия. В результате длительного пребывания в подобном состоянии негативных переживаний, человек утрачивает способность радоваться жизни, теряет все, или почти все, составлявшее для него смысл. «Выгорающий» человек теряет ощущение смысла жизни, способность к самореализации, личную перспективу.

Важно смотреть на человека с точки зрения реакции на важные жизненные события. Рассмотрим некоторые факторы, которые имеют отношение к восприятию жизненных событий.

Физическое здоровье: человеку легче принимать какие-либо решения, если его здоровье в порядке. Хорошее физическое состояние помогает ему справиться со стрессом, непредвиденными трудностями и утомлением.

Социальная поддержка: тому, кто окружен любовью и поддержкой своей семьи, часто легче справиться с трудностями, чем человеку одинокому или тому, чьи родные только усугубляют и без того трудную ситуацию.

Понимание событий: способность понять причины происходящих событий помогает человеку пережить неприятности. Эта способность зависит, частично, от уровня образования и жизненного опыта.

Предвидение жизненных событий и готовность к ним: важно уметь предвидеть исход событий и заранее подготовиться к предстоящим событиям. У тех, кто лишен такой способности, выбор более ограничен.

Личность человека: такие черты личности, как гибкость, открытость к новому опыту и способность быстро восстанавливать физические и душевные силы помогают человеку справиться с трудностями.

Обстоятельства жизни: люди, которые не впервые попадают в трудную ситуацию и на собственном опыте знают, что такое настоящие трудности, могут относиться к этому иначе, чем те, с кем раньше подобного не случилось.

В ходе проведенного нами исследования, мы попытались выяснить, как происходит восприятие жизненных ситуаций в зависимости от уровня эмоционального выгорания. Нами использовался тест – опросник уровня субъективного контроля (авторы Бажин Е.Ф., Голынкина Е.А., Эткинд А.М.) и методика «Эмоционального выгорания» В.В.Бойко. В зависимости от уровня эмоционального выгорания анализировались различные формы поведения в области достижений, неудач, в семейных отношениях, в производственных отношениях, в межличностных отношениях, в отношении здоровья и болезни. Было обнаружено, что на третьей фазе эмоционального выгорания – истощения – человек не способен отдавать отчет своим действиям. На стадии напряжения люди начинают агрессивно воспринимать окружающих, появляется тревожность, неудовлетворенность собой.

Необходимость донести до каждого человека информацию об опасности стрессов и синдрома выгорания определили появление в последнее время антистресс-тренингов, тренингов по управлению стрессовыми ситуациями, программ навыков саморегуляции и самопознания. Избежать синдрома выгорания можно, взяв под контроль стрессовую ситуацию и свое поведение в сложившейся сложной обстановке. Только то, что неподконтрольно, что происходит само по себе, влияя на нас, и нами не управляется, способно нанести сильнейший удар по нашему здоровью и психологическому состоянию, привести к непоправимым последствиям.

Влияние уровня стрессоустойчивости на процесс социально-психологической адаптации курсантов первого курса к учебной и служебной деятельности

Валентинов Михаил Юрьевич

курсант

Голицынский пограничный институт ФСБ России, Голицыно, Россия

E-mail: gvifps@jues.ru

Проведение в Российской Федерации преобразований, включающих реформирование Вооруженных сил и Пограничной службы, осуществляется в сложных социально-экономических, политико-правовых условиях. В связи с этим многие молодые люди, поступающие в высшие военные учебные заведения, испытывают трудности в социально – психологической адаптации к новой деятельности [2].

Адаптация (от лат. «приспособлять») – приспособление организма личности, их систем к характеру отдельных воздействий или к изменившимся условиям жизни в целом. Понятие адаптации возникло в XIX веке и использовалось в начале главным образом в биологии. Затем это понятие стали применять не только к различным сторонам жизнедеятельности организмов, но и к личности человека и даже коллективному поведению.

В зависимости от того, в каких условиях и на основе каких механизмов осуществляется приспособление человека к среде, выделяют различные виды адаптации: физиологическую; психологическую; социально – психологическую [3].

Практика показывает, что в течение первых месяцев приспособление молодых воинов к обучению и службе в этой среде происходит по-разному. На социальную адаптацию курсантов влияют множество факторов: научно-обоснованная организация труда курсантов, положительная морально-психологическая атмосфера в коллективе, товарищество, дружба, уставные взаимоотношения, стрессы и стрессовые ситуации.

Стресс – это комплекс эмоциональных состояний, возникающих в ответ на разнообразные экстремальные воздействия. В стрессовых ситуациях нарушаются процессы социально-психической адаптации к внешним и внутренним воздействиям окружающей среды. Соответственно сам стресс можно рассматривать как защитную реакцию на внешние и внутренние раздражители [1].

В исследовании приняли участие 30 курсантов первого курса, в возрасте 18–20 лет, имеющие опыт службы.

Методы исследования: методики диагностики социально – психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда; методика диагностики стрессоустойчивости и социальной адаптации.

Исследование проводилось в два этапа:

1. Измерение уровня социальной адаптации и уровня стрессоустойчивости у курсантов первого курса во время учебной и служебной деятельности.
2. Обработка полученных данных с помощью методов математической статистики.

В зависимости от продолжительности и особенностей адаптационного периода все курсанты могут быть разделены на три группы.

Первая группа – курсанты с высоким адаптационным уровнем (52%). Социально-психологическая адаптация проходит в течении одного-двух месяцев. Курсанты легко и быстро приспосабливаются к новой обстановке военного вуза, добиваются хороших успехов в обучении и службе. Самочувствие у них при этом существенно не меняется.

У курсантов второй группы (48%) период адаптации несколько затягивается и сопровождается ухудшением самочувствия, снижением физических и психических возможностей.

Выводы:

1. Стресс является важным фактором, оказывающим влияние на уровень социально – психологической адаптации курсантов. Посредством стрессовой реакции организм пытается восстановить нарушенное под воздействием стрессоров равновесие. При этом происходит активизация той части вегетативной нервной системы, которая ответственна за активность и работоспособность организма. Комплекс этих реакций обычно называют всеобщим адаптационным синдромом [4].

2. Социально – психологическая адаптация курсантов к учебной и служебной деятельности относится к числу важных факторов, влияющих на качество обучения, выполнения служебных обязанностей, психоэмоциональное состояние и формирование психологической готовности курсантов к действиям в напряженных ситуациях.

Литература

1. Дьяченко М.И., Кандыбович Л.А., Понамаренко В.А. Готовность к деятельности в напряженных ситуациях. – Минск, 1985.
2. Маклаков А.Г. Военная психология. – СПб., 2006.
3. Налчаджян А.А. Социально-психическая адаптация личности: Формы, механизмы и стратегии. – Ереван, 1988. – 263 с.
4. Современная военная психология. Хрестоматия. – Минск, 2003. с.331.

Психологическая подготовка военнослужащих к деятельности в экстремальных условиях

Домницкий Анатолий Дмитриевич

курсант

Голицынский пограничный институт ФСБ России, Голицыно, Россия

E-mail: gvifps@jues.ru

Проблема развития теории и практики военно-профессиональной подготовки личного состава пограничной службы в современных условиях является одной из актуальных. В настоящее время ведётся активный поиск моделей и технологий обучения различных категорий военнослужащих. В основу военно-педагогического процесса положены концептуальные положения об отношении к военнослужащему не только как к человеку-исполнителю задачи по охране границы, но и как к «человеку-ценности» [4].

Выделение психологической подготовки как самостоятельного элемента всесторонней подготовки воинов-пограничников связано с возрастанием роли человеческого фактора, и значительным увеличением нагрузки на психику военнослужащего.

Психологическая подготовка — это система мероприятий по формированию у военнослужащих состояния психологической готовности к преодолению отрицательного влияния служебно-боевых факторов обстановки и эффективному решению служебно-боевых задач в ходе защиты и охраны границы [2].

Анализ и факты боевых операций в Афганистане, Таджикистане, Чечне свидетельствуют об острой необходимости повышения внимания к проблеме психологической подготовки личного состава пограничной службы. Эта подготовка в условиях постоянного психологического противоборства становится важнейшим фактором успешного выполнения подразделениями задач в экстремальных условиях обстановки.

Экстремальными называются ситуации, которые создают для человека существенные объективные и психологические трудности, обязывают его к полному напряжению сил и наилучшему использованию личных возможностей для достижения успеха и обеспечения безопасности.

Экстремальные ситуации многочисленны и разнообразны. По степени экстремальности, различают следующие ситуации:

- нормальные — обыденные, не представляющие особых трудностей для человека, не содержащие необычных опасностей, требующие обычной активности и завершающиеся, как правило, благополучным результатом.
- паракстремальные — близкие к экстремальным ситуации, способные привести к неудачам, вызвать у человека сильное внутреннее напряжение;
- экстремальные — характеризующиеся предельным или близким к предельному внутренним напряжением и перенапряжением, испытываемым человеком. Вероятность снижения успеха, срыва действий, наступления нежелательных последствий здесь весьма велика;

- гиперэкстремальные — вызывающие внутренние нагрузки, зачастую превышающие возможности человека, непереносимые многими людьми, разрушающие обычное поведение и действия, приводящие зачастую к опасным последствиям [1].
Деятельность в экстремальных условиях имеет ряд отличительных особенностей:
- наличие профессиональных помех, от которых может исходить реальная угроза жизни и здоровью;
- сложный объект деятельности в экстремальных ситуациях, обладающий набором специфических характеристик;
- максимальное напряжение психических и физических сил – военнослужащие пограничных органов, действующие в экстремальных ситуациях, работают порой на пределе человеческих возможностей, сознательно подвергает себя риску, и только в этом случае они могут рассчитывать на успех (поэтому основным способом деятельности в экстремальных ситуациях является активное действие);
- высокая значимость результатов деятельности, направленность на достижение особого результата (возможные варианты такого результата: спасение людей; обеспечение безопасности личности, общества и государства; поддержание правопорядка в пунктах пропуска; пресечение массовых беспорядков в пограничной зоне; разоружение и ликвидация незаконных вооруженных формирований, действующих в приграничной территории, и т.д.).

Практика показывает, что система психологической подготовки для достижения операционно–исполнительной психологической готовности носит, как правило, линейный характер. Выделяют два формирования психологической готовности:

Первый этап — это психологическая подготовка военнослужащих к учебной деятельности, а также к действиям в роли специалиста пограничной службы, солдата на поле боя. Для этого должна быть сформирована психологическая готовность по преодолению психологических трудностей, которые наверняка встретятся.

На втором этапе психологическая подготовка направлена на формирование и повышение готовности к уверенным действиям по охране и обороне государственной границы, выполнению своих служебных обязанностей [3].

Таким образом, целью психологической подготовки, является достижение состояния психологической готовности военнослужащих выдерживать и высокие нервно-психические и физические нагрузки в различных условиях ОВД.

Психологическая готовность как результат психологической подготовки есть состояние предшествующее определенной деятельности, состояние в котором концентрируются возможности человека.

Взаимосвязь словаря эмоций с показателями дисгармоничности эмоциональной сферы

Иванова Екатерина Сергеевна

ассистент

Уральский государственный университет им. А.М. Горького, Екатеринбург, Россия

E-mail: ivanova_rina@mail.ru

Многочисленные проблемы, характерные для современного образовательного процесса, такие как низкая учебная мотивация, рост числа тревожных и депрессивных расстройств, высокий уровень агрессивности среди учащихся как высшей, так и общеобразовательной школы, трудности при адаптации к системе обучения в том или ином учебном заведении – в значительной мере являются результатом отсутствия внимания образовательной системы к эмоциональной сфере личности. В результате растет число лиц юношеского и молодого возраста, которые не способны осознавать и адекватно выражать свои переживания, не имеют достаточно развитого словаря эмоций и чувств.

Изучение словаря эмоций, с одной стороны, и исследование различных показателей развития, либо дисгармоничности эмоциональной сферы, с другой, до настоящего времени осуществлялись в рамках различных наук: лингвистики и психологии соответственно. Попытка проследить взаимосвязи этих характеристик предпринимается впервые.

Необходимость изучения эмоциональной сферы с использованием средств и методов лингвистики очень точно сформулирована В.В. Шаховским. Он пишет: «Язык пронизан субъективностью, поэтому субъективный, т.е. человеческий фактор все больше и больше перемещается в центр лингвистических исследований. <...> Человек и его эмоции, с одной стороны, являются частью самой объективной действительности, т.е. отражаемыми объектам реальной картины мира; а с другой – участвуют в формировании языковой картины мира» [2].

В рамках психологических исследований сопоставление показателей развития словаря эмоций с данными о дисгармоничности эмоциональной сферы, такими как уровень реактивной и личностной тревожности, различных форм агрессии, алекситимии, показателями дистимности (предрасположенности к депрессии) позволяет по-новому подойти к решению вопроса о том, как отображается в языке эмоциональный опыт личности, в первую очередь, опыт переживания отрицательных эмоций.

В исследовании приняли участие 261 человек: студенты 1 и 5 курсов Уральского государственного университета им.А.М.Горького, обучающиеся на следующих факультетах: психологический, биологический, филологический, математический. В том числе юношей 69, девушек – 192. Возрастной диапазон: 17–24 года.

Сопоставление **количественных характеристик** индивидуальных словарей студентов 1 курсов (использовался коэффициент Манна – Уитни) позволило ранжировать указанных студентов следующим образом (в порядке убывания): психологи, филологи, биологи, математики. Аналогичные данные получены для студентов 5 курсов: преобладание словарей студентов – психологов над остальными специальностями. При сравнении словарей эмоций студентов 1 и 5 курсов внутри одной специальности оказалось, что по средним показателям студенты 5 курса превосходят студентов 1 курса, но значимых различий эти показатели достигают только в группе студентов – биологов. Таким образом, вопрос о том, насколько существенно изменяется словарь эмоций под влиянием профессионального образования, остается открытым.

При анализе взаимосвязей (использовался коэффициент Пирсона, уровень значимости 0,95) показателя «Словарь эмоций» с данными, полученными при использовании опросных методик, выявляющих уровень агрессивности, тревожности, алекситимии, дистимности, были показано, что у девушек – психологов на первом курсе показатели выраженной дистимности, а также склонность испытывать чувство вины отрицательно связаны с количеством эмоций и чувств, которые называют данные испытуемые (иными словами, чем более насыщена эмоциональная сфера данных испытуемых положительными эмоциями, тем больше номинативов они воспроизводят). У юношей – психологов на 1 курсе выявлены значимые положительные корреляции между «Словарем.» и уровнем алекситимии, высокой дистимностью.

У девушек – психологов 5 курса выявлена значимая отрицательная связь между «Словарем эмоций и чувств» и уровнем алекситимии.

У девушек – филологов 1 курса, была выявлена значимая отрицательная взаимосвязь между уровнем алекситимии и количеством эмоций и чувств, которые воспроизводят испытуемые. Не достигает уровня значимости, но достаточно высока отрицательная корреляция между подозрительностью как формой агрессии и «Словарем...».

Аналогичные результаты получены при анализе корреляций данных девушек – филологов 5 курса. Также выявлена слабая отрицательная связь между высокой дистимностью и «Словарем...».

Показатели «Словаря эмоций» у девушек – биологов 1 курса оказались значимо положительно связаны с уровнем реактивной тревожности. Показатели «Словаря эмоций» у юношей – биологов 1 курса оказались положительно связаны с уровнем подозрительности как формы выражения агрессии.

При анализе корреляций «Словаря эмоций» у девушек– биологов 5 курса выявлены высокие, но не достигающие уровня значимости положительные взаимосвязи этого показателя с соматической шкалой дистимности. Значимая отрицательная взаимосвязь выявлена с уровнем физической агрессивности, положительная – с уровнем косвенной агрессии. У юношей – биологов 5 курса выявлены высокие, но не достигающие уровня значимости положительные взаимосвязи этого показателя с уровнем алекситимии, лич-

ностной тревожностью, высокой дистимностью и склонностью преуменьшать значимость позитивных переживаний.

У девушек – математиков 1 курса выявлена сильная отрицательная связь между склонностью испытывать чувство вины и количеством воспроизводимых эмоций и чувств. Высоки, но не достигают уровня значимости отрицательная связь «Словаря...» с вербальной агрессией. У юношей – математиков 1 курса выявлены отрицательные значимые корреляции между «Словарем...» и таким показателями как: алекситимия, личностная тревожность, обидчивостью как формой выражения агрессии, высокой дистимностью и склонностью преуменьшать значимость позитивных переживаний.

У девушек – математиков 5 курса выявлена отрицательная связь между раздражительностью как формой агрессии и «Словарем...». У юношей – математиков 5 курса выявлены значимые положительные связи между «Словарем эмоций и чувств» и личностной тревожностью, а также обидчивостью как формой выражения агрессии.

Следует подчеркнуть, что значимые корреляций между уровнем алекситимии и «Словарем эмоций» наблюдались не во всех поло – возрастных выборках и наиболее полно они выявляются только для студентов 5 курсов. У студентов 1 курса наблюдалась ситуация, когда испытуемые с низким показателем алекситимности называют меньше, чем среднее по группе количество эмоций, а испытуемые с высоким показателем алекситимности называют максимальное количество эмоций. Таким образом, необходимо поставить вопрос о корректности исследования показателей алекситимности в период активного развития эмоциональной сферы и становления словаря эмоций. Полученные нами данные свидетельствуют о том, что изучение алекситимности в на 5 курсе дает более надежные результаты, действительно отражающие связь показателя алекситимии и вербальных способностей выражения эмоций.

Обобщенные словари эмоций и чувств студентов исследуемых специальностей не охватывают того объема эмотивов – номинативов, который представлен в русском языке [2]. Индивидуальные словари составляют от 2 до 14% списка указанных номинативов. Таким образом, одним из практических вопросов, который возникает перед высшей школой в рамках формирования личности профессионала, становится вопрос о развитии эмоциональной сферы студентов.

Коррекция фобических расстройств методом Биологической Обратной Связи

Кузовкин Сергей Владимирович

студент

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

В психологической энциклопедии фобии определяют как иррациональный страх, который может проявляться в виде боязни специфических одушевлённых и неодушевлённых объектов, например боязнь змей (офидиофобия); страх перед определённой группой людей (ксенофобия, боязнь чужаков; андрофобия, боязнь мужчин); страх надвигающихся или предвосхищаемых событий (астрофобия, боязнь молнии; боязнь школы или экзаменов) или страх, в сущности, всего представимого (Психологическая энциклопедия. 2-е изд. / Под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха. – СПб.: Питер, 2003).

Фобии имеют обсессивную природу. Человек с фобией часто вынужден застревать на своём страхе в гораздо большей степени, чем это необходимо в объективных обстоятельствах.

Ещё одна характеристика, которая дифференцирует фобию от реалистичного страха, касается модуса проявления тревоги. Фобия обычно сопровождается столь высоким уровнем тревоги, что человек оказывается обездвиженным, лишённым возможности действовать эффективно для снижения тревоги образом. Нет полного согласия относительно дифференциальной диагностики между фобическим страхом и генерализованной тревожностью; по всей вероятности, это зависит от конкретности объекта или события, вызывающего опасение.

Несмотря на то, что изучением страха и связанных с ним физиологических процессов психологи занимаются уже давно, надежных критериев страха до сих пор не обнаружено. Обычное для психологии и психопатологии выделение физиологических, поведенческих и когнитивных проявлений страха указывает на комплексность феномена.

Цель нашей работы – проверить возможность и эффективность использования биологической обратной связи (biofeedback, БОС) в лечении фобических расстройств.

Во всех литературных источниках эмоция страха определяется, в первую очередь, процессами, происходящими в подкорковых структурах, с помощью электроэнцефалографии (ЭЭГ) можно зарегистрировать определенные изменения и в коре больших полушарий мозга. Так, при формировании эмоции страха, вызываемого ожиданием субъектом болевого раздражения, происходили изменения в ЭЭГ (Лукьянов, Фролов, 1969). При этом средняя степень эмоционального возбуждения сопровождалась усилением суммарной энергии доминирующей частоты альфа-ритма, а дальнейшее возрастание степени эмоционального напряжения приводило к усилению суммарной энергии более частых и одновременно медленных (2–3/сек) колебаний. Нарастание степени тревоги в этих опытах сопровождалось "размыванием" спектра альфа-ритма, т.е. его десинхронизацией.

Исследования последних двух десятилетий дают основания предполагать, что чувство страха больше локализовано в правом полушарии мозга. Например, демонстрация фильмов разного содержания в правом и левом поле зрения с помощью контактных линз показала, что правое полушарие преимущественно связано с оценкой неприятного, ужасного, а левое – с приятным и смешным (Dimond, Farrington, Johnson, 1976). Анализ ЭЭГ дает сходную картину: оказывается, что при положительных эмоциях сильнее активируется фронтальная область левого полушария, при отрицательных – фронтальная область правого. При этом париетальная область при любых эмоциях сильнее активируется справа (Davidson et al. 1979).

Нами была проведена коррекция фобических расстройств у 4 испытуемых. Каждый из них прошел различное количество тренинговых сессий (от 10 до 30, в зависимости от индивидуальных особенностей).

На первом этапе исследования была проведена комплексная диагностика, при которой регистрировались следующие показатели: ЭЭГ, ФПГ, ЭКГ, РД у одного испытуемого также была зарегистрирована РЭГ т. к. он жаловался на постоянные головные боли. В результате диагностических процедур было выявлено снижение индекса альфа-ритма у всех испытуемых. Также у одного испытуемого обнаружена межполушарная асимметрия альфа-ритма с наибольшим снижением индекса в левом полушарии. Было принято решение провести тренинги на увеличение индекса альфа-ритма.

ЭЭГ-тренинг проводился с помощью электроэнцефалографа КПФ «РЕАКОР», включающего аналого-цифровой преобразователь и программное обеспечение для ЭЭГ-биоуправления. В качестве параметра, реагирующего изменения в ЭЭГ испытуемого, был выбран альфа-индекс. Протокол тренинга заключался в увеличении спектра ЭЭГ в частотном диапазоне 9,0–13 Гц. При тренинге применялся монополярный монтаж РЗ-А1 и Р4 –А2. Каждый сеанс ЭЭГ-тренинга включал в себя 18 минут аппаратного биоуправления с помощью зрительного и слухового сигналов обратной связи.

В тренингах нашему испытуемому было необходимо контролировать уровень шума, мешающий прослушивать музыкальный фрагмент, и громкость музыки, понижающуюся при депрессии альфа-ритма. Запись ЭЭГ отведений, участвующих в тренинге, сохранялась в электронном виде и подвергалась обработке после завершения сеанса: выполнялось построения графиков спектров мощности альфа-ритма в частотных диапазонах ЭЭГ (9,0–13,0 Гц), для фрагментов записи периодов тренинга и периодов фоновой ЭЭГ и производилась их сравнительная оценка.

В ходе проведения тренинговых сессий анализировалась положительная динамика регистрируемых и управляемых психофизиологических параметров. Прежде всего нас интересовало увеличение управляемых параметров – альфа индекса, мощности альфа ритма. Были получены данные по изменению альфа индекса в процессе серии тренингов. Выявлено, что прослеживается тенденция к увеличению индекса на 15–20% по сравнению с первым тренингом. Незначительное увеличение показателя свидетельствует о том, что система произвольной регуляции альфа-ритма еще находится в процессе формирования. По полученным данным видны явные различия между индексом альфа-ритма в фоне и тренинге.

Также с нашими испытуемыми проводились сеансы рациональной психотерапии, в ходе которых им разъяснялись те изменения их физиологического состояния которые происходят во время тренинговых сессий. После каждого тренинга испытуемым объяс-

нялись и показывались результаты и динамика изменения его состояния, благодаря чему испытуемые видели как возрастает их способность самостоятельно регулировать их физиологические показатели, что придает им уверенность в своих силах и в итоге позитивно влияет на ход дальнейшей коррекции фобического расстройства.

В результате тренинговых сессий с использованием БОС происходят явные изменения в динамике альфа-ритма. Увеличение альфа-ритма показывает, что наши испытуемые научаются расслабляться, становятся более спокойными, они научаются сознательно управлять данным параметром. Это доказывает, что БОС-терапия является достаточно эффективным методом в лечении фобических расстройств.

Особенности психологической устойчивости людей в экстремальных ситуациях

*Матвеева Надежда Федоровна*⁴⁷

студентка

Астраханская государственная медицинская академия, Астрахань, Россия

E-mail: matveeva_lisa@rambler.ru

Экстремальные стороны существования человечества традиционно принято выносить за рамки повседневной жизни. Однако, как показывает история социума, развитие цивилизации непременно сопровождается всевозможными событиями негативного характера – от повседневных случайностей, до великих трагедий. История такой активности по сути своей бесконечна, однако подходы и попытки позитивных сдвигов в этом вопросе меняются с течением времени. Одно лишь остаётся неизменным – причина, – человек. В настоящее время существуют предпосылки возможного прогнозирования чрезвычайных ситуаций природного характера (землетрясений, цунами и др.), но как предсказать человеческий фактор, всё чаще выходящий на первый план в списке причин величайших катастроф. Есть и другая сторона – аналогичные инциденты зачастую предотвращаются обществом и людьми, которые в подобных ситуациях спокойно находят спасательные решения не только для себя, но и для окружающих. Так что же, в конечном счете, определяет исход предкульминационной, зачастую экстремальной ситуации?

Для рассмотрения этих сложнейших элементов индивидуальной и групповой динамики предложены подходы, нередко являющиеся неполными и касающиеся отдельных отраслей специализации человеческой деятельности. В тоже время, коренная сущность этих подходов сводится к анализу психологической устойчивости личности в различной обстановке.

Современная жизнь, к большому сожалению, богата различными экстремальными ситуациями, с которыми можно столкнуться практически повсеместно. Победу над сложившимися обстоятельствами одерживает тот, кто проявляет необычную силу духа и воли, высокую психологическую устойчивость, выносливость, кто обладает необходимыми теоретическими знаниями и практическими навыками действий в тех или иных неординарных условиях.

В связи с той обстановкой, которая сложилась за последнее время во всем мире – постоянно возникающие техногенные и природные катастрофы, проблема психологической устойчивости в экстремальных ситуациях представляется одной из самых актуальных.

На наш взгляд, следует различать психологическую устойчивость населения, находящегося в экстремальной ситуации, и людей, участвующих в ликвидации экстремальных (чрезвычайных) ситуаций.

Для первой группы следует выделять ряд факторов влияющих на поведение населения в различных экстремальных ситуациях. Во-первых, реакция человека в экстремальной ситуации зависит от типа нервной деятельности, его темперамента и личностных особенностей. Например, оказавшись приблизительно в одинаковых условиях экстремальной ситуации, одни люди погибают на вторые – третьи сутки, а другие даже по-

---

⁴⁷ Автор выражает признательность майору медицинской службы Крупнову П.А. за помощь в подготовке тезисов.

сле месячной борьбы остаются в живых, что подтверждает влияние психологического фактора эмоционально-волевой устойчивости людей.

Страх, смятение, паника, ощущение безысходности приближают гибель, а уверенность в своих силах, мужество, самообладание, умение взять себя в руки не только отдают, но и позволяют ее избежать. Так, некоторые авторы (Дмитриева Т.Б., Воложин А.И., 2001) попытались представить какой должна быть реакция на одно и тоже раздражение у людей различных конституциональных типов и пришли к выводам, что, например, у сангвиников ответная реакция выраженная, характеризуется коротким латентным периодом и достаточно быстрой адаптацией к действию раздражителя. Реакция холериков характеризуется укороченным латентным периодом и резко выраженной реакцией, возвращение к исходному состоянию несколько замедленно.

Таким образом, различные типологические конституциональные особенности нервной системы, личностные особенности формируют поведение человека в различных неординарных ситуациях.

Во-вторых, в экстремальной (чрезвычайной) ситуации наблюдается сочетание информационной травмы (смерть родных и близких человеку людей и др.) с физическими увечьями и эмоциональным напряжением, что существенно отражается на поведении людей и их психологической устойчивости.

В-третьих, различная степень психопатологической клинической картины сочетается с различным объемом медицинской помощи, которую оказывают пострадавшим. Вероятно, целесообразно для восстановления душевного благополучия людей, находившихся в экстремальной ситуации, проводить мероприятия медицинской реабилитации, которая в гражданском здравоохранении не признана видом медицинской помощи. Это, в свою очередь, позволит не только улучшить психическое здоровье этой группы людей, но и значительно повысить эффективность принимаемых мер медицинской и психологической помощи.

Особой психологической устойчивостью в экстремальной ситуации должен обладать личный состав подразделений различных силовых ведомств и структур, в чью прямую обязанность входит участие в ликвидации последствий. Они, выполняя свою работу в жестких психологических и природных условиях, оказывают «успокаивающее» действие на пострадавших. Для того, чтобы найти выход из любой ситуации у спасателя должна быть сформирована эмоционально-волевая устойчивость личности, правильная оценка обстановки и действий, что, в свою очередь, является результатом личностных особенностей, конституционального типа.

Однако умение управлять эмоциями, формировать чувство уверенности в своей победе не приходит само по себе. Оно вырабатывается в процессе повседневной жизни, в ходе соответствующих занятий и тренировок. Кроме того, большое значение имеет также медицинская реабилитация, позволяющая после тяжелой работы восстановить психологическое равновесие и физическое здоровье.

Таким образом, в настоящее время проблема психологической устойчивости является весьма важной и сложной. В частности, представляется перспективным исследование влияния экстремальных ситуаций на людей с различными конституциональными типами характера, что позволит определить пути повышения психологической устойчивости.

Особенности совладающего поведения матерей при разном течении беременности

Румянцева Наталья Владимировна

студентка

Костромской государственной университет им. Н. А. Некрасова, Кострома, Россия

В настоящее время все больше рождается детей с отклонениями в развитии. Рождение ребенка с нарушением в развитии отрицательно сказывается на психическом состоянии матери, приводит к возникновению стресса. Каждый человек владеет способами, позволяющими справиться со стрессом или трудной жизненной ситуацией. Подобное поведение принято называть совладающим поведением или копинг-поведением. Совладающим поведением называется целенаправленное социальное поведение, позво-

ляющее субъекту справиться со стрессом или трудной жизненной ситуацией адекватными личностным особенностям и ситуации способами через осознанные стратегии действий (Крюкова Т. Л.) [6].

В России проблема совладающего поведения получила распространение всего около десятилетия назад. Изучение совладающего поведения наиболее полно представлено в области клинической психологии. Но в настоящее время не изучена проблема совладающего поведения матери с трудностями рождения ребенка с перинатальной патологией. А данная проблема сейчас особенно актуальна, так как семья обладает значительным реабилитационным потенциалом, который может быть направлен в помощь ребенку с проблемами в развитии, однако его использование возможно лишь при адекватном восприятии проблем ребенка его родителями и сформированностью в сознании понимания их роли в развитии ребенка..

Целью нашего эмпирического исследования стало изучение совладающего поведения матери с трудностями рождения ребенка с перинатальной патологией.

В исследовании нами использовались **методики**: опросник способов совладания (Лазарус Р., Фолкман С., 1988; адаптация Крюкова Т. Л., Куфтяк Е. В., 2004), направленный на изучение ситуативно-специфических стратегий в трудных ситуациях [5]; опросник копинг-поведения в супружестве (Bowman M.L., 1990), адаптируемый коллективом преподавателей КГУ им. Н. А. Некрасова, изучает копинг-стратегии супругов в конфликтных ситуациях [7]; опросник копинг-поведения в стрессовых ситуациях (Н. Энлер, Д. Паркер), адаптированный Крюковой Т. Л. [4]; методы статистики.

Эмпирическое исследование проводилось на базе отделения выхаживания детей Детской городской больницы №3, а также отделения патологии беременных род дома №1 г. Костромы. В исследовании участвовали 60 женщин: 20 – женщины, родившие раньше срока на 33–34 неделе беременности; 20 человек – женщины с патологией беременности; 20 – контрольная группа женщин, имеющих детей в возрасте от двух месяцев до одного года, не имеющих отклонений в развитии. Средний возраст женщин 25–26 лет, большая часть из них состоит в браке, имеют высшее образование.

Проведенное нами эмпирическое исследование было направлено на выявление стилей/стратегий совладающего поведения у трех групп матерей.

Полученные в ходе эмпирического исследования результаты и их интерпретация приводят нас к выводам о том, что специфика трудной женской участи и сложившихся жизненных испытаний женщины-матери, определяет особенности ее совладающего поведения:

- проблемно-ориентированное разрешение проблем становится эффективным способом совладания после рождения ребенка, но при рождении ребенка с перинатальной патологией матери предпочитают стратегию избегание, в отличие от матерей нормально развивающихся детей;
- несмотря на двойственность эмоционального состояния в период патологического протекания беременности, женщины предпочитают стратегии с «охранительными» функциями, а именно, дистанцирование и избегание;
- поиск социальной поддержки выступает для молодой матери в ситуации патологического протекания беременности ведущим ресурсом совладания.

В ситуациях, связанных с разными вариантами становления материнства регулятивным фактором выбора стилей и стратегий выступают стили регулирования отношений с супругом:

- в ситуации преждевременных родов значимо влияют на выбор эмоционально-ориентированной стратегии самоанализирующий и уклоняющийся стили регулирования супружеских отношений;
- проявляющийся в период беременности эгоистичный настрой во взаимоотношениях с супругом, значимо влияет на выбор стратегий с «охранительными» функциями;
- у матерей здоровых младенцев позитивное разрешение супружеских проблем и анализ собственных поступков и переживаний в супружестве выступают ресурсом совладания с трудностями.

Результаты данной работы не исчерпывают проблему совладающего поведения женщины.

Исследования по данной тематике не закончены, и продолжаются в настоящее время.

ПОДСЕКЦИЯ «КЛИНИЧЕСКАЯ И МЕДИЦИНСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ»**Психологическое сопровождение согласия на лечение у лиц,
страдающих алкогольной зависимостью***Абрамова Нина Юрьевна**студентка**Белгородский государственный университет, Белгород, Россия**E-mail: nua777@rambler.ru*

В современной науке отчётливо наметились тенденции внедрения психологических методов в наркологию, психиатрию и другие области медицины. В связи с этим разработка новых способов помощи пациентам наркологического профиля происходит с позиции биопсихосоциальной проблемы. В частности, проблема патологической зависимости от психоактивных веществ является в большей степени медико-биологической, однако рассмотрение её без учёта психологических и социально-психологических аспектов представляется нам неполным.

В работах многих отечественных и зарубежных авторов прослеживаются линии рассмотрения патологической зависимости от психоактивных веществ через призму психологического знания. Однако, как и в любой сложной и далёкой от разрешения проблеме, в изучении зависимостей есть большое количество дискуссионных вопросов. В частности, в исследованиях отечественных учёных (Н.А.Сирота, В.М.Ялтонский) была обозначена проблема мотивации к лечению как актуальная и требующая учёта при организации помощи пациентам наркологического профиля. В этой связи используется термин «комплаенс» – согласие на лечение. Данное понятие разрабатывается в отношении пациентов различных нозологических групп, однако что касается пациентов наркологического профиля, исследования достаточно поверхностны, и в большинстве работ подчёркивается лишь значение комплаенса для излечения. При этом методы диагностики комплаенса и модели психологической коррекции отсутствия установок на лечение не разработаны. Таким образом, актуальность изучаемого нами вопроса исходит из самого запроса практики.

Целью нашего исследования является выделение психологических и социально-психологических факторов, влияющих на согласие на лечение пациентов наркологического профиля. Исследование было проведено на базе отделения №1 ОГУЗ Белгородского Областного Наркологического Диспансера; в исследовании приняли участие 50 пациентов. Нами были использованы следующие методики: опросник Мини-мульти (СМОЛ), тест полезависимости Виткина, методика исследования уровня субъективного контроля (с добавлением трёх авторских шкал), шкала депрессии Зунга, Торронтская алекситимическая шкала, авторская анкета.

Статистический анализ полученных данных позволил подтвердить как единые, общие для всей группы наркологических больных личностные и эмоциональные особенности, так и дал возможность разделения группы на несколько ведущих типов по отношению к болезни и комплаенсу.

В качестве ведущих особенностей нашли подтверждение следующие: выраженная алекситимия (у 70% группы показатели по ТАШ являются высокими), преобладание депрессивного фона настроения (высокие показатели по шкале депрессии Зунга у 73% группы), нивелирование личностных черт преморбида (показатели по шкалам СМОЛ не превышают 60Т у 68% группы). В определении отношения больного к заболеванию значимыми являются характер отношений СС врачом и медперсоналом, уровень субъективного контроля, а также некоторые личностные особенности. Алекситимические черты пациентов препятствуют адекватному осознанию своего состояния и совладанию с ним. Депрессивный фон пациента подавляет стремление пациента к выздоровлению.

Кластерный анализ полученных данных позволил выделить три ведущих типа отношения к болезни. Для каждого типа были описаны сочетания ведущих личностных черт и установок пациентов, направленных на лечение. Наиболее важными дифферен-

цирующими группы признаками явились показатели уровня субъективного контроля и данные по уровню полезависимости. Результаты по этим параметрам статистически значимо различны (t-критерий Стьюдента). Качественный анализ совокупности данных по каждой из выделенных групп даёт возможность определить мишени для коррекции и обозначить линии возможного психологического воздействия, а также выделить психологические аспекты потребных взаимоотношений врачей и пациентов.

Сравнительный анализ внутренней картины болезни у детей в условиях семьи и интерната

Герасимова Анна

студентка

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

I. Теоретическое введение.

1. Понятие внутренней картины болезни (ВКБ).
2. Отечественные и зарубежные авторы (и их теории), изучающие внутреннюю картину болезни (классический психоанализ, теории объектных отношений, Ф.Александр, Данбар, М.Шур).
3. Факторы, влияющие на формирование ВКБ (возрастной, интеллектуальный, гендерный, мотивационный, личностные особенности).
4. Факторы, преимущественно влияющие на формирование ВКБ у ребенка (интеллектуальный, социальное окружение – значимые взрослые).

II. Проблематика исследования

1. Предмет исследования – внутренняя картина болезни, способы её выражения и развития у семейных и несемейных детей. Объект исследования – психическое развитие детей, принадлежащих возрастной группе 5–7 лет, воспитывающихся в условиях семьи и интерната, имеющих в анамнезе соматические нарушения различного генеза и нозологии (бронхиальная астма, пиелонефрит, аллергический, атопический дерматит, панкреатит).

2. Основные задачи исследования:

1) Исследовать факторы, влияющие на становление ВКБ: интеллектуальный уровень развития ребёнка, особенности репрезентации своего тела, особенности восприятия семейных взаимоотношений, особенности отношения матерей к детям, особенности эмоционально-личностной сферы матерей и детей, их отношение к болезни.

2) Выявить различия в оформленности ВКБ у семейных и несемейных детей.

3) Проанализировать влияние родительских установок и стилей воспитания на формирование ВКБ.

4) Характеристика использованных методов (проективные методы и опросники)

А) для детей – структурированная беседа, рассказ по картинке, упрощенная классификация, Два дома, Цветовой тест отношений, рисунок человека, рисунок семьи животных

Б) для матери/ воспитателя – структурированный опросник, Цветовой тест отношений, методика PARI, схема наблюдения за поведением воспитателя в группе по М.К. Бардышевской.

5) Характеристика испытуемых

III. Результаты эмпирического исследования.

Сравнение результатов, полученных при проведении психологических методик:

1. Интеллектуальные особенности группы семейных детей. Интеллектуальные особенности группы интернатских детей.

2. Особенности репрезентации своего тела семейными и интернатскими детьми.

У семейных детей – определённые особенности репрезентации своего тела: трудности в восприятии отдельных частей тела, наличие конфликтных областей (голова, осуществляющей контроль инстинктивных и более примитивных побуждений, рук и кистей рук, отвечающих за успешное социальное функционирование, туловища).

3. Особенности социальных взаимоотношений семейных и интернатских детей (по результатам проективных тестов, опросников) – с матерью, в социальном окружении

4. Особенности отношения матери и ближайшего взрослого (в интернате) к ребенку. Выбор матерью стиля воспитания ребенка (принятие-отвержение матери ребенком) влияет на формирование ВКБ) Выявлены трудности восприятия семейными детьми модели семейных взаимоотношений, определения семейных ролей.

Обнаружено две стратегии поведения матерей по отношению к соматическому состоянию ребёнка: фиксированное внимание, игнорирование соматического состояния ребёнка.

5. Особенности эмоционально-личностной сферы семейных и интернатских детей (по результатам рисуночных методик, теста Цветовых отношений)

5.1. В основном матери семейных детей склонны считать своих детей здоровыми. Определение эмоционального состояния ребёнка как здорового особенно свойственно тем матерям, которые на вербальном уровне признают наличие заболевания у ребёнка.

5.2. Представления о своём соматическом состоянии у детей оказываются конфликтными: дети не могут присвоить своему телу значения здорового или больного. Очевидно, внутренняя картина болезни является неоформленной, и переживания носят конфликтный характер.

5.3. Матери склонны определять здоровье, используя более уравновешенные синий и зелёный цвета. Для детей понимание здоровья сопряжено с насыщенными красным, жёлтым цветами (импульсивной деятельностью, активностью, подвижностью, и эмоциональностью).

IV. Выводы.

1. Сравнение структуры и содержания ВКБ у семейных и интернатских детей.

2. Актуальность исследований в данной области.

3. Трудности в проведении исследований.

Аудитории будут показаны рисунки детей, имеющих хронические соматические заболевания, выполнение ими других проективных методик («Два дома», Цветовой тест отношений).

Влияние некоторых групп антиэпилептических препаратов на познавательные функции больных эпилепсией

Завязкина Наталия Владимировна

психолог, кандидат психологических наук

Лечебно-диагностический научный центр «Эпилепсия», Киев, Украина

E-mail: nmuz@ukr.net

В последние десятилетия эпилепсия, как на Украине, так и за рубежом, относится к числу наиболее распространенных психических заболеваний (2,3,4,5,6). Ею болеют от 8 до 12 человек на 1000 населения, то есть приблизительно 50 млн человек в мире страдают эпилепсией.

В последние годы значительно возрос интерес к применению экспериментальных методов, которые позволяют определить сферы эффективного влияния отдельных видов антиэпилептических препаратов (АЭП) на психологическое состояние больных. Стало возможным применение более совершенных методов обследования психологического состояния этого контингента больных с целью разработки тактики лечения на улучшение их "качества жизни" (1,7,8,9,10). Такой подход в процессе лечения больных эпилепсией стал основой для формирования новых организационно-программных структур для их лечения. В тоже время формирование и внедрение адекватных психологических методов исследования больных в зависимости от периода приема АЭП, способствует повышению объективности диагностики состояния когнитивных функций на фоне приема тех или иных противосудорожных медикаментов.

Цель настоящей работы: исследовать и провести сравнительную оценку изменений психических функций в процессе лечения антиэпилептическими препаратами различных групп.

Было обследовано 132 больных эпилепсией в возрасте от 15 до 53 лет, из них 71 – мужского пола, 61 – женского. Основную часть больных составили молодые люди в воз-

расте до 40 лет (52%) с преобладающей продолжительностью заболевания свыше 10 лет. Преобладали больные с симптоматичной формой эпилепсии (66%) и высокой частотой припадков. У большинства (67 больных) отмечалось от 1–2 до нескольких припадков в месяц, причем у 37 человек они были ежедневные, а у 12 до нескольких в течении дня. По клиническому типу припадков (Международная классификация эпилептических припадков, ИАЕ, 1981) больные распределялись следующим образом: с генерализованными припадками – 59 человек (45%), с парциальными – 73 человека (55%).

Доказано, что действие изучаемых антиэпилептических препаратов, не имеет отрицательного влияния на психические функции больных, а в определенные сроки приема оказывает положительное влияние на психологический статус больных в виде увеличения объема, как кратковременной памяти, так и долговременной, а также улучшения процессов мышления и внимания, ускорения темпа сенсомоторных реакций, увеличения работоспособности, улучшения «социального плана» деятельности.

Получены результаты, которые можно использовать в диагностике в качестве критерия прогноза и эффективности лечения антиэпилептическими препаратами, с точки зрения психологического статуса больного, а также выбора адекватных реабилитационных мероприятий для коррекции психических нарушений.

Выявлено улучшение переключаемости на уровне сенсо-моторных реакций и улучшение запоминания в зависимости от продолжительности приема препаратов группы вальпроевой кислоты. У больных эпилепсией с незначительной продолжительностью приема (до 30 дней) препаратов этой группы имеет место ускорение темпа сенсомоторных реакций и повышение общей продуктивности. При продолжительном приеме (более 30 дней) – улучшение переключаемости на уровне сенсо-моторных реакций и улучшение кратковременной памяти у больных стабилизируется. Выявлено значительное улучшение темпа сенсо-моторных реакций (стабилизация), долгосрочной памяти, мышления в ближайшем периоде применения препаратов группы карбамазепинов. В отдаленном периоде приема медикаментов полученные результаты остаются без изменений. Положительные изменения в интеллектуально-мнестической сфере наиболее существенны при приеме ламиктала в ближайшем периоде. Также выявлено значительное влияние ламиктала на улучшение настроения, коммуникабельность, упорядоченность поведения, закрепление привычек самообслуживания, увеличение словарного запаса, который существенным образом оказывает содействие адаптации больных эпилепсией к социальной среде. В ближайшем периоде приема антиэпилептических препаратов обнаруживается одинаковое влияние на общую работоспособность и показатель переключения на уровне сенсо-моторных реакций.

Изучение особенностей восприятия и оценки телесного образа у подростков с нарушениями опорно-двигательного аппарата

Зеленская Наталья Александровна

студентка

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

E-mail: zena@irk.ru

Известно, что решающим фактором в формировании системы представления ребенка о себе является то качество оценки, которое исходит от близкого окружения. Таким образом, тестируя себя посредством других, человек интроецирует внешнюю оценку в свой внутренний опыт.

Исследования показывают, что при формировании самосознания, его составляющих, в частности телесного образа, важная роль отводится не только тому, как люди оценивают интеллектуальные способности ребенка и характерологические черты, но и тому, как они относятся к его внешнему облику.

Взаимосвязь между общей оценкой себя и восприятием человеком своего телесного образа впервые была прослежена в работах представителей психотерапевтических школ: З.Фрейда, Э.Кречмера, а также в телесно-ориентированных подходах современной школы психотерапии: В.Райха, А.Лоуэна, М.Фельденкрайза, и др. В многочислен-

ных исследованиях была выявлена ведущая роль представлений о схеме тела и его функциях в развитии структуры самосознания. Нам близка позиция А.А.Меграбяна, согласно которой осознание собственного тела является синтезом самовосприятия и служит механизмом отделения «Я» от внешнего мира; нарушение этого механизма может привести к деперсонализации с потерей чувства «Я».

Особую роль внешний облик (тип телосложения, особенности телесной организации, походка, наличие каких-либо телесных дефектов) приобретает в пубертатный период. В тех случаях, когда развитие подростков, отягощено какими-либо телесными патологиями, может возникнуть деформация некоторых компонентов самосознания. Ярким примером могут выступать подростки с нарушением опорно-двигательного аппарата, в частности те, которым был поставлен диагноз детский церебральный паралич (ДЦП). Подростки с отклонениями в физическом развитии подвергаются неблагоприятному воздействию социальной среды, приводящему к формированию искажённого представления о себе. На этих основаниях можно предположить, что наличие телесного дефекта вызывает определённые изменения в восприятии и оценке своего телесного образа.

Опираясь на это предположение, было проведено исследование на базе коррекционной школы-интерната № 20 г. Иркутска для детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата. В исследовании приняли участие 19 интеллектуально сохранных мальчиков и девочек в возрасте от 12 до 14 лет с диагнозом ДЦП средней и лёгкой степени тяжести. В контрольную группу вошли 19 здоровых детей того же возраста, (учащихся средней общеобразовательной школы № 27).

Схема исследования включала следующие методики: модификационный вариант методики измерения самооценки Дембо-Рубинштейн с дополнительными шкалами, тест рисования человеческой фигуры в интерпретации Коха, а также тест перцептивно-образной самооценки В.В. Бойко.

С помощью методов математико-статистической обработки данных, в частности критерия Фишера, удалось подсчитать достоверность различий двух групп, исследуемых подростков.

Следует отметить те особенности, которые были обнаружены при обработке данных детей из экспериментальной группы.

В модифицированном варианте методики измерения самооценки Дембо-Рубинштейн для нас представляли интерес три параметра: «здоровье», «внешность» и дополнительный параметр «довольство своим телом».

53% испытуемых экспериментальной группы показали адекватный уровень оценки удовлетворённости своим физическим образом. Это может объясняться факторами благоприятной и принимающей обстановке в детстве, не явной выраженностью дефекта, а так же успешной социальной адаптацией в условиях школы-интерната.

У 47% экспериментальной группы по шкале «довольства своим телом» выявились неадекватные показатели: или чрезвычайно завышенные, или, что встречалось чаще, заниженные. Завышенные показатели, на наш взгляд можно интерпретировать как отрицания у себя наличия факта дефекта либо как компенсаторное явление. При заниженных показателях мы можем выдвигать тенденцию к наличию синдрома дисморфофобии. И с одной и с другой стороны тревога из-за телесного дефекта может привести к социальной дезадаптации.

Так же значительные отклонения от нормативных показателей были выявлены по шкалам «здоровье» и «внешность». Эти две шкалы следует рассматривать в совокупности с вышеописанной шкалой и по такому же принципу интерпретировать полученные показатели.

В методике «Рисунок человека» характерной особенностью для многих испытуемых с диагнозом гемипаретическая форма ДЦП явилось то, что центральная вертикальная линия тела была чётко выделена окрашиванием. В классической интерпретации данного теста срединная линия рассматривается как стремление к сосредоточению на телесных проблемах из-за чувства телесного несовершенства, а так же эмоциональная незрелость.

Затем, следует отметить, что испытуемые обособляли те части тела, которые особенно отяжелены дефектом (чаще суставы ног, кисти рук). Здесь мы можем выдвигать предположение искажённости схемы тела в виду наличия дефекта.

В рисунках так же наблюдалась ломкость линий и обозначение человека в виде совокупности геометрических фигур. Здесь мы можем предположить о некоторой общей несформированности телесного образа. Переживание физической неполноценности затрудняет общение, препятствует адаптации индивидуума в социальной жизни.

В контрольной группе не было выявлено явной диспластичности в рисунках человека. В тесте Дембо-Рубинштейн лишь у 10% испытуемых была выявлена неадекватно завышенное или заниженное оценивание себя. Это может объясняться особенностью подросткового возраста, когда происходят изменения в физическом облике, что, как известно, имеет особую значимость для личностного развития подростка.

Полученные данные подтвердили выдвинутое предположение о том, что детский церебральный паралич может выступать как фактор, влекущий за собой искажение в телесном «Я», что со временем может предопределить деформацию процесса самоосознания в целом.

Проведённое исследование показывает, на каких аспектах необходимо остановиться при проведении психокоррекционных мероприятий.

Особо актуальным в оказании помощи детям может выступить метод телесно-ориентированной терапии, т.к. он позволяет создать адекватный образ собственного тела, ощутить его границы, а так же научает находить менее энергоёмкие способы физического поведения, что может послужить достойным фундаментом для социальной адаптации и полноценной интеграции подростков в общество.

Особенности осознания собственной болезни (инсайта) у больных шизофренией

Иржевская Виктория Петровна

соискатель

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: petrovnava@hotmail.com

Субъективные представления пациентов о собственной болезни являются важным фактором, формирующим позицию больного по отношению к болезни и лечебному процессу, а также являются первостепенным показателем динамики протекания болезненных процессов (Ясперс К., 1913; Зейгарник Б.В., 1971; Amador et al., 1991). Примерно половина популяции больных шизофренией не осознают собственной болезни, что существенно затрудняет лечебный процесс (Carpenter et al, 1973). В отечественной психологии, изучение осознания психической болезни проводилось в рамках понятия критичности. Вместе с тем, «это понятие остается недостаточно дифференцированным..., и до сих пор нет точного определения критичности» (Кожуховская И. И., 1972). Понятие инсайт, многие годы широко применяемое в клинической практике и используемое в диагностических руководствах DSM-IV и МКБ-10, дает возможность четко операционализировать осознание болезни для эмпирического исследования, учитывая сложность и многогранность изучаемого феномена.

В научной литературе по данной теме нет единого мнения о механизмах такого ограничения в познании внутреннего психического состояния, хотя существуют различные гипотезы об их природе (нейробиологические, психоаналитические, и т.д.). В данной работе представлена попытка интеграции нескольких теоретических позиций о природе и механизмах формирования инсайта на основе количественной обработки данных, свойственных эмпирическому подходу, а также качественного анализа полученных результатов, свойственных патопсихологическому взгляду.

Предметом исследования являются особенности осознания психической болезни у больных шизофренией. Объектом исследования стало снижение уровня инсайта у больных параноидной шизофренией на начальной и хронической стадиях заболевания.

Целью исследования являлось осуществление дифференцированной количественной и качественной оценки особенностей инсайта у больных шизофренией в зависимости от связи с особенностями течения и срока болезни, когнитивных ресурсов, и выраженностью примитивных защитных механизмов.

Исследование проводилось в работе с пациентами Научного Центра Психического Здоровья РАМН (лаборатория психофармакологии – зав. д.мн. Морозова М.А.) и на базе психиатрической больницы №14 (главный врач Жуков К.Н.; зав. 4-е отд. Арсеньева Т.Б.). Устное согласие на участие в обследовании дали тридцать восемь пациентов с диагнозом шизофрения. Пациенты были распределены по двум группам, по критерию срока болезни (первичная госпитализация и множественные (более 7) госпитализации).

В соответствии с целью исследования был отобран методический материал, включающий в себя следующие методики: Шкала осознания психического расстройства (SUMD); тест чернильных пятен Роршаха для описания примитивных защитных механизмов; Шкала оценки позитивных и негативных симптомов (PANSS), и Висконсинский тест сортировки карточек (WCST), оценивающий функции планирования, произвольной регуляции и контроля деятельности.

Шкала осознания психического расстройства (SUMD) основывается на положениях о мультифакторности инсайта и включает в себя оценку следующих аспектов осознания собственной болезни: (1) наличие психической болезни; (2) наличие симптомов болезни; (3) необходимости лечения; (4) эффекта медикаментов; (5) социальных последствий болезни. Все перечисленные аспекты инсайта оценивались по параметрам «осознания» и «понимания причин».

Статистический анализ полученных результатов с помощью непараметрических методов обработки данных (U критерия Манна-Уитни и коэффициента корреляции Спирмена (R)) выявил некоторые значимые закономерности.

Необходимо отметить многомерность и неоднородность измерений инсайта у больных в двух группах, что указывает на сложность и динамичность феномена. Уровень инсайта в группе хронических больных значимо выше, чем в группе первичных больных по большинству параметров, включая «осознание болезни». Уровень инсайта по параметрам «атрибуция причин болезни», «осознание симптомов» и «атрибуция причин симптомов» не различался между группами.

Сравнение показателей «фронтальных» функций выявило единичные различия между группами, а именно различия по показателям «количества предъявленных карточек» и «количества неперсеверативных ошибок». Сравнение выраженности проявления примитивных защитных механизмов не выявило статистически значимых различий между группами.

Анализ корреляций инсайта и психопатологического профиля свидетельствует об увеличении параметров «тревоги» и «поглощенности физическим здоровьем» с повышением уровня инсайта у пациентов с хроническим течением болезни. Соотношение продуктивной симптоматики и уровня инсайта в результатах анализа выявлено в виде немногочисленных корреляций с отдельными аспектами инсайта. Корреляции между уровнем инсайта и негативной симптоматикой выявлены не были, что требует подтверждения в дальнейших исследованиях.

По результатам исследования можно заключить, что инсайт – это валидная, многоуровневая понятийная структура, целостно отражающая осознание собственной болезни у больных шизофренией. Группа первичных пациентов характеризуется значимо более низкими показателями по большинству параметров инсайта, чем группа пациентов с хроническим течением болезни. В начале заболевания, дефицит функций планирования, произвольной регуляции и контроля оказывает *большее* влияние на уровень инсайта, чем на хроническом этапе заболевания. На хроническом этапе заболевания, примитивные защитные механизмы делают *основной* вклад в установление уровня инсайта. Повышение уровня инсайта в группе хронических пациентов в первую очередь взаимосвязано с усилением тревожно-ипохондрических симптомов. Уровень инсайта в группе первичных пациентов, в отличие от группы с хроническим течением болезни, характеризуется вкладом двух факторов – дефицита функции контроля и планирования, а также выраженностью примитивных защитных механизмов.

Таким образом, результаты исследования расширяют представление об особенностях осознания психической болезни за счет изучения роли модулирующих факторов, а также позволяют установить влияние срока болезни на специфику развития инсайта, что может учитываться в реабилитационной работе с больными шизофренией.

Некоторые особенности личности близоруких в контексте психосоматики**Каминская Яна Николаевна***студентка**Карагандинский Государственный университет им. Е.А. Букетова, Караганда, Казахстан.*

Близорукость (миопия, с греческого *μυο* – прищуриваю, *opsis* – зрение) является наиболее часто встречающимся заболеванием глаз, настолько часто, что статистически это считается нормальным, причем частота встречаемости заболевания возрастает соразмерно темпам научно-технического прогресса.

Факторы, влияющие на становление и развитие близорукости, многочисленны, что способствует появлению различных точек зрения на природу заболевания. Так, существовала точка зрения о приоритетной роли наследственности в развитии миопии. Не отрицая роль наследственной предрасположенности в формировании миопического расстройства, все же следует признать, что точка зрения о средовых факторах близорукости имеет большее фактологическое обоснование.

Целью данной работы стало обобщение немногочисленных попыток объяснения взаимосвязи, взаимообусловленности особенностей психического отражения действительности и близорукости.

Выяснение механизмов взаимовлияния болезни и психики, как известно, непосредственная задача психосоматики. Поэтому, в первую очередь, нас заинтересовало, существует ли объяснение психогении расстройств органа зрения, предлагаемое в рамках этого подхода.

В психосоматике миопия – функциональное расстройство глаза. Согласно В. Райху, напряжение в мышцах тела можно обнаружить в семи кругах «мышечной брони», пересекающих тело, в том числе и на уровне глаз. Мышечное напряжение изолирует человека от неприятных эмоций. Можно предположить, что характерный признак близорукости – прищуривание – и представляет собой барьер, устраняющий или сводящий до минимума неоконченные эмоциональные переживания.[1].

А. Лоуэн видел причины мышечного напряжения на уровне глаз в эмоции страха, а точнее, в её подавлении. Он сравнивал близорукий глаз, широко открытый и неподвижный, с глазом, находящимся в состоянии шока, страха. Причинами страха Лоуэн видел в негативном, агрессивном отношении матери к ребенку в детстве. Причем развитие близорукости происходит при невозможности отреагировать этот страх в плаче, крике или гневе.[2].

Основатель онтопсихологии А. Менегетти рассматривал здоровье как «своеобразное течение энергии, которая, проходя через множество различных частей, сходится в единой точке, интегрируется в единое целое. Когда одна из точек многообразия перестает быть точкой приема и передачи энергетического или жизненного импульса, индивид испытывает страдание, боль. Это происходит и в случае близорукости: «если субъект слишком остро переживает определенные моменты, ситуации, связанные с конкретными людьми, бессознательно он способен понизить силу зрения (миопия): «раз я не вижу, значит, я не виноват».[3].

Как можно заметить, все авторы едины во мнении, что стойкое снижение остроты зрения является своеобразным защитным механизмом, предохраняющим человека от неприятных событий и обстоятельств жизни, чувства вины.

Публикация эмпирических же исследований, подтверждающих или опровергающих данные предположения, не обнаружено.

Небольшое число экспериментальных исследований существует и в отношении вопроса специфических психологических особенностей близоруких людей.

Влияние миопии на характер и поведение детей отмечает В.Р. Ермаков: они становятся рассеянными, горбятся при рассматривании рисунков, часто жалуются на головные боли и боли в глазах, усталость, расплывчатость предметов. [4].

Нарушение зрения обуславливает своеобразие в формировании зрительного восприятия, оно отличается неполнотой, фрагментарностью образов. Итак, зрительное восприятие близоруких характеризуется неопределенностью, расплывчатостью образов,

меньшей их детализированностью, схематизмом, тенденцией к объединению разрозненных объектов в единый образ, большей ориентацией, по сравнению с восприятием офтальмологически здоровых людей, на цвет, светлоту объекта, чем на его форму. [5].

Интересные данные были получены в эмпирическом исследовании влияния близорукости на личность ребенка.[6]. Так, обнаружено, что больше чем у половины детей 10–14 лет, с прогрессирующей близорукостью разной величины в рисунках человека встречаются «слепые лица», либо «слепые глаза», либо на глазах сделан акцент, что позволяет говорить о концентрации личностных проблем именно в области зрения.

Также были обнаружены черты личностной тревожности, свойственные всем детям, понятие «Я» окрашено отрицательно у половины испытуемых, что может говорить о низкой самооценке, недовольстве собой, своей внешностью. Эти дети испытывают трудности в общении в силу своей, как им кажется, неинтересности, малозначимости, малоценности. Боязнь отрицательной оценки заставляет идти по пути ограничения контактов с другими людьми. Такие дети пассивны, негативно оценивают свое будущее. У них отмечаются сложные отношения с родителями, одноклассниками и учителями. Обнаруживается переживание в отношении успеваемости в школе. Анализ графического исполнения может говорить о жесткости, ригидности, ограниченности средств выполнения деятельности и сниженности творческих возможностей.[5].

Глаза, как известно, в действительности выполняют двойную функцию: являются органом зрения и контакта. Так, экспериментально установлено, что близорукие имеют низкий уровень представлений о мимике, жестах, позах, по сравнению с нормальнозрящими людьми. Человек с нарушением зрения имеет малый опыт распознавания и идентификации эмоций, его представления о мимике носят ситуативный, необобщенный характер. [5].

Немногочисленные теоретические и эмпирические исследования в области психологии близоруких показывают, что причиной близорукости являются не только анатомо-физиологические факторы, но и психологические механизмы. Теоретические же положения психосоматического объяснения их действия определяет область дальнейших исследований.

Психологическое изучение особенностей познавательных процессов у больных сахарным диабетом в условиях медико-социальной экспертизы

Ли Наталья Виссарионовна

студентка

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия

E-mail: Natyshenciali@yandex.ru

Сахарный диабет – это одно из наиболее распространенных заболеваний эндокринной системы. При тяжелом и длительном течении сахарного диабета наблюдаются различные осложнения, которые приводят к полной или частичной потере трудоспособности. К сопутствующим нарушениям относят нарушения познавательных процессов (памяти, внимания, мышления) и эмоционально-волевые расстройства (апатия, депрессия) (Алимов Х.Л. 1987, Прихожан В.М. 1981, Войтенко Р.М., 2002).

В ситуации прохождения больными сахарным диабетом медико-социальной экспертизы важным в структуре оценки функциональных нарушений является психологическое исследование особенностей познавательных процессов, характеризующих нарушения умственной работоспособности. Это необходимо для решения вопросов о нарушении основных сфер жизнедеятельности больного, его способности к трудовой деятельности и степени обучаемости, определения психологического потенциала реабилитационных и адаптационных мероприятий (Шабалина Н.Б. и соавт., 1997, Польская Н.А., 2000).

Данное исследование проводилось с целью психологической оценки характера и особенностей нарушения памяти, внимания и мышления у больных сахарным диабетом (I тип, тяжелая форма в стадии субкомпенсации обменных процессов). Всего было обследовано 53 человека трудоспособного возраста, из них 29 женщин и 24 мужчины; 7

человек имеют высшее образование, 7 – средне-специальное и 29 – среднее. Длительность заболевания колеблется от 5 до 16 лет.

Методы и методики

Психологическое исследование включало в себя структурированное интервью (сбор общих биографических и анамнестических данных) и комплекс патопсихологических методик. Для исследования памяти использовались методики заучивания 10 слов (Лурия А.Р.) и опосредованное запоминание (Леонтьев А.Н.). Внимание изучалось с помощью таблиц Шульте. Для изучения особенностей мышления применялись методики: установление последовательности событий, классификация предметов, простые аналогии (Рубинштейн С.Я., 2004).

Для оценки степени выраженности нарушений познавательных процессов использовалось, принятое в медико-социальной экспертизе, отнесение выявленных нарушений к классу легких, умеренно-выраженных, выраженных и значительно-выраженных.

Результаты исследования

В ходе интервью все больные предъявляли одинаковые жалобы на слабость, утомляемость, раздражительность, снижение памяти. Ориентировка в новом и понимание инструкций у данной группы больных нарушены не были.

Особенности памяти.

Непосредственная память в исследуемой группе варьирует от нормы до выраженно-го снижения. У 53% больных непосредственная память в пределах нормы; 23% больных имеют легкое снижение непосредственной памяти; 13% – умеренное и 9% – выраженное нарушение непосредственной памяти. Значительно выявленных нарушений непосредственной памяти выявлено не было. По мере нарастания степени выраженности нарушений, отмечалось нарастание в процессе воспроизведения слов конфабуляторных элементов.

Опосредованная память: у большинства испытуемых (94%) в пределах нормы, больные воспроизвели от 10 до 13 верных ответов из возможных 14. 6% больных показали умеренное снижение опосредованного запоминания (6–8 правильных ответов из 14), ошибки в данном случае были обобщенного и ассоциативного характера. Выявленного нарушения опосредованной памяти не выявлено. Таким образом, опосредованная память у больных сахарным диабетом более сохранна по сравнению с непосредственной.

Особенности внимания

У 90% испытуемых нарушений внимания выявлено не было (результаты по таблицам Шульте не более 60 секунд на одну таблицу). 7% испытуемых показали легкое сужение объема внимания (т.Шульте – от 60 до 90 секунд) и 3% – умеренное сужение объема внимания (от 90 до 120 секунд на каждую таблицу). У всех больных наблюдалось ослабление концентрации; отмечалась тенденция к увеличению времени поиска цифр по каждой последующей таблице, что указывает на истощаемость психических процессов.

Особенности мышления

У 13% больных нарушений мышления выявлено не было. 62% больных показали легкие трудности при процессе обобщения и легкое нарушение последовательности суждений. 15% больных показали умеренное нарушение операциональной и динамической сторон мышления в виде конкретного характера обобщений, недостаточности понимания логических связей между понятиями, ригидности, инертности мыслительных процессов, затруднено понимание связи событий и построения последовательных умозаключений. У 10 % больных были выявлены выраженные нарушения мышления: обобщения носили преимущественно конкретно-ситуационный характер, уровень понятийного мышления ограничивался общими понятиями, отмечалась выраженная ригидность мыслительных процессов, ослабление критичности мышления.

Выводы

Данные психологического изучения познавательных процессов у больных сахарным диабетом позволяют охарактеризовать специфику нарушений умственной работоспособности у данной группы больных. При незначительном или умеренном отклонении от нормативов по примененным методикам у всех больных были отмечены элементы истощаемости (замедление темпа в процессе деятельности, появление пауз, ошибки) и ригидности (увеличение временных промежутков при решении мыслительных задач)

познавательных процессов. Нарастание астенизации в процессе выполнения заданий обусловлены, на наш взгляд, органической природой выявленных нарушений.

Индивидуально-психологические особенности наркозависимых

Некипелова Елизавета Владимировна,

студентка

Голощанов Игорь Владимирович⁴⁸

студент

Белгородский государственный университет, Белгород, Россия

Проблема исследования особенностей наркозависимых является актуальной для клинической психологии в связи с распространением данного заболевания.

Методика. В качестве испытуемых были взяты мужчины молодого возраста со средним и высшим образованием (23–33 лет, $n = 30$), страдающие героиновой зависимостью. В контрольную группу вошли также 30 мужчин с аналогичным статусом. Для диагностики индивидуальных особенностей использовалась методика 16-ФЛЮ Р. Кеттела. При статобработке данных применялся критерий Вилкоксона-Манна-Уитни.

Результаты. Значения по фактору А («замкнутость – общительность») были ниже в группе наркозависимых – 9,6 сырых баллов, в контрольной – 11,6 с.б. ($p < 0,001$). Значения по фактору В («низкий интеллект – высокий интеллект») выше в контрольной группе – 12 с.б., в выборке наркозависимых – 6,4 с.б. ($p < 0,001$). Значения по фактору С («эмоциональная стабильность – эмоциональная нестабильность») ниже в экспериментальной группе – 11,6 с.б., у здоровых – 14,3 с.б. ($p < 0,001$). Значения по фактору D («агрессивность») выше в экспериментальной выборке – 13,4 с.б., у здоровых – 12,0 с.б. ($p < 0,001$). Значения по фактору F («сдержанность – экспрессивность») выше в экспериментальной группе – 11,4 с.б., у здоровых – 9,4 с.б. ($p < 0,001$). Значения по фактору G («низкая – высокая нормативность поведения») выше у здоровых – 12,0 с.б., у наркозависимых – 9,6 с.б. ($p < 0,001$). Значения по фактору H («робость – смелость») выше в экспериментальной выборке – 13,6 с.б., у здоровых – 11,2 с.б. ($p < 0,001$). Значения по фактору I («жесткость – чувствительность») выше в экспериментальной группе – 11,6 с.б., у здоровых – 8,0 с.б. ($p < 0,001$). Значения по фактору L («доверчивость – подозрительность») выше в экспериментальной группе – 12,4 с.б., в выборке здоровых – 8,4 с.б. ($p < 0,001$). По фактору M («практичность – мечтательность») значения ниже в экспериментальной выборке – 9,6 с.б., у здоровых – 12,6 с.б. ($p < 0,001$). По фактору N («прямолинейность – дипломатичность») значения в выборке наркозависимых ниже – 10,2 с.б., чем в выборке здоровых – 11,6 с.б. ($p < 0,001$). Фактор O («спокойствие – тревожность») в экспериментальной группе составил 11,4 с.б., у здоровых – 8,2 с.б. ($p < 0,001$). По фактору Q1 («консерватизм – гибкость») в экспериментальной группе значения ниже – 6,4 с.б., в контрольной – 9,6 с.б. ($p < 0,001$). Значения по фактору Q2 («конформизм – неконформизм») ниже в экспериментальной группе – 8,6 с.б., в выборке здоровых – 12,0 с.б. ($p < 0,001$). Значения по фактору Q3 («низкий – высокий самоконтроль») ниже в экспериментальной группе – 10,4 с.б., в выборке здоровых – 13,6 с.б. ($p < 0,001$). По фактору Q4 («расслабленность – напряженность») более высокие результаты получены в экспериментальной группе – 14,3 с.б., в контрольной – 10,7 с.б. ($p < 0,001$).

По данным исследования у наркозависимых более выражены такие черты характера, как замкнутость, эмоциональная неустойчивость, агрессивность, упрямство, сниженное чувство совести и морали, сниженный контроль поведения, жесткость и большее полагание на себя, более высокий уровень чувствительности, подозрительности, социальной ригидности, повышенный уровень тревожности, социальная несамостоятельность, пренебрежение общественными правилами, большее полагание на собственные побуждения. У них снижены показатели интеллекта, что может свидетельствовать как о

---

⁴⁸ Авторы выражает признательность профессору, д.псих.н. Москвину В.А. за помощь в подготовке тезисов.

его преморбидно невысоком уровне, так и о нарастающей интеллектуальной деградации по мере развития наркотической зависимости. Полученные данные могут быть использованы в клинической психологии.

Роль эмоционального развития в процессе социальной адаптации ребенка с тяжелой зрительной патологией

Худякова Екатерина Сергеевна,

студентка

Редина Екатерина Александровна

ассистент

Уральский Государственный университет им. А.М. Горького, Екатеринбург, Россия

E-mail: ered@mail.ru

Эмоции играют большую роль в процессе социальной адаптации ребенка, формируя у него, в частности, способность и компетентность в общении. Кроме того, они являются своеобразным фильтром для огромного потока информации, которую ребенок получает. С самого рождения эмоции участвуют в активности и регуляции поведения младенца. Эмоции предупреждают об опасности и помогают ее избежать; придают определенную ценность событиям и этим вызывают соответствующие действия или повышают вероятность их возникновения [4].

В ходе нормального онтогенеза ранние формы аффективного реагирования включаются в более сложные, и особая роль в этом принадлежит памяти и речи: память сохраняет следы переживаний, речь обозначает, дифференцирует и обобщает эмоциональные переживания. В сущности, как указывается в работе А.А. Соколовой и Ю.В. Малафеевой [5], нормальный естественный процесс воспитания ребенка включает в себя присвоение ему культурных психотехнических приемов эмоциональной организации. Но, если раньше он задавался самим традиционным укладом семьи, то теперь взрослый должен все более осознанно и направленно стимулировать и регулировать ход аффективного развития ребенка.

Родители не только знакомят малыша с тем, что его окружает, но показывают свое отношение к вещам, явлениям с помощью интонаций, мимики, жестов, речи. Знакомясь с различными свойствами и качествами вещей, ребенок получает и некоторые эталоны отношений и человеческих ценностей [3]. Исходной точкой в формировании эмоциональных реакций является «комплекс оживления». Однако у детей с нарушениями зрительного анализатора этот первый признак полноценного эмоционального развития выражен слабо или совсем не выражен.

Ребенок раннего возраста осваивает так называемые базовые эмоции, однако он еще не умеет управлять своими переживаниями. У полноценно развивающегося, зрячего ребенка эмоции можно легко прочитать на лице, в позах и жестах. К дошкольному возрасту ребенок переходит к более сложной гамме чувств. Он осваивает принятые в обществе формы выражения тончайших оттенков переживаний при помощи взглядов, улыбок, жестов, поз, движений, интонаций голоса и т.д. [3]. Таким образом, в большей степени эмоциональное развитие ребенка обусловлено его социальным опытом, процессом взаимодействия с матерью в раннем детстве.

Нарушение деятельности зрительного анализатора, который выполняет в процессе социальной перцепции информационную функцию, приводит к трудностям в установлении контактов с окружающими и поддержании процесса общения. Особенно трудно овладеть ребенку с нарушениями зрения экспрессивно-мимическими способами общения: улыбкой, взглядом, жестами, мимикой, позой. Так как зрячие дети овладевают этими способами по подражанию, то дети с нарушенным зрением, не видя выражения лица, жестов собеседника, не могут в дальнейшем воспроизвести их адекватно. Таким образом, нечеткость дистантного восприятия детьми партнера по общению приводит к неадекватному пониманию его реальных характеристик и состояний и вызывает трудности формирования средств общения [2].

Так, например, в результате наблюдений за детьми с тяжелыми нарушениями зрения нередко складывается впечатление эмоциональной холодности детей. Мимика слепых детей очень бедна, и, как отмечает Г.В. Григорьева [2], это свидетельствует о том, что они не могут спонтанно в процессе общения между собой или со взрослыми усваивать ее элементы. Поэтому незрячие дети не видят необходимости в использовании экспрессивных проявлений эмоций, и заменяют их вербальными средствами. С другой стороны слепые дети не лишены возможности воспринимать эмоциональные состояния других людей, выражаемые вербально. Они слышат обращенную к ним речь, различают, кто с ними говорит (мама или папа), воспринимают интонацию, громкость голоса, тембр и другие характеристики. Согласно Э. Бесту [1], не имея доступа к выражению лица или языку телодвижений, незрячий ребенок нуждается в том, чтобы голос нес не только смысл, но и эмоцию.

Обобщая вышесказанное, можно выделить следующие трудности в эмоциональном развитии детей с нарушениями зрения. Во-первых, они не могут полноценно воспринимать то, как выражают эмоции другие люди. Во-вторых, не могут адекватно выражать свои эмоции в связи с невозможностью подражания. В-третьих, незрячие дети имеют незначительный чувственный опыт переживания эмоциональных состояний.

В качестве примера можно привести опыт психологической службы НПРЦ «Бонум», на базе которого с февраля 2004 года проводятся коррекционно-развивающие занятия для детей раннего возраста с тяжелыми нарушениями зрения совместно с родителями. Занятия проходят в игровой форме и являются общеразвивающими. Однако, несмотря на то, что основное внимание на них уделялось сенсорному, умственному и речевому развитию, они способствовали изменениям и в эмоциональной сфере. Так, дети, не дававшие себя трогать в начале занятий, через несколько месяцев начали с удовольствием относиться к совместным играм. Кроме того, резко уменьшились проявления негативных реакций, появились яркие мимические реакции, дети научились лучше воспринимать на слух, понимать интонации (когда ругают или хвалят, или восхищаются и т.д.). Также незрячие дети, посещавшие группу, стали интересоваться окружающими детьми и взрослыми, подходить к ним, ощупывать.

При этом большую роль в эмоциональном развитии и социальной адаптации ребенка играет изначальная эмоциональность ребенка, заложенная в результате раннего детско-родительского взаимодействия. В качестве примера можно привести П.Р. (3 года), который с первых занятий отличался более высоким уровнем эмоциональных проявлений (в том числе и внешних). Мальчик «вышел» на общение уже через три недели и стал быстро прогрессировать (в речевом, умственном и эмоциональном развитии). Значительную роль сыграл интерес, который вызвали у него некоторые игры.

Таким образом, при построении коррекционно-развивающей программы для незрячих детей необходимо учитывать важность эмоционального развития такого ребенка, что имеет большое значение для его полноценной абилитации.

Психодиагностика в клинике функциональных сексуальных расстройств

Рукавичникова Анна Николаевна

студентка

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: anabell@mail.ru

Проведённая нами работа по переводу на русский язык анкеты «Отрицательные и тревожные мысли во время сексуальных отношений» и опросника «История сексуальности», разработанных французскими, канадскими и американскими специалистами: Snell, Fisher, Walters, Schover, Trudel, Ravart, Turgeon, и их апробация на российской выборке из популяции нормы крайне актуальны как в практическом, так и в теоретическом плане. Это восполнение дефицита адекватных инструментов для оценки психологических аспектов сексуальной функции, который осознаётся, в том числе, и сексологами, работающими в клинике сексуальных расстройств.

Выбор данных методик продиктован тем, что они легки в применении, обладают приемлемой надёжностью, имеют хорошие показатели валидности, дают максимально многостороннюю и целостную картину индивидуальных особенностей респондентов, глубоко оценивают когнитивный аспект сексуальной сферы (т.е. представления пациента). Анкета «Отрицательные и тревожные мысли во время сексуальных отношений» служит поводом для обсуждения основных проблемных сторон сексуальной жизни пациента и определяет содержание потенциально патогенных установок, мыслей и отношений в сексуальной сфере. Опросник «История сексуальности» предназначен для сбора анамнестических данных и выявляет специфичные для определённых расстройств симптомы. Эти методики в совокупности с проективными и полупроективными способны составить полноценный инструмент для оценки и диагностики различных сексуальных расстройств.

В исследовании, которое проводилось на российской выборке из популяции нормы, приняли участие 40 человек (17 мужчин и 23 женщины) в возрасте от 18 до 30 лет (больше всего респондентов в возрасте 21–22 года), не имевшие в анамнезе сексуальных расстройств и ведущие регулярную половую жизнь. Данные, полученные в результате проведения опросников, в основном совпадают с аналогичными, полученными на французской выборке, а обнаруженные различия можно объяснить возрастными и культуральными особенностями.

В ближайшее время планируется применить апробированные методики для исследования двух групп: пациентов с функциональными (психогенными) сексуальными расстройствами и пациентов с органическими сексуальными расстройствами. Предполагается, что это позволит обнаружить значимые различия в когнитивной и эмоционально-волевой сфере у больных каждой из двух групп и здоровых людей, а также выявить возможности и ограничения данных методик. В перспективе это даст возможность выявления с помощью данных опросников симптомов и закономерностей, специфичных для определённых групп больных, страдающих сексуальными дисфункциями различного генеза, а также возможность применения данных методик для диагностики и составления программы терапевтического вмешательства при различных сексуальных расстройствах.

Кроме того, исследование будет дополнено известными методиками, неспецифичными для психодиагностики в клинике функциональных сексуальных расстройств, направленными на выявление особенностей локуса контроля, специфики и уровня защитных механизмов личности, уровня личностной и ситуативной тревожности, структуры самоотношения (УСК, ЗМЛ, «Шкала реактивной и личностной тревожности» Спилберга-Ханина, тест-опросник самоотношения В.В. Столина). Предполагается наличие значимых различий по результатам этих методик у больных функциональными и органическими сексуальными расстройствами, благодаря чему удастся выявить особенности личностной структуры больных функциональными сексуальными расстройствами и собственно психологические критерии диагностики этих расстройств для тонкой дифференциации их от органических сексуальных расстройств и от нормы.

С точки зрения теоретической значимости эта работа позволит вплотную подойти к раскрытию психологических механизмов формирования и реализации различных форм сексуальных расстройств.

Нарушения рабочей памяти у больных с ЧМТ

Скворцова Василиса

E-mail: vasilisa_skv@mail.ru

В настоящее время проблема рабочей памяти и ее нейроанатомического субстрата является одной из самых разрабатываемых в когнитивных науках и в нейропсихологии (Андерсон, 2004, Голдберг, 2003). Рабочая память понимается как система временного хранилища и переработки информации, необходимой для решений текущей когнитивной задачи. Большинство исследования проводятся с опорой на теоретическую модель рабочей памяти, предложенную А.Бэддели и Хичем (Baddeley, Hitch, 1997), согласно которой в рабочую память включаются три основные подструктуры: фонологическая петля, визуально-пространственная матрица и координирующий направляющий их работу

центральный процессор. Таким образом, конструктор рабочей памяти объединяет в себе процессы удержания информации с процессами регуляции и манипулирования с материалом в памяти. Внимание большинства исследователей сконцентрировано на поиске свойств и особенностей нарушения функций центрального процессора, который связывают с работой префронтальных отделов (Lezak, 2004, Fletcher, Henson, 2001). В последнее время в исследованиях рабочей памяти прослеживается тенденции к расширению объема этого понятия, к включению в него большинства процессов регуляции, внимания и памяти (Engle, Conway, Kane, 1997, 2002). Вместе с тем остается нерешенным и вопрос о методическом обеспечении исследований рабочей памяти: используемые в данной области методики очень отличаются друг от друга по степени сложности и нагрузки – от простого повторения слов до решения одновременно нескольких задач.

В настоящем предварительном исследовании была поставлена задача изучения особенностей выполнения субтестов батареи Векслера (WMS-III, 1997), направленных на оценку рабочей памяти, больными, получившими ЧМТ. Выбор методик был продиктован, во-первых, широтой их использования в диагностике и доступностью для использования в условиях больничной палаты. Вместе с тем варьирование объема элементов и инструкций позволяет создавать условия с разной нагрузкой на рабочую память. Выбор группы больных с ЧМТ (средней и легкой степени тяжести) продиктован ранее полученными данными о большой чувствительности именно рабочей памяти к последствиям ЧМТ (Lezak, 2004, McDowell, d'Esposito, 1997). В нашем исследовании мы предприняли попытку качественного анализа характера выполнения больными данных тестов (цифровые и цифробуквенные последовательности, зрительно-пространственный тест), выделение типов ошибок, преимущественно встречающихся при той или иной локализации поражения, а также сопоставления полученных данных с результатами общего нейропсихологического исследования, проведенного по методике А.Р.Лурии. Нами выделены следующие типы ошибок: нарушения порядка, сужение объема, контаминации рядов, персеверации.

Проведено обследование 23 больных с ЧМТ средней и легкой степени тяжести (10 больных с преимущественно левосторонними поражениями и 13 больных с преимущественно правосторонней локализацией очага ушиба), средний возраст больных составил 23,5года, время, прошедшее с момента травмы до момента обследования колебалось от недели до полугода. Локализация поражения определялась по преимущественному месту морфологических повреждений мозга и по данным нейропсихологического обследования. Внутри каждой группы выделялись больные с преимущественным поражением лобных долей и сочетанием поражения лобных долей и задних отделов мозга.

Нами получены следующие предварительные результаты:

- Для больных с правополушарными поражениями были характерны ошибки порядка, контаминации рядов.
- У левополушарных больных чаще встречалось сужение объема, персеверации элементов.
- Данные тенденции выявляются только для вербального теста, для невербального теста различий в выполнении больными с разной локализацией очага получено не было.
- Для больных с преимущественно передними очагами поражениями характерно наличие сужения объема при сохранении общей структуры ряда, а также контаминации рядов.
- Ошибки по типу нарушений порядка более характерны для больных с поражениями лобно-теменных и лобно-височных областей. Ошибки порядка оказались наиболее распространенным типом ошибок и встречались с примерно одинаковой частотой как в вербальных, так и в невербальных тестах.
- Полученные результаты указывают в пользу дальнейшей проверки валидности использования данных методик (действительно ли невербальный тест является аналогом вербальных последовательностей и также направлен на исследования компонентов рабочей памяти).
- Отдельно описан феномен диссоциации – различия в воспроизведении рядов в прямом и обратном порядке, который наблюдался преимущественно при двусторонних лобных поражениях.

Особенности образа «Я» людей с признаками интернет-аддикции**Тихонова Мария Андреевна**⁴⁹*студентка**Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия**E-mail: sandwich@list.ru*

В литературе, посвященной данной проблематике, имеется весьма неоднозначное мнение о степени значимости самого феномена интернет-аддикции и его влиянии на личность. Актуальность исследования образа «Я» людей с признаками интернет-аддикции вызвана необходимостью дополнения теоретических построений, относящихся к изучаемому явлению (Войскунский, 2001).

Основными критериями заболевания является степень деформации или качественных изменений социальных, профессиональных, материальных и семейных ценностей вследствие чрезмерного увлечения интернетом. Основными симптомами заболевания являются психологические: невозможность остановиться при работе с компьютером, увеличение количества времени, проводимого за ним, ощущения пустоты, депрессии, раздражения не за компьютером, пренебрежение семьей и друзьями, ложь работодателям или членам семьи о своей деятельности. При этом наблюдается явление толерантности и абстинентный синдром, заключающиеся в необходимости увеличивать время, проводимое в интернете, чтобы добиться тех же ощущений. Скорее всего, интернет-аддикты – это люди, имеющие определенные черты предрасположенности к различным аддикциям. Зависимые от интернета характеризуются пассивной жизненной позицией, проблемами в межличностном общении. Основными негативными последствиями интернет-аддикции являются невротизация, связанная с постепенным уходом из реальности, нарастающей социальной дезадаптацией и аутизацией личности. Интернет-аддикцию трудно устранить, так как для этого необходимо осознание пользователем своих трудностей. Кроме того, это заболевание поражает волевую сферу, что не позволяет зависимой личности признать свои проблемы. Единственно возможный выход – найти нечто, что будет замещать собою эти привлекательные для аддикта возможности интернет-среды.

Эмпирическое изучение проблемы носило характер пилотажного исследования с использованием тестового метода, а именно компьютеризированной методики К. Янг на выявление степени интернет-зависимости, адаптированной В.А. Буровой. Мы применяли также метод семантического дифференциала Ч. Осгуда, который был адаптирован нами для диагностики следующих компонентов образа «Я»: «Я идеальное», т.е. каким я хочу быть, «Я реальное», т.е. какой я в реальности (вне интернет-среды) и «Я виртуальное», т.е. какой я в интернет-среде. Нами были выделены две категории испытуемых: первая группа испытуемых была опрошена в режиме реальной работы в интернет-залах, вторая группа испытуемых опрашивалась через электронную почту с помощью прикрепленного файла, содержащего 2 методики и подробную инструкцию. Мотивирующим фактором в этом случае служило предложение выслать результаты по окончании тестирования.

В итоге нашего исследования мы можем сделать следующие выводы:

Пилотажное исследование подтвердило предположение исследователей о компенсаторной функции интернета.

Среди особенностей образа «Я» интернет-аддиктов можно выделить проблемную самооценку, снижение рефлексии, конфликтность и противоречивость «Я» образа, выражающаяся в борьбе «Я нормативного» («Сверх-Я») и «Я виртуального», которое начинает играть все большую роль в жизни индивида. Это можно видеть из отрицательной оценки «виртуального Я» при высоких показателях по шкалам «сила» и «активность» в предварительных результатах пилотажного исследования. Именно этими внутренними конфликтами, скорее всего, вызвана невротизация и депрессивность личности.

---

⁴⁹ Автор выражает признательность научному руководителю, доценту, к. физ.-мат. н. Харченко М.А.

По предварительным результатам пилотажного исследования гипотеза о том, что в виртуальной среде образ «Я» интернет-аддиктов ближе к «идеальному Я», чем у независимых от интернета, была признана не совсем корректной, т.к. расстояние, вычисляемое в результате методики личностного дифференциала, не обнаружили какого-либо различия в зависимости от наличия или отсутствия аддикции у испытуемых. Хотя, как показало пилотажное исследование, информация по данной методике будет полезна при составлении заключения о наличии у пользователя заболевания интернет-аддикции.

Можно сформулировать новую гипотезу о влиянии чрезмерного использования интернета на рефлексивную культуру пользователей. Актуальным направлением исследования данной проблемы является изучение личностных особенностей интернет-аддиктов с помощью многофакторных опросников.

Среди дальнейших направлений работы необходимо наметить психологическое просвещение и меры профилактики в русле борьбы с интернет-аддикцией.

В результате проведенного нами исследования целесообразно выделить некоторые рекомендации каждой из групп испытуемых:

Обычные пользователи, умеющие контролировать себя в сети Интернет, нуждаются скорее в профилактических мерах, то есть они должны знать об опасности заболевания интернет-аддикции, контролировать время и содержание своей деятельности в Интернете.

Пользователям, имеющие проблемы, связанные с чрезмерным увлечением интернетом, целесообразно развивать уверенность в себе, а также большую активность в межличностных отношениях в реальности. Необходимо срочно усилить контроль над временем и содержанием деятельности в Интернете.

Интернет-аддиктам необходимо обратиться за помощью к специалистам-психотерапевтам.

Особенности половой идентификации у подростков с нарушениями функций опорно-двигательного аппарата

Улубиева Наида Сююнчгереевна

аспирант

Дагестанский государственный университет, Махачкала, Россия

E-mail: psykholog@mail.ru

Анализ проведенных в последние десятилетия исследований по проблеме половой идентификации показывает, что на данный момент не существует интегральной теории полового развития человека. Изучение категории пола является одной из самых сложных проблем, в решении которой требуется междисциплинарный подход.

Важно отметить, что именно в подростковом возрасте идет становление половой идентификации, что в дальнейшем ведет к закреплению усвоенных ребенком гендерных ролей. Осознание принадлежности к определенному полу определяет становление личности, её интересы, формирование особой системы представлений о себе как о человеке определённого пола, включающей специфические для мужчин и женщин потребности, мотивы, ценностные ориентации и соответствующие этим образованиям формы поведения.

Анализ современных отечественных и зарубежных исследований, выполненных на стыке медицины, физиологии, социологии и психологии показал, что проблема пола является междисциплинарной.

Развитию половой идентификации у детей со сниженным интеллектом дошкольного и младшего школьного возраста посвящены исследования Н.Л. Белопольской. Особенности половой идентичности у подростков с интеллектуальной недостаточностью отражены в исследованиях О.Г. Нугаевой.

Увеличение количества детей с функциональной и органической недостаточностью центральной нервной системы, обусловленной многочисленными социальными и биологическими факторами, требует поиска новых форм и методов психолого-педагогической помощи им.

Вопросам изучения психомоторного развития, познавательных процессов и речи у детей с церебральным параличом посвящено ряд работ как зарубежных, так и отечест-

венных психологов (Henderson, 1961; Oswin, 1967; Семенова, Мастюкова, Смуглин, 1972; Мамайчук, 1976; Симонова, 1981; Ковалев, 1985; Saran, 1986; Клижнбк, 1987; Демьянов, 2004 и др.).

В проведенном нами исследовании рассматривались проблемы формирования половой идентификации у подростков с детским церебральным параличом.

Исследованием были охвачены дети, проходящие реабилитацию в Республиканском реабилитационном центре для детей и подростков с ограниченными возможностями и учащиеся одной из школ г. Махачкалы в количестве 81 человек.

В ходе исследования проверялась следующая гипотеза:

Детский церебральный паралич может обусловить появление нарушений в формировании половой идентификации.

В ходе исследования были использованы методики, успешно зарекомендовавшие себя при изучении полового самосознания и применявшиеся в сексологии: «Маскулинность – фемининность» С.Бем, шкала «Маскулинность – фемининность» из Фрайбургского личностного опросника (Freiburg Personality Inventory, FPI) Й. Фаренберга, Х. Зелга и Р. Гампела, методика «Женственность», адаптированная Е.П. Ильиным.

В результате теоретического анализа проблемы половой идентификации подростков с детским церебральным параличом и экспериментального исследования были получены следующие результаты и сделаны следующие выводы:

Не выявлено достоверных различий в половой идентификации среди мальчиков-подростков с нарушениями функций опорно-двигательного аппарата и половой идентификацией их сверстников, обучающихся в школе, по критериям U Манна-Уитни и t-критерию Стьюдента.

Выявлены достоверные различия половой идентификации у девочек-подростков с нарушениями функций опорно-двигательного аппарата и девочек-подростков, обучающихся в школе на 99% уровне доверительной вероятности по t-критерию Стьюдента.

Вероятнее всего такой результат связан с условиями жизни детей, за которыми постоянно ухаживают родители, в частности мать, от которой зависит дальнейшее развитие её ребенка. Дети находятся под постоянным присмотром матери, что соответственно оказывает немало важное влияние на формирование их половой идентификации.

Результаты нашей работы открывают возможность дифференциальной диагностики различных форм половой идентификации с определением присутствия тех или иных качеств, нуждающихся в коррекции. Это позволяет существенно оптимизировать процесс социализации подростков с задержкой психического развития, осложненной ДЦП. Результаты могут быть использованы при подготовке и проведении психологических курсов по возрастной, педагогической, социальной, дифференциальной и специальной психологии.

Проведение констатирующего и формирующего экспериментов с детьми с задержкой психического развития, осложненной детским церебральным параличом, посредством разработки и внедрения коррекционной программы по формированию половой идентичности у подростков с ЗПР, осложненной ДЦП, способствующей личностной социализации в современных общественных условиях.

Исследование особенностей различий между юношами и девушками в проявлении склонности к гемблингу (зависимости от азартных игр)

Якушева Аида Илназовна

студентка

Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет, Казань, Россия

E-mail: gulshatik@inbox.ru

В настоящее время в России проблема зависимости от азартных игр (гемблинг) встала очень остро, и является на настоящий момент «новой» и мало изученной. Несмотря на то, что в нашей культуре (судя по произведениям литературы) проблема приверженности к азартным играм не нова и большинство людей когда-либо играли в азартные игры, но актуальность проблемы заключается в том, что в настоящее время есть группа людей, которая теряет контроль над своим поведением и попадает в зависимость от игры (гемб-

линга) неконтролируемо расширяется. Это связано с тем, что в настоящее время вовлечение в азартные игры имеет хорошую психологическую проработку, против которой у большинства населения нет иммунитета. Статистика показывает, что играют все, начиная от материально обеспеченных слоев населения и заканчивая пенсионерами, школьниками, «бедными студентами». Социальные последствия гемблинга серьезные: финансовые проблемы, распад семьи, проблемы в межличностных отношениях, также высок суицидальный риск. Психологические последствия еще серьезнее: разрушение личности, потеря связи с реальностью, депрессия, эмоциональная пустота.

Выход из зависимости представляет собой очень сложный и не всегда успешный процесс, поэтому особую важность приобретает поиск путей профилактики. С этой целью важно изучить детерминанты формирования зависимого поведения.

Одним из важных факторов склонности к зависимости от азартных игр можно признать гендерный фактор. Хотя и считается, что лица разного пола в равной степени участвуют в азартных играх (Ю.В Попов; В.Д Вид, 1997) В.Л. Малыгин (2005) считает, что риск формирования зависимости от игры более высок у лиц мужского пола. В результате исследований проведенных В.Л. Малыгиным из всех обратившихся за помощью в возрасте 21–30 лет мужчины составили 89% (n=65), женщины 11% (n=8). В то же время опыт работы с другими, более «традиционными» видами зависимости (например, алкоголизмом, наркоманией, никотиновой зависимостью) показывает, что вопрос массового вовлечения женщин – дело времени, а, кроме того, возможна вероятность более тяжелых последствий.

В связи с этим, нами было предпринято исследование связи гендерных факторов со склонностью к игровой зависимости. Исследование проводилось на выборке 194 человека – студентах Казанской государственной академии ветеринарной медицины (80 девушек и 114 юношей), в качестве методического инструментария использовалась методика В.Д. Менделевича «Личностные особенности», в которой была выделена шкала склонности к игровой зависимости. Шкалу составили такие вопросы, как «рисковать всем, например, в казино, могут только сильные люди», «если я начинаю играть в какую-нибудь игру, то меня нередко нелегко оторвать от нее» и т.д. При стандартизации данной шкалы выявлены небольшие, но достоверные по t-критерию Стьюдента ($p=0,05$) межполовые различия в средних значениях уровня склонности к зависимости от азартных игр (в выборке юношей $M = 44$, в выборке девушек $M = 46$). Это говорит о том, что девушки в среднем продемонстрировали несколько более выраженную тенденцию в склонности к зависимости от азартных игр. При сопоставлении испытуемых «группы риска» данная тенденция проявилась более четко: в выборке девушек группу риска составило 18 испытуемых (22.5 %), в выборке юношей – 14 испытуемых (12.2 %).

При качественном анализе результатов тестирования выявлено, что склонность к игровой зависимости у юношей и девушек наполняется разным содержанием: если для всех испытуемых она связана с легким, романтизированным отношением к возможности выигрыша, то для девушек важную роль играет вера в мистику, а для юношей – любовь к риску и тенденция к застреванию на интересующих занятиях.

Таким образом, согласно полученным данным, статистически девушки демонстрируют большую склонность к гемблингу, однако в игровых салонах, казино мы видим в основном мужчин. По статистике обращаемости за психотерапевтической помощью в ситуации сформированной зависимости от азартных игр, как было показано выше, на первом месте стоят также мужчины.

На данном этапе исследования, интерпретируя полученные данные, можно предположить, что формирование зависимости имеет более сложную систему детерминации, и не является прямым следствием индивидуальной склонности. В связи с этим, следующей задачей исследования является рассмотрение влияния на формирование склонности к зависимости от азартных игр других гендерных факторов (гендерных характеристик личности, типа гендерных установок).

ПОДСЕКЦИЯ «ПСИХОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОГО ВЛИЯНИЯ»**Механизмы символизации в рекламной продукции****Бабенко Екатерина Анатольевна⁵⁰***аспирантка**Черкасский национальный университет им. Б. Хмельницкого, Черкассы, Украина*

Стремительное развитие экономики обуславливает необходимость обеспечения конкурентоспособности отечественных товаров, немаловажная роль в этом процессе принадлежит эффективной рекламе. Одним из перспективных направлений современной практической психологии является проблема эффективности влияния рекламной продукции на потребителя, в контексте которого представляется актуальным вопрос относительно изучения бессознательных компонентов рекламы. В данном контексте наше исследование было направлено на выявление механизмов символизации бессознательного, поскольку содержание бессознательного субъекта и его автономия от сознания обеспечивает именно процесс символизации (то есть выражение обобщенного смысла через чувственный, наглядный образ), исследование особенностей которого будет способствовать нахождению адекватных приемов в создании эффективной рекламы.

Сам термин «символизация» ученые трактуют по-разному. В работе английского психоаналитика Э. Гловера, сторонника и последователя З. Фрейда, мы находим определение символизации как архаического наследия «тех времен, когда первобытный человек трудно овладевал искусством языка» (Гловер, 1999), то есть исследователь, следуя за основателем психоанализа, определяет символизацию только как действие или практику использования символов.

По мнению А. Ребера, в применении понятий «символизм» и «символизация» возникла некоторая путаница, но ученый считает целесообразным размежевание этих понятий и определяет символизацию как бессознательный процесс при посредничестве которого вытесненные желания превращаются и маскируются таким образом, чтобы проявляться на сознательном уровне, не вызывая психических проблем (Ребер, 2001).

В научной школе украинского ученого Тамары Семеновны Яценко символизация определяется как «маскировка содержания бессознательного от цензуры «Сверх-Я» с целью обеспечения возможности его проявления в поведении» (Яценко, 2004). Многолетние исследования Т. С. Яценко человеческой психики в контексте метода активного социально-психологического обучения (АСПО) позволили дополнить список механизмов символизации, которые выделил З. Фрейд при толковании сновидений (сгущение, смещение, образительность, вторичная обработка) такими механизмами, как намек, гиперболизация, минимизация, маскировка количеством, локализация, схематизация и т.д.

Целью нашего исследования является выявление особенностей символизации содержания бессознательного и возможности их применения при создании рекламной продукции с учетом специфики потребительского контингента. Полученный материал дает основания утверждать, что символизация обеспечивается (и обеспечивает) двоякий процесс: интрапроцесс и экстрапроцесс; те механизмы символизации, которые были выделены психоанализом при исследовании сновидений, действуют при создании психорисунков, рекламных роликов, печатной рекламной продукции и т.д.; личностная проблематика контингента потребителей обуславливает эффективность влияния рекламы с использованием определенных механизмов символизации, поскольку данные механизмы позволяют вывести на сознательный уровень в завуалированной форме вытесненные желания и условные ценности данных людей.

Таким образом, проблема изучения особенностей символизации содержания бессознательного является весомой, поскольку знание механизмов символизации не только

---

⁵⁰ Автор выражает искреннюю признательность профессору, доктору психологических наук, академику АПН Украины Яценко Т.С. за неоценимую помощь в подготовке тезисов

позволит создать эффективную рекламную продукцию, но и обогатит науку относительно бессознательного психического.

Временная структура радиодialogа без визуального контакта

Виноградская Александра Ивановна

аспирант

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: alvi.90@mail.ru

Исследование проблемы общения в радиоэфире в современной психологии массовых коммуникаций занимает сегодня ведущее место. Особенно если радиодialog (РД) без визуального контакта между радиожурналистом (РЖ) и респондентом длится короткий период времени (10–15 минут) и требует проявления высокой коммуникативной компетентности, ролевой ответственности, быстрого принятия решений и интуитивного, подсознательного определения РЖ возможностей респондента в раскрытии проблем обсуждаемой темы. Тем более, когда респонденты – чиновники высшего и среднего ранга, политические деятели, обсуждают в РД актуальные вопросы и кризисные события в регионах высокой социальной напряженности, как, например, Северный Кавказ.

Главная цель РД высокой социальной значимости – сформировать требуемый позитивный образ проблемы, который оказывает фасилитирующее воздействие на сознание и подсознание радиослушателей, тем самым снимает напряженность в обществе и формирует установки социального поведения. (В некоторых психологических моделях массовой коммуникации такой образ проблемы определен как фрейминг).

Таким образом, мы считаем актуальным проанализировать временную структуру общения в РД на основе концепции временной организации взаимодействий партнеров и показать как «снимается» дефицит времени в короткий период диалога под управляющими и нивелирующими действиями РЖ.

В наших исследованиях мы ориентировались, в основном, на работы Ю.К.Стрелкова (2001; 2003; 2004; 2005). Итак, время – это мера согласованности, средство синхронизации и временного упорядочивания событий темпоральных рядов. Основные характеристики времени – ритм (частота) и синхронизация событий. Феномен времени определяется через:

- переживание длительности процесса деятельности;
- переживание операций, определяющих завершение деятельности;
- переживание интегральных оценок ритма и синхронизации деятельности, которые являются отображением параметров внутренних временных структур.

Временные структуры опыта субъекта невозможно отделить от исполнительных процессов деятельности.

Таким образом, мы выдвигаем гипотезу: временная структура РД как системы массовой коммуникации вместе с эмоционально-смысловым содержанием ситуаций образуют целостное представление, определяющее интенцию взаимодействий партнеров по формированию образа обсуждаемой проблемы, на основе изменения как основных, так и специфических параметров временной структуры.

В РД высокой социальной значимости, исследованных нами, можно выделить:

1. Общение, когда партнеры, в основном респонденты, осознают значимость обсуждаемых проблем в своей временной перспективе (карьера, рейтинг). Этот фактор определяет общую интенцию диалога к поддержанию и возврату к продуктивным отношениям при их прерывании как сознательно, так и по неосознанным причинам (фрустрации, аффекты, уход из информационного поля темы). Дефицит времени в таких РД, часто имеет место в виде намерения РЖ достичь высокой успешности – характеризуется сжатием информации в вопросах и увеличением ритма речи по инициативе РЖ. При определенном уровне сжатия информации и повышении ритма общения возникает диссонанс – неадекватное понимание и взаимодействие партнеров, который отражает уровень развитости и осознанности коммуникативной компетентности, смысловой регуляции (Д.А. Леонтьев, 2003), саморегуляции (В.И. Моросанова, 2001) и процессов принятия решений

(Т.В. Корнилова, 2003). Такой диссонанс является критерием для РЖ, по которому он определяет достижение максимальной согласованности с информационно-психологическими возможностями респондентов.

Информационная целостность эмоционально-смыслового содержания ситуаций диалога определяется единством «вопрос – ответ». Целостность, понимаемая в пространстве «событие – время», определяется единством ситуации и временной структуры диалога, адекватно согласованной с внутренней временной структурой опыта партнеров.

2. Общение, когда респонденты связывают значимость РД во временной перспективе с обнаружением своих позиций, убеждений, реализующихся в виде противодействий сценарию РЖ, в том числе и в виде тактики – «диффузии ответственности». Формируется отрицательное воздействие на сознание радиослушателей.

В этом случае единственной стратегией РЖ становится нивелирование негативного влияния респондента на радиослушателей и одностороннее формирование позитивного образа проблем темы. Такие действия РЖ, настроенные на индивидуальные особенности респондента, имеют существенные сложности.

Обобщая п.1 и п.2 можно заключить, что РД создает позитивные установки в социальном поведении и реальных отношениях радиослушателей, включенных в социальные события и синхронизированных с ними, что определяет целостность в пространстве «социальное событие – социальное время».

В нашем исследовании мы использовали 120 фонограмм – реальных записей РД Радиокomпании «Голос России». Результаты анализа фонограмм показали, что гипотеза подтвердилась экспертными данными, в том числе и приведенными ниже.

1. Диссонанс в общении при дефиците времени, подтвержденном выявленными признаками (38 %), характеризуется кратковременностью (1–2 вопрос-ответа) и достоверностью перехода в продуктивные отношения (адекватность вопрос-ответов).

В ряде фонограмм (26 %) имеет место более длительный период диссонанса (3–4 вопрос-ответа), что интерпретировалось как включение спорных аргументов.

Можно заключить, что имеет место управление параметрами временной структуры диалога: ритмом и синхронизацией по инициативе РЖ для достижения необходимой или максимальной успешности диалога.

2. Экспертами выявлены изменения параметров ритма (замедление или ускорение) и синхронизации (использование прерываний) событий непосредственно для формирования образа проблемы при отсутствии дефицита времени.

3. Установлена значимость определенных специфических параметров временной структуры диалога как в продуктивных отношениях, так и в управляющих и воздействующих речевых действиях обоих партнеров РД (65 %), но в большинстве случаев (52 %) по инициативе РЖ. Выявлены:

- повышенный ритм смысловых акцентов по отношению к основному;
- прерывания сообщений с логическим переходом к другим событиям как механизм синхронизации и сокращения сообщений;
- логические переходы от прошедших событий в будущие проекции и обратно – механизм специфической синхронизации.

Результаты наших исследований будут использованы в виде рекомендаций для работы журналистов в радиоэфире без визуального контакта с респондентами Радиокomпании «Голос России», а также других радиокomпаний.

Влияние телевидения на процесс социальной идентификации ребенка

Гончарова Наталья Николаевна

аспирант

Московский открытый социальный университет, Москва, Россия

E-mail: natallla@yandex.ru

В последнее время все чаще и чаще встает вопрос о влиянии средств массовой информации на развитие общества. Повсеместно из экранов телевизоров льется мощный поток информации, зачастую не ведающий никакой моральной цензуры. Доступность просмотра

телевизионных программ пагубно сказывается на развитии детей, которые являются наиболее уязвимой и поддающейся влиянию со стороны СМИ частью общества.

С точки зрения большинства представителей западной психологии условиями развития являются наследственность и среда. Главная черта всех концепций – это понимание развития как приспособление человека к окружающей его среде.⁵¹

В освоение мира, той социальной среды, в которой находится ребенок, вторгается мир другой, мир глазами взрослого человека. Конъюнктура и борьба за медиарынок создают такое информационное пространство, в котором граница между понятиями добра и зла очень условна и прозрачна. В нелегких условиях происходит свободный индивидуальный выбор нынешней молодежи, как пути установления социальной идентичности, т.е. осознания, ощущения переживания своей принадлежности к разным общностям.⁵²

Практически отсутствие качественных программ для детей разных возрастных групп заставляет ребят просиживать часы за просмотром «взрослого» кино, ориентированного совсем на другую зрительскую аудиторию. Свойственная ребенку потребность подражать без еще не выработавшегося критического отношения к собственным действиям позволяет перенимать не самые лучшие образцы для подражания. Взаимодействие с телевизионными образами запускает функцию механизма социальной идентичности – включение личности в систему социального взаимодействия. Процесс идентификации происходит путем сопоставления интересов, взглядов, ценностей, опыта жизни и моделей поведения себя и своей группы с другими. Объектами идентичности могут быть самые различные сообщества, в том числе и символические.⁵³

Одной из проблем, волнующих родителей и специалистов, является большое количество сцен насилия как в современных художественных фильмах, сериалах, так и программах дневного просмотра. Множество вопросов возникает и относительно новых, в основном зарубежных, мультипликационных фильмов. Детям нужны сказки, мультики в которых говорится о добре, сотрудничестве, взаимовыручке. Где герои дружат, а не дерутся друг с другом, причем один непременно должен добиться преимущества над другим с помощью физической силы или оружия. Конечно, это может быть положительный герой, и поступки его можно оправдать. Но тогда он задает установку: насилие — не обязательно зло, «хорошие» тоже себя так ведут».

Дети склонны считать изображаемое на экране насилие реальным и социально-приемлемым способом решать проблемы. Более того, изображение агрессивных, отрицательных персонажей порой настолько привлекательно, что дети начинают себя с ними идентифицировать. Таким образом, телевидение непосредственно учит детей агрессивным реакциям. Склонность имитировать увиденное насилие возрастает, если в изображении присутствуют пять выделенных исследователями компонентов:

1. Преступник представляет собой привлекательную ролевую модель.
2. Насилие выглядит оправданным.
3. За насилием не следует возмездия (преступные действия не вызывают раскаяния, не осуждаются, не наказываются).
4. Жертва насилия несет минимальный ущерб.
5. Сцена насилия воспринимается зрителем как реалистичная.⁵⁴

Еще одной важной проблемой является высокая степень сексуальной откровенности телевизионной продукции. Доступность телевизионного эфира, показ кадров, содержащих сексуальные сцены в дневное и вечернее время, делают этот медиаматериал довольно опасным. Специалисты отмечают, что дневные сериалы содержат большое количество упоминаний о сексе. Юмористические передачи изобилуют намеками на секс. А в вечерних телевизионных передачах часто упоминают о сексуально-девиантном поведении или, затрагивая тему половых отношений, большинство персонажей обсуждают

⁵¹ Обухова Л.Ф. Возрастная психология. М., 1996. С.185.

⁵² См: Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования идентичности личности // Психология самосознания. С. 591.

⁵³ Там же. С. 595.

⁵⁴ Брайант Д., Томпсон С. Основы воздействия СМИ.: Пер. с англ. – М.: Издательский дом «Вильямс», 2004. С. 108.

добрачные или внебрачные связи. Не регламентированный и не контролируемый просмотр сексуально откровенной телепродукции может привести к десенсбилизации, то есть постепенным изменениям ценностей и установок. Предварительно табуированное поведение становится приемлемым вследствие регулярного воздействия СМИ на индивида.⁵⁵

По мнению ученых, предотвратить или ослабить пагубное воздействие можно:

- а) При наличии ясной и четко обозначенной семейной системы ценностей;
- б) Поощрять и практиковать свободное и открытое обсуждение проблемных вопросов в семье.
- в) Важно развивать и поощрять необходимый для детей навык – активный критический просмотр и анализ передач.

Самосознание человека как индивида является неотделимой частью той внешней среды, в которой этот человек растет и получает жизненный опыт. Самосознание не имеет самостоятельного пути развития, отдельного от пути личности, оно включается в этот процесс развития личности как реального субъекта в качестве его момента, стороны, компонента.⁵⁶ Полученный визуализированный опыт в детском возрасте преобразуется в жизненные установки, внутренний багаж, с которым человеку предстоит идти по жизни.

Таким образом, роль телевидения в формировании внутреннего мира и на процесс социальной идентификации ребенка огромна. Обладая мощным позитивным потенциалом, в настоящее время, к сожалению, в век рыночных отношений, заботу о подрастающем поколении российское телевидение проявлять не спешит.

Взаимосвязь эффективности воздействия рекламы с психофизиологическими особенностями потребителей

Дикий Игорь Сергеевич

студент

Ростовский государственный университет, Ростов-на-Дону, Россия

E-mail: igordik@yandex.ru

Роль рекламы в жизни современного общества трудно переоценить. Основные направления современных исследований психологии рекламы включают в себя изучение потребностей и мотивов потребителей, особенностей их когнитивных и эмоциональных психических процессов, различных рекламных стратегий и их действенности на потребителей в зависимости от индивидуальных особенностей последних и специфики подачи рекламной информации (Краско Т.И., 2002; Лебедев-Любимов А.Н., 2004; Мокшанцев Р.И., 2002).

Общеизвестно, что восприятие рекламы людьми обусловлено как социальными (сложившимися культурными традициями, ценностями, нравственными нормами общества), так и психологическими и психофизиологическими факторами (Ихсанова С.Г., 2004; Яшина Е.З., 2003).

Современные исследования психологии рекламы направлены на поиск конкретных фактов и закономерностей действия рекламы, но не раскрывают глубинных механизмов её эффективности. Между тем, знание психофизиологических механизмов воздействия рекламы позволит более эффективно создавать новые её формы, быстро менять их и управлять покупательским спросом.

Особенно актуальными представляются прикладные исследования психофизиологических детерминант формирования мотивации к приобретению товара, взаимосвязи мотивационных стратегий с индивидуальными психофизиологическими особенностями потребителей, что могло бы представить практический интерес для многих разработчиков рекламной информации.

---

⁵⁵ Там же. С. 222.

⁵⁶ Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. С-Пб. 1999. С. 636.

Целью проведенного нами исследования является изучение степени и характера взаимосвязи между мотивами к приобретению рекламируемого товара и индивидуальными психофизиологическими особенностями потребителей. В качестве объекта исследования выступили студенты IV курса факультета психологии Ростовского государственного университета численностью 32 чел.

В ходе исследования проверялась гипотеза о взаимосвязи эффективности воздействия рекламной информации с индивидуальными психофизиологическими особенностями потребителей рекламы.

В исследовании использовались методика оценки рекламной продукции с точки зрения эмоционального отношения к ней потребителей и методика исследования доверия к смысловому содержанию рекламной информации (Лебедев-Любимов А.Н., 2004), методика диагностики доминирующего стиля мышления Е. Торренса. Для выявления индивидуальных психофизиологических особенностей в исследовании использовались гаплоскопическая методика (Таланов В.Л.) и методика диагностики активации, функциональной асимметрии полушарий головного мозга и психоэмоциональных состояний (Цагарелли Ю.А.).

В процессе эксперимента обследуемые оценивали степень доверия и эмоционального отношения к рекламной информации после просмотра каждого из 16 видеороликов с различной стратегией и спецификой подачи рекламной информации о товаре одной и той же марки. Кроме того, у испытуемых измерялись степень активации и функциональной асимметрии головного мозга, степень выраженности и скорость смены глазодоминирования и преобладающий стиль мышления, характеризующий способ переработки информации.

В результате проведенного исследования были выявлены следующие взаимосвязи психофизиологических особенностей потребителей рекламируемого товара с выраженностью их мотивационных стратегий к его приобретению:

- чем больше выраженность левостороннего стиля мышления, тем выше степень доверия к смысловому содержанию рекламной информации, к характеристике товара;
- чем больше выраженность правостороннего стиля мышления и активность правого полушария, тем больше эмоциональной активации и напряженности при восприятии смыслового содержания рекламной информации и меньше выраженность положительного эмоционального отношения к рекламной информации;
- чем выше скорость изменения глазодоминирования у потребителей рекламы, тем больше степень доверия к смысловому содержанию рекламы, осознания рекламной информации и ниже степень эмоциональной активации и напряженности.

Таким образом, степень доверия и эмоционального отношения к рекламной информации взаимосвязана с особенностями межполушарной организации и способами переработки информации у потребителей. Наши дальнейшие исследования предполагают изучение воздействия рекламной информации на процесс принятия решения потребителями с разными психофизиологическими особенностями.

Опыт исследования политического самосознания

Зайцев Илья Владимирович

аспирант

Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия

E-mail: kom211@yandex.ru

В политической сфере характер функционирования институтов власти, формы поведения разнообразных субъектов и все иные проявления активности человека непосредственно формируются на основе его идей, воззрений, чувств и иных духовных явлений. Наиболее общей категорией, отражающей всю совокупность чувственных и теоретических, ценностных и нормативных, рациональных и подсознательных представлений человека, которые опосредуют его отношения с политическими структурами, является «политическое самосознание».

Предметом нашей работы стало изучение обыденного политического самосознания. Настоящее исследование позиционируется в рамках социально-конструктивистского подхода. В качестве основного метода исследования мы использовали разновидность дискурсивного анализа – модель лингвистических категорий (МЛК), которая предоставляет средства для изучения особенностей структуры высказывания и, следовательно, для изучения взаимосвязи между психологическими процессами, лежащими в основе производства высказывания, структурой высказывания и пониманием высказывания. В качестве исследовательского материала использовались свободные сочинения на тему «Я и политика». Авторы сочинений – студенты очной и заочной форм обучения, в возрасте 19–35 лет. Для анализа были взяты 50 работ.

На первом этапе исследования мы подошли к изучению содержания высказываний респондентов, описывающих сущность политики. Анализ материалов включал в себя анализ причин, описывающих политику и политическую жизнь. При этом элементы текста (отрывки сочинений) сравнивались по содержанию и по форме для выявления сходств и различий в объяснениях сущности политики. Как отмечают Поттер и Уезерел (Potter J., Wetherell M., 1987), объяснения распознавались не столько по принципу «что было сказано в отрывке», сколько по принципу «как составлялись эти отрывки и к каким лингвистическим ресурсам обращались авторы сочинений». Особое внимание уделялось двум аспектам объяснения: описание автором сущности самой политики, с учетом выделяемых субъектов-«носителей» и манера описания автором своей роли и участия в политике и политической жизни страны.

В результате анализа было выделено четыре интерпретативных репертуара или типа объяснения сущности политики. Первый тип – «включенный». Объяснения с помощью данного репертуара строятся вокруг идеи о том, что любой человек способен оказывать влияние на политику («политика создается личностью», «хочу подчеркнуть роль влияния личности на политику», и т.д.) Следует заметить, что авторы при этом не говорили о собственном влиянии на политику или о возможности такого влияния. Второй тип – «отчужденный», характеризует политику как деятельность отдельных лиц (политиков), при этом авторы сочинений четко отделяют себя от политики. Важная характеристика этого типа заключается в идеи влияния политики на жизнь общества. Третий тип – «конформистский». Здесь политика представлена как борьба за власть, в которую включены все граждане. Роль граждан в борьбе за власть авторы объясняют их конституционным правом «выбирать и быть избранными». Именно участие в выборах авторы рассматривают как возможность своего «включения» в политическую жизнь. Особенностью этого репертуара является то, что авторы не предоставляют собственных убеждений и точек зрения, подход основан на ориентации на мнение большинства («многие», «все»). Четвертый тип – «идеалистический» – определяет политику как институциональное образование, вид профессиональной деятельности, «при желании доступный любому гражданину». Важная характеристика этого типа заключается в вере респондентов в возможность оказывать влияние на политику, определять перспективы развития общества и государства. Авторы сочинений говорят об интересе к общественно-политической жизни, отводя при этом себе субъектную роль. Степень личного участия в политической жизни авторы определяют лишь собственным желанием: «если я захочу, я смогу стать...», «в будущем, возможно, я стану политиком, если не потеряю к этому интерес» и т.д.

Изучение содержания высказываний позволило выявить и эмоциональное отношение авторов сочинений к сущности политики. В результате анализа мы выявили, что 26% респондентов положительно оценивают политику; негативное отношение высказали 40%, наконец, нейтрально политику оценили 34% респондентов.

Второй этап исследования был посвящен изучению процесса в свободных высказываниях. Понятие процесса в свободных самоописаниях относится к синхроническим (ситуативным) и диахроническим проявлениям Я-концепции в различных социальных контекстах. Одним из способов изучения процессов в свободных самоописаниях является классификация глаголов. Одной из возможных таких классификаций является классификация в соответствии с уровнем абстрактности глаголов. Мы составили словарь глаголов, которые были использованы респондентами в контексте собственного описа-

ния политической жизни. Для построения модели, различающей степень абстрактности выражаемых действий, мы попросили экспертов оценить глаголы из составленного нами словаря по степени абстрактности выражаемых действий по шкале от 1 до 10. В роли экспертов выступили преподаватели кафедры русского языка Волгоградского государственного университета.

На третьем этапе исследования задача состояла в том, чтобы выявить влияние типа описания политики и эмоционального отношения респондентов к ней на уровень абстрактности этих описаний. Тип описания и эмоциональное отношение являются независимыми переменными, выраженные в неметрической шкале. Выявленный уровень абстрактности – метрическая зависимая переменная. В результате многофакторного дисперсионного анализа мы получили следующие результаты:

Низкий уровень абстрактности описаний характерен для «включенного» типа с отрицательной эмоциональной оценкой политики и политических событий. Описание сущности политики при этом предельно конкретны и событийны. Следует заметить, что при «включенном» типе описания политики с нейтральной эмоциональной оценкой уровень абстрактности этих описаний увеличивается до отметки среднего уровня. «Конформистскому» типу описания политики свойственен средний уровень абстрактности и при отрицательном и при нейтральном оценивании политической жизни. «Отчужденный» тип описания демонстрирует высокую степень абстрактности при отрицательном оценивании политических событий, при нейтральной оценке – абстрактность описаний снижается до среднего уровня. Наконец, самый высокий уровень абстрактности описаний демонстрируют респонденты с «идеалистическим» типом описания политики и положительном оценивании этого феномена.

Подводя итоги, отметим, что модель лингвистических категорий в исследовании ментальных репрезентаций позволяет изучить не только содержание, но и процессы в свободных высказываниях. В ходе исследования нами было выделено четыре типа объяснения сущности политики и присущие этим описаниям уровни абстрактности. Сам метод позволяет по-новому подойти к интерпретации смысла текстовых сообщений, поскольку позволяет учитывать контекстуальные параметры, структуру текста и приемы его формирования.

Образ-Я государства в международных отношениях

Коровкин Сергей Юрьевич

студент

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль, Россия

E-mail: korovkin_su@list.ru

Для описания личностной идентичности необходимо описание так называемой Я-концепции, в то время как для определения социальной идентичности необходимо выявление всех связей личности со своей группой.

Я-образы специфичны и изменяются от одной ситуации к другой. Однако, человек обладает устойчивым набором качеств, по которым он определяет себя как неповторимого и этот набор называется Я-концепцией. Таким образом, гибкость основана на способности людей формировать Я-образы, а относительное постоянство человека, обеспечивается благодаря устойчивой Я-концепции (Шибутани, 1999, с.182).

Для описания адаптивной функции Я-концепции обычно используют понятие «ситуативные Я-образы». При возникновении проблемной ситуации, у человека должен возникнуть его ситуативный Я-образ, предназначенный для процесса адаптации в данной ситуации. В дальнейшем, данный Я-образ может воспроизводиться в подобной ситуации, но в силу уникальности и изменчивости условий, как правило, происходит выработка новых ситуативных Я-образов.

Таким образом, Я-образы являются теми оперативными актуализациями различных аспектов Я-концепции, которые непосредственно участвуют в реальной жизнедеятельности человека. Гибко меняясь, они обеспечивают адаптацию к меняющимся условиям жизни. Однако изменения этих оперативных Я-образов вызывают только те ситуа-

ции, которые являются для личности проблемными. Ситуативные и являющиеся устойчивой подструктурой Я-концепции Я-образы представляют собой единую структурную целостность.

В западной психологии международных отношений применяется метафора Я-концепции государства. Данная проблематика в России представлена в работах И.Ю. Киселева и А.Г. Смирновой. Рассматривая два основных подхода возможного решения проблемы онтологии государства: с одной стороны, попытка объективировать государство через деятельность политических лидеров на международной арене, а с другой, его антропоморфизацию; авторы делают упор на втором подходе. Основываясь на конструктивизме А. Вендта, который утверждал, что «государства – тоже люди...» (Киселев, 2003а, с.7) они считают, что государства, выступающие как коллективные субъекты, являются целенаправленными акторами, наделенными чувством «Я». Киселев предлагает использовать термин «Я-образ», что становится возможным в силу такой особенности внешнеполитического взаимодействия как «маниакальная» персонификация. Этот образ-Я представляют легитимные субъекты международных отношений, которые имеют право выступать от имени государства: президент, министр иностранных дел, статус которых официально закреплен в концепциях внешней политики страны.

Политический лидер выступает в роли проводника Я-концепции государства, как семантического знания, реализуемого в виде ситуативных Я-образов, которые генерируются им в процессе познания места и роли своей страны в международной системе. Формирование ситуативного образа-Я происходит за счет включения Я-концепции в актуальное событие. «Ситуативный Я-образ рождается в результате «подгонки» Я-концепции к наличествующим обстоятельствам, осуществляемой лидером государства» (Киселев, 2003б, с.52). Образы, вначале, являясь ситуативными, затем интегрируются в Я-концепцию и становятся устойчивыми. Я-концепция с трудом поддается изменениям, более того, она им сопротивляется.

В.В. Разуваев отмечает, что международные отношения строятся не только на основе общения политических лидеров, но также и на всех уровнях взаимодействия. С целью схематично отобразить данную структуру, можно выделить как минимум четыре основных уровня взаимодействия. 1) Уровень общества. Этот уровень заключается в общении и взаимодействии граждан различных стран, в том числе взаимодействие в науке, экономике, праве, культуре, спорте и других сферах жизни. 2) Уровень политической элиты и лидеров массового сознания. Структура политической элиты, преобладающие в ней взгляды, поведение отдельных политиков той или иной страны влияют на её образ в других странах. 3) Политический истеблишмент или группа принятия решений. Именно на этом уровне в коллективной форме принимаются внешнеполитические решения. 4) Личностный уровень межгосударственного взаимодействия. На этом уровне взаимодействия главную роль играет личность человека, представляющего своё государство на международной арене, влияние самовосприятия государства на его личную Я-концепцию (Разуваев, 1994).

В соответствии с данной классификацией нами было выдвинуто предположение о том, что образ-Я государства можно представить подобным же образом. Выделив четыре основных уровня идентификации политика с государством, зависящих от контекста межгосударственного взаимодействия, мы можем проследить ситуации, в которых уровень идентификации выступающего политика не определен (не понятно от чьего лица выступает политик – выражает мнение общества, мнение какого-либо ведомства/партии, официальную позицию государства или, вообще, личное мнение, что часто бывало, например, после заявлений Н.С. Хрущева и других политиков) и определить, с помощью психологических методик (напр.: контент-анализ), на каком уровне идентичности в данном контексте/ситуации находится политик. Таким образом, Я-образ государства можно изучать на четырех уровнях ситуативных образов: 1) уровень массового сознания (стереотипы, социальные представления и т.п.), 2) ведомственный уровень (для политиков реально принимающих участие в принятии решений), 3) уровень политического истеблишмента, узкой группы, ответственной за принятие первоочередных решений (в каче-

стве модели в России мы берем Совет Безопасности РФ), 4) личностный уровень (уровень личных интересов, индивидуальных представлений).

Таким образом, государство, представляемое на международной арене членами группы принятия решения, как и всякий коллективный субъект обладает образом себя, Я-концепцией, состоящей, по крайней мере, из четырех основных групп ситуативных Я-образов, соответствующих основным уровням межгосударственного взаимодействия.

Скрытая реклама алкогольной продукции и ее выявление при помощи методики «Семантический дифференциал» Ч. Осгуда

Кузьмин Михаил Юрьевич

студент

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

E-mail: Mirroy@mail.ru

В современном обществе рекламная коммуникация является значительной силой. По мнению известного психолога А. Менегетти, ее авторы получают доступ к лидерству, всеобщему вниманию, невиданному ранее превосходству – а значит, господство над психологией и культурой (А. Менегетти – Система и личность, Минск–1998, стр. 156). Склонность получить такое господство заставляет недобросовестных предпринимателей прибегать к скрытому продвижению продукта, реклама которого запрещена, посредством рекламы другого продукта. Типичным примером тому является скрытая реклама водки под видом питьевой воды («Кристалльная», «На бруньках») в нарушение действующего закона РФ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции» (Глава 2, Статья 17, изменения от 7 января 1999 года).

Возможность существования «двойного дна» у рекламного сообщения связана со следующими закономерностями восприятия. Как целостное отражение предметов, ситуаций, событий, возникающее при непосредственном воздействии физических раздражителей, восприятие всегда связано с различными психическими процессами, в том числе с памятью. В частности, при взаимодействии с памятью восприятие дает возможность субъекту выделить информативное содержание ситуации, сличить воспринимаемые объекты с перцептивными образами, хранящимися в памяти, опознать их и, таким образом, адекватно отразить ситуацию. При этом в опознании первоначально выделяется лишь общее представление о предмете, строящееся на основе основных его признаков. В случае совпадения признаков перцептивного образа с общими признаками предмета происходит опознание и формирование определенного отношения к нему субъекта.

Соответственно, при создании рекламного сообщения можно наделить рекламируемый продукт таким сочетанием признаков, которые ассоциируются в массовом сознании с другим продуктом или явлением. Обычно это используется для продвижения малоизвестного товара на рынок. Однако в иной ситуации – когда знакомый потребителю продукт запрещено рекламировать – этот же прием позволяет выпустить на рынок другой продукт, наделенный всеми признаками первого и фактически его продвигающий.

Уличить предприятие, которое использует такого рода скрытую рекламу, в нарушении законодательства достаточно сложно. В этом случае помочь правоохранительным органам может психологическая экспертиза рекламы. Примером такого рода экспертизы является исследование, проведенное весной 2005 г. Лабораторией социальной психологии Психологического факультета ИГУ. Его формальной целью было изучение отношения студентов к следующим видам продукции: водке, минеральной воде в пластиковой упаковке и фирменной питьевой воде «ВАИК». Фактической целью исследования была экспертиза образа или рекламы воды и водки под товарным знаком «ВАИК». Была использована методика «Семантический дифференциал» Ч. Осгуда, позволяющая выявить отношение личности к определенному предмету или явлению; в нашем случае изучалось отношение к внешнему виду, к упаковке данной продукции.

В эксперименте приняло участие 38 человек в возрасте от 19 до 40 лет. Обработка данных проводилась методом корреляционного анализа при помощи пакета программ «Статистика».

В результате анализа полученных данных была выявлена прямая корреляция между показателем отношения к воде «ВАИК» и к водке ($r = 0,96$ при $p = 0,00001$). Это свидетельствует о том, что отношение к внешнему виду бутылки с питьевой водой «ВАИК» и бутылки водки фактически идентично, продукция не дифференцируется. Стоит отметить, что значимая корреляция как между отношением к воде «ВАИК» и к минеральной воде, так и между отношением к водке и к минеральной воде отсутствовала ($r = -0,1383$ при $p = 0,584$).

Исходя из полученных данных был сделан вывод о том, что продвижение на рынок фирменной питьевой воды «ВАИК» скрытым образом рекламирует алкогольную продукцию того же производителя.

Данное исследование, помимо прикладной ценности как основа для заключения психологической экспертизы, имеет и методологическую ценность, заключающуюся во внедрении методики «Семантический дифференциал» в практику психологической экспертизы ненадлежащей, скрытой рекламы.

Стоит отметить, что в настоящее время скрытая реклама алкогольной продукции видоизменилась. Вместо питьевой воды алкоголь рекламируется, например, под видом льда («Medoff»), журнала («Мягков») или даже тостов («Путинка») («Екатеринбург наводнила скрытая реклама алкоголя» \\\Российский рекламный вестник – сент. – 2005). В случае с водкой «ВАИК» рекламируется лодка с одноименным названием. Однако, по нашему мнению, методика «Семантический дифференциал» позволяет выявлять и доказывать недобросовестность рекламы и в таких случаях.

Восприятие образа власти

Турантаева Александра Гавриловна

ассистент

Якутский государственный университет им. М.К. Аммосова, Якутск, Республика Саха (Якутия), Россия

E-mail: Alexia1999@mail.ru

Восприятие политической власти является одним из сложнейших процессов, определяющим взаимоотношения политической системы и личности. Конечная цель влияния власти на социум – добиться временной или постоянной электоральной поддержки граждан. Именно в его сознании складывается ее образ, на основе которого человек строит свое поведение, в итоге реализующееся в поддержке той или иной политической группы либо режима в целом.

Однако проблема восприятия власти рядовыми гражданами вообще и отдельной личностью в частности является одной из наименее разработанных — как в зарубежной, так и в российской политической психологии.

Целью исследования являлось изучение образа власти в представлении рядовых граждан. Объектом исследования выступили жители г. Якутска в возрасте от 16 до 56 лет. Общее количество – 160 человек.

Методический инструментарий:

- Методика «Незаконченные предложения» (открытая анкета «Образ власти»)
- Методика «Семантический дифференциал»
- Анкета «Ассоциации».

Для обработки полученных данных были использованы: контент-анализ, корреляционный анализ, кросстабуляционный анализ.

В результате эмпирического исследования было выявлено, что образ власти в сознании наших граждан имеет следующий вид.

Респонденты, в большинстве своем, определяют власть как систему управления и подчинения (28%). Т.е. власть прежде всего, – это управление чем-то, в частности, государством, народом, страной, организующий и направляющий орган, контроль и регуля-

ция. Немногим меньше власти приписываются субъективно позитивные и объективно позитивные характеристики (по 21%). Это сила, деньги, слава, авторитет, влияние, – все то, что может дать власть ее обладателю, а также такие глобальные общественные ценности как «сохранение мира над землей», «необходимость для существования человека», «защита интересов народа» и т. д. Таким образом, респонденты воспринимают власть как силу, которая управляет и руководит людьми, подчиняет их себе и в то же время является гарантом спокойной и достаточной жизни. В наименьшей степени представлены нейтральные характеристики (5%), а также характеристики власти как орудия самореализации, принуждения, манипулирования другими (12%).

В первую очередь власти приписываются негативные черты, относящиеся к деятельности. Наиболее часто респонденты указывают такую черту власти, как коррумпированность, далее следуют диктат, давление, насилие и независимость от народа. Но не многим меньше власти приписываются абстрактные позитивные черты, такие как сила, справедливость, ответственность, которые отмечаются всеми возрастными категориями. Таким образом, власть с одной стороны воспринимается как некая положительная гуманная сила, которая защищает и дарит чувство безопасности, а с другой стороны эта сила оборачивается насилием и давлением на окружающих. Меньше всего придается субъективно позитивных качеств (4,7%). Прежде всего – это деньги: у кого есть деньги – у того есть и власть, кто находится у власти, тот всегда имеет деньги. Такой стереотип укоренился в сознании нынешних старшеклассников, ответы которых, в сравнении с остальными, имеют наибольший вес в данной категории. В целом, позитивных черт выделяется больше, чем негативных, что говорит о том, что власть абстрактно все-таки имеет положительную окраску в ее восприятии респондентами.

При определении достоинств нашей власти большинство респондентов опирается на конкретные стороны существующей властной структуры (31%). В первую очередь, достоинством считают демократию. Примечательно, что если старшеклассники с уверенностью говорят, что у нас демократический строй, то старшее поколение отмечает только стремление к ней. Большинство респондентов недостатками власти назвали абсолютно негативные качества (37%). В первую очередь, это такие качества как недальновидность, лицемерие, несправедливость и слабость. Затем называются конкретные стороны власти (29%): коррупция и бюрократия – это те явления, которые чаще всего ставятся в упрек существующей властной структуре и которые подчеркиваются респондентами всех возрастных групп.

При определении мотивов стремления к власти ответы респондентов разделились на три равных блока: для материальной выгоды (30%), для достижения социального превосходства (30%) и для самореализации, реализации собственного потенциала и возможностей (29%). Лишь 9% сказали о том, что люди стремятся к власти, мотивируясь альтруистическими целями, то есть ради благосостояния общества, чтобы улучшить жизнь народа.

Высказывания представителей власти воспринимаются как пустые обещания, несоответствующие действительности, лживые, по большей части даже смехотворные, скучные. Назначение высказываний политиков видится лишь в агитации населения и в целях формальной отчетности. Мало кто слушает выступления политиков с интересом и считает их информативными (10%). Все это свидетельствует о том, что коммуникация между властью и народом нарушена. Большинство люди не интересуются выступлениями политиков и не относятся к ним серьезно.

Большинство респондентов считает, что власть относится к народу лишь как к средству достижения собственных целей и интересов (31%). Народ для власти является источником дохода, средством для наживы, силой, которую можно использовать в собственных интересах. Далее отмечается негативное отношение власти к народу (20%): «очень-очень плохо», «как к быдлу». Необходимость народа для власти (19%) видится в том, что люди, в первую очередь, выступают как электорат и являются объектом управления. В наименьшей степени представлена категория ответов «позитивное отношение», всего 3% опрашиваемых отмечают, что власть к народу относится хорошо, «как мать к ребенку».

Сравнительный анализ по возрастным группам показал, что с возрастом увеличивается количество выделения негативных черт власти. Люди все больше начинают вос-

принимать власть как слабую, неустойчивую и не соблюдающую законов. С возрастом респонденты, отвечая на вопрос о достоинствах существующей властной структуры, все больше начинают упоминать конкретные действия власти, нежели называть абстрактные качества и стороны, ей присущие. Также с возрастом увеличивается негативное восприятие политических деятелей и растет недоверие к словам политических деятелей.

Таким образом, можно сказать, что гипотеза о существовании различий в восприятии образа власти представителей различных возрастных групп, подтверждается.

ПОДСЕКЦИЯ «ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ»

Оппозиции в психической жизни

Блинникова Светлана Леонтьевна

аспирантка

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: zagoryankas@mail.ru

Оппозиции в психическом функционировании изучаются в рамках таких концепций как теория когнитивного диссонанса Л. Фестингера, принцип конгруэнтности Ч. Осгуда и П. Танненбаума, теория личностных конструктов Дж. Келли, аналитическая психология К. Г. Юнга, концепция персонификаций Г. Салливана и др.

Как оказалось, в психологической реальности имеет место сосуществование оппозиций. Поскольку человек способен сознавать, понимать происходящее вовне и внутри него самого, он в какой-то момент сталкивается с парами оппозиций или дилеммами, которые принципиально не могут быть разрешены посредством нивелирования одного из полюсов. Он вынужден как-то понять для себя ситуацию сосуществования оппозиций.

Оппозиции сосуществуют, и это порождает интересные феномены, происходящие при попытке их синтеза. Так, интеграция противоположных аспектов себя характеризует процесс индивидуации (К. Г. Юнг); по мере взросления противоположные персонифицированные образы сливаются, образуя более комплексные персонификации (Г. Салливан); при попытке синтеза двух значимых, но оппозиционных переживаний (ситуаций) возникает феномен перехода к другой полярности (к другой паре оппозиций) – феномен движения оппозиций (Г. Херманс).

С оппозициями можно работать в ходе психологического консультирования, помогая клиенту принять и осмыслить оба оппозиционных полюса значимой для него полярности (Б. Джонсон, Дж. Хёрст).

Осознание, понимание реальности существования в мире и себе самом противоположных на первый взгляд вещей является важным фактором развития личности; качество такого осмысления может свидетельствовать о продвижении на этом пути.

С другой стороны, наряду с репрезентацией сосуществования оппозиций можно рассматривать сосуществование оппозиционных репрезентаций. Так, согласно Е. В. Улыбиной в обыденном сознании сосуществуют образ правильного (справедливого) мира и образ неправильного (о нарушении запретов) мира. Для каждого отдельного человека обыденное (общественное) сознание проявляется в его индивидуальном сознании. И здесь возникает вопрос о степени ассимиляции человеком в свое сознание этих двух противоположных репрезентаций мира без их взаимного уничтожения.

Таким образом, познание (осмысление, понимание) безусловно тесно связано с личностным развитием, и связь эта представляется организованной по принципу герменевтического круга: определенное понимание может происходить только на определенном уровне личностного развития, который может быть достигнут только при достижении этого понимания.

Построение интегральной модели восприятия эмоций

Данина Мария Михайловна

студентка

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: a_v_vartanov@mail.ru

Восприятие эмоций – сложный процесс, осуществляющийся благодаря особым механизмам детекции эмоциональных реакций с помощью разных каналов обработки информации. Существуют различные модели восприятия эмоций, базирующиеся отдельно на том или ином канале: на основе зрительного восприятия выражения лица (использовались как фотографии, так и схемы лица), на основе звуковых проявлений эмоций, на основе интроспекции собственных эмоциональных переживаний, на основе изучения семантики слов национального языка, обозначающих эмоции. Принципиальным является вопрос о существовании общего механизма детекции эмоциональных проявлений, работу которого можно описать интегральной моделью вне зависимости от информационного канала (модельно-неспецифического механизма). Целью данного исследования является построение с помощью методов многомерного шкалирования единой модели восприятия эмоций для нескольких классов стимулов. В соответствии с гипотезой, получаемое субъективное пространство эмоций будет иметь вид четырехмерной сферы, по поверхности которой стимулы будут располагаться таким образом, что каждая эмоция, независимо от способов ее предъявления, окажется тождественной самой себе (или слитой) в пространстве.

Предполагалось использовать следующий материал: 1) схематические изображения лица, выражающего разные эмоции (художественная интерпретация); 2) изображения реальной динамической эмоциональной мимики лица человека, произносящего заданное слово (видеоклипы без звука); 3) интонационные характеристики звучащего слова (звук от видеоклипа); 4) одновременное предъявление изображения реальной динамической мимики лица человека, произносящего заданное слово, и его интонационных характеристик (видеоклипы со звуком); 4) фотографии эмоциональных состояний, выбранных из соответствующих видеоклипов; 5) смешанный набор стимулов из ранее описанных классов; 6) слова на русском языке, обозначающие эмоции.

Методика. Стимулы предъявлялись с помощью программы Q-Maker v.3.0, были подготовлены 6 вариантов предъявляющих программ. Испытуемым предлагалось оценить степень различия эмоций в баллах от 0 до 9 (0 – максимальное сходство, 9 – максимальное различие). Время экспозиции картинок – 1 сек, видео и звуков – 4 сек. Для каждой серии предъявление осуществлялось перебором возможных пар стимулов (от 22 до 34). Каждая пара стимулов предъявлялась не менее, чем 3 раза. Для нашего исследования принципиально важным оказался этап адекватного выбора стимуляции, потребовавшего проведения специальных подготовительных экспериментов. Опишем подробнее предъявляемые стимулы.

Схематичные рисунки представляли собой набор из 64 картинок, в которых варьировались 3 элемента – положение глаз, положение бровей, положение губ. Методом экспертной оценки при участии 20 студентов-психологов из всех возможных комбинаций были отобраны 20 картинок, соответствующих специально подготовленному списку аффективных состояний (например, восхищение, удивление, радость и т.д.). Затем были отобраны 4 эмоции и с помощью графического редактора Morphing созданы 18 дополнительных картинок, являющихся промежуточными при переходе от одной картинке к другой с шагом 10%. Видеоролики были сняты на цифровую видеокамеру в соответствии с отобранными картинками. Актриса, произносившая с некоторой эмоциональной окраской стандартное слово «да», осуществляла это таким образом, чтобы характер изображенных лиц максимально совпал с отобранными рисунками. Клипы были отсортированы и стандартизованы по размеру и длительности. Звуковые стимулы были заимствованы из видеороликов и предъявлялись отдельно. Ту же самую операцию мы выполнили с визуальным динамиче-

ским изображением без звука. Фотографии эмоций были взяты из пок кадрового анализа видео путем выбора наиболее характерного выражения лица для заданной эмоции.

Испытуемые: В нашей работе акцент делался на получении статистически достоверных данных внутри экспериментальных серий одного и того же испытуемого, поскольку это есть необходимое условие для доказательства существования аудиовизуальной и семантической интеграции как механизма восприятия эмоций. Глубокий феноменологический анализ оказывается единственной возможной стратегией исследования в свете поставленных задач. В настоящее время получены результаты прохождения методики тремя испытуемыми (наиболее полно на данном этапе исследования представлены результаты одного из них). В перспективе мы планируем анализировать особенности восприятия у значительно большего числа испытуемых.

Результаты исследования: В результате проведения первых четырех серий эксперимента на одном из испытуемых, мы уже смогли получить общее для всех обследованных классов стимулов четырехмерное сферическое субъективное пространство. Оси полученного пространства получили следующую интерпретацию: первые две оси связаны с оценкой ситуации по знаку – ось 1 (хорошо, полезно или плохо, вредно) и по степени информационной определенности – ось 2, а третья и четвертая оси связаны с побуждением: оборонительная реакция, активное (агрессия) или пассивное избегание (затаивание) – ось 3 и достижение – ось 4. Три угла четырехмерной гиперсферы, выбранные в проекции осей 1–2, 3–4 и угол, образуемый движением точки между двумя этими плоскостями, задают такие субъективно переживаемые качества эмоций, как описанные В.Вундтом эмоциональный тон (удовольствие – неудовольствие), возбуждение – успокоение – угнетение, напряжение – разрешение. При этом первый и второй углы упорядочивают все 10 основных эмоций по модальности: 5 эмоций, определяемых ситуацией и 5, определяемых собственной активностью. При выборе другой системы угловых параметров – если взять три угла в системе осей 4–1, 3–2 и угол, образуемый движением точки между этими плоскостями, то обнаруживается другая система классификации эмоций, описываемая при исследовании выражений лица (круговая система Х.Шлосберга и Ч.А.Измайлова и др.) и семантики (Ч.Осгуд): эмоциональный тон или знак (упорядочивает 6 основных эмоций по модальности), активность или яркость эмоций (возбуждение – покой) и эмоциональная насыщенность (сила проявления эмоций).

Выводы: По предварительным данным предложенная гипотеза подтвердилась. Мы смогли построить интегральную четырехмерную модель восприятия эмоций, что доказывает наличие модально-неспецифического механизма различения эмоциональных проявлений, в отличие от уже выявленных нашими предшественниками модально-специфических. Также был установлен факт однозначности различения эмоциональных выражений вне зависимости от их временной характеристики (динамичные и статичные стимулы были оценены сходным образом). Полученные нами данные являются не завершением исследования, а лишь толчком к новому, более глубокому анализу процессов, лежащих в основе восприятия эмоций.

Векторное кодирование в детекторных механизмах восприятия узловых элементов контурных изображений

Едренкин И. В.

студент

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Введение. Как известно, паттерн возбуждений на сетчатке является крайне зашумленным и в малой степени дифференцированным. Однако уже на этом уровне обработки зрительной информации такие физиологические механизмы, как латеральное торможение, способствуют особому выделению контурных элементов изображения за счет прилегающих участков. Сложно посчитать это случайностью: в самом деле, детектирование контура жизненно необходимо для восприятия формы предметов и теней, отбрасываемых ими. Но сводится ли к этому информация, потенциально заложенная в контурном рисунке?

Исследования Гузмана и Уолца, проведенные в MIT в рамках проекта «глаз – рука», убедительно показывают, что точки пересечения линий контуров – так называемые *узловые точки* – налагают ряд ограничений на пространственные свойства объектов, то есть являются своего рода признаками удаленности. Ограничения эти носят характер не вероятностный (по частоте встречаемости изображений объектов с подобной диспозицией узлов), а абсолютный, продиктованный законами проекции трехмерного пространства на плоскость сетчатки (или диссектора, если речь идет о компьютерном зрении). К примеру, пространственная ориентация куба задается его вершинами, а вершины как раз и представлены на сетчатке в виде узловых элементов. Используя знания о возможности совмещения тех или иных узлов, программа Гузмана может не только распознать объекты на достаточно сложной трехмерной сцене, но и с высокой степенью точности указать их пространственное положение относительно «наблюдателя». Программа Уолца работает еще эффективнее за счет добавления знания о тенях и ограничениях, накладываемых последними на пространственную структуру картины.

Наше исследование было посвящено изучению характерных механизмов зрительного восприятия узлов. Для этой цели мы взяли три класса узловых элементов: «вилки», «стрелки» и «Т-образные фигуры». Рядоположенные «вилка» и «стрелка» напоминают иллюзию Мюллера-Лайера (заметим, что современное объяснение этой иллюзии также производится через обращение к признакам удаленности!). «Т-фигуры» представляют собой отрезок, к центру которого подходит другой отрезок под некоторым углом до 90° . Все три типа узлов подразумевают вариативность линейных и угловых соотношений (т.е. пространственные ограничения узла не изменятся, если будет изменена длина одной из линий или угол между ними – разумеется, при условии сохранения *типа* узла).

Методика. *Стимульный материал.* Всего испытуемым предъявлялось 27 различных зрительных стимулов (по девять вилок, стрелок и Т-фигур). Между собой стимулы каждого типа различались по углу (который варьировался упорядоченно в зависимости от номера стимула с шагом приблизительно в 10°) и по ориентации направляющей (стимулы были в случайном порядке повернуты на угол произвольной величины). Последнее было сделано с целью элиминировать фактор утомляемости и усложнить задачу испытуемого.

Процедура исследования. Испытуемому предъявлялось $702=27 \times 26$ пар стимулов. Ему предлагалось сравнить их и вынести количественное суждение о мере сходства по девятибалльной шкале (от 1 – «совершенно одинаковые» до 9 – «ничего общего»). Испытуемых просили не обращать внимания на разницу в ориентации стимулов, величине и т.п. Таким образом, в каждой серии испытуемый два раза (с целью устранения пространственной ошибки) сравнивал между собой все пары стимулов. Пары стимулов предъявлялись в случайно-сбалансированном порядке, процедура исследования была автоматизирована. Предъявление каждой пары стимулов занимало 2000 мс; между предъявлением и ответом давалась пауза 500 мс. Таким образом, вся процедура занимала около 40 минут. Шкала 1–9 была представлена компьютерной клавиатурой; все испытуемые были ранее знакомы с компьютерной техникой.

Результаты и обработка. По вышеописанной методике были собраны двенадцать матриц субъективных расстояний между стимулами для пяти различных испытуемых (некоторые из них прошли по 2 или 3 серии). Дальнейший сбор данных оказался излишним: корреляции по Пирсону между этими матрицами составляли в среднем 0,95 и никогда не опускались ниже 0,8. Это показало значительную регулярность ответов испытуемых.

Для обработки результатов мы использовали *метод многомерного шкалирования* (ММШ, MDS). Был сделан выбор в пользу метрического варианта, так как наши данные были достаточно дифференцированы. Эмпирически были получены свидетельства об эвклидовости пространства стимулов (взято $p=2$ в метрическом уравнении Минковского – Эвклидова метрика). Шкалировалась усредненная матрица субъективных различий.

Используя данные о stress, мы остановились на трехмерном пространстве для представления стимулов. Это значит, что существуют три механизма, обеспечивающих субъективное различение стимулов как внутри каждой из предъявляемых групп, так и между ними.

Геометрическое представление стимулов показывает, что они лежат на поверхности сферы в трехмерном пространстве с вариативностью радиуса последней не более 6%. Сферичность пространства – очень важный признак, указывающий на механизм векторного кодирования. Вращение пространства относительно плоскостей позволило выдвинуть содержательную интерпретацию осей координат (Эвклидово пространство инвариантно относительно поворота осей координат, что следует из его метрического уравнения). Данные о зависимости характеристик стимулов от осей субъективного пространства сведены в таблицу:

Ось \ Стимул	x	y	z
«Вилка»	Рост угла (малый разброс)	Рост угла (разброс уменьшается при больших значениях)	Разброс незначителен
«Стрелка»	Уменьшение угла (значительный разброс для больших значений)	Рост угла (значительный разброс для больших значений)	Разброс незначителен
«Т-фигура»	Увеличение по мере удаления от 45°	Рост угла (линейная зависимость)	Разброс мал
Комментарии	Объединяет «вилки» и «Т-фигуры» в отрицательной полуоси; стрелки распределены в положительной полуоси	Ось, значимая для всех трех стимулов – «детектор угла».	Три «облачка» по возрастанию значений оси: «стрелки», «Т-фигуры», «вилки».

Сферичность пространства делает удобным использование полярных координат: так как все точки приблизительно равноудалены от центра, модуль можно считать константным. Из этого следует, что положение точки в каждой плоскости определяется ее углом относительно начала координат. Регрессионный анализ позволил установить значимую ($R^2 > 0,8$) линейную или логарифмическую (в зависимости от плоскости и типа стимулов) зависимость угла в полярных координатах от физического угла.

Контрольный опыт. Сравнение стимулов внутри каждой группы (3 матрицы для «вилки», 4 – для «стрелки» и 5 – для «Т-фигур») подтвердило регулярность ответов испытуемых и привело к выделению двумерных пространств «вилки» и «стрелки», а также трехмерного пространства «Т-фигур», которые являлись подпространствами вышеописанного. Закономерности, установленные в этих сериях, повторяли приведенные выше.

Основной вывод. Зрительная система человека использует механизм векторного кодирования при опознании и различении узловых элементов контурных изображений. В частности, это доказывается сферичностью полученного субъективного пространства, из чего следует наличие нормировки векторов возбуждений при восприятии контуров.

Изучение конструирования слухового гештальта методом вызванных потенциалов

Монахова И.Е.

студентка

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия

Общая задача исследования – изучение механизмов образования гештальта в слуховой модальности. Для этого за основу был взят феномен апперцепции из экспериментов В.Вундта с метрономом. Акустическим гештальтом или паттерном считались несколько звуков (щелчков), сгруппированных вместе. Так как из экспериментов Вундта было показано, что апперцепция, как свойство сознания, процесс произвольный, то для изучения его методом вызванных потенциалов, необходимо было сделать его соотношенным с моментом подачи метки на компьютер. В нашем эксперименте необходимо было сделать процесс апперцепции произвольным. Это достигалось инструкцией испытуемому, создавалась направленность сознания, задавались параметры механизма апперцепции, если говорить терминами Вундта.

Так же следует отметить, что с другой стороны эта задача может быть рассмотрена как задача создания сложного (акцентированного) ритма из простого.

Стимульный материал во всех сериях был одинаковым представлял собой равномерную последовательность щелчков, следующих через интервал 1.200 мс. В процессе исследования слухового гештальта сравнивались вызванные потенциалы на щелчок в разных сериях. В одной из серий инструкцией было воспринимать щелчки по два, два щелчка представляли собой единое целое. Направленность механизма апперцепции определялась также заданием испытуемому дать отчет в конце серии о том, закончилась ли серия на целую пару щелчков, либо же остался один непарный стимул.

В другой серии ставилась задача воспринимать щелчки тройками и аналогично предыдущей серии, в конце дать отчет закончилась ли серия на целую тройку, либо на незавершенную. Вызванные потенциалы считались на все первые щелчки серии, все вторые и все третьи (в соответствующей серии).

Стоит отметить, что по результатам беседы после эксперимента, испытуемые поделились на группы по применяемым стратегиям объединения щелчков. Основные стратегии можно выделить следующие:

- 1) субъективное изменение тона первого щелчка
- 2) зрительный образ с повторяющимися 2 или 3 фазами.
- 3) моторный образ с 2 или 3 повторяющимися фазами.

Различия в ВП смотрелись по отведениям С3 или С4 (по наибольшей амплитуде у конкретного испытуемого).

Намечены предварительные результаты. Было получено отсутствие значимых различий в ВП на первый щелчок обеих серий. Различия появились во вторых щелчках, в одной серии это был завершающий щелчок, тогда как в другой это был средний щелчок в едином целом. То есть различалось место щелчка в структуре паттерна.

Конечной целью стоит задача локализации различий в ВП, атак же анализ и сравнение данных серий с ВП на неритмичный щелчок того же тона. Результаты по локализации требуют доработки и соотнесения со стратегиями.

Возможно поиск различий в неспецифичных слуховой модальности отделах коры, не по центральным отведениям.

Интересным феноменом было наличие большей представленности альфа-ритма на протяжении серии, если испытуемый использовал зрительную стратегию, соотнесение щелчков с 2 или 3 фазными зрительными образами. Отметим при этом, что серии проводились с открытыми глазами и фиксацией испытуемыми точки в центре экрана.

Исследовательская компетентность как условие успешности личности в современной действительности

Скотникова Анна Михайловна

аспирантка

Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

E-mail: skyann@list.ru

Реалии современной действительности – социально-экономическая нестабильность, свобода выбора, множественность интерпретационных моделей и источников информации, постоянное повышение требований к человеку, увеличение темпа жизнедеятельности, с одной стороны и постнеклассический тип рациональности, синергетическое видение мира, с другой, задают вектор движения научной мысли, приоритет той или иной проблематики. Одной из них нам представляется проблема существования субъекта в условиях неопределенности.

В ситуациях неопределенности большую роль приобретает поисковая, познавательная, исследовательская активность человека. Анализ психолого-педагогической и психологической литературы свидетельствует о малой дифференцированности данных и синонимичных им понятий и, не смотря на различие теоретико-методологических позиций исследователей, позволяет выявить общие тенденции. Среди них мы отметили: рассмотрение поискового, познавательного, исследовательского поведения как реактивно-обусловленного характеристиками объекта взаимодействия или ситуации; изучение

данного вида активности преимущественно в качестве гносеологического, сугубо познавательного отношения к действительности; конструирование экспериментальных ситуаций, предполагающих взаимодействие испытуемых с объектами, не являющимися для них значимыми, связанными с их жизненным миром; изучение исследовательского, познавательного поведения детей дошкольного и школьного возрастов.

Нам представляется более перспективным и адекватным введение уровневой организации исследовательской активности. Последняя, на наш взгляд, может проявляться на индивидуальном, личностном и субъектном уровнях и иметь системный характер: каждый последующий уровень исследовательской активности включает в себя предыдущий и взаимообусловлен структурой и психологическими особенностями личности. Каждый уровень исследовательской активности предполагает качественно своеобразный способ установления жизненных связей с окружающей средой.

На индивидуальном уровне организации исследовательская активность проявляется в виде ориентировочной реакции и поискового поведения, обеспечивающих эффективную (быструю и адекватную) ориентировку в среде с целью сохранения и поддержания целостности организма и системы жизненных связей.

На личностном уровне организации исследовательская активность реализуется в форме исследовательских действий, исследовательской деятельности, обеспечивающих усвоение социальных норм, информации, формирование знаний и навыков. Однако исследовательская активность носит преимущественно ситуативный, локальный характер и не рассматривается личностью как способ достижения стратегических жизненных целей. Последнее свойственно человеку как субъекту жизнедеятельности.

Субъект как открытая, сложная, эволюционирующая система реализует себя на основе и внутри практических связей с миром, изменяя тем самым и себя, и действительность. Субъект характеризуется способностью к самоопределению, самодетерминации, иницированию и регуляции собственной активности, использованию психических и средовых ресурсов для своего развития, а также восприятием действительности в качестве предмета познания и действия (К.А. Абульханова-Славская, 1973, 1979; А.В. Брушлинский, 2002, 2003; Е.Н. Волкова 2005; О.А. Конопкин, 1995, 2004; А.К. Осницкий, 1995; С.Л. Рубинштейн, 2003 и др.). На субъектном уровне организации исследовательская активность выступает в качестве активного изучения психической, физической, социальной сред в соотношении со своими потребностями, целями и ценностями. Психологическим основанием исследовательской активности субъекта выступает исследовательская позиция, рассматриваемая нами как диспозиция, обуславливающая готовность видеть мир как незавершенный, незаконченный, изменчивый и выстраивать отношения, жизненные связи, заключающиеся в выходе за пределы наличного уровня знания, представлений, стратегий и способов поведения. Введение данного конструкта дает возможность рассмотрения психической реальности как изоморфной сложности, парадоксальности, динамичности бытия.

Проявления исследовательской активности различны, она является неотъемлемой характеристикой поведения человека, актуализирующейся зачастую спонтанно, стихийно. В раннем, дошкольном возрасте стремление экспериментировать, познавать, исследовать окружающую среду особенно заметно. Но что позволяет и юному и взрослому человеку продуктивно реализовывать исследовательскую активность?

Авторы (D. Berlyne, 1965, 1966; G.G. Fein, 1978; N. Tinbergen, 1963; Е.Е. Васюкова, 1988, 1995; Н.И. Ганошенко, В.С. Юркевич, 1983; Д.Б. Годовикова, 1974; А.В. Захарова, М. Мамажанов, 1983; Т.М. Землянухина, 1986; О.Л. Князева, 1986; А.И. Крупнов, 1993; С.И. Кудинов, 1998; М.И. Лисина, 1982; А.М. Матюшкин, 1982, 2003; А.Н. Поддяков, 2000; В.С. Ротенберг, В.В. Аршавский, 1984; В.С. Ротенберг, С.М. Бондаренко, 1989; А.И. Савенков, 2006; Н.Б. Шумакова, 1986) в разной манере описывают познавательные потребности, мотивы, роль положительного эмоционального отношения к экспериментированию, креативности, умений анализировать ситуацию, генерировать гипотезы, формулировать содержательные вопросы и др., значение личностных качеств и др. Единой непротиворечивой объяснительной модели исследовательской активности личности мы не находим. Описанная выше исследовательская позиция, на наш взгляд, обуславливает лишь готовность, стремление субъекта активно исследовать, изучать действитель-

ность. Нам представляется возможным говорить об исследовательской компетентности личности, предполагающей не только готовность, но и умение расширять спектр параметров восприятия, изучения той или иной ситуации, события и использовать разнообразные способы ее описания и анализа. Исследовательская компетентность как способность личности решать определенный круг вопросов и эффективно реализовывать себя в разнообразных (не только неопределенных и проблемных) ситуациях включает мотивационно-потребностный, ценностно-смысловой, операционально-динамический и эмоциональный компоненты. Индикаторами исследовательской компетентности, соответственно, выступают: стремление обнаружить неизвестное, готовность рассматривать мир как незавершенный, динамичный, парадоксальный; ориентация на потенциальное, избыточное отношение к действительности, терпимость к парадоксальному, необычному, стремление к саморазвитию; умения видеть, формулировать проблемы, задавать содержательные вопросы, выдвигать гипотезы, оценивать свои знания, использовать разнообразные способы анализа и описания одного и того же явления; положительное эмоциональное отношение к познанию, экспериментированию, поиску.

Исследовательская компетентность выступает в качестве условия самоопределения, успешности, психологического здоровья личности. Мы полагаем также, что уровень и проявление составляющих исследовательской компетентности на личностном и субъектном уровне организации различны.

Когнитивные стили и особенности структурирования жизненного опыта

Терентьева Светлана Александровна

студентка

Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, Казань, Россия

E-mail: svetat1984@mail.ru

Когнитивные стили традиционно изучаются как индивидуальные различия в способах структурирования простой перцептивной стимуляции. Однако существуют основания предполагать, что особенности организации опыта, наблюдающиеся при взаимодействии с простой перцептивной информацией, могут проявляться и на более высоких уровнях взаимодействия человека с миром, при структурировании более сложных, обобщенных форм опыта. Предположительно, эти особенности могут затрагивать уровень ценностно-смысловой регуляции и специфику организации жизненного пространства, причем в том их аспекте, который представлен, скорее, не содержательными, а функционально-динамическими характеристиками. На наш взгляд, таковыми могут выступать уровень осмысленности жизни и динамические особенности ценностной реализации, то есть отношения ценного, значимого и доступного, реализованного. Так как ценности являются идеальными образованиями высокого уровня обобщенности, то их соотнесение субъектом с реальной жизненной ситуацией связано с преодолением неопределенности, что обуславливает существование индивидуальных особенностей в способах оценки их доступности. Были обнаружены (Салихова, 2005) две динамические тенденции согласования и рассогласования параметров важности и доступности личностных ценностей: *реализуемость*, психометрическим индикатором которой является прямая корреляция важности и доступности ценности (то есть их взаимообусловленное изменение), и *барьерность*, индикатором которой является корреляция важности ценности с разностью «важность-доступность» (увеличение значимости ценности с ростом дистанции до нее). Кроме того, было показано, что индивидуальные индексы реализуемости и барьерности связаны с особенностями смысловой сферы, проявляют устойчивость на различных списках ценностей и могут рассматриваться как характеристики, отражающие преобладающий вектор смыслообразования и типичные стратегии регуляции личностью собственной жизни, организации жизненного пространства.

Все это послужило основанием для предположения, что уровень осмысленности жизни и индексы реализуемости и барьерности могут быть связаны с традиционно выделяемыми когнитивными стилями «полезависимость-полenezависимость» (ориентация при структурировании перцептивного поля на внешнюю стимуляцию либо собственный

внутренний опыт) и «широта-узость диапазона эквивалентности» (ориентация при категоризации на поиск сходств или различий).

Для эмпирической проверки гипотезы было проведено исследование. Для сбора данных использовались: стандартный тест СЖО, прямое ранжирование списка ценностей по критериям важности и доступности, модифицированная методика ранжирования ценностей при помощи попарного сравнения Е.Б. Фанталовой, тест включенных фигур для диагностики когнитивного стиля ПЗ/ПНЗ (анализировались время и точность), модифицированная методика диагностики стиля ШДЭ/УДЭ (выделение из десяти предложенных слов произвольного количества «существенных» признаков некоего понятия). Для обработки данных использовался корреляционный анализ по критерию Пирсона. Выборку из 39 человек составили аспиранты КГУ в возрасте 21–26 лет (22 мужчин и 17 женщин).

Выявлено, что полюс полезависимости связан с реализуемостью личностных ценностей, их взаимообусловленным изменением (обратная корреляция точности нахождения скрытых фигур и индекса реализуемости; $p < 0,05$). В то время как полюс полнезависимости связан с барьерностью смыслообразования и значительным суммарным рассогласованием оценок важности и доступности ценностей (прямые связи точности нахождения скрытых фигур с индексом барьерности и суммарной разницей параметров важности и доступности; $p < 0,01$). То есть, для полезависимых людей (использующих глобальный подход к полю) более характерна тенденция сближения параметров важности и доступности ценностей (посредством реализации ценностей и повышения доступности, либо понижения значимости недоступного по принципу защитного механизма), т.е. ориентация на уже реализованное, доступное, имеющееся в «поле». Люди с полнезависимым стилем (демонстрирующие артикулированный подход к полю) ориентируются, скорее, на нереализованные, недоступные пока ценности и понижают значимость освоенных сфер. Кроме того, было показано, что для полезависимых лиц характерна более высокая удовлетворенность жизнью: критерий точности выделения скрытых фигур отрицательно связан с показателями эмоциональной насыщенности жизни в настоящем ($p < 0,05$) и общей осмысленности жизни (на уровне тенденции). Эти результаты подкрепляются и неоднократно выявленными ранее прямыми связями реализуемости и обратными – барьерности со шкалами СЖО.

Узкий диапазон эквивалентности оказался связан с тенденцией реализуемости ценностей (обратная связь количества выделяемых признаков с индексом реализуемости; $p < 0,05$), а широкий диапазон эквивалентности – с тенденцией барьерности и высоким общим рассогласованием ценностной значимости и доступности (связи прямые; $p < 0,05$). Это позволяет говорить, что людям, для которых характерен узкий диапазон эквивалентности, т.е. ориентирующимся на поиск различий, свойственно ограничивать свое жизненное пространство, включать в него только освоенные сферы и отторгать недоступные ценности. Людям с широким диапазоном эквивалентности, напротив, свойственно оценивать нереализованные ценности как высоко значимые и стремиться за пределы освоенного, расширяя (или размывая) таким образом границы своего жизненного пространства.

Итак, гипотеза была подтверждена полностью. Когнитивные стили «полезависимость-полнезависимость» и «широта-узость диапазона эквивалентности» связаны с уровнем осмысленности жизни и стратегиями реализуемости и барьерности личностных ценностей. Высокий уровень осмысленности жизни, удовлетворенности ею связан с полезависимостью. Высокая ценностная реализуемость, как тенденция к согласованию ценного и доступного, связана с «привязанностью» к полю, ориентацией на уже освоенное, узким диапазоном эквивалентности, направленностью на поиск различий, отказом от расширения наличного опыта и своего жизненного пространства. Барьерность, как тенденция к ценностному рассогласованию, направленность на еще не освоенные сферы жизни, напротив, связана с независимостью от поля, большей его артикулированностью, ориентацией на поиск сходств, расширение жизненного пространства.

Таким образом, полученные данные свидетельствуют, что особенности организации простого перцептивного опыта действительно проявляются и в более сложных формах взаимодействия человека с миром, при структурировании более обобщенных форм опыта – на уровне ценностно-смысловой регуляции и организации жизненного пространства.

**Автоматические процессы пространственной ориентировки:
анализ слуховой асимметрии**

Уточкин Игорь Сергеевич

аспирант

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: isutochkin@inbox.ru

Одним из ведущих направлений когнитивных исследований внимания конца 20 – начала 21 века стало изучение его пространственных характеристик, что диктуется особенностями одной из доминирующих метафор внимания – метафорой *прожектора* [5]. Процессы перемещения «луча прожектора» (внимания) в пространстве принято называть *ориентировкой* [10]. Одной из основных методик для исследования пространственной ориентировки является *методика подсказки*, предложенная М. Познером и его коллегами [11]. В ней испытуемому предлагается давать скоростные ответы на простые зрительные или слуховые стимулы (цели), предваряемые информацией (*подсказкой*) о будущей локализации цели, которая может быть как *верной*, так и *неверной*. Сравнивая времена реакции (ВР) на цели в пробах с верными и неверными подсказками, исследователи делают вывод о наличии или отсутствии ориентировочного эффекта, который может быть как положительным, так и отрицательным.

Одним из важнейших вопросов в исследованиях ориентировки является соотношение т.н. *экзогенного* (восходящего и автоматического) и *эндогенного* (нисходящего и контролируемого) компонентов внимания в этих процессах. Методически эти два компонента четко разделены, и, как показывают результаты исследований, они имеют весьма различные динамические характеристики [4]. Большинство исследователей при этом склонны считать, что эти компоненты не пересекаются, хотя ряд авторов признает существование *эндогенной модуляции экзогенного внимания* [9, 12], но эта точка зрения недостаточно представлена в науке.

Основная гипотеза нашего исследования состояла в том, что система автоматической экзогенной ориентировки испытывает на себе влияние сложного эндогенного компонента, который также проявляется автоматически.

В качестве исследовательской модели мы выбрали слуховую межполушарную асимметрию, поскольку известно, что она, с одной стороны, чувствительна к процессам ориентировки [8], а с другой – к процессам распределения внимания, понимаемому как энергетические ресурсы [3, 6]. Испытуемые (N=90) решали задачу обнаружения порогового звукового сигнала (парадигма «да-нет»), предъявляемого унилатерально. За 1000 мс до основного стимула в один из каналов подавался щелчок-подсказка (верная или неверная – фактор «Тип подсказки»). Количество верных и неверных подсказок в опыте варьировалось между испытуемыми (80%, 50% или 20% верных подсказок – фактор «Информативность»), о чем испытуемым заранее сообщалось в инструкции. Кроме того, опросниковым методом [2] измерялась энергетическая активация (ЭА) испытуемых (высокая или низкая – фактор ЭА, связываемый с объемом доступных ресурсов внимания [2, 7]). В качестве зависимых переменных использовались индексы абсолютной выраженности межполушарной асимметрии – *латеральные эффекты (ЛЭ)* по показателям ВР, дисперсии ВР (СКО ВР), сенсорной чувствительности A' и строгости критерия принятия решения YesRate. По окончании опыта испытуемые давали самоотчет по стандартной форме.

Основной результат эксперимента заключался в комплексе значимых эффектов взаимодействия факторов «Тип подсказки» и «Информативность». Для показателей ЛЭ ВР, ЛЭ СКО ВР и ЛЭ A' (что указывает на изменения в *сенсорном компоненте* асимметрии) обнаружилась сходная тенденция: при 80% верных подсказок значения ЛЭ были выше для проб с неверными подсказками, при 20% – наоборот, а при 50% различий не было. Примечательно, что этот эффект обеспечен, прежде всего испытуемыми с низкой ЭА, в то время как у испытуемых с высокой ЭА он сохраняется только для ЛЭ A' . Наконец, анализ самоотчетов показал, что 100% испытуемых *не* использовали подсказку *сознательно*, несмотря на то, что в инструкции их внимание было специально обращено на функцию щелчка и его информативность.

Результаты исследования показывают, что при решении задачи имела место *неосознаваемая* и *полностью автоматизированная* пространственная ориентировка, которая, однако, имеет сложную *эндогенную детерминацию*, связанную с имплицитным запоминанием вероятностной структуры ситуации и прогнозированием будущих событий. Данная автоматическая система работает на *фоновом уровне* независимо от тех действий, которые выполняются на *ведущем, сознательном уровне* [1]. Целесообразность такой ориентировки становится понятной при анализе связи асимметрии и активации: наиболее стойкий ориентировочный эффект проявился у лиц с низкой ЭА, т.е. дефицитом энергетических ресурсов, которые можно было бы распределить между каналами. В этой ситуации автоматизированные операции ориентировки, сами по себе не претендующие на ресурсы, позволяют оптимально распределять эти ресурсы на ведущем уровне, тем самым реализуя *поддерживающую функцию*.

Выводы: 1. В задаче обнаружения порогового слухового сигнала проявляется работа системы автоматической пространственной ориентировки; 2. Эта ориентировка регулируется эндогенными факторами; 3. Функция такой ориентировки – оптимизация стратегии распределения умственного усилия, направленного на задачу.